МАЙК
РЕЗНИК

КИРИНЬЯГА
КИЛИМАНДЖАРО

FANZON

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Омнибус, включающий в себя сборник культовых произведений, объединенных условным циклом «Кириньяга».

Племя кикуйю из Восточной Африки попыталось создать утопию на терраформированном планете Кириньяга, названном так в честь горы, где живет их бог. Они стараются восстановить традиционный образ жизни своих предков в мире далекого будущего. Но людское стремление к знаниям подводит план к катастрофе.

Две премии «Хьюго», премия «Локус», японская премия «Сэйун» и китайская премия «Галактика»

Двадцать второй век. Африка переживает экологическую катастрофу. Склоны священной кенийской горы Кириньяга урбанизированы, а земля отравлена. Огромные стада зебр, носороги, слоны и львы – вся фауна и флора саванны осталась лишь на видеозаписях. Но Кориба, современный и образованный человек из племени кикуйю, знает, что много веков назад жизнь его народа была иной, и он намерен восстановить утопию – основать колонию не на Земле, а на терраформированной планете, которую он с гордостью нарекает Кириньяга.

В качестве мундумугу – знахаря – Кориба возглавляет колонистов. Вернув древние обычаи и строгие законы народа кикуйю, он единолично решает их судьбу. Ему приходится столкнуться со многими проблемами, мешающими выживанию колонии: от гениальной девушки, чей блистательный интеллект может поставить под угрозу их традиционные устои, до вмешательства техподдержки, которая в силах аннулировать устав колонии. В то же время Кориба, без ведома своего народа, поддерживает компьютерную связь с остальным человечеством.

По иронии судьбы, эксперимент Кириньяги грозит рухнуть – не из-за насилия или жадности, а из-за неутолимой тяги человечества к знаниям. Народ кикуйю не может остановиться во времени так же, как его планета не может перестать вращаться вокруг своего солнца.

Племя кикуйю из Восточной Африки попыталось создать утопию на терраформированной планете Кириньяга. Все пошло не так. Теперь, спустя столетие, племя масаи изучило историю Кириньяги, проанализировало все ошибки и готово создать утопию масаи на планете Килиманджаро, названной в честь горы, на которой обитает их собственный бог.

Прославленный за величественное воображение и великолепные миры, лауреат и номинант более чем ста

пятидесяти литературных премий за свои выдающиеся работы, Майк Резник по праву занял место одного из лучших рассказчиков жанра.

Произведения снабжены комментариями автора и ведущих писателей-фантастов.

«Все рассказы превосходны, и автор проделал прекрасную работу по интеграции традиционного образа жизни кикуйю в истории, которые оценят представители любой культуры». – *Amazon*

«Читатели оценят эту провокационную историю, в которой рассматривается необходимость порядка в обществе, права личности и манящая жажда знаний». – *School Library Journal*

«Автор пишет с красноречием и состраданием, предлагая глубокий разбор конфликта между стремлением человечества к стабильному совершенству и его потребностью в динамичных изменениях». – *Library Journal*

«Читатель будет вынужден задаваться вопросом: что это – трагически разрушенная настоящая утопия или несбыточная мечта безумного старика, отвергающего даже возможность перемен? Книга заставляет думать, а литературная пряжа из слов автора – превосходна». – *Kirkus Reviews*

«Амбициозный, прекрасно написанный, полный идей». – T*he New York Times Book Review*

«Резник заставляет думать, обладает богатым воображением, и, самое главное, галактически великолепен». – *Los Angeles Times*

«Один из самых уважаемых (и противоречивых) авторов современных научно-фантастических рассказов. Опыт, полученный писателем в Африке, лег в основу этой эпической истории о вожде народа кикуйю, который ведет своих последователей прочь из загрязненной, перенаселенной Кении на планету Кириньяга, во многом напоминающую Африку его предков. Там он пытается воссоздать культуру прошлого. Однако все осложняется из-за конфликта между окружающей средой и технологиями, а также ролью религии в делах человечества. Эта книга может заставить вас злиться, печалиться, гордиться, и все эти эмоции не дадут вам заскучать. Если бы нужно было выбрать только одну книгу Резника, которой суждено остаться в истории, – это была бы именно она». – *Science Fiction Chronicle*

«Никто не сплетает истории лучше, чем Майк Резник. И, что самое восхитительное, когда история закончится, вы обнаружите, что он оставил в вашей памяти нечто, к чему вы сможете обращаться снова и снова: понимание того, как благородство возникает из жизненных трудностей». – *Орсон Скотт Кард*

«Воссоздать “старые добрые времена”, когда жизнь была

простой, а люди вели себя набожно, когда господствовали старые порядки и мир был лучше, – это очень по-человечески. В этом романе исследуются некоторые проблемы такого отступления в идеализированное прошлое. Нам как никогда нужны такие истории, которые служат простыми напоминаниями о том, какие сложные мы существа». – *Октавия Батлер*

«Один из самых значительных романов в истории научной фантастики». – *Роберт Сойер*

«История, которая соединяют культуры и заставляют взглянуть на мир другими глазами». – *Раймонд Фэйст*

«Самое лучшее здесь – трогательный и образный портрет возрожденной Африки». – *Грег Бир*

- Майк Даймонд Резник
  - ○
  - ○ Кириньяга
    - ■
    - ■ Пролог
    - ■ Кириньяга
    - ■ Ибо я коснулась неба
    - ■ Бвана
    - ■ Манамуки
    - ■ Сказание о высохшей реке
    - ■ Лотос и копье
    - ■ Немного знаний
    - ■ Когда умирают старые боги
    - ■ Эпилог
  - ○ Килиманджаро
    - ■
    - ■ Пролог
    - ■ 1. Рассвет на Килиманджаро
    - ■ 2. Утро на Килиманджаро
    - ■ 3. Середина утра на Килиманджаро
    - ■ 4. Полдень на Килиманджаро
    - ■ 5. Послеполуденный час на Килиманджаро
    - ■ 6. Сумерки на Килиманджаро
    - ■ 7. Ночь на Килиманджаро
    - ■ 8. Новый рассвет на Килиманджаро
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5

- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25

Майк Даймонд Резник
Кириньяга
Килиманджаро

Mike Resnik
Kirinyaga
Kilimanjaro. A Fable of Utopia

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Kirinyaga
Copyright © 1998 by Mike Resnick
Kilimanjaro. A Fable of Utopia
Copyright © 2008 by Kirinyaga, Inc.
Design for Artefakty book series (MAG) © Dark Crayon
Fanzon Publishers An imprint of Eksmo Publishing House
© Е. Клеветников, перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2024

Кириньяга

Это мое лучшее творение посвящается Кэрол, моему лучшему другу

Пролог
Одно прекрасное утро с шакалами

МАЙК РЕЗНИК – разносторонний мастер: блестящий редактор, учитель, наставник, неизменно щедрый на свои знания и экспертизу, – но я впервые открыла его как писателя. И именно как писателя его запомнят.

Майк пишет от полноты души. Его герои пронизаны сложностью и силой реальной жизни; и в этом рассказе крепкое, спокойное терпение отца по отношению к своему неслышащему сыну – эмоциональный момент, который менее опытный писатель пропустил бы.

Резник прозорлив; в 1991 году, когда «Шакалы» впервые увидели свет, ученые, не говоря уже о писателях-фантастах, редко упоминали об опасностях выращивания импортной кукурузы и пшеницы в стране, которая неплохо обеспечена собственными засухоустойчивыми культурами.

Резник никогда не оставляет вас в подвешенном состоянии; у его историй всегда есть реальное начало и конец, чего, к сожалению, не хватает в последнее время. Примирение между отцом и сыном, одновременно состоявшееся и в то же время незавершенное, оставляет пласт скрытого подтекста, который начинающие писатели вроде меня переписали бы и испортили.

В моем любимом цикле Резника «Кириньяга» он не только заменяет одну культуру другой – но полностью отказывается от нее в пользу

реальности, в которой перенос африканского племени на терраформированную планету становится не просто правдоподобным, но и логичным. Белому мужчине-еврею из Цинциннати, говорящему за чернокожего мундумугу из племени кикуйю, просто не поверили бы, будь он менее опытным писателем. В умелых руках Майка это тоже становится не просто правдоподобным, но и логичным.

В мире, где политкорректность часто ошибочно принимают за терпимость, а наивность – за невинность, Резник возвращает нас к сути Искусства – его уникальной способности просвещать, информировать и просветлять нас, рассказывая о других культурах, других жизнях и других сердцах.

Дженис Йен

ЭТО НЕ ПЕРВАЯ история о Кириньяге по порядку написания, но первая по хронологии. После того как рассказы о попытках Корибы создать Утопию кикуйю в терраформированном мире Кириньяги получили пару «Хьюго», мой редактор Гарднер Дозуа попросил меня написать рассказ о последнем дне Корибы на Земле. Я так и сделал, и в 1992 году он был номинирован на премию «Хьюго» за лучший рассказ.

Майк Резник

One Perfect Morning, with Jackals. *Первое издание в журнале Isaac Asimov's Science Fiction Magazine в марте 1991 года.*

19 апреля 2123 года

Нгаи – творец всех вещей. Он создал льва и слона, просторные саванны и горы, подобные башням, сотворил кикуйю, масаи и вакамба.

Таким образом, вполне естественно, что отец моего отца и отец отца моего отца верили во всемогущество Нгаи. Затем явились европейцы, перебили всех животных, застроили саванны фабриками, а горы – городами, ассимилировали масаи и вакамба, и настал день, когда от всех созданий Нгаи остались одни кикуйю[1].

Именно среди кикуйю вышел Нгаи на последнюю Свою битву с богом европейцев.

* * *

Мой бывший сын склонил голову, вступая в мою хижину.

– *Джамбо,* отец мой, – сказал он. По всему было видно, что он, как обычно, чувствует себя неуютно в тесных стенах круглой постройки.

– *Джамбо*, Эдвард, – ответил я.

Он остановился передо мной, не зная, куда деть руки. Наконец сунул в карманы элегантного шелкового костюма.

– Я пришел проводить тебя в космопорт, – наконец сказал он.

Я кивнул и медленно поднялся.

– Пора.

– А где твой багаж? – спросил он.

– На мне, – сказал я и обвел жестом свое тускло-красное *кикои*.

– Ты больше ничего с собой не берешь? – удивился он.

– Больше ничего не понадобится, – сказал я.

Он помолчал, неловко переминаясь с ноги на ногу, как всегда, в моем присутствии.

– Выйдем наружу? – предложил он наконец, подходя к двери хижины. – Тут очень жарко, а мошкара просто донимает.

– Тебе следует научиться игнорировать ее.

– Мне нет необходимости ее игнорировать, – сказал он, словно защищаясь. – Там, где живу я, мошкары нет.

– Знаю. Там ее уничтожили.

– Ты так говоришь, словно мошкара была благословением, а не проклятием.

Я пожал плечами и вышел наружу, где пара моих кур старательно ковырялась в сухой красной земле.

– Превосходное утро, не так ли? – сказал он. – Я опасался, что

сегодня будет так же жарко, как и вчера.

Я оглядел просторы саванны, преображенные в пахотные земли. На утреннем солнце поблескивали кукуруза и пшеница.

– Отличное утро, – согласился я. Потом развернулся и увидел величественную машину, припаркованную ярдах в тридцати: белую, изящную, хромированную.

– Это новая? – указал я на машину.

Он гордо кивнул.

– Я ее купил на прошлой неделе.

– Немецкая?

– Британская.

– А, ну да, – сказал я.

Самодовольство слетело с него, он снова стал неловко переминаться.

– Ты готов?

– Я давно уже был готов, – ответил я, открыл дверь и взобрался на пассажирское сиденье.

– Никогда еще не видел, чтобы ты так поступал, – заметил он, садясь в машину и включая зажигание.

– Как?

– Пристегивался.

– У меня еще не было настолько много причин избегать гибели в автокатастрофе, – ответил я.

Он принужденно улыбнулся и снова заговорил:

– У меня для тебя сюрприз.

Машина двинулась с места, и я в последний раз оглянулся на свое *бома*[2].

– Правда?

Он кивнул.

– Мы его по дороге в космопорт увидим.

– А что это за сюрприз? – спросил я.

– Если рассказать, то сюрприза уже не получится.

Я пожал плечами и не ответил.

– Мы поедем окольными дорогами, чтобы я мог показать тебе то, что хочу, – добавил он. – Кстати, ты в последний раз сможешь посмотреть на свою страну.

– Это не моя страна.

– Вот только не начинай снова…

– Моя страна полнится жизнью, – сказал я твердо. – Эта же страна закована в сталь и бетон или покрыта рядами европейских растений.

– Отец мой, – устало проговорил он, пока мы проезжали обширное поле пшеницы, – последние слон и лев убиты еще до твоего рождения. Ты никогда не мог видеть Кению полной диких

зверей.

– Мог, – заверил я его.

– Как же?

Я постучал себя по голове.

– Вот тут.

– Это бессмысленно, – сказал он, и я почувствовал, как ему трудно сдерживаться.

– Что именно?

– То, как ты прощаешься с Кенией и летишь на какой-то терраформированный планетоид только потому, что хочешь воссоздать образ пасущихся животных.

– Я не прощался с Кенией, Эдвард, – терпеливо пояснил я. – Это Кения отвернулась от нас.

– Но это же неправда, – сказал он. – Президент и большинство министров из кикуйю. И ты это знаешь.

– Они называют себя кикуйю, – ответил я. – Это не делает их кикуйю.

– Они кикуйю! – заорал он.

– Кикуйю не живут в городах, построенных европейцами, – ответил я. – Они не одеваются в европейскую одежду. Они не почитают бога европейцев. И не ездят на европейских машинах, – добавил я целеустремленно. – Твой драгоценный президент всего лишь *кехи* – мальчишка, не прошедший ритуал обрезания.

– Если даже он и мальчишка, то ему пятьдесят семь.

– Его возраст не имеет значения.

– Но его достижения имеют. Он вдохновитель проекта Турканского акведука, обеспечившего влагой весь Северный Приграничный округ.

– Он кехи, который отдает воду туркана, рендилле и самбуру[3], – согласился я. – И что из этого приличествует кикуйю?

– Почему ты корчишь из себя упрямого старого дикаря? – раздраженно спросил он. – Ты учился в Европе и Америке. Ты знаешь, чего добился наш президент.

– Я так говорю именно потому, что обучался в Европе и Америке. Я видел, как Найроби превратился во второй Лондон, с пробками и грязью, а Момбаса стала подобием Майами со всеми опасностями и болезнями этого города. Я видел, как наши люди забывают о том, что значит быть кикуйю, и гордо величают себя кенийцами, словно Кения представляет собой нечто большее, нежели произвольные линии на европейской карте.

– Линии эти нанесены уже почти триста лет назад, – заметил он.

Я вздохнул.

– Сколько ты меня знаешь, Эдвард, а так и не научился меня понимать.

– Понимание – улица с двусторонним движением, – сказал он с неожиданно прорвавшейся горечью. – Когда же ты наконец попробуешь меня понять?

– Я вырастил тебя.

– Но ты и по сей день меня не знаешь, – сказал он, продолжая нестись на опасной скорости по ухабистой дороге. – Мы вообще хоть раз говорили как отец с сыном? Ты вообще со мной обсуждал хоть что-нибудь, кроме темы кикуйю? – Он помолчал. – Я единственный кикуйю, игравший в сборной страны по баскетболу, но ты ни разу не пришел на мой матч.

– Это европейская игра.

– Справедливости ради, американская.

Я пожал плечами.

– Это не имеет значения.

– А теперь это и африканская игра тоже. Я играл в единственной команде в истории Кении, обыгравшей американцев. Я надеялся, что ты будешь мной гордиться, а ты никогда не вспоминал об этом.

– Я слышал много историй про Эдварда Киманте, который играл в баскетбол против европейцев и американцев, – произнес я. – Но я знал, что это не может быть мой сын, поскольку я нарек своего сына именем Кориба.

– А моя мать дала мне второе имя Эдвард, – сказал он. – И поскольку она со мной разговаривала, поскольку с ней я мог поделиться своими тяготами, а с тобой – нет, я и выбрал имя, данное ею.

– Твое право.

– Мне начхать на свои права! – Он осекся. – Так не должно быть!

– Я остаюсь верен своим убеждениям, – сказал я. – Это ты пытался стать кенийцем вместо кикуйю.

– Я кениец, – сказал он. – Я здесь живу и работаю, я люблю свою страну. Всю страну, а не только маленький участок.

Я тяжело вздохнул.

– Ты настоящий сын своей матери.

– Ты про нее не спрашиваешь, – заметил он.

– Если бы с ней было что-то не в порядке, вы бы мне сообщили.

– Это все, что ты можешь сказать о женщине, с которой прожил семнадцать лет? – возмутился он.

– Это она отправилась жить в город европейцев, а не наоборот, – сказал я.

Он рассмеялся без тени радости.

– Накуру – не город европейцев. Там живут два миллиона кенийцев и менее двадцати тысяч белых.

– Любой город по определению принадлежит европейцам. Кикуйю не живут в городах.

– Ты вокруг посмотри, – раздраженно сказал он. – Больше девяноста пяти процентов кикуйю сейчас живут в городах.

– Значит, они больше не кикуйю, – ответил я невозмутимо.

Он так крепко стиснул руль, что у него посерели костяшки пальцев.

– Я не хочу с тобой ссориться, – произнес он, пытаясь сдерживать эмоции. – Мне кажется, что мы только этим всю жизнь и занимаемся. Ты мой отец, и вопреки всему, что было между нами, я тебя люблю; я надеялся, что хотя бы сегодня мы сможем помириться, поскольку больше не увидим друг друга.

– Я не возражал бы против этого, – сказал я. – Я не люблю споров.

– Для человека, который не любит споров, ты двенадцать лет осаждал правительство требованиями спонсировать твой новый мир.

– Я не люблю споры, – повторил я, – а вот их результаты – люблю.

– Они уже решили, как его назвать?

– Кириньяга.

– Кириньяга? – удивленно переспросил он.

Я кивнул.

– Разве не восседает Нгаи на Своем золотом троне на вершине Кириньяги?

– На горе Кения нет ничего, кроме города.

– Вот видишь? – усмехнулся я. – Европейцы исказили даже имя священной горы. Пора нам даровать Нгаи новую Кириньягу, с которой будет Он править Вселенной.

– Наверное, это правильно, – сказал он. – В современной Кении для Нгаи осталось слишком мало места.

Неожиданно он начал сбрасывать скорость, а потом мы свернули с дороги и поехали через поле, на котором недавно собрали урожай. Мы двигались очень осторожно, чтобы не повредить его новой машине.

– Куда мы едем? – спросил я.

– Я же тебе сказал: у меня для тебя сюрприз.

– Какой может быть сюрприз в чистом поле? – спросил я.

– Увидишь.

Внезапно он остановился в двадцати ярдах от колючих кустарников и выключил двигатель.

– Смотри внимательно, – прошептал он.

Я мгновение глядел на кусты, не различая ничего. Потом что-то быстро шевельнулось, и картинка в моей голове внезапно прояснилась: я увидел настороженно глядящую на нас сквозь листву пару шакалов.

– Тут не было никаких животных уже больше двадцати лет, – прошептал я.

– Кажется, они сюда после последних дождей забрели, – тихо ответил он. – Думаю, питаются грызунами и птицами.

– Как ты их нашел?

– Я не искал, – ответил он. – Мой друг из управления по охране дикой природы сказал, что они здесь. – Он помолчал. – На следующей неделе их, наверное, поймают и перевезут в заповедник, пока они тут ничего не натворили.

Шакалы здесь смотрелись абсолютно неестественно: они охотились в колеях, оставленных огромными молотилками и зерноуборочными комбайнами, искали убежища в саванне, которой не существовало уже больше века, прятались от машин, а не от других хищников. Я ощутил неожиданное родство душ с ними.

В полной тишине мы минут пять наблюдали за ними. Затем Эдвард посмотрел на часы и решил, что пора продолжить поездку в космопорт.

– Тебе понравилось? – спросил он, когда мы выехали обратно на дорогу.

– Очень, – сказал я.

– Я надеялся на это.

– Ты сказал, их перевезут в заповедник?

Он кивнул.

– Думаю, в тот, что в нескольких сотнях миль к северу отсюда.

– Шакалы бродили по этим землям еще задолго до прибытия фермеров, – заметил я.

– Они – пережиток старины, – ответил он. – Им тут больше не место.

Я кивнул.

– Наверное, это правильно.

– Перевезти шакалов в заповедник? – спросил он.

– Что кикуйю, которые населяли эту землю до кенийцев, отбывают на новую планету, – сказал я. – Мы тоже пережиток старины, нам тут тоже больше не место.

Он прибавил скорость, и через некоторое время мы выехали из сельскохозяйственной зоны в окраины Найроби.

– Чем ты займешься на Кириньяге? – спросил он, нарушив

долгое молчание.

– Мы станем жить там, как подобает жить кикуйю.

– Я имел в виду тебя лично.

Я усмехнулся, предвкушая его реакцию.

– Я собираюсь стать *мундумугу*.

– Шаманом? – повторил он недоверчиво.

– Именно.

– Не могу поверить! – произнес он. – Ты образованный человек. Зачем тебе сидеть скрестив ноги в грязи, бросать кости и толковать знамения?

– Мундумугу также и учитель, и хранитель племенных обычаев, – сказал я. – Это почетная профессия.

Он изумленно качал головой.

– Значит, я должен буду объяснять людям, что мой отец стал шаманом?

– Тебе нечего смущаться, – сказал я. – Просто говори, что мундумугу Кириньяги зовут Кориба.

– Это мое имя!

– Новому миру – новое имя, – сказал я. – Ты отбросил его ради европейского. Теперь я его подберу и оберну во благо.

– Ты серьезно про все это? – проговорил он, когда мы въезжали в космопорт.

– Отныне меня зовут Кориба.

Машина остановилась.

– Надеюсь, отец мой, что ты прославишь это имя больше, чем я, – сказал он в заключительной попытке примирения.

– Ты прославил имя, какое выбрал для себя, – ответил я. – Этого вполне достаточно для одной жизни.

– Ты говоришь то, что действительно думаешь? – спросил он.

– Конечно.

– Тогда почему ты никогда не говорил этого раньше?

– Разве? – удивился я.

Мы вылезли из машины, и он проводил меня в терминал вылета. Там он остановился.

– Дальше мне нельзя.

– Спасибо, что подвез, – сказал я.

Он кивнул.

– И за шакалов, – добавил я. – Отличное получилось утро, правда.

– Я буду скучать по тебе, отец мой, – сказал он.

– Знаю.

Он словно бы ждал продолжения фразы, но я не придумал больше ничего. Мгновение мне казалось, что он обнимет меня и прижмет к груди, но вместо этого он потянулся ко мне, пожал

руку, пробормотал очередное прощание, развернулся на пятках и ушел. Я думал, что он сразу сядет в машину, но, выглянув в иллюминатор корабля, который должен был доставить нас на Кириньягу, я заметил, как он стоит у огромного панорамного окна и машет рукой, а в другой руке комкает носовой платок.

Потом корабль взлетел, и я больше ничего не увидел. Но перед мысленным взором стояла та пара шакалов, глядящая на чужаков на земле, которая сама стала им чуждой. Я надеялся, что они приспособятся к новой жизни в заповеднике, на искусственно созданной для них территории. Что-то подсказывало: вскоре я узнаю ответ.

Кириньяга

ОДНУ ИЗ НАИБОЛЕЕ интересных тенденций в современной научной фантастике представляет собой история, действие которой разворачивается не в знакомом окружении будущих Соединенных Штатов или даже будущей Англии, которые по умолчанию являются местом действия для подавляющего большинства произведений научной фантастики на протяжении большей части истории жанра, но в достоверно описанных странах третьего мира, далеко за пределами мира Западного – или, если быть более точным, в часто удивительном возможном будущем этих стран. В последние годы мы видели цикл Йена Макдональда «Индия», такие как номинированная на премию «Хьюго» повесть «Маленькая богиня», которая создает яркую картину Индии будущего, где высокие технологии и древние традиции встречаются и с трудом уживаются друг с другом. Паоло Бачигалупи, Морин Макхью, Грег Иган, Люциус Шепард, Джей Лейк, Вандана Сингх, Крис Робинсон, Нало Хопкинсон, Леви Тидхар и другие недавно выбирали для своих рассказов такие разнообразные места, как Таиланд, Китай, Индия, Лаос, Вьетнам и Карибы. Леви Тидхар даже предлагал космические общества, основанные на культуре и традициях крошечных островных государств Южного моря, например Вануату. Действие последнего романа Макдональда происходит в Турции будущего, и у него есть и серия рассказов, действие которых

разворачивается в Бразилии будущего.

Но раньше их всех Майк Резник открыл новые горизонты с серией «Кириньяга», действие которой разворачивается в космической колонии, переделанной по образу и подобию древней Кении в качестве Утопического эксперимента. В отличие от некоторых из упомянутых выше авторов, в рассказах Резника о «будущем третьего мира» фигурируют не эмигранты из Европы и Америки, а сами кенийцы – почти все персонажи в рассказах сборника африканцы, что и по сей день редко встречается в научной фантастике, где по большей части по умолчанию в качестве персонажей по-прежнему используются белые. Резник дает своим персонажам мотивацию на основе кенийских ценностей, а их ценности и цели (и методы достижения этих целей) иногда сильно отличаются от европейских ценностей, что иногда вызывало резкую критику со стороны тех, кто путает ценности персонажа с ценностями автора.

Рассказы о Кириньяге были собраны в сборнике «Кириньяга» и входили в число самых обсуждаемых и высоко оцененных критиками 1990-х годов. Первый из них, собственно «Кириньяга», принес Резнику премию «Хьюго» в 1989 году и до сих пор остается лучшим произведением из цикла и одной из лучших историй того десятилетия. Это напоминает нам о том, что, пусть мы любим самодовольно хвалить себя за яркость и рациональность нашего аккуратного, блестящего

современного мира, старые способы все еще существуют – и, возможно, всегда будут существовать.

Гарднер Дозуа

В ДАЛЕКОМ 1986 году Орсон Скотт Кард попросил меня написать рассказ для антологии под названием «Эвтопия», которую он составлял. Каждая история должна была касаться группы людей, которая пыталась создать утопическое общество на ряде терраформированных миров, и там была пара «уловок-22», которые делали ее очень интересной с точки зрения писателя. Во-первых, об этом должен был рассказать член общества, который в это верил, так что вы не могли просто описать происходящее глазами впечатленного или шокированного постороннего человека. Во-вторых, на каждом планетоиде была бы зона под названием «Приют», куда мог бы отправиться любой, кто был недоволен обществом, и через час или два его подобрал бы корабль технического обслуживания, поэтому восстание против Большого брата было невозможно. Я сказал ему, что буду рад написать рассказ для книги и что я бы оставил за собой племя кикуйю из Восточной Африки, поскольку я хорошо их изучил.

Когда я думал над историей, то решил выбрать самый непростительный обычай, существующий в обществе, а затем попросить моего рассказчика защищать его перед лицом любого противника. Я подумал, что это довольно хорошая история, но, когда

я ее закончил, понятия не имел, как это повлияет на мою карьеру. Я передал его Скотту на Worldcon-е в 1987 году по пути в Кению и спросил его, не будет ли он возражать, если я отправлю рассказ в журнал. Он разрешил, и он стал заглавным рассказом в ноябрьском номере журнала Magazine of Fantasy and Science Fiction за 1988 год. В 1989 году он принес мне мои первые номинации на «Хьюго» и «Небьюлу», возглавил опрос журнала Science Fiction Chronicle и ошеломил меня, получив «Хьюго» за лучший рассказ. За пару лет до этого у меня вышел международный бестселлер «Сантьяго», но ничто из моих произведений ни до, ни после не помогло моей карьере так, как «Кириньяга».

Готовы к главному?

Прошло 25 лет, а антология все еще не вышла. Мне снятся кошмары, когда я думаю о том, где бы я был, если бы Скотт не позволил мне продать его в F amp;SF.

Майк Резник

Kirinyaga. *Первое издание в журнале The Magazine of Fantasy & Science Fiction в ноябре 1988 года.*

Август 2129 года

В самом начале Нгаи пребывал в одиночестве на вершине горы под названием Кирин-яга. Когда настало время, Он сотворил трех сыновей, ставших отцами масаи, камба и кикуйю; каждому из них Он предложил копье, лук и палку-копалку. Масаи выбрали копье, и им было велено пасти стада в бескрайней саванне. Вакамба выбрали лук и теперь охотятся на дичь в густых лесах. Но Гикуйю, первый из кикуйю, знал, что Нгаи любит землю и смену времен года, и потому выбрал копалку. В награду за это Нгаи не только научил его секретам земледелия, но и подарил ему Кириньягу с ее святой смоковницей и богатыми землями.

Сыновья и дочери Гикуйю оставались на Кириньяге до тех пор, пока не пришли белые люди и не отняли у них землю, но, даже когда белых людей изгнали, они не вернулись, а остались в городах, решив носить одежду белых людей, ездить на их машинах и жить их жизнью. Даже я, *мундумугу*, то есть шаман, родился в городе. Я никогда не видел ни льва, ни слона или носорога, потому что они вымерли задолго до моего рождения, не видел я и Кириньягу такой, какой ее завещал нам Нгаи, потому что ныне ее склоны покрывает бурлящий перенаселенный трехмиллионный город, год за годом все ближе подбирающийся к трону Нгаи на вершине. Даже кикуйю позабыли ее истинное имя и теперь называют ее гора Кения.

Ужасно быть изгнанным из рая, как это случилось с христианскими Адамом и Евой, но бесконечно хуже жить рядом с осквернённым раем. Я часто думаю о потомках Гикуйю, позабывших свое происхождение и традиции и ставших просто кенийцами, и гадаю, почему столь мало их присоединилось к нам, когда мы создали утопию на планете Кириньяга.

Это правда, что жизнь здесь сурова, потому что Нгаи не обещал нам легкой жизни, но она приносит удовлетворение. Мы живем в гармонии со всем, что нас окружает, мы приносим жертвы, когда сочувственные слезы Нгаи проливаются на наши поля и питают наши растения, мы режем козла, благодаря Его за урожай.

Удовольствия наши просты: бурдюк с *помбе*, чтобы утолить жажду, очаг в *бома*, согревающий после заката, крик новорожденного сына или дочери, состязания бегунов и метателей копий, пение и танцы по вечерам.

Сотрудники Техподдержки наблюдают за Кириньягой, но лишь время от времени слегка корректируют орбиту, чтобы тропический климат оставался неизменным. Иногда они предлагают нам воспользоваться их знаниями в области медицины или отправить наших детей учиться в их школы, но всякий раз вежливо выслушивают наш отказ. Они никогда не выказывали желания вмешиваться в наши дела.

Так было до тех пор, пока я не задушил младенца.

Не прошло и часа, как меня отыскал Коиннаге, верховный вождь.

– Ты совершил глупость, Кориба, – мрачно заявил он.

– У меня не было выбора. И ты это знаешь.

– Разумеется, у тебя был выбор, – возразил он. – Ты мог сохранить ребенку жизнь. – Он смолк, пытаясь обуздать свои эмоции и страх. – До сих пор никто из Техподдержки не ступал на землю Кириньяги, но теперь они это сделают.

– Пусть, – пожал я плечами. – Мы не нарушили ни один закон.

– Мы убили ребенка. И они отменят нашу хартию.

Я покачал головой.

– Никто не отменит нашу хартию.

– Не будь таким самоуверенным, Кориба, – предупредил он. – Когда ты закапываешь живьем козла, они лишь качают головами, с презрением обсуждая нашу религию. Когда мы уводим старых и дряхлых из поселка, чтобы их съели гиены, они смотрят на нас с отвращением и называют нас безбожными язычниками. Но убийство новорожденного младенца – совсем другое, скажу я тебе. Они не будут сидеть сложа руки и придут сюда.

– Если они придут, я объясню, почему убил его, – спокойно ответил я.

– Они не примут твой ответ, – сказал Коиннаге. – Они не поймут.

– У них не останется выбора, кроме как принять мой ответ. Здесь Кириньяга, и им не дозволено вмешиваться.

– Они найдут способ, – уверенно пообещал он. – Поэтому нам следует извиниться и пообещать, что подобное больше никогда не произойдет.

– Мы не станем извиняться, – твердо заявил я. – И обещать тоже ничего не будем.

– Тогда я, верховный вождь, сам принесу им извинения.

Я пристально смотрел на него некоторое время, потом пожал плечами.

– Поступай так, как считаешь нужным.

Внезапно в его глазах появился страх.

– Что ты со мной сделаешь? – испуганно спросил он.

– Ничего. Разве ты не мой вождь? – Когда он расслабился, я добавил: – Но на твоем месте я стал бы избегать насекомых.

– Насекомых? Почему?

– Потому что любое насекомое, которое тебя укусит, будь то паук, москит или муха, наверняка убьет тебя, – ответил я. – Кровь в твоем теле закипит, а кости расплавятся. Ты будешь хотеть кричать от боли, но не сможешь издать ни звука. – Я помолчал и серьезно добавил: – Нет, такой смерти я не пожелал бы и врагу.

– Разве мы не друзья, Кориба? – спросил он, и его черное лицо стало пепельно-серым.

– Я тоже так думал. Но мои друзья уважают традиции. И не извиняются за них перед белыми людьми.

– Я не стану извиняться! – горячо пообещал он и плюнул себе на обе ладони, подтверждая искренность своих слов.

Я развязал один из висящих на поясе мешочков и достал

гладкий камешек, который подобрал неподалеку на берегу речки.

– Повесь камешек себе на шею, – сказал я, протягивая его Коиннаге, – и он защитит тебя от укусов насекомых.

– Спасибо, Кориба! – искренне поблагодарил он, и еще один кризис удалось предотвратить.

Мы поговорили несколько минут о делах в деревне, потом он наконец ушел. Я послал за Вамбу, матерью младенца, и совершил над ней ритуал очищения, чтобы она смогла зачать снова. Я дал ей мазь – ослабить боль в разбухших от молока грудях. Потом уселся возле костра перед своим бома и принялся решать споры о курах и козах, раздавать амулеты против демонов и обучать людей обычаям предков.

До ужина никто так и не вспомнил о мертвом ребенке. Я поел в одиночестве в своем бома согласно своему статусу, потому что мундумугу всегда ест и живет отдельно от остальных. Потом набросил на плечи одеяло, чтобы не мерзнуть, и зашагал по грязной тропинке в ту сторону, где теснились бома жителей деревни. Скот, козы и куры уже были заперты на ночь, а мои соплеменники, съевшие на ужин корову, теперь пели, танцевали и пили много помбе. Они расступились, когда я подошел к котлу и выпил немного помбе, потом, по просьбе Канджары, зарезал козла, посмотрел на его внутренности и увидел, что самая молодая жена Канджары вскоре забеременеет. Эту новость тут же отпраздновали. Затем дети уговорили рассказать им сказку.

– Но только не про Землю, – попросил один из мальчиков постарше. – Мы слышали их немало. Пусть сказка будет про Кириньягу.

– Хорошо, – согласился я. – Если вы сядете поближе, то я расскажу историю о Кириньяге. – Дети сели поближе. – Это будет история про льва и зайца. – Я помолчал, убеждаясь, что все слушают внимательно, особенно взрослые. – Однажды зайца выбрали, чтобы принести в жертву льву, дабы лев перестал нападать на деревню. Заяц, конечно, мог и убежать, но он знал, что рано или поздно лев его все равно поймает, поэтому отыскал льва, подошел к нему и, когда лев уже разинул пасть, чтобы его проглотить, сказал:

– Извини, великий лев.

– За что? – с любопытством спросил лев.

– За то, что я такой маленький. Поэтому я принес еще и меда.

– Но я не вижу никакого меда.

– Поэтому я и извинился. Мед украл другой лев. Он очень сильный и сказал, что не боится тебя.

Лев поднялся.

– Где тот, другой лев?

Заяц показал на глубокую яму:

– Он там, но только он не отдаст тебе мед.

– Это мы еще посмотрим! – взревел лев, громко зарычал и прыгнул в яму. Больше его никогда не видели, потому что заяц выбрал очень глубокую яму. Он вернулся в деревню и сказал, что лев никогда больше не станет беспокоить жителей.

Почти все дети засмеялись и захлопали в ладоши от восторга, но тот же парнишка возразил:

– Эта сказка не про Кириньягу. У нас нет львов.

– Нет, это сказка про Кириньягу, – ответил я. – Важно не то, что в ней говорится о зайце и льве, а то, что она показывает, как слабый, но умный может победить сильного, но глупого.

– Но при чем здесь Кириньяга? – спросил парнишка.

– А ты представь, что люди из Техподдержки, у которых корабли и оружие, – это львы, а народ кикуйю – зайцы. Что делать зайцам, если лев потребует жертву?

– Теперь я понял! – неожиданно улыбнулся мальчик. – Мы сбросим льва в яму!

– Но у нас здесь нет ям, – заметил я.

– Тогда что нам делать?

– Заяц не знал, что рядом со львом окажется яма. Если бы он отыскал льва возле глубокого озера, то сказал бы ему, что мед украла большая рыба.

– У нас нет глубоких озер.

– Но у нас есть ум. И если Техподдержка когда-нибудь станет вмешиваться в наши дела, то мы уничтожим ее, как заяц из сказки благодаря своему уму уничтожил льва.

– Давайте прямо сейчас придумаем, как уничтожить Техподдержку! – крикнул мальчик, схватил палку и замахнулся на воображаемого льва, словно у него в руках было копье, а сам он – великий охотник.

Я покачал головой.

– Зайцы не охотятся на львов, а кикуйю не начинают войн. Заяц просто защищался, и кикуйю будут поступать так же.

– А почему бы Техподдержка стала вмешиваться в наши дела? – спросил другой мальчик, проталкиваясь вперед. – Они наши друзья.

– Возможно, они не станут вмешиваться, – успокоил я всех. – Но вы должны всегда помнить, что у кикуйю нет истинных друзей, кроме них самих.

– Кориба, расскажи нам еще одну сказку! – крикнула девочка.

– Я уже старый, – ответил я. – Ночь становится холодной, и мне уже пора спать.

– А завтра? – спросила она. – Ты завтра расскажешь новую

сказку?

Я улыбнулся:

– Спроси меня завтра, когда все поля будут засеяны, коровы и козы будут в загонах, еда будет приготовлена, а ткани – сотканы.

– Но девочки не пасут коров и коз, – запротестовала она. – А если мои братья не приведут всех животных в загоны?

– Тогда я буду рассказывать одним лишь девочкам.

– Эта сказка должна быть длинной, – настойчиво продолжала она, – потому что мы работаем больше, чем мальчики.

– Я буду внимательно следить именно за тобой, малышка, – ответил я. – История будет длинной или короткой в зависимости от твоей работы.

Взрослые засмеялись, а девочка почувствовала себя очень неловко, но я усмехнулся, обнял ее и потрепал по голове – нужно, чтобы дети учились любить своих мундумугу и опасались их, так что она убежала танцевать с другими девочками, а я пошел в свой бома.

Возвратившись в бома, я включил компьютер и обнаружил в нем сообщение от Техподдержки. Меня проинформировали, что их представитель явится ко мне завтра утром. Я очень коротко ответил: «Статья II, параграф 5», который запрещал вмешиваться в наши дела, и улегся на одеяло. Доносящееся из деревни ритмичное пение быстро погрузило меня в сон.

Утром я поднялся вместе с солнцем и дал компьютеру задание сообщить мне, как только сядет корабль Техподдержки. Потом осмотрел свой скот и коз – я единственный из нашего народа не работал в поле, потому что кикуйю кормят своего мундумугу, пасут его животных, ткут для него одеяла и поддерживают чистоту в его бома, – и зашел к Симани дать ему бальзам, помогающий от болей в суставах. Затем, когда солнце начало припекать, вернулся в свою бома, обойдя пастбища, где юноши присматривали за животными. Войдя в бома, я знал, что корабль уже сел, потому что возле входа лежал помет гиены, а это вернейший признак проклятия.

Я прочитал все на компьютере, потом вышел на улицу и окинул взглядом горизонт, где двое голых ребятишек то гонялись за маленькой собачонкой, то убегали от нее. Когда от их веселья начали пугаться мои куры, я мягко попросил их перебраться играть у своего бома и уселся возле костра. В конце концов я увидел посетительницу из Техподдержки, идущую по тропинке со стороны космопорта. Женщина явно страдала от жары и безуспешно отмахивалась от вьющихся вокруг ее головы мух. Ее белокурые волосы были тронуты сединой, а по неловкости, с какой она двигалась по крутой каменистой тропинке, я заключил,

что она не привыкла к такой местности. Несколько раз она едва не упала, к тому же откровенно опасалась такого количества животных, но ни разу не замедлила шаг и минут через десять приблизилась ко мне.

– Доброе утро, – поздоровалась она.

– *Джамбо, мемсааб*, – ответил я.

– Вы Кориба, верно?

Я быстро всмотрелся в лицо моего противника; средних лет и усталое, но не несло на себе печати угрозы.

– Да, я Кориба.

– Прекрасно. Меня зовут…

– Я знаю, кто вы, – прервал я ее, стремясь захватить инициативу в конфликте, раз его нельзя было избежать.

– Знаете? – удивилась она.

Я вытащил из поясного мешочка кости и высыпал их на землю.

– Вы Барбара Итон, родились на Земле, – нараспев произнес я, наблюдая за ее реакцией, потом собрал кости и рассыпал их вновь. – Вы замужем за Робертом Итоном, девять лет работаете на Техподдержку. – Я еще раз бросил кости. – Вам сорок один год, и вы бесплодны.

– Как вы все это узнали? – удивленно спросила она.

– Разве я не мундумугу?

Она целую минуту смотрела на меня и наконец догадалась:

– Вы прочитали мою биографию в компьютере.

– Если факты верны, то какая разница, как я их узнал – по костям или с помощью компьютера, – ответил я, уклонившись от прямого ответа. – Прошу вас, садитесь, мемсааб Итон.

Она неловко уселась на землю, подняв облачко пыли, и поморщилась.

– Очень жарко, – пожаловалась она.

– Да, в Кении очень жарко, – подтвердил я.

– Вы могли создать себе любой климат, – заметила она.

– Мы создали именно такой, какой пожелали.

– Там что, есть хищники? – спросила она, всматриваясь в саванну.

– Да, немного.

– Какие?

– Гиены.

– А более крупные?

– Никого крупнее нигде уже не осталось.

– Я все удивлялась, почему они на меня не нападают?

– Наверное, потому, что вы здесь непрошеный гость.

– Они не тронут меня, когда я одна пойду обратно в

космопорт? – нервно спросила она, проигнорировав мой ответ.

– Я дам вам защитный амулет, который их отгонит.

– Предпочитаю эскорт.

– Хорошо.

– Гиены такие уродливые, – заметила она, вздрогнув. – Я видела их однажды, когда мы наблюдали за вашим миром.

– Они очень полезные животные, – возразил я, – потому что приносят множество знамений, как добрых, так и плохих.

– В самом деле?

Я кивнул:

– Сегодня утром гиена принесла мне плохое предзнаменование.

– И что же? – полюбопытствовала она.

– И вот вы здесь.

Она рассмеялась.

– Мне говорили, что вы очень умный человек.

– Те, кто вам это сказал, ошибаются. Я всего лишь дряхлый старик, сидящий перед своей бома и наблюдающий за тем, как юноши пасут коров и коз.

– Вы дряхлый старик, окончивший с отличием Кембридж, а потом две аспирантуры в Йеле, – возразила она.

– Кто вам это сказал?

– Не только вы читаете биографии, – улыбнулась она.

Я пожал плечами.

– Ученые степени не помогли мне стать мундумугу. Оказались пустой тратой времени.

– Вы постоянно произносите это слово. Что означает «мундумугу»?

– Можете называть такого человека шаманом. Но на самом деле мундумугу, хоть иногда и занимается колдовством и толкует знамения, в основном – хранитель объединенной мудрости и традиций своего народа.

– Похоже, у вас интересная профессия.

– Да, в ней есть определенные преимущества!

– Да еще какие! – воскликнула она с наигранным восторгом. Где-то вдалеке заблеяла коза, а юношеский голос прикрикнул на животное на языке суахили. – Представить только, ведь в ваших руках жизнь и смерть любого обитателя Утопии!

Ну вот, начинается, подумал я и сказал:

– Суть не в употреблении власти, мемсааб Итон, а в сохранении традиций.

– Я вам не верю, – резко заявила она.

– На чем же основывается ваше неверие?

– На том, что если бы существовал обычай убийства

новорожденных, то кикуйю вымерли бы в течение одного поколения.

– Если убийство младенца вызвало ваше недовольство, – спокойно произнес я, – то меня удивляет, почему Техподдержка до сих пор не заинтересовалась нашим обычаем оставлять старых и немощных на съедение гиенам.

– Потому что старые и немощные были согласны с подобным обращением. Младенец же неспособен согласиться на свою смерть. – Она пристально посмотрела на меня. – Могу я спросить, почему был убит именно этот ребенок?

– Вы прилетели именно из-за этого вопроса?

– Меня прислали оценить ситуацию, – ответила она, сбив со щеки насекомое и поменяв позу. – Был убит новорожденный ребенок. Мы хотим знать почему.

– Он родился с ужасным *таху*.

– Таху? – нахмурилась она. – Что это такое?

– Проклятие.

– Он что, родился уродом?

– Нет, нормальным.

– Тогда на какое проклятие вы ссылаетесь?

– Он родился ногами вперед.

– И это все? – изумилась она. – Это все его проклятие?

– Да.

– Его убили только потому, что он родился ногами вперед?

– Когда избавляешься от демона, это не убийство, – терпеливо пояснил я. – Наши традиции учат, что ребенок, родившийся таким образом, на самом деле – демон.

– Вы же образованный человек, Кориба. Как вы смогли убить совершенно здорового младенца и оправдать убийство настолько примитивной традицией?

– Вам не следует недооценивать силу традиций, мемсааб Итон. Однажды кикуйю уже отвернулись от своих традиций – в результате на Земле появилось механизированное, нищее и перенаселенное государство, где живут не кикуйю, масаи, луо или вакамба, а некое новое, искусственное племя, называющее себя просто кенийцами. Мы, живущие на Кириньяге, и есть истинные кикуйю, и мы не повторим снова ту же ошибку. Если дождь не проливается вовремя, надо принести в жертву барана. Если правдивость человека вызывает сомнения, он должен пройти испытание *гитхани*. Если ребенок родился с таху, его следует умертвить.

– Значит, вы намерены продолжать убивать младенцев, родившихся ногами вперед?

– Совершенно верно.

По ее лицу скатилась капелька пота. Она посмотрела мне в глаза и сказала:

– Я не знаю, какой будет реакция Техподдержки.

– В соответствии с нашей хартией Техподдержка не вмешивается в наши внутренние дела, – напомнил я.

– Все не так просто, Кориба. В соответствии с вашей хартией любой член вашего общества, пожелавший его покинуть, имеет право уйти в космопорт, а оттуда улететь на Землю. – Она помолчала. – Была ли такая возможность предоставлена убитому младенцу?

– Я убил не младенца, а демона, – возразил я, слегка поворачивая голову: горячий ветерок разворошил пыль.

Она дождалась, пока ветер стихнет, и прокашлялась.

– Вы ведь понимаете, что никто из Техподдержки не согласится с вашим мнением?

– Нас не волнует, что об этом подумает Техподдержка.

– Когда убивают невинных детей, мнение Техподдержки имеет для вас первостепенное значение, – возразила она. – Я уверена, что вы не захотите предстать перед Эвтопическим[4] Советом.

– Вы здесь для того, чтобы оценить ситуацию, как говорили раньше, или угрожать нам? – спокойно спросил я.

– Чтобы оценить ситуацию. Но на основании представленных вами фактов я могу сделать лишь одно заключение.

– В таком случае вы меня не слушали, – сказал я и ненадолго закрыл глаза – мимо пронесся еще один, более резкий порыв ветра.

– Кориба, я знаю, что Кириньяга была создана для того, чтобы вы смогли воспроизвести обычаи своих отцов… Но вы, разумеется, способны увидеть разницу между мучением животного во время религиозного ритуала и убийством ребенка.

– Это одно и то же, – я покачал головой. – Мы не можем изменить наш образ жизни только потому, что он вам неприятен. Однажды мы поступили так, и ваша культура за считаные годы разрушила наше общество. С каждой построенной фабрикой, с каждым новым рабочим местом, с каждой новой частицей западных технологий, с каждым обращенным в христианство кикуйю мы все больше и больше становились не теми, кем были предназначены стать. – Я посмотрел ей в глаза. – Я мундумугу, которому доверили сохранение всего, что делает нас кикуйю, и я не допущу повторения подобного.

– Существуют альтернативы.

– Но не для кикуйю, – твердо заявил я.

– Они есть, – не сдавалась она. Эмоции настолько захватили

ее, что она не заметила ползущую по ее ботинку золотисто-черную многоножку. – Например, годы, проведенные в космосе, могут вызвать определенные физиологические и гормональные изменения в организме человека. Помните, когда я прилетела, вы сказали, что мне сорок один год и у меня нет детей? Это правда. Более того, многие женщины Техподдержки бездетны. Если вы передадите нам обреченных на смерть детей, я уверена, что мы сможем найти им приемных родителей. Таким способом вы удалите их из своего общества, не прибегая к убийству. Я могу поговорить на эту тему со своим руководством и почти уверена, что они одобрят этот прекрасный вариант.

– Ваше предложение продуманное и оригинальное, мемсааб Итон, – искренне произнес я. – И мне очень жаль, что я не могу с ним согласиться.

– Но почему?

– Потому что как только мы в первый раз предадим наши традиции, этот мир перестанет быть Кириньягой и превратится еще в одну Кению – скопище людей, неуклюже пытающихся притворяться теми, кем они не являются.

– Я могу поговорить на эту тему с Коиннаге и другими вождями, – намекнула она.

– Они не ослушаются моих указаний, – уверенно сказал я.

– Вы обладаете такой властью?

– Таким уважением, – поправил я. – Вождь обеспечивает выполнение закона, а мундумугу толкует сам закон.

– Тогда давайте обсудим другие варианты.

– Нет.

– Я пытаюсь избежать конфликта между Техподдержкой и вашим народом, – ее голос стал глухим от огорчения. – По-моему, вы могли хотя бы попытаться сделать шаг навстречу нам.

– Я не обсуждаю ваши мотивы, мемсааб Итон, но в моих глазах вы – пришелец, представляющий организацию, не имеющую законного права вмешиваться в нашу культуру. Мы не навязываем Техподдержке свою религию или мораль, и пусть Техподдержка не навязывает свои взгляды нам.

– Это ваше последнее слово?

– Да.

Она встала.

– В таком случае мне пора идти и предоставить свой отчет.

Я тоже встал. Ветер изменил направление и принес с собой запахи деревни: аромат бананов, запах котла со свежим помбе и даже пронзительный запах крови забитого еще утром быка.

– Как пожелаете, мемсааб Итон. Я позабочусь о вашем эскорте.

Я подозвал мальчика, пасшего трех коз, и велел ему сбегать в деревню и прислать ко мне двух юношей.

– Спасибо, – поблагодарила она. – Знаю, что причиняю вам неудобство, но просто не могу чувствовать себя в безопасности, когда вокруг свободно бродят гиены.

– Не за что. Кстати, не желаете ли, пока мы ждем ваших сопровождающих, послушать сказку о гиене?

Она непроизвольно вздрогнула.

– Они настолько уродливы! – сказала она с отвращением. – Такое впечатление, будто у них сломаны задние лапы. – Она покачала головой. – Нет, спасибо. Не хочу о них слышать.

– Но эта история будет вам интересна.

Она посмотрела на меня с любопытством и кивнула:

– Хорошо. Расскажите.

– Верно, что гиены – животные уродливые и неприятные, – начал я, – но когда-то давным-давно они были такими же красивыми и грациозными, как импала[5]. Однажды вождь кикуйю дал гиене молодого козла и попросил отнести его в подарок Нгаи, который обитал на вершине священной горы Кириньяга. Гиена сжала козла своими сильными челюстями и отправилась к далекой горе, но по пути туда она оказалась рядом с поселком, где жили европейцы и арабы. Там в изобилии были машины, ружья и прочие удивительные вещи, которые она никогда не видела, и восхищенная гиена остановилась поглазеть на эти чудеса. В какой-то момент араб увидел, как гиена внимательно рассматривает все вокруг, и спросил ее, не хочет ли она стать цивилизованным человеком, и, когда гиена открыла рот, чтобы сказать «да», козел упал на землю и тут же убежал. Когда козел скрылся, араб рассмеялся и объяснил, что он просто пошутил, ведь гиена, конечно же, не может стать человеком. – Помолчав, я продолжил: – Так вот, гиена отправилась дальше к Кириньяге, и, когда она добралась до вершины, Нгаи спросил у нее, где же козел. Когда гиена рассказала о том, что с ней произошло, Нгаи столкнул ее с вершины горы за то, что у нее хватило наглости поверить, будто она может стать человеком. Гиена не погибла при падении, но покалечила задние лапы, и Нгаи объявил, что отныне все гиены станут такими. А в напоминание об их глупости, когда они решили стать теми, кем они стать не могли, он заставил их смеяться дурацким смехом. – Я снова помолчал и внимательно посмотрел на нее. – Мемсааб Итон, вы не услышите, как кикуйю смеются дурацким смехом, и я не позволю им стать калеками вроде гиен. Вы меня поняли?

Она ненадолго обдумывала мою историю, затем посмотрела мне в глаза.

– По-моему, мы прекрасно друг друга поняли, Кориба.

Тут как раз подошли двое юношей, и я попросил их проводить ее до корабля. Они отправились в путь через сухую саванну, а я занялся своими делами.

Сперва я обошел поля, благословляя пугала. Поскольку за мной увязалась кучка малышей, я чаще обычного останавливался отдохнуть под деревьями, и они всякий раз упрашивали меня рассказать сказку. Я рассказал им истории о слоне и буйволе; о том, как *элморан* масаи подрезал своим копьем радугу, и поэтому она теперь не опирается на землю; почему девять племен кикуйю названы именами девяти дочерей Гикуйю, а когда солнце стало слишком жарким, то отвел детей в деревню.

После полудня я собрал мальчиков постарше и еще раз объяснил им, как они должны раскрасить лица и тела для предстоящей церемонии обрезания. Ндеми, тот самый, что требовал рассказать сказку о Кириньяге, захотел поговорить со мной наедине и пожаловался, что не сумел поразить копьем маленькую газель, а потом попросил заколдовать его копье, чтобы оно летело точнее. Я объяснил ему, что настанет день, когда ему придется выйти против буйвола или гиены с незаколдованным копьем, так что он должен еще потренироваться и лишь потом прийти ко мне… Надо бы приглядывать за этим Ндеми, уж больно он порывист и бесстрашен; в былые времена из него получился бы великий воин, но сейчас на Кириньяге воинов нет. Если мы останемся такими же плодовитыми, то когда-нибудь нам потребуется больше вождей и второй мундумугу, и я решил присмотреться к пареньку повнимательнее.

Вечером, поужинав в одиночестве, я вернулся в деревню, потому что Нджогу, один из наших юношей, собрался жениться на Камири, девушке из соседней деревни. Выкуп за невесту был давно оговорен, и обе семьи ждали меня для совершения церемонии.

Нджогу, с разрисованным лицом и головным убором из страусовых перьев, очень волновался, когда стоял передо мной вместе с невестой. Я перерезал горло жирному барану, которого отец Камири откармливал специально для этого случая, и повернулся к Нджогу.

– Что ты хочешь мне сказать? – спросил я.

Парень шагнул ближе.

– Я хочу, чтобы Камири пришла ко мне и стала обрабатывать землю моего *шамба*, – произнес он хриплым от волнения голосом традиционные слова, – потому что я мужчина, и мне нужна женщина, чтобы присматривать за шамба и окапывать корни растений на моих полях, и тогда они вырастут большими и

принесут богатство в мой дом.

Он плюнул на ладони в доказательство своей искренности, глубоко с облегчением вздохнул и шагнул назад.

Я повернулся к Камири.

– Согласна ли ты возделывать шамба для Нджогу, сына Мучири? – спросил я ее.

– Да, – тихо ответила она, склонив голову. – Согласна.

Я вытянул правую руку, мать невесты поставила на ладонь небольшую тыкву-горлянку с помбе.

– Если этот мужчина тебе не нравится, – обратился я к Камири, – я вылью помбе на землю.

– Не выливай его, – ответила она.

– Тогда пей.

Я протянул ей тыкву-горлянку. Она взяла ее, сделала глоток и протянула Нджогу, который сделал то же самое. Когда тыква опустела, родители Нджогу и Камири набили ее травой, подтверждая тем самым дружбу между родами.

Зрители радостно закричали, тушу барана потащили на вертел, словно по волшебству появилось новое помбе. Когда жених отвел невесту в свою бома, люди продолжили праздновать до глубокой ночи. Они остановились, лишь когда блеяние коз подсказало, что поблизости бродят гиены, и тогда женщины и дети разошлись по бома, а мужчины взяли копья и отправились в поля отпугивать гиен.

Я уже собирался уходить, и тут ко мне подошел Коиннаге.

– Ты говорил с женщиной из Техподдержки?

– Да.

– Что она сказала?

– Сказала, что они не одобряют убийства детей, рожденных ногами вперед.

– А что ответил *ты*?

– Сказал, что нам не требуется одобрения Техподдержки чтобы жить сообразно нашей вере.

– И они прислушаются к твоим словам?

– У них нет выбора. И у нас тоже нет выбора, – добавил я. – Если позволить им хоть что-то решить за нас, то вскоре они будут решать за нас все. Уступи им, и Нджогу и Камири станут приносить свадебную клятву на Библии или Коране. Такое уже произошло с нами в Кении – мы не можем позволить, чтобы это повторилось на Кириньяге.

– Но они нас не накажут? – не успокаивался он.

– Не накажут.

Удовлетворенный, он зашагал к своему бома, а я по узкой извилистой тропинке пошел к себе. Я остановился возле загона с

моими животными. У меня прибавилось две козы – дар от родителей жениха и невесты в благодарность за услуги. Через несколько минут я уже спал.

Компьютер разбудил меня за несколько минут до восхода солнца. Я поднялся, ополоснул лицо водой из тыквы, стоявшей рядом с одеялом, и подошел к терминалу. Там было сообщение от Барбары Итон, краткое и по существу:

Техподдержка пришла к предварительному заключению о том, что инфантицид, вне зависимости от его причин, есть прямое нарушение хартии Кириньяги. За ранее совершенное преступление наказаний не последует.

Также мы обсуждаем вашу практику эвтаназии, и для этого в будущем могут потребоваться ваши показания.

Барбара Итон.

Через минуту ко мне прибежал посланник от Коиннаге с просьбой явиться на совет старейшин, и я понял, что вождь получил такое же послание.

Я набросил одеяло на плечи и пошел к шамба Коиннаге, состоящему из его бома, а также бома трех его женатых сыновей. Придя туда, я увидел, что собрались не только местные старейшины, но и два вождя из соседних деревень.

– Ты получил послание из Техподдержки? – спросил Коиннаге, когда я уселся напротив него.

– Получил.

– Я предупреждал тебя, что такое случится! Что нам теперь делать?

– Жить, как жили прежде, – невозмутимо ответил я.

– Мы не можем, – заявил один из соседских вождей. – Они нам это запретили.

– У них нет права запрещать наши обычаи.

– В моей деревне есть женщина, которая скоро родит, – продолжил вождь, – и все признаки говорят о том, что у нее родится двойня. Обычаи указывают нам, что родившийся первым должен быть убит, потому что одна мать не может породить две души. Но теперь Техподдержка запретила нам убивать детей. Что нам делать?

– Мы должны убить родившегося первым, потому что это демон.

– И тогда Техподдержка заставит нас покинуть Кириньягу! – с горечью воскликнул Коиннаге.

– Наверное, нам не следует убивать ребенка, – добавил вождь. – Это их удовлетворит, и они оставят нас в покое.

Я покачал головой.

– Они не оставят вас в покое. Они уже обсуждают то, что мы отдаем старых и немощных гиенам, словно это смертный грех из их религии. Если мы уступим в одном, настанет день, когда придется уступить во всем.

– А что в этом плохого? – не унимался вождь. – У них есть лекарства, каких нет у нас. Может быть, они даже способны сделать стариков молодыми.

– Вы не понимаете, – сказал я, вставая. – Наше общество – не мешанина из людей, обычаев и традиций. Нет, это сложная система, в которой каждая часть зависит от другой, подобно животным и растениям в саванне. Если вы пошлете огонь на траву, то убьете не только импалу, которая на ней пасется, но и хищника, который охотится на импалу, мух и кровососов, которые живут благодаря хищнику, а заодно стервятников и марабу, что кормятся трупами умерших хищников. Нельзя уничтожить часть, не уничтожив целого.

Я помолчал, чтобы они обдумали сказанное, и продолжил:

– Кириньяга подобна саванне. Если мы перестанем оставлять старых и немощных гиенам, те начнут голодать. Если гиены начнут голодать, травоядные настолько расплодятся, что для нашего скота не останется свободных пастбищ. Если старые и немощные не будут умирать тогда, когда это решит Нгаи, то вскоре у нас не хватит на всех еды.

Я поднял палочку и ненадежно уравновесил ее на указательном пальце.

– Эта палочка – народ кикуйю, а мой палец – Кириньяга. Они в равновесии. – Я посмотрел на соседского вождя. – Но что случится, если я нарушу равновесие и расположу палец здесь? – спросил я, показав на кончик палочки.

– Палочка упадет.

– А здесь? – я показал на точку в дюйме от середины.

– Тоже упадет.

– То же самое и с нами, – пояснил я. – Уступим ли мы в одном или в нескольких случаях, результат окажется одинаковым: кикуйю упадут, как упадет эта палочка. Неужели прошлое нас ничему не научило? Мы должны соблюдать наши обычаи; это все, что у нас есть!

– Но Техподдержка нам не позволит! – запротестовал Коиннаге.

– Они не воины, а цивилизованные люди, – сказал я, добавив в голос презрения. – Их вожди и мундумугу не пошлют своих людей на Кириньягу с ружьями и копьями. Они начнут заваливать нас предупреждениями и обращениями, а когда из этого ничего

не выйдет, то обратятся в Эвтопический Совет за рассмотрением своего случая, суд будет много раз откладываться, а заседания проходить снова и снова. – Я увидел, что они, наконец, расслабились, и конфиденциально сказал: – Каждый из вас давно умрет под грузом лет, прежде чем Техподдержка решится перейти от слов к делу. Я ваш мундумугу; я жил среди цивилизованных людей и знаю, как будет на самом деле.

Соседский вождь встал и повернулся ко мне:

– Я пошлю за тобой, когда родятся близнецы.

– Я приду, – пообещал я.

Мы еще поговорили, потом встреча закончилась и старейшины побрели в свои бома, а я задумался о будущем, которое видел яснее, чем Коиннаге или старейшины.

Побродив по деревне, я отыскал юного храброго Ндеми, размахивавшего копьем и метавшего его в чучело буйвола, которое сделал из сухой травы.

– *Джамбо*, Кориба! – поздоровался он.

– *Джамбо*, мой храбрый юный воин.

– Я учусь, как ты и велел.

– Помнится, ты собирался охотиться на газелей, – заметил я.

– Газели для детей. Я убью *мбого*, буйвола.

– У мбого может оказаться на этот счет другое мнение.

– Тем лучше, – уверенно ответил он. – У меня нет желания убивать животное, которое от меня убегает.

– И когда ты пойдешь охотиться на могучего мбого?

– Когда мое копье станет более точным. – Он пожал плечами и улыбнулся. – Может, завтра.

Я задумчиво посмотрел на него и сказал:

– Завтра будет еще не скоро. А у нас есть дело сегодня вечером.

– Какое дело?

– Ты должен найти десять своих друзей, еще не достигших возраста обрезания, и сказать им, чтобы пришли к пруду в лесу к югу. Они должны прийти туда после захода солнца. Передай им, что *мундумугу* Кориба приказал не говорить никому, даже родителям, куда они отправятся. – Я сделал паузу. – Ты все понял, Ндеми?

– Все.

– Тогда иди. Доставь им мое послание.

Он вытащил копье из соломенного буйвола и быстро зашагал в деревню – молодой, высокий, сильный и бесстрашный.

Ты – наше будущее, – думал я, глядя ему вслед. – *Не Коиннаге, не я, не молодой жених Нджогу, потому что их время настанет и пройдет еще до начала битвы. От тебя, Ндеми, будет зависеть*

судьба Кириньяги.

Когда-то давно кикуйю пришлось сражаться за свою свободу. Объединившись вокруг вождя Джомо Кениаты[6], чье имя большинство твоих предков успело позабыть, мы принесли страшную клятву движения мау-мау; мы калечили, убивали и совершали такие зверства, что в конце концов получили ухуру[7], потому что против такой жестокости у цивилизованного человека нет другой защиты, кроме отступления.

А сегодня ночью, юный Ндеми, когда твои родители заснут, ты и твои друзья встретитесь со мной в чаще леса и, каждый в свою очередь, узнаете о последней традиции кикуйю, потому что я призову не только силу Нгаи, но и неукротимый дух Джомо Кениаты. Вы произнесете слова ужасной клятвы и совершите жуткие поступки, чтобы доказать свою верность, а я, в свою очередь, научу каждого из вас, как принимать эту клятву от тех, кто придет вам на смену[8].

Есть время для всего: для рождения, для возмужания, для смерти. Есть, без сомнения, и время для Утопии, но ему придется подождать.

Потому что для нас настало время ухуру.

Ибо я коснулась неба

МАЙК РЕЗНИК – прирожденный рассказчик как вживую, так и в своих текстах. Но вот что странно: те историц, которые он рассказывает лично, выглядят как неправда (Обыграл меня в пул! Боролся со мной в грязи!), а те, что выходят на бумаге, абсолютно правдивы. Так же и с «Ибо я коснулась неба», моей самой любимой историей Майка Резника.

Я несколько раз разбирала эту историю в трех разных странах, и студенты всегда бурно реагировали на нее. Мы обсуждаем противоречивые убеждения Корибы и их отношение к современным политическим проблемам. Мы изучаем структуру рассказа, который является прекрасным примером «повышения ставок» сцена за сценой, по мере того, как обостряется конфликт между Корибой и Камари. Мы исследуем способы, которыми экспозиция одновременно разворачивает и контрапунктирует драматизированные сцены.

Но перед этим, когда каждый студент впервые читает рассказ, я слежу за их лицами. Я вижу, как они реагируют на правду Корибы и Камари, на их цельность и правдоподобие, их равенство по своей непримиримости в заведомо неравноправном обществе. Несколько студентов в конце расплакались. Я понимаю; это одна из немногих научно-фантастических историй, которая когда-либо заставляла меня плакать.

Так что не слушайте ничего из того, что Майк рассказывает, или, по крайней мере, слушайте это выборочно. Просто прочитайте его рассказы, начиная с этого.

Нэнси Кресс

ЭТО БЫЛ второй рассказ про Кириньягу, который я написал, и, хотя он не получил «Хьюго», я считаю его лучшим из них. Его издавали раз 29 во всем мире, и он получил награды в Японии и Испании. В 1990 году он был номинирован на премии «Хьюго» и «Небьюла» как лучшая короткая повесть и занял первое место в опросе журнала Science Fiction Chronicle.

Майк Резник

For I Have Touched the Sky. *Первое издание в журнале The Magazine of Fantasy & Science Fiction в декабре 1989 года.*

Январь 2131 года

Некогда у людей были крылья.

Нгаи, который в одиночестве восседает на золотом троне на вершине Кириньяги, даровал людям умение летать, дабы могли они срывать для себя сочные плоды с верхних ветвей деревьев. Но один мужчина, сын Гикуйю, первого человека, увидел орла и грифа, парящих в небе, – и, раскинув крылья, присоединился к птицам. Он поднимался все выше и выше и вскоре достиг высей, где не летало ни одно живое существо.

И тут внезапно протянутая рука Нгаи схватила сына Гикуйю.

– Что я такого совершил, что ты так грубо хватаешь меня? – спросил сын Гикуйю.

– Я живу на вершине Кириньяги, потому что это вершина мира, – объяснил Нгаи, – и ни одна голова не должна быть выше моей.

С этими словами Нгаи оторвал крылья сыну Гикуйю, а затем отобрал их у всех людей, чтобы ни один человек не мог подняться выше его головы.

Вот почему потомки Гикуйю с чувством зависти и утраты смотрят на птиц и больше не едят сочные плоды с верхних ветвей деревьев.

* * *

Много птиц обитает на Кириньяге, названной так в честь священной горы, на которой живет Нгаи. Мы привезли их вместе с другими животными, когда заключили с Эвтопическим Советом договор и переселились сюда из Кении, которая перестала значить хоть что-то для тех, кто чтит истинные традиции племени кикуйю. Наш новый мир стал домом для марабу и грифа, страуса и орлана-крикуна, тка́чика и цапли – и многих, многих других. Даже я, Кориба, *мундумугу*, шаман, наслаждаюсь разноцветьем их оперения и нахожу успокоение в их пении. Я провел много послеполуденных часов возле своего *бома*, привалившись спиной к стволу старой акации, наблюдая, как мельтешат перья, и слушая мелодичные песни птиц, слетающихся к текущей по деревне реке, чтобы утолить жажду.

В один из таких дней по длинной извилистой тропе к моему дому на вершине холма поднялась девочка Камари, которая пока не проходила церемонии обрезания, и в ладонях своих принесла какой-то серый комочек.

– *Джамбо*, Кориба, – поздоровалась она со мной.

– *Джамбо*, Камари, – ответил я, – Что ты принесла мне, дитя?

– Вот. – Она протянула птенца карликового сокола, который слабо пытался вырваться из ее хватки. – Я нашла его в нашем *шамба*. Он не может летать.

– Он уже полностью оперился. – Я поднялся и тут увидел, что одно крыло птенца неестественно вывернуто. – А-а! – сказал я. – Он сломал крыло.

– Ты можешь вылечить его, мундумугу? – спросила Камари.

Я осмотрел крыло птенца, пока девочка придерживала голову соколенка отвернутой в сторону. Потом отступил на шаг.

– Вылечить его я смогу, Камари, – проговорил я, – но не в моих силах вернуть ему возможность летать. Крыло заживет, но не сможет больше нести вес его тела. Думаю, мы должны убить птицу.

– Нет! – воскликнула она, потянув сокола к себе. – Ты поможешь ему выжить, а я буду заботиться о нем!

Я пристально посмотрел на птицу, потом покачал головой.

– Он не захочет жить, – наконец вымолвил я.

– Но почему?

– Потому что он уже взмывал высоко на теплых крыльях ветра.

– Я тебя не понимаю, – нахмурилась Камари.

– Птица, коснувшаяся неба, – пояснил я, – не найдет счастья, коротая свой век на земле.

– Я сделаю его счастливым, – решительно заявила Камари. – Ты его вылечишь, я буду о нем заботиться, и он будет жить.

– Я его вылечу, а ты будешь о нем заботиться, – сказал я. – Но, – повторил я, – жить он не будет.

– Сколько я должна заплатить за лечение? – неожиданно деловым тоном спросила она.

– Я не беру платы с детей, – ответил я. – Завтра я приду к твоему отцу, и он мне заплатит.

Камари настойчиво покачала головой:

– Это *моя* птичка. *Я сама* расплачусь с тобой.

– Очень хорошо. – Меня восхищала ее смелость, ибо большинство детей – и *все* взрослые – боялись мундумугу и никогда не решались в чем-то противоречить ему. – Целый месяц ты будешь утром и днем подметать мой двор. Просушивать на солнце одеяла, наполнять водой тыкву-горлянку и собирать хворост для моего очага.

– Это справедливо, – кивнула она, обдумав мои слова. Затем добавила: – А если птица умрет до того, как кончится месяц?

– Тогда ты поймешь, что мундумугу мудрее маленькой девочки кикуйю.

Камари выпятила челюсть.

– Он не умрет. – Она помолчала. – Ты можешь перевязать ему крыло прямо сейчас?

– Да.

– Я помогу.

Я покачал головой:

– Лучше смастери клетку, в которую мы посадим его. Если он слишком быстро начнет шевелить крылом, то снова сломает его, и тогда мне придется его убить.

Она протянула мне сокола.

– Скоро вернусь. – И побежала к своему шамба.

Я внес птицу в хижину. Сокол совсем обессилел и позволил мне крепко завязать его клюв. Затем я, не торопясь, наложил шину на сломанное крыло и притянул его к телу, чтобы обездвижить. Сокол пищал от боли, когда я соединял кости, но по большей части не мигая смотрел на меня, так что удалось управиться за десять минут.

Камари вернулась часом позже с маленькой деревянной клеткой в руках.

– Достаточно большая, Кориба? – спросила она.

Я взял у нее клетку, осмотрел.

– Почти великовата, – ответил я. – Он не должен шевелить крылом, пока не срастутся кости.

– Он и не будет, – заверила она меня. – Я буду постоянно присматривать за ним, целыми днями.

– Ты будешь присматривать за ним целыми днями? – удивленно повторил я.

– Да.

– А кто тогда будет подметать в моей хижине и бома, кто станет наполнять тыкву водой?

– Я буду носить клетку с собой, когда буду приходить, – ответила она.

– С птицей клетка будет заметно тяжелее, – предупредил я.

– Когда я выйду замуж, мне придется таскать куда более тяжелую ношу, ведь я буду работать в поле и носить дрова для очага в бома моего мужа, – сказала девочка. – Неплохая подготовка. – Она помолчала. – Почему ты улыбаешься, Кориба?

– Не привык к поучениям необрезанных детей, – ответил я с усмешкой.

– Я не поучала, – с достоинством возразила Камари. – Просто *объясняла.*

Я заслонил глаза рукой от дневного солнца.

– Ты совершенно не боишься меня, маленькая Камари? – спросил я.

– С какой бы стати?

– Потому что я мундумугу.

– Это означает лишь одно: ты умнее прочих. – Она пожала плечами. Бросила камешком в курицу, решившую подойти к клетке. Курица убежала, недовольно кудахча. – Со временем я стану такой же мудрой, как и ты.

– Неужели?

Она серьезно кивнула.

– Я уже считаю лучше отца, я уже многое могу запомнить.

– Например? – Я чуть повернулся, когда налетевший порыв горячего ветра обдул нас пылью.

– Помнишь историю о птичке-медоуказчике, которую ты рассказывал деревенским детишкам перед началом долгих дождей?

Я кивнул.

– Я могу повторить ее, – сказала она.

– Ты хочешь сказать, что помнишь ту историю.

Камари энергично замотала головой:

– Нет, могу повторить слово в слово.

Я сел, скрестив ноги.

– Давай послушаем, – сказал я, лениво глядя вдаль на пару юношей, выпасавших скот.

Она ссутулилась, словно на ее плечи давил груз лет, равный моему, и заговорила детским голосом с моими интонациями, воспроизводя даже мои жесты.

– Живет на свете маленькая коричневая птичка-медоуказчик, – начала она. – Размерами с воробья и такая же дружелюбная. Прилетит в бома и позовет, а если пойдете за ней, она приведет прямо к улью. А потом будет ждать, пока соберете сухую траву, разожжете костер и выкурите пчел. Но вы должны *всегда*, – она выделила это слово точно так же, как я, – оставлять ей немного меда, ибо если забрать весь мед, то в следующий раз она заведет вас в пасть к *физи* гиене или в пустыню, где нет воды, и вы умрете от жажды, – закончив, она распрямилась и одарила меня улыбкой. – Видишь? – гордо прозвучал ее вопрос.

– Вижу. – Я согнал со щеки крупную муху.

– Все рассказала правильно? – спросила она.

– Да, ты рассказала все правильно.

Она задумчиво посмотрела на меня.

– Возможно, я стану мундумугу после твоей смерти.

– Неужели смерть моя так близка? – полюбопытствовал я.

– Ты, – сказала она, – совсем старый и сгорбленный, лицо у тебя все в морщинах, и ты слишком много спишь. Но я только порадуюсь, если ты не умрешь прямо сейчас.

– Постараюсь не разочаровать тебя, – с иронией ответил я. – А теперь неси своего сокола домой.

Я собирался было рассказать ей о его потребностях, но она заговорила первой:

– Сегодня он есть не захочет. Но с завтрашнего дня я начну скармливать ему толстых насекомых и по меньшей мере одну ящерицу в день. И воды у него всегда должно быть вволю.

– Ты очень наблюдательна, Камари.

Она опять улыбнулась и побежала к себе в бома.

Камари вернулась на рассвете с клеткой в руках. Опустила ее на землю в тени, наполнила маленькую глиняную чашку водой из одной из моих тыкв и поставила в клетку.

– Как чувствует себя сегодня твоя птица? – спросил я, сидя у самого костра, ибо, хотя инженеры-планетологи Эвтопического Совета создали на Кириньяге точно такой же климат, что и в Кении, солнце еще не прогрело утренний воздух.

Камари нахмурилась:

– До сих пор ничего не ел.

– Поест, когда достаточно проголодается. – Я натянул одеяло на плечи. – Он привык бросаться на добычу с неба.

– А воду все же пьет, – добавила Камари.

– Это хорошо.

– Разве ты не можешь произнести заклинание, которое сразу его вылечит?

– Это обойдется слишком дорого. – Я предчувствовал, что она задаст этот вопрос. – Так выйдет лучше.

– Насколько дорого?

– *Слишком* дорого, – закрыл я дискуссию. – По-моему, тебе есть чем заняться.

– Да, Кориба.

Камари провела несколько минут, собирая сучья для очага. Наполнила пустую тыкву водой из реки. Затем скрылась в хижине, чтобы выбить одеяла и расправить их. Но тут же вышла оттуда с книгой.

– Что это, Кориба?

– Кто разрешил тебе трогать вещи мундумугу? – резко спросил я.

– Как же я могу прибираться, не трогая их? – Камари не выказывала страха. – Что это?

– Это книга.

– Что такое книга, Кориба?

– Не твоего ума дело, – сказал я. – Положи ее на место.

– Хочешь, я скажу тебе, что это такое, на мой взгляд? – ответила Камари.

– Скажи, – ответил я, заинтересовавшись.

– Ты всегда рисуешь какие-то знаки на земле перед тем, как разбросать кости, чтобы вызвать дождь, не так ли? Я думаю, что в этой книге как раз и собраны такие знаки.

– Ты очень умная девочка, Камари.

– Я *уже* говорила тебе об этом, – Камари рассердилась оттого, что я не посчитал ее слова очевидной истиной. Глянув на книгу, она протянула ее мне. – Что означают эти знаки?

– Всякую всячину.

– Какую *именно*?

– О, кикуйю знать это ни к чему.

– Но *ты* же знаешь.

– Я же мундумугу.

– Может кто-нибудь еще на Кириньяге понять смысл этих знаков?

– Вождь твоей деревни Коиннаге и еще двое вождей умеют читать такие знаки. – Я уже сожалел, что дал втянуть себя в этот разговор, понимая, к чему он приведет.

– Но вы все старики, – возразила она. – Ты должен научить меня, чтобы после вашей смерти кто-то мог прочесть их.

– Сами по себе эти знаки не так уж и важны, – сказал я. – Они выдуманы европейцами. Кикуйю не нуждались в книгах до прихода европейцев в Кению, вот и мы вполне обходимся без них на Кириньяге, которая принадлежит только нам. Когда Коиннаге и другие вожди умрут, все будет так же, как в стародавние времена.

– Значит, это дурные знаки? – спросила она.

– Нет, – сказал я. – Зла они не несут. Но для кикуйю они бесполезны. Это знаки белых людей.

Она протянула мне книгу:

– Прочтешь мне что-нибудь из этих знаков?

– Зачем?

– Хочется знать, какие заклятия у белых.

Я долго смотрел на нее, пытаясь собраться с мыслями, затем согласно кивнул.

– Только одно, – предупредил я. – И более это не повторится.

– Только одно, – согласилась Камари.

Я пролистал книгу, сборник английских стихотворений елизаветинской эпохи, переведенных на суахили, наугад выбрал одно и прочел его Камари:

Приди, любимая моя!
С тобой вкушу блаженство я.
Открыты нам полей простор,
Леса, долины, кручи гор.

Мы сядем у прибрежных скал,
Где птицы дивный мадригал
Слагают в честь уснувших вод
И где пастух стада пасет.

Приди! Я плащ украшу твой
Зеленой миртовой листвой,
Цветы вплету я в шелк волос
И ложе сделаю из роз.

Дам пояс мягкий из плюща,
Янтарь для пуговиц плаща.
С тобой познаю счастье я,
Приди, любимая моя![9]

Камари нахмурилась:

– Не понимаю.

– Я же сказал тебе, что не поймешь, – ответил я. – А теперь положи книгу на место и заканчивай уборку. У тебя же есть еще дела в шамба твоего отца помимо здешних.

Она кивнула и нырнула в хижину, чтобы возбужденно выскочить оттуда несколько минут спустя.

– Это же *история*! – воскликнула она.

– Что?

– Заклинание, которое ты прочел! Я не поняла многих слов, но это история воина, который просит девушку выйти за него замуж! – Она помолчала. – Но ведь *ты* мог бы сделать ее интереснее, Кориба! В заклинании не упомянуты ни гиена-*физи*, ни крокодил-*мамба*, что живет в реке и может съесть воина и его жену. И все же это история! Я-то думала, что это будет заклинание для мундумугу!

– Ты очень умна, раз поняла, что это история, – похвалил ее я.

– Прочти мне еще одну! – радостно попросила Камари.

Я покачал головой:

– Ты помнишь наш уговор? Только одну, и ни слова больше.

Задумавшись, она опустила голову, затем вскинула ее, блеснув глазами.

– Тогда научи меня читать эти заклинания.

– Это противоречит закону кикуйю, – сказал я. – Женщинам не дозволяется читать.

– Почему?

– Долг женщины, – ответил я, – возделывать поля, толочь зерно, поддерживать огонь в очаге, ткать полотно и вынашивать детей своего мужа.

– Но я не женщина, – заметила Камари. – Я маленькая девочка.

– Станешь женщиной, – сказал я, – а женщина не должна читать.

– Научи меня сейчас, а став женщиной, я все забуду.

– Разве орел забывает, как летать, а гиена – как убивать?

– Это несправедливо.

– Да, – согласился я. – Но обоснованно.

– Я не понимаю.

– Тогда давай я тебе все объясню, – сказал я. – Присядь, Камари.

Она села напротив меня в пыли и сосредоточенно наклонилась вперед.

– Много лет тому назад, – начал я, – кикуйю жили в тени Кириньяги, горы, на которой живет Нгаи.

– Я знаю, – сказала она. – А потом пришли европейцы и построили свои города.

– Ты перебиваешь.

– Извини, Кориба, – ответила она, – но я уже знаю эту историю.

– Не всю, – возразил я. – До появления европейцев мы жили в гармонии с землей. Мы пасли скот и возделывали поля, рожали как раз достаточно детей, чтобы заменять тех, кто умирал от старости или хвори, или тех, кто погибал на войне с масаи, вакамба и нанди. Жизнь наша была проста, но полноценна.

– И *тут* пришли европейцы! – не выдержала Камари.

– И тут пришли европейцы, – согласился я. – И принесли свои обычаи.

– Злые обычаи.

Я покачал головой.

– Для европейцев это – не злые обычаи, – ответил я. – Я-то знаю, потому что учился в европейских университетах. Но их обычаи не годятся для кикуйю, или масаи, или вакамба, или эмбу, или кисии, как, впрочем, и для всех остальных племен. Мы видели одежду, которую они носили, здания, которые они воздвигли, машины, которыми они пользовались, и мы попытались стать европейцами. Но мы – не европейцы, и их пути – не наши пути, они не подходят для нас. Наши города стали переполненными и грязными, наши земли истощались, животные вымирали, вода стала отравленной, и наконец, когда Эвтопический Совет разрешил нам переселиться на планету Кириньяга, мы оставили Кению и прилетели сюда, чтобы жить по старым законам, которые хороши для кикуйю. – Я помолчал. – В давние времена у кикуйю не было письменности и никто не умел читать, а раз мы здесь, на Кириньяге, возрождаем традиции кикуйю, то нашему народу нет нужды учиться читать или писать.

– Но что хорошего в неумении читать? – спросила она.

– То, что никто из кикуйю не умел читать до прихода европейцев, не делает его плохим. Чтение покажет тебе, что можно жить и думать иначе, и тогда жизнь на Кириньяге будет вызывать твое неудовольствие.

– Но *ты* же читаешь и всем доволен.

– Я – *мундумугу*, – сказал я. – Я достаточно мудр, чтобы понять, что прочитанное мною – ложь.

– Но ложь не обязательно плоха, – настаивала она. – Ты все время рассказываешь лживые истории.

– Мундумугу никогда не лжет своему народу, – резко возразил я.

– Ты рассказываешь им истории вроде той, про льва и зайца,

или другой, о том, как появилась радуга, но это же выдумки.

– Это притчи, – ответил я.

– Что такое притча?

– Особый вид истории.

– Это правдивая история?

– В каком-то смысле.

– Если она правдива лишь отчасти, значит, в ней есть и частичка лжи? – спросила она и продолжила, не дав мне ответить: – Если я могу слушать ложь, почему я не могу ее прочитать?

– Я тебе уже пояснил.

– Это несправедливо, – повторила она.

– Да, – вновь согласился я. – Но это правильно и в будущем послужит лишь благу кикуйю.

– Все равно не понимаю, почему это хорошо для нас, – посетовала она.

– Видишь ли, мы – последние, кто остался. Когда-то кикуйю попытались стать кем-то другими, но превратились не в городских кикуйю, не в плохих кикуйю, не в несчастных кикуйю, а в совершенно новое племя кенийцев. Те из нас, кто улетел на Кириньягу, прибыли сюда для того, чтобы сохранять традиции древности, и если женщины начнут читать, то некоторые станут недовольными, улетят, и в конце концов кикуйю исчезнут совсем.

– Но я не хочу покидать Кириньягу! – запротестовала Камари. – Я хочу, чтобы меня обрезали, хочу рожать детей моему мужу, обрабатывать поля его шамба, а в старости приглядывать за внуками.

– Так ты и должна себя вести.

– Но я также хочу читать о других мирах и других временах.

Я покачал головой:

– Нет.

– Но…

– Думаю, на сегодня разговоров достаточно, – сказал я. – Солнце уже высоко, а ты не закончила свою работу здесь, хотя тебе есть еще что делать в шамба твоего отца, а потом ты должна вернуться сюда.

Без единого слова она поднялась и занялась делами. Закончив, она подхватила клетку и зашагала обратно, к себе в бома.

Я посмотрел ей вслед, затем прошел в хижину, активировал компьютер и обсудил с Техподдержкой небольшие поправки к орбитальным параметрам, ибо на Кириньяге уже месяц стояла жара и сушь. Они дали согласие, и спустя несколько минут я шагал по извилистой тропе к центру деревни. Осторожно опустившись на землю, я разложил принесенные в кисете кости и

амулеты, после чего воззвал к Нгаи, моля его остудить Кириньягу легким дождем, который Техподдержка обещала позже к вечеру.

Тут же вокруг меня собрались дети – так случалось всякий раз, когда я спускался в деревню из бома на своем холме.

– *Джамбо*, Кориба! – кричали они.

– *Джамбо*, мои храбрые юные воины, – отвечал я, сидя на земле.

– Почему ты пришел к нам этим утром, Кориба? – спросил Ндеми, самый смелый из детей.

– Я пришел, чтобы попросить Нгаи смочить наши поля Его слезами сострадания, – сказал я, – ибо целый месяц у нас не было дождя и посевы могут засохнуть.

– А теперь, раз ты закончил говорить с Нгаи, расскажи нам какую-нибудь историю? – попросил Ндеми.

Я взглянул на небо, прикидывая время дня.

– У меня есть время только на одну, – предупредил я, – потому что потом я должен пойти на поля и обновить заклинания, чтобы пугала продолжали защищать наш урожай.

– Какую историю ты нам расскажешь, Кориба? – спросил другой мальчик.

Я огляделся и увидел Камари, стоящую в стайке девочек.

– Пожалуй, я расскажу вам историю о леопарде и сорокопуте[10].

– Такой я еще не слыхал! – воскликнул Ндеми.

– Неужели я настолько стар, что у меня нет для вас новых историй? – спросил я, и он потупился. Я подождал, пока все внимание сосредоточится на мне, потом начал: – Жил-был очень умный молодой сорокопут и, поскольку он был очень умен, постоянно задавал вопросы своему отцу.

– Почему мы едим насекомых? – однажды спросил он.

– Потому что мы сорокопуты, а сорокопуты едят именно насекомых, – отвечал отец.

– Но мы же еще и птицы, – возражал молодой сорокопут. – А разве птицы, орлы к примеру, не едят рыбу?

– Нгаи создал сорокопутов не для того, чтобы они ели рыбу, – напомнил ему отец. – Даже если тебе хватит сил поймать и убить рыбу, тебе станет плохо от такой пищи.

– А ты сам когда-нибудь ел рыбу? – спросил молодой сорокопут.

– Нет, – сказал его отец.

– Так откуда ты знаешь, что будет потом?

В тот же день, пролетая над рекой, сорокопут увидел маленькую рыбешку. Он поймал ее и съел, а потом целую неделю чувствовал недомогание.

– Ты получил хороший урок? – спросил его отец, когда молодой сорокопут поправился.

– Я научился не есть рыбу, – согласился сорокопут, – но хочу задать тебе другой вопрос.

– Какой? – спросил отец.

– Почему сорокопуты самые трусливые из птиц? – осведомился сорокопут. – Едва появятся лев или леопард, и мы взлетаем на верхушки деревьев и сидим там, пока они не уйдут.

– Львы и леопарды съели бы нас, если бы могли, – ответил его отец. – А потому мы должны убегать от них.

– Но они не едят страусов, а страусы тоже птицы, – заявил умный молодой сорокопут. – Если они нападают на страуса, тот убивает их ударом ноги.

– Ты не страус, – ответил отец, устав спорить с ним.

– Но я – птица, и страус – птица, и я научусь бить лапкой, как страус, – заявил молодой умный сорокопут и всю следующую неделю тренировал удар на насекомых и тонких веточках, что попадались у него на пути.

И вот как-то днем он наткнулся на *чуи*-леопарда. Когда леопард приблизился, молодой сорокопут не взлетел на дерево, а храбро остался на земле, не желая отступать.

– Ты очень храбр, чтобы встречать меня вот так, – сказал леопард.

– Я очень умная птица и не боюсь тебя, – сказал сорокопут. – Я научился брыкаться, как страус, так что, если ты подойдешь ближе, я ударю тебя, и ты умрешь.

– Я стар и больше не могу охотиться, – услышал он в ответ. – Я готов встретить смерть. Подойди и ударь меня, положи конец моим страданиям.

Молодой сорокопут подошел и ударил леопарда прямо по морде. Леопард лишь рассмеялся, раскрыл пасть и проглотил умного молодого сорокопута.

– Что за глупая птица, – засмеялся леопард. – Это же надо, выдавать себя за кого-то еще! Если б он улетел, как положено сорокопутам, я бы остался сегодня голодным. Но он вообразил себя тем, кем его отродясь не замышляли, и просто угодил мне в желудок. Полагаю, все-таки он был не слишком умен.

Я остановился и посмотрел прямо на Камари.

– Это все? – спросила одна из девочек.

– Все, – сказал я.

– А почему сорокопут решил, что он способен стать страусом? – спросил кто-то из ребятишек поменьше.

– Может быть, Камари расскажет тебе.

Все дети повернулись к Камари, которая, помолчав, ответила:

– Одно дело хотеть стать страусом, другое – знать то, что знает страус, – сказала она, глядя мне прямо в глаза. – Беда не в том, что сорокопут стремился узнать что-то новое. Для него плохо, что он думал, будто может стать страусом.

Наступила тишина, дети обдумывали ответ.

– Это так, Кориба? – наконец спросил Ндеми.

– Нет, – ответил я. – Ибо, узнав все, что знает страус, сорокопут тут же забыл бы о том, что он сорокопут. Вы должны всегда помнить, кто вы такие, и избыток знаний может заставить вас забыть об этом.

– Ты расскажешь нам еще одну историю? – спросила маленькая девочка.

– Не сейчас, – я поднялся. – Но вечером, когда я приду в деревню, чтобы выпить *помбе* и посмотреть на танцы, я, возможно, расскажу вам историю о слоне-самце и маленьком мудром мальчике кикуйю. Неужели, – добавил я, – дома у вас нет никаких дел?

Дети разбежались, кто по шамба, кто на пастбища, а я заглянул в хижину Джумы, чтобы дать ему мазь для суставов, которые всегда болели у него перед дождем. Я зашел к Коиннаге и выпил с ним помбе, после чего обсудил деревенские дела с советом старейшин. Наконец я поднялся к себе в бома, чтобы вздремнуть в самое жаркое время дня, благо дождь должен был пойти лишь через несколько часов.

Камари уже поджидала меня. Она собрала хворост, принесла воды, а когда я вошел в бома, насыпáла зерно в кормушки козам.

– Как себя чувствует твоя птица? – спросил я, взглянув на карликового сокола, клетка которого аккуратно стояла в тени хижины.

– Он пьет, но ничего не ест, – с тревогой произнесла она. – И все время смотрит в небо.

– Для него есть кое-что поважнее еды, – сказал я.

– Я все сделала, – сказала она. – Могу я идти домой, Кориба?

Я кивнул, и она ушла, пока я расстилал одеяло в хижине.

Всю следующую неделю она приходила дважды в день, утром и после полудня. Затем, на восьмой день, со слезами на глазах она сообщила, что ее карликовый сокол умер.

– Я же предупреждал тебя, что так оно и будет, – мягко заметил я. – Птица, паривша в вышине, на земле жить не сможет.

– Все птицы умирают, если не могут больше летать? – спросила она.

– Почти все, – сказал я. – Некоторым нравится безопасность клетки, но большинство умирает от разбитого сердца, ибо, коснувшись неба, они не могут смириться с тем, что их лишили

дара летать.

– Зачем же тогда мы мастерим клетки, если птицам в них плохо?

– Потому что птицы скрашивают жизнь *нам*, – ответил я.

Она помолчала и сказала:

– Я сдержу слово и буду прибираться у тебя в хижине и бома, носить тебе хворост и воду, хотя моя птица умерла.

Я кивнул.

– Так мы и договаривались, – сказал я.

Следующие три недели она приходила дважды в день. Затем, на двадцать девятый день в полдень, после того как она закончила утренние труды и вернулась в шамба своей семьи, ко мне в бома поднялся Нджоро, ее отец.

– *Джамбо*, Кориба, – приветствовал он меня, но на лице его читалась тревога.

– *Джамбо*, Нджоро, – ответил я, не поднимаясь ему навстречу. – Что привело тебя ко мне?

– Я – бедняк, Кориба, – сказал он, присев на корточки напротив меня. – У меня только одна жена, и она не родила мне сыновей, а лишь двух дочерей. Земли у меня в шамба не так много, как у соседей, и в прошлом году гиены задрали трех моих коров.

Я не мог понять, к чему он клонит, а потому просто смотрел на него, ожидая продолжения.

– При всей моей бедности, – продолжил он, – меня утешало одно – мысль о выкупе, который я в старости получу за каждую из дочерей-невест. – Он помедлил. – Я всегда следовал нашим традициям. И заслужил это право.

– И я того же мнения, – ответил я.

– Тогда почему ты готовишь Камари как мундумугу? – спросил он требовательно. – Всем известно, что мундумугу дает обет безбрачия.

– Камари сказала тебе, что станет мундумугу? – переспросил я.

Он покачал головой:

– Нет. Она совсем перестала разговаривать с матерью и со мной после того, как стала ходить к тебе в бома.

– Тогда ты ошибаешься, – сказал я. – Женщина не может стать мундумугу. С чего ты взял, что я готовлю ее себе на смену?

Он порылся в складках *кикои* и вытащил кусочек выделанной шкуры антилопы гну. На ней было углем нацарапано:

Я КАМАРИ

Я ДЕВОЧКА

– Это письмо, – осуждающе сказал он. – Женщины не умеют писать. Писать умеют только мундумугу и великие вожди, такие, как Коиннаге.

– Оставь это мне, Нджоро, – я взял у него кусок кожи, – и пришли Камари ко мне в бома.

– Я хотел, чтобы она до вечера сегодня поработала в шамба.

– Сейчас же, – сказал я.

Вздохнув, он кивнул:

– Я пришлю ее, Кориба. – Он помолчал. – Ты уверен, что она не станет мундумугу?

– Даю тебе слово. – И я поплевал на ладони, чтобы доказать свою искренность.

Успокоившись, он ушел к себе в бома, а несколько минут спустя по тропе взбежала Камари.

– *Джамбо*, Кориба, – сказала девочка.

– *Джамбо*, Камари, – ответил я, – я очень тобой недоволен.

– Разве я собрала сегодня мало хвороста? – спросила она.

– Ты собрала столько хвороста, сколько нужно.

– Разве тыквы не наполнены водой?

– Тыквы полны воды.

– Так в чем же я провинилась? – Она с отсутствующим видом оттолкнула одну из коз.

– Ты нарушила данное мне обещание.

– Это неправда, – возразила она, – я прихожу сюда дважды в день утром и после полудня, хотя птичка и умерла.

– Ты обещала больше не заглядывать в книги, – сказал я.

– Я не заглядывала в книги с того дня, как ты запретил мне это делать.

– Тогда объясни, что *это* такое? – Я протянул ей кусок кожи со словами.

– Нечего тут объяснять, – пожала она плечами. – Это писала я.

– Если ты не заглядывала в книги, то как ты могла научиться писать?

– С помощью твоего магического ящика, – сказала она. – Ты не запрещал мне заглядывать в него.

– Моего магического ящика? – нахмурился я.

– Ящика, который оживает и светится многими цветами.

– Ты имеешь в виду мой компьютер? – удивился я.

– Это твой магический ящик, – повторила Камари.

– И он научил тебя читать и писать?

– *Я* научилась сама, но только чуть-чуть, – печально ответила Камари. – Я словно сорокопут в твоей истории, я вовсе не так умна, как мне это казалось. Читать и писать очень трудно.

– Я говорил, что тебе нельзя учиться читать, – сказал я, сопротивляясь желанию похвалить ее выдающееся достижение, но ведь она нарушила закон.

Камари покачала головой.

– Ты сказал, что я не должна заглядывать в твои книги, – упрямо повторила она.

– Я говорил тебе, что женщинам не положено читать, – сказал я. – Ты ослушалась меня. За это ты будешь наказана. – Я выдержал паузу. – Ты будешь прибираться у меня еще три месяца, и ты должна принести мне двух зайцев и двух грызунов, которых ты поймаешь сама. Поняла?

– Я поняла.

– А теперь пойдем в хижину и ты, возможно, поймешь кое-что еще.

Она последовала за мной.

– Компьютер, включись, – приказал я.

– Включен, – ответил механический голос компьютера.

– Компьютер, просканируй хижину и скажи, кто стоит рядом со мной.

На мгновение сверкнули линзы сенсора.

– Девочка, Камари ва Нджоро, рядом с тобой, – ответил компьютер.

– Ты узнаешь ее, если увидишь вновь?

– Да.

– Приказ высшего уровня, – сказал я. – Никогда более не общайся с Камари ва Нджоро словами ни на одном известном тебе языке.

– Приказ понят и записан, – ответил компьютер.

– Выключайся. – И я повернулся к Камари. – Ты понимаешь, что мне пришлось сделать, Камари?

– Да, – сказала она, – но это несправедливо. Я не нарушала данного тебе обещания.

– Закон гласит, что женщины не должны читать, – сказал я, – и ты нарушила его. Больше тебе это не удастся. Возвращайся к себе в шамба.

Она ушла с гордо поднятой головой, всем своим видом демонстрируя несогласие, а я занялся своими делами, объяснил мальчикам, готовящимся к церемонии обрезания, как разрисовывать тела, прочитал заклинание, отгоняющее злых

духов от шамба старого Сибоки (он нашел там кучку дерьма, оставленного гиеной, верный признак проклятия *таху*), дал команду Техподдержке вновь скорректировать орбиту, чтобы принести прохладу на западные равнины.

Когда я вернулся для послеполуденного сна, Камари уже побывала у меня и удалилась, и все было в порядке.

Следующие два месяца жизнь в деревне шла своим чередом. Настала пора сбора урожая, старый Коиннаге взял себе еще одну жену, и праздник по этому случаю с танцами и обильными возлияниями помбе длился два дня. Прошли по графику короткие дожди, родилось трое детей. Даже Эвтопический Совет, ворчавший на наш обычай оставлять старых и увечных гиенам, оставил нас в покое. Мы отыскали их нору и убили трех щенков, потом дождались возвращения их матери и умертвили ее тоже. Каждое полнолуние я приносил в жертву корову – не просто козу, а большую, жирную корову, – благодаря Нгаи за Его щедрость, ибо, поистине, он благословил Кириньягу процветанием.

За это время я редко виделся с Камари. Она приходила по утрам, когда я спускался в деревню, бросая кости, дабы определить, какая будет погода, и днем, когда я обходил больных и беседовал со старейшинами, но я всегда знал, что она приходила, ибо мои хижина и бома содержались в идеальном порядке, а недостатка в воде и хворосте я не испытывал.

Но однажды днем, после второго полнолуния, вернувшись к себе после беседы с Коиннаге – мы обсуждали, как лучше решить вопрос о спорном участке земли, – я, войдя в хижину, нашел компьютер включенным; экран покрывали странные символы. Когда я получал научные степени в университетах Англии и Америки, то выучил английский, французский и испанский; разумеется, я знал языки кикуйю и суахили. Но эти символы представляли собой неизвестный мне язык; и, хотя среди символов встречались цифры и знаки препинания, это не были математические формулы.

– Компьютер, я точно помню, что выключил тебя утром. – Я нахмурился. – Почему у тебя экран светится?

– Меня активировала Камари.

– И забыла выключить, когда уходила?

– Совершенно верно.

– Так я и подумал, – мрачно сказал я. – Она включает тебя каждый день?

– Да.

– Разве я не отдал тебе приказ высшего приоритета – не общаться с ней ни на одном известном языке? – удивился я.

– Отдал, Кориба.

– Как ты можешь объяснить неисполнение моего указания?

– Я не отказывался исполнять твой приказ, Кориба, – ответил компьютер. – В соответствии с моей программой я не могу нарушить приказ высшего приоритета.

– А что тогда я вижу на экране?

– Это Язык Камари, – ответил компьютер. – Он не фигурирует среди 1732 языков и диалектов, хранящихся в моей базе данных, а потому не попадает под ограничение твоего приказа.

– Ты создал этот язык?

– Нет, Кориба. Его создала Камари.

– Ты как-либо помогал ей?

– Нет, Кориба.

– Это настоящий язык? – спросил я. – Ты способен понять его?

– Это настоящий язык. Я могу его понять.

– Если она задает тебе вопрос на Языке Камари, ты можешь ответить на него?

– Да, если вопрос достаточно простой. У этого языка очень ограниченные возможности.

– А если для ответа требуется перевести какую-то фразу с любого известного тебе языка на Язык Камари, будет ли это нарушением моего приказа?

– Нет, Кориба, не будет.

– Следовательно, ты отвечал на вопросы, которые задавала Камари?

– Да, Кориба, – ответил компьютер.

– Понятно, – сказал я. – Слушай новый приказ…

– Ожидаю приказа.

Я склонил голову, глубоко задумавшись над проблемой. Было очевидно, что Камари исключительно умна и талантлива: она не только сама научилась читать и писать, но создала связный и логичный язык, который компьютер не просто понимал, но и мог формулировать на нем ответы. Я отдавал приказы, но она каждый раз находила способ обойти их, не выказывая прямого неповиновения. Она делала это не по злому умыслу, а лишь из стремления к знаниям, что само по себе заслуживало похвалы. Это на одной чаше весов.

На другой была угроза социальному порядку, который мы с таким упорством строили на Кириньяге. Мужчины и женщины сознавали лежащую на них ответственность и принимали ее. Нгаи дал масаи копье и дал вакамба лук и стрелы, и Он же даровал европейцам их машины и печатный станок, но кикуйю Он снабдил только палкой-копалкой, чтобы возделывать плодородную землю, лежащую вокруг священного фигового дерева на склонах Кириньяги.

Когда-то, много лет назад, мы жили в полной гармонии с землей. Потом пришло печатное слово. Сначала оно превратило нас в рабов, затем сделало христианами, разделило на солдат, фабричных рабочих, ремесленников и политиков, и так кикуйю стали всеми теми, кем не должны были быть. Такое уже случилось и, значит, могло повториться вновь.

Мы прилетели на Кириньягу, чтобы создать идеальное общество кикуйю, Утопию кикуйю. Могла ли одна одаренная девочка нести в себе семена уничтожения нашего общества? Полной уверенности у меня не было, но я точно знал, что одаренные дети вырастают. Превращаются в Иисуса, Магомета, Джомо Кениату, но ведь детьми были и Типпу Тиб[11], самый жестокий из рабовладельцев, и Иди Амин[12], мясник собственного народа. Или, что случалось чаще, из них вырастали подобные Фридриху Ницше и Карлу Марксу, удивительно талантливые люди, чьи идеи стали руководящими для менее талантливых и менее способных. Должен ли я стоять в стороне и надеяться, что она окажет благотворное влияние на наше общество, когда вся история человечества говорит о куда большей вероятности обратного результата?

Решение было болезненным, но не особенно трудным.

– Компьютер, – проговорил я наконец, – я отдаю тебе новый приказ высшего приоритета, заменяющий мой предыдущий приказ. Я полностью запрещаю тебе общение с Камари при любых обстоятельствах. Если она включит тебя, ты должен сказать ей, что Кориба запретил тебе контактировать с ней каким бы то ни было образом, после чего немедленно отключиться. Ясно?

– Приказ понят и записан.

– Отлично, – сказал я, – а теперь выключись.

Вернувшись из деревни следующим утром, я нашел тыквы пустыми, одеяло смятым, а двор бома – в козьем помете.

Среди кикуйю нет человека могущественнее мундумугу, но и он не лишен сострадания. Я решил простить детскую выходку Камари, а потому не зашел к отцу девочки и не приказал другим детям избегать ее.

Она не пришла и после полудня. Сидя у хижины, я ждал Камари, чтобы объяснить ей мое решение. Когда наступили сумерки, я послал за мальчиком, Ндеми, чтобы тот наполнил тыквы водой и подмел в бома. Это считалось женской работой, но он не решился противоречить мундумугу, хотя каждое его движение выдавало презрение к данному мной заданию.

Прошло еще два дня, и, когда Камари так и не появилась, я вызвал ее отца, Нджоро.

– Камари нарушила данное мне слово, – сказал я, когда он пришел. – Если она и сегодня не придет подметать мой двор, мне придется наложить на нее таху.

Он озадаченно посмотрел на меня.

– Она говорит, что ты уже ее проклял, Кориба. Я хотел спросить, должны ли мы выгнать ее из нашего бома.

Я покачал головой.

– Нет, выгонять ее из бома не нужно, – сказал я. – Я еще не наложил на нее таху, но она должна прийти сюда сегодня.

– Не знаю, хватит ли у нее сил, – покачал головой Нджоро. – Три дня она не ест и не пьет, а лишь неподвижно сидит в хижине моей жены. – Он помолчал. – Кто-то *другой* наложил на нее таху. Если это не ты, возможно, тебе удастся снять его.

– Она не ест и не пьет три дня? – повторил я.

Он кивнул.

– Я проведаю ее, – и, поднявшись, я последовал за ним к деревне. Когда мы пришли в бома Нджоро, он подвел меня к хижине своей жены, вызвал из нее встревоженную мать Камари и отошел, пока я заглядывал в хижину. Камари сидела у стены, подтянув колени к подбородку, руками обхватив тонкие ножки.

– *Джамбо*, Камари, – поздоровался я.

Она посмотрела на меня, но ничего не сказала.

– Твоя мать тревожится за тебя, а отец говорит, что ты отказываешься от пищи и воды.

Она снова не ответила.

– Кроме того, ты не сдержала обещания прислуживать в моем бома.

Тишина.

– Ты что, говорить разучилась? – спросил я.

– Женщины кикуйю не должны разговаривать, – ответила она горько. – И не должны думать. Им только и положено, что вынашивать детей, готовить, собирать хворост да пахать на полях. Им нет нужды думать или говорить, чтобы заниматься всем этим.

– Ты настолько несчастлива?

Ответа не последовало.

– Послушай меня, Камари, – медленно проговорил я. – Я принял решение на благо Кириньяги и менять его не буду. Как женщина племени кикуйю ты должна жить согласно нашим традициям. – Я выдержал паузу. – Однако и кикуйю, и Эвтопический Совет не лишены сострадания по отношению к отдельному человеку. Любой член нашего общества может покинуть его, если пожелает. Согласно хартии, которой дана нам во владение эта планета, тебе надо лишь отправиться в место, именуемое Космопорт, а корабль Техподдержки заберет тебя и

доставит в указанное тобою место.

– Я знаю только Кириньягу, – ответила она. – Как я буду выбирать новый дом, если мне запрещено узнавать про другие места?

– Не знаю, – признал я.

– Я *не* хочу покидать Кириньягу! – продолжала она. – Тут мой дом. Тут мой народ. Я из племени кикуйю, не масаи, не европейка. Я буду рожать детей своему мужу и работать у него в шамба; я буду собирать для него хворост, готовить ему пищу, ткать полотно для его одежды; я уйду из шамба моих родителей и буду жить в семье мужа. И сделаю это без малейших сожалений, Кориба, если ты только позволишь мне научиться читать и писать.

– Не могу, – с грустью ответил я.

– Но *почему*?!!

– Кто самый мудрый из знакомых тебе людей, Камари? – спросил я.

– В деревне нет мудрее мундумугу.

– Тогда ты должна довериться моей мудрости.

– Но я чувствую себя как тот карликовый сокол, – в ее голосе слышалась печаль. – Он провел жизнь, мечтая о том, как будет парить высоко на крыльях ветра. А я мечтаю увидеть слова на экране компьютера.

– Ты совсем непохожа на сокола, – возразил я. – Ему не давали быть таким, для чего он был создан. Тебе же не дают стать той, кем быть не положено.

– Ты не злой человек, Кориба, – грустно сказала она. – Но ты неправ.

– Даже если и так, придется мне с этим жить, – сказал я.

– Но ты просишь смириться с этим *меня*, – сказала она, – и в этом твое преступление.

– Если ты вновь назовешь меня преступником, – сурово молвил я, ибо никому не дозволено так говорить с мундумугу, – я наложу на тебя таху.

– Что еще ты можешь сделать со мной? – с горечью спросила она.

– Я могу превратить тебя в гиену, нечистую поедательницу человеческой плоти, что рыщет только в ночи. Я могу наполнить твой живот шипами, и каждое движение будет причинять тебе страдания. Я могу…

– Ты всего лишь человек, – устало ответила Камари, – и ты уже сделал самое худшее.

– Чтобы больше я этого не слышал! – сказал я. – Приказываю тебе есть и пить все, что принесет тебе твоя мать, а завтра днем

жду тебя в моем бома.

Я вышел из хижины и велел матери Камари принести ей банановое пюре и воды. Затем заглянул в шамба старого Бенимы. Буйвол изрядно потоптался по его полям, погубив урожай, и я принес в жертву козу, чтобы изгнать таху, павшее на его землю.

Покончив с этим, я заглянул в бома к Коиннаге. Вождь угостил меня свежесваренным помбе и начал жаловаться на Кибо, свою последнюю жену. Она стакнулась с Шуми, его второй женой, и теперь они строят козни Вамбу, старшей жене.

– Ты всегда можешь развестись с ней и вернуть ее в шамба ее родителей, – указал я.

– Она стоила мне двадцать коров и пять коз! – возопил Коиннаге. – Ее семья вернет их?

– Разумеется, нет.

– Тогда я не отправлю ее к родителям.

– Как тебе будет угодно, – я пожал плечами.

– Кроме того, она очень сильная и очаровательная, – продолжал он. – Я просто хочу, чтобы она прекратила ссориться с Вамбу.

– А из-за чего они ссорятся?

– Из-за всего. Кто будет носить воду, штопать мою одежду, чинить крышу моей хижины. – Он помолчал. – Они даже спорят, в чью хижину я должен прийти ночью, как будто мое мнение в этом деле никого не волнует.

– А насчет идей они не спорят? – спросил я.

– Идей? – не понял он.

– Которые можно почерпнуть из книг.

Коиннаге рассмеялся.

– Они ведь *женщины,* Кориба. Зачем им идеи? – Он помолчал. – Да кому из нас вообще нужно особо задумываться?

– Не знаю, – уклончиво ответил я. – Я просто спросил.

– Ты чем-то встревожен, – отметил он.

– Должно быть, виной тому помбе, – сказал я. – Я старик, а напиток, похоже, слишком крепок для меня.

– А все потому, что Кибо не слушает, когда Вамбу говорит ей, как варить помбе. Наверное, мне все же следует отослать ее. – Он посмотрел на Кибо, прошедшую мимо с вязанкой хвороста на гибкой, сильной спине. – Но она так молода и красива. – Внезапно взгляд его обратился к деревне. – Ага! Старый Сибоки наконец-то умер.

– Откуда ты знаешь? – спросил я.

Он указал на поднимающуюся к небу тонкую колонну дыма:

– Вон жгут его хижину.

Я взглянул в том направлении.

– Это не хижина Сибоки, – возразил я. – Его бома западнее.

– Кто же еще из стариков или больных мог умереть в нашей деревне? – спросил Коиннаге.

И внезапно я понял, как понимал, что Нгаи восседает на Своем троне на вершине священной горы – я понял, что Камари мертва.

Я максимально быстро направился к шамба Нджоро. Когда я пришел, мать Камари, ее сестра и бабушка уже пели погребальную песнь, а по их щекам катились слезы.

– Что случилось? – спросил я у Нджоро.

– Почему ты спрашиваешь, когда ты лишил ее жизни? – с горечью ответил тот.

– Я не лишал ее жизни, – сказал я.

– Разве не далее как сегодня утром не ты пригрозил наложить на нее таху? – не унимался Нджоро. – Вот ты его и наложил, и теперь она мертва, а у меня осталась только одна дочь, за которую я могу получить выкуп, и мне пришлось сжечь хижину Камари.

– Кончай тревожиться о выкупах за невест и хижинах и скажи мне, что случилось, иначе ты узнаешь, что такое проклятие мундумугу! – напустился на него я.

– Она повесилась в хижине на полосе буйволиной кожи.

Пять соседских женщин появились в шамба Нджоро и присоединились к погребальной песне.

– Она повесилась в своей хижине? – переспросил я.

Он кивнул:

– Она могла бы повеситься на дереве, чтобы не осквернять хижину. Тогда я мог бы и не сжигать ее.

– Помолчи! – велел я, стараясь собраться с мыслями.

– Она была не такой дурной дочерью, – продолжал Нджоро. – Почему ты проклял ее, Кориба?

– Я не налагал на нее таху, – ответил я, сомневаясь, что говорю правду. – Я лишь хотел ее спасти.

– Так чье же колдовство сильнее твоего? – в испуге спросил он.

– Она нарушила закон Нгаи, – ответил я.

– И Нгаи покарал ее! – в ужасе возопил Нджоро. – На кого из членов моей семьи падет Его следующий удар?

– Ни на кого, – ответил я. – Закон нарушила одна Камари.

– Я бедняк, – осторожно промолвил Нджоро, – а теперь стал еще беднее. Сколько я должен заплатить тебе, чтобы ты уговорил Нгаи принять дух Камари с прощением и сочувствием ей?

– Я так поступлю, и неважно, заплатишь ты мне или нет, – ответил я.

– Так ты не будешь брать с меня платы? – спросил он.

– Не буду я брать с тебя платы.

– Благодарю тебя, Кориба! – просиял Нджоро.

Я стоял и смотрел на пылающую хижину, отгоняя от себя мысли о девочке, чье тело превращалось сейчас в пепел.

– Кориба? – прервал долгое молчание Нджоро.

– Что еще? – раздраженно спросил я.

– Мы не знаем, что делать с полосой буйволиной кожи, ибо на ней знаки таху, и мы боялись сжечь ее. Теперь я знаю, что они оставлены Нгаи, а не тобой, и не смею даже прикоснуться к ней. Ты не заберешь ее с собой?

– Какие знаки? – спросил я. – О чем ты говоришь?

Он взял меня за руку и провел ко входу в пылающую хижину. На земле, шагах в десяти от входа, лежала полоска выделанной буйволиной кожи, на которой повесилась Камари, и на ней были те же странные символы, что светились на экране компьютера три дня тому назад.

Я наклонился, поднял полоску, потом повернулся к Нджоро.

– Если на твое шамба действительно наложено заклятие, я унесу его с собой, взяв оставленные Нгаи знаки, – сказал я ему.

– Спасибо тебе, Кориба, – в голосе его слышалось явное облегчение.

– Я должен уйти, чтобы приготовиться к колдовству, – резко сказал я и пошел обратно к своему бома. После долгого пути я вошел в хижину с полоской буйволиной кожи.

– Компьютер, включись, – скомандовал я.

– Готов к работе.

Я поднес полосу к сканирующей линзе.

– Ты узнаешь этот язык? – спросил я.

Линзы коротко сверкнули.

– Да, Кориба. Это Язык Камари.

– Что здесь написано?

– Строфа стихотворения.

> Птицы в клетке умирают не одни —
> Ибо я коснулась неба, как они[13].

Ближе к вечеру вся деревня собралась в шамба у Нджоро, женщины пели погребальную песню целую ночь и день напролет, но очень скоро о Камари все позабыли, потому что жизнь продолжалась, а она была, в конце концов, всего лишь маленькой девочкой кикуйю.

Я же с тех пор, находя птиц со сломанным крылом, все пытаюсь их вылечить. Но они всегда умирают, и я хороню их

рядом с курганом на месте, где раньше стояла хижина Камари.

В такие дни, закапывая птиц в землю, я вспоминаю об этой девочке и сожалею, что я не простой человек, которому только и надо, что пасти скот, пахать и думать о том, о чем думают простые люди, но мундумугу, которому приходится жить с последствиями своих мудрых дел.

Бвана

ЧЕТВЕРТЫМ РАССКАЗОМ в цикле был «Бвана». Он не был номинирован на «Хьюго», скорее всего потому, что в том году конкурировал с рассказом «Bully!», который значительно сильнее. Кроме того, я думаю, что это самая слабая из историй Кириньяги, прежде всего потому, что в ней отсутствует обычная двусмысленность – с первой строчки вы знаете, что Кориба прав, и вы болеете за его победу.

Майк Резник

Bwana. *Первая публикация в журнале Isaac Asimov's Science Fiction Magazine в январе 1990 года.*

Декабрь 2131 – Февраль 2132 года

Нгаи правит Вселенной со Своего трона, и дикие звери беспрепятственно бродят по Его священной горе и делят ее плодородные зеленые склоны с Его избранным народом. Первому из масаи дал Он копье, а первому из вакамба – лук, однако Гикуйю, первому из народа кикуйю, Он дал только палку-копалку и велел поселиться на склонах Кириньяги. Кикуйю, по воле Нгаи, могут приносить в жертву коз и гадать по их внутренностям или быков, чтобы отблагодарить Его за ниспосланные дожди, однако им не дозволено убивать Его зверей, населяющих гору.

Но однажды пришел Гикуйю к Нему и сказал:

– Нет у нас ни лука, ни стрел. Тогда как же нам убить *физи*, гиену, в теле которой обитают мстительные души злодеев?

Нгаи сказал, что кикуйю не следует убивать гиен, ведь у гиены своя цель: Он сотворил ее, чтобы та доедала добычу после львов и избавляла *шамба* народа кикуйю от больных и стариков.

Так прошло некоторое время, и Гикуйю снова пришел на вершину горы.

– Нет у нас копий. Тогда как же нам убить льва и леопарда, которые охотятся на наш скот?

И снова Нгаи запретил ему, сказав, что кикуйю не следует убивать львов и леопардов, ведь Он сотворил их, чтобы травоядные слишком не расплодились и не съели всю траву на

полях кикуйю.

Наконец пришел Гикуйю в последний раз на гору и сказал так:

– По крайней мере, Ты бы мог позволить нам убить слона, который за считаные минуты способен уничтожить урожай целого года. Как же нам защититься от него, раз Ты не дал нам оружия?

Нгаи надолго задумался, после чего ответил:

– Я повелел, чтобы кикуйю возделывали поля, и вам не следует пачкать их кровью других моих созданий. Но, поскольку вы – Мой избранный народ и важнее, чем звери, что обитают на Моей горе, я поручу охоту на них другим.

– Из какого же племени явятся эти охотники? – спросил Гикуйю. – Как нам называть их?

– Вы узнаете их по определенному слову, – сказал Нгаи.

Когда Нгаи сообщил Гикуйю, по какому именно слову кикуйю узнают охотников, явившихся в их край, Гикуйю решил, что Нгаи пошутил, громко рассмеялся и вскоре позабыл об этом разговоре.

А ведь Нгаи никогда не шутит, говоря с кикуйю.

У нас на эвтопической планете Кириньяга нет ни слонов, ни львов, ни леопардов, поскольку все эти виды вымерли задолго до того, как мы эмигрировали из ставшей нам непереносимо чужой Кении. Но мы взяли с собой изящную импалу, величественную куду[14], могучего буйвола, стремительную газель – и, так как мы верны велениям Нгаи, прихватили также гиену, шакала и грифа. Кириньяга была разработана, чтобы стать климатической Утопией, а не только социальной, и земля тут плодороднее, нежели кенийская, а Техподдержка внесла нужные поправки в орбитальные параметры так, чтобы дожди всегда выпадали по расписанию, поэтому дикие звери Кириньяги, подобно домашним животным и самим людям, плодились и размножались. Начало открытого противостояния было лишь вопросом времени. Поначалу гиены лишь в единичных случаях нападали на наш скот, а однажды стадо встревоженных чем-то буйволов вытоптало весь урожай старого Бенимы, но мы принимали эти неприятности с достоинством, ибо Нгаи заботился о нас, и мы не испытывали недостатка в пище.

Но по мере того, как мы превращали в пастбища все больше и больше терраформированного вельда и дикие звери Кириньяги стали испытывать давление охочих до пахотной земли людей, подобные инциденты стали учащаться, а их последствия сделались серьезнее.

Я сидел у огня в своем *бома* и смотрел на равнины, кое-где утыканные акациями, ожидая, когда поднимется солнце и

прогреет утренний воздух, и тут молодой Ндеми примчался из деревни по извилистой тропе.

– Кориба! – вскричал он. – Пойдем быстрее!

– Что произошло? – Я с трудом поднялся.

– На Джуму напали физи! – выдохнул он, пытаясь восстановить дыхание.

– Одна гиена или много? – спросил я.

– Думаю, что одна. Не знаю.

– Он жив?

– Джума или физи? – уточнил Ндеми.

– Джума.

– Думаю, что мертв. – Ндеми помолчал. – Но ты же *мундумугу*. Ты можешь вернуть его к жизни.

Мне польстило, что он приписывает такое могущество своему мундумугу, но, естественно, если его товарищ действительно погиб, я ничем не мог бы ему помочь. Я пошел к себе в хижину, выбрал некоторые травы, особо эффективные для борьбы с инфекциями, и прибавил к ним несколько листьев дерева кат, чтобы дать пожевать Джуме (на Кириньяге у нас нет анестетиков, а галлюциногенный транс, вызываемый листьями кат, по крайней мере, помог бы ему забыть о боли). Все это я сложил в кожаный кисет и повесил на шею. Потом выбрался из хижины и кивнул Ндеми, который повел меня к шамба отца Джумы.

Когда мы достигли этого места, женщины уже начали погребальную песню, и мне оставалось только бегло осмотреть то, что осталось от несчастного Джумы. Одним укусом гиена отхватила ему большую часть лица, а другим – левую руку. Потом сожрала большую часть груди, прежде чем жители деревни наконец отогнали ее.

Коиннаге, наш потомственный вождь, прибыл несколькими минутами позже.

– *Джамбо,* Кориба, – приветствовал он меня.

– *Джамбо,* Коиннаге, – ответил я.

– Надо что-то с этим делать, – сказал он, оглядев тело Джумы, над которым уже кружили мухи.

– Я прокляну гиену, – ответил я, – а ночью принесу в жертву козу, чтобы Нгаи принял душу Джумы.

Коиннаге с тревогой посмотрел на меня, поскольку он меня боялся, но произнес:

– Этого недостаточно. За последний месяц гиены загрызли уже второго здорового юношу.

– Наши гиены пристрастились к человечине, – согласился я. – Это потому, что мы оставляем им на съедение больных и стариков.

– Значит, надо перестать оставлять им на съедение больных и стариков.

– У нас нет выбора, – проговорил я. – Европейцы считают это дикарским обычаем, и даже Техподдержка пыталась нам его запретить – но у нас нет лекарств, чтобы облегчить их страдания. Чужакам он кажется варварским, но в действительности это акт милосердия. С тех пор как Нгаи даровал первому кикуйю палку-копалку, в наших обычаях всегда было оставлять гиенам больных и стариков, когда приходил их час умереть.

– У Техподдержки есть лекарства, – возразил Коиннаге, и я заметил, что двое юношей подошли поближе и прислушались. – Возможно, надо попросить их помочь нам.

– Чтобы они прожили дольше на неделю или месяц, а потом их похоронили бы в земле, как христиан? – фыркнул я. – Нельзя быть одновременно кикуйю и европейцами. По этой причине мы и прилетели на Кириньягу.

– Но что дурного в том, чтобы попросить их о лекарстве для наших стариков? – спросил один молодой человек, и Коиннаге с явным облегчением выдохнул от того, что не он произнес этот аргумент.

– Если сегодня принять их лекарства, то завтра вы примете их одежду, машины и бога, – ответил я. – Если история и способна чему-то научить нас, так именно этому.

Вид у них по-прежнему был неуверенный, так что я добавил:

– Многие расы стремятся вперед, к Утопии, а кикуйю следует смотреть *назад,* в более простое прошлое, когда мы жили в гармонии с землей и не были испорчены обществом, к которому никогда не принадлежали. Я жил среди европейцев, я посещал их школы и университеты и говорю вам: нельзя прельщаться песнями сирен, что издают их технологии. То, что работает у европейцев, не работало для кикуйю в то время, когда мы обитали в Кении, и не сработает сейчас на Кириньяге.

Словно подчеркивая важность моего заявления, вдали, в вельде, мрачно захохотала гиена. Женщины прекратили погребальную песнь и придвинулись друг к дружке.

– Но нужно же что-то делать! – запротестовал Коиннаге, его ужас перед гиенами на миг перерос страх перед мундумугу. – Нельзя, чтобы эти твари продолжали уничтожать наш урожай и пожирать наших детей.

Я мог бы объяснить, сейчас наличествует временный дисбаланс из-за того, что травоядные несколько снизили темпы размножения, приспосабливаясь к уменьшению пастбищ, и что темпы размножения гиен за год почти наверняка подстроятся под них, но люди бы меня не поняли или не поверили. Им нужны

были решения, а не объяснения.

– Нгаи испытывает наше мужество, желая увидеть, достойны ли мы жить на Кириньяге, – ответил я наконец. – Пока время испытаний продолжается, надо вооружать наших детей копьями и отпускать на выпас скота только парами.

Коиннаге покачал головой:

– Гиены пристрастились к человечине, а два юноши кикуйю даже с копьями ничего не сделают против стаи гиен. Нгаи явно неугодно, чтобы физи пожрали Его избранный народ?

– Нет, неугодно, – согласился я. – В природе гиен – охотиться на травоядных, как в нашей собственной – возделывать землю. Я ваш мундумугу. Вы должны верить мне, что время испытаний скоро закончится.

– Как скоро? – спросил кто-то.

Я пожал плечами.

– Может, спустя два сезона дождей. А может, три. – Сезон дождей был дважды в год.

– Ты стар, – продолжил говоривший, собрав всю храбрость, чтобы возражать своему мундумугу. – У тебя нет детей, и это дарует тебе терпение. Но те из нас, кто родил сыновей, не желают ждать два или три сезона дождей, каждый день задаваясь вопросом, а вернутся ли наши дети с полей. Нужно что-то предпринять *сейчас же*.

– Я старик, – согласился я, – и мне это дарует не только терпение, но и мудрость.

– Ты – мундумугу, – сказал наконец Коиннаге, – и у тебя свой способ преодоления трудностей. Но я – верховный вождь, и у меня есть мой. Я поведу людей на охоту, и мы убьем всех гиен.

– Отлично, – ответил я, потому что ожидал такого решения. – Организуй охоту.

– Бросишь ли ты кости, чтобы узнать, будет ли нам сопутствовать удача?

– Мне нет нужды бросать кости, чтобы предвидеть результаты вашей охоты, – ответил я, – потому что вы крестьяне, а не охотники. Вы потерпите неудачу.

– Ты не станешь нас поддерживать? – возмутился кто-то.

– Вам не нужна моя поддержка, – сказал я. – Я дам вам свое терпение, ибо это все, что вам нужно.

– Мы обязаны превратить этот мир в Утопию, – возразил Коиннаге. Его представление о смысле этого термина было крайне расплывчатым, но он отождествлял его с хорошими урожаями и отсутствием врагов. – Что ж это за Утопия, если в ней дикие звери пожирают детей?

– Нельзя понять полноты желудка, не испытав голода, –

сказал я. – Нельзя оценить тепла и сухости, пока не промок и не замерз. Нгаи ведомо, даже если тебе – нет, что жизнь нельзя оценить по достоинству без смерти. Таков Его урок для вас; это пройдет.

– Это должно закончиться *сейчас*, – ответил Коиннаге прямо, поняв, что я не стану препятствовать его охоте.

Я воздержался от дальнейших комментариев, потому что понимал – отговорить его не удастся. Следующие несколько минут я провел, составляя проклятие для гиены, убившей Джуму, а вечером принес посреди деревни в жертву козу и прочел по ее внутренностям, что Нгаи принял жертву и дух Джумы.

Спустя два дня Коиннаге повел десять человек в вельд охотиться на гиен, а я остался у себя в бома и стал готовиться к неизбежному развитию событий.

В то утро Ндеми, самый смелый мальчик деревни, чья отвага сделала его моим любимцем, поднялся по длинной извилистой тропе ко мне на холм.

– *Джамбо*, Кориба, – невесело поздоровался он.

– *Джамбо*, Ндеми, – ответил я. – В чем дело?

– Они говорят, я слишком молод, чтобы охотиться на физи, – пожаловался он, садясь на корточки рядом со мной.

– Они правы.

– Но я ежедневно упражняюсь в искусстве выживания в дикой природе, и ты лично благословил мое копье.

– Я не забыл, – сказал я.

– Тогда почему мне нельзя на охоту?

– Это не имеет значения, – сказал я. – Они не убьют физи. Вообще говоря, им очень повезет, если все охотники вернутся живыми. – Я помолчал. – Вот *тогда* и начнутся настоящие проблемы.

– Мне казалось, они уже начались, – ответил Ндеми без тени сарказма.

Я покачал головой:

– То, что уже произошло, есть часть естественного порядка жизни и, следовательно, жизни на Кириньяге. Но когда Коиннаге не удастся убить гиен, он захочет призвать на Кириньягу охотника, и это уже *не будет* частью естественного порядка.

– Ты знаешь, как он поступит? – впечатлился Ндеми.

– Я знаю Коиннаге, – ответил я.

– Тогда ты ему скажешь так не поступать.

– Я скажу ему так не поступать.

– И он тебя послушает.

– Нет, – сказал я, – он вряд ли меня послушает.

– Но ты же мундумугу.

– Многие жители деревни меня недолюбливают, – объяснил я. – Они видят изящные корабли, которые время от времени прилетают на Кириньягу, слышат истории о чудесах Найроби и Момбасы и позабыли, почему мы вообще сюда прибыли. Они недовольны своими палками-копалками, они стремятся овладеть копьем масаи, луком вакамба или машинами европейцев.

Ндеми мгновение молча сидел на корточках.

– Кориба, у меня к тебе вопрос, – проговорил он наконец.

– Спрашивай.

– Ты мундумугу, – сказал он. – Ты умеешь обращать людей в насекомых, видеть во мраке и ходить по воздуху.

– Это правда, – согласился я.

– Тогда почему ты не превратишь всех гиен в пчел и не подожжешь их улей?

– Потому что физи не злы, – объяснил я. – Это в их природе – есть мясо. Без физи другие животные так расплодятся, что вскоре опустошат наши поля.

– Тогда почему бы не убить только тех физи, которые убивают нас?

– Ты разве не помнишь свою бабушку? – спросил я. – Не помнишь, как она мучилась последние дни своей жизни?

– Помню.

– Мы не убиваем своих. Если бы не физи, она бы промучилась еще много дней. Физи совершают лишь то, ради чего их создал Нгаи.

– Нгаи также сотворил охотников, – заметил Ндеми, хитро глянув на меня уголком глаза.

– Да, это так.

– Тогда почему ты не желаешь, чтобы явились охотники и убили физи?

– Я тебе расскажу историю про льва и козлов, и ты поймешь, – сказал я.

– При чем тут козлы и львы, если речь о гиенах? – спросил он.

– Послушай и узнаешь, – ответил я. – Жило-было некогда стадо черных козлов, и жилось им вполне счастливо, ибо Нгаи обеспечил их зелеными травами, сочными растениями и ручьем неподалеку, из которого они могли напиться. Когда шел дождь, то они укрывались под ветками величественных высоких деревьев, куда не проникали тяжелые капли. Однажды в деревню козлов явился леопард, и поскольку он был стар, слаб и сильно исхудал, так что не мог охотиться на импал и водяных козлов, то убил деревенского козла и сожрал его.

– Это ужасно! – заблеяли козлы. – Нужно что-то делать!

– Этот леопард стар, – сказал мудрейший из козлов. – Если он сможет восстановить свои силы, то станет охотиться на импал, поскольку мясо импалы значительно питательнее нашего, а если не сможет – то скоро умрет. Нам всего лишь нужно соблюдать осторожность, покуда он здесь.

Но другие козлы так перепугались, что не стали его слушать и решили позвать на помощь.

– Я бы остерегался всякого, кто не козел, но при этом предлагает вам помощь, – заявил мудрый козел, но его не послушали, и дело кончилось тем, что они позвали огромного черногривого льва.

– Леопард истребляет наш народ, – заблеяли козлы, – и мы слишком слабы, чтоб его прогнать. Ты не поможешь нам?

– Всегда рад помочь друзьям! – отвечал лев.

– Мы бедны, – сказали козлы. – Что ты хочешь за свою помощь?

– Ничего, – заверил их лев. – Я это сделаю просто потому, что я – ваш друг.

Лев, как и обещал, пришел в деревню, дождался, пока леопард явится кормиться, а потом прыгнул на него и убил.

– О, спасибо тебе, спаситель! – заблеяли козлы и пустились в торжественный танец победы вокруг льва.

– Я и сам был рад, – ответил лев, – ибо леопард и мой враг тоже.

– Мы будем воспевать тебя в песнях и преданиях еще долго после твоего ухода! – заверили его счастливые козлы.

– Ухода? – повторил лев, выглядывая самого жирного козла. – А кто тут, собственно, уходит?

Ндеми некоторое время обдумывал услышанное, потом поднял на меня глаза.

– Ты хочешь сказать, что охотник пожрет нас точно так же, как и физи?

– Нет, я не это имел в виду.

Он еще немного поразмышлял.

– Ага! – улыбнулся он. – Ты хочешь сказать, что, если мы не можем убить физи, которые скоро умрут или оставят нас в покое, нам не следует приглашать вместо этого кого-нибудь посильнее физи, который не умрет и не уйдет.

– Это правильный ответ.

– Но почему охотник на животных может представлять угрозу для Кириньяги? – задумчиво продолжил он.

– Потому что мы – все равно что козлы, – пояснил я. – Мы кормимся с земли и не обладаем достаточной силой, чтобы уничтожить своих врагов. А охотник подобен льву: в его природе

умение убивать, и он будет единственным человеком на Кириньяге, обученным это делать.

– Ты полагаешь, что он и нас примется убивать? – уточнил Ндеми.

Я пожал плечами.

– Не сразу. Лев сначала убил леопарда, а уже потом взялся за козлов. Охотник начнет с физи, прежде чем выберет убедительный способ продемонстрировать нам свое могущество.

– Но ты же наш мундумугу! – воскликнул Ндеми. – Ты не позволишь этому случиться!

– Я попытаюсь это предотвратить, – сказал я.

– Если попытаешься, то преуспеешь, и тогда посылать за охотником не придется.

– Возможно.

– Разве ты не всемогущ? – спросил Ндеми.

– Я всемогущ.

– Тогда почему твои слова полны такого сомнения?

– Потому что я не охотник, – ответил я. – Кикуйю меня боятся, ибо я могущественен, но я никогда умышленно не причинял вреда никому из моего народа. Я не причиню им вреда и сейчас. Я делаю так, как лучше для Кириньяги, но, если страх перед физи переборет в них страх передо мной, я проиграю.

Ндеми уставился на узоры, которые в продолжение беседы чертил пальцем в пыли.

– Возможно, если охотник явится, он окажется хорошим человеком, – сказал он наконец.

– Возможно, – согласился я. – Но он останется охотником. – Я помолчал. – В изобильные дни лев может спокойно спать рядом с зеброй. Но когда приходит нужда, когда голодать начинают оба, то льва голод постигает в последнюю очередь.

Десять охотников ушли из деревни, а вернулись только восемь. Двоих атаковала и загрызла стая гиен, пока люди сидели в тени акации. Весь день женщины оплакивали погибших, а небо почернело от дыма, ибо по нашим обычаям хижины мертвых полагалось сжечь. В тот же вечер Коиннаге созвал совет старейшин. Я выждал, пока исчезнут последние лучи солнца, затем разрисовал лицо, облачился в церемониальный плащ из леопардовой шкуры и пошел к нему в бома.

Я приближался к старейшинам деревни в полной тишине. Даже ночные птицы, казалось, куда-то улетели. Я прошел между ними, не глядя ни влево, ни вправо, пока не опустился на свой привычный стул слева от личной хижины Коиннаге. Я видел трех его жен, теснившихся в хижине старшей. Они сидели на коленях

как можно ближе к выходу, стараясь видеть и слышать все, что происходит.

В мерцающих отсветах пламени лица большинства старейшин выглядели мрачными и перепуганными. Никто, даже мундумугу, не мог говорить прежде верховного вождя, и, пока Коиннаге не появился из хижины, я убивал время, бросая в пыль кости, которые вынул из кожаного кисета на шее. Я трижды бросил кости и трижды нахмурился. Наконец я убрал кости в кисет, предоставив старейшинам, собиравшимся не повиноваться мундумугу, размышлять, что именно я по ним прочел.

Наконец Коиннаге вышел из хижины с длинной тонкой палкой в руке. Он по привычке махал ею на советах, как дирижер – дирижерской палочкой.

– Охота провалилась, – возвестил он театрально, словно в деревне кто-то еще не знал об этом. – Еще двое мужчин погибли из-за физи. – Он помедлил для большего эффекта и крикнул: – Такое не должно повториться!

– Не ходите на охоту, и не повторится, – сказал я, поскольку я мог возражать, когда вождь начинал говорить.

– Ты – мундумугу, – заметил один из старейшин. – Тебе бы следовало защитить их!

– Я советовал им не ходить на охоту, – отвечал я, – я не могу защитить тех, кто меня не слушает.

– Физи должны умереть! – завопил Коиннаге, и, когда он повернулся ко мне, я почувствовал резкий запах помбе. Я понял, почему вождь настолько задержался у себя в хижине. Он пил помбе, пока пьяная храбрость не перекрыла страх от восстания против мундумугу. – Никогда больше не будут физи питаться плотью кикуйю, и мы никогда больше не будем прятаться в своих бома, точно женщины, пока Кориба не скажет нам, что опасность миновала! Физи должны умереть!

Старейшины подхватили его клич:

– Физи должны умереть!

Коиннаге изобразил, как убивает гиену, используя палку как копье.

– Человек достиг звезд! – продолжал Коиннаге. – Человек построил великие города на морском дне. Человек истребил слонов и львов. Разве мы не люди? Или мы старухи, которых страшат мерзкие падальщики?

Я встал.

– Достижения других людей не имеют значения для кикуйю, – сказал я. – Другие люди не создавали нам трудностей с физи; другие люди не помогут нам их решить.

– Такой человек есть, – Коиннаге обвел взглядом гневные

лица, по которым плясали отсветы костра. – Охотник.

Старейшины забормотали в знак согласия.

– Надо послать за охотником, – повторил Коиннаге, размахивая палкой.

– Но это не должен быть европеец, – сказал один старейшина.

– И не вакамба, – добавил другой.

– И не луо, – произнес третий.

– Лумбва и нанди – кровные враги нашего народа, – высказался четвертый.

– Все равно, кто это будет, – возразил Коиннаге, – лишь бы он убил физи.

– Как же ты найдешь такого человека? – спросил один старейшина.

– На Земле остались гиены, – ответил Коиннаге. – Нужно найти охотника или смотрителя в каком-нибудь заповеднике, человека, который много раз охотился на физи и убивал их.

– Ты совершаешь ошибку, – категорично сказал я, и внезапно наступила абсолютная тишина.

– Нам нужен охотник, – заупрямился Коиннаге, увидев, что никто не осмеливается возразить.

– Ты лишь призовешь на Кириньягу более опасного убийцу, чтобы избавиться от менее опасного, – ответил я.

– Я – верховный вождь, – сказал Коиннаге, и по тому, как он избегал моего взгляда, я догадался, что хмель выветрился из его головы и он вынужден был противостоять мне перед старейшинами. – Что ж я за вождь, если позволю физи продолжать истреблять моих людей?

– Можно сооружать ловушки на физи, – ответил я, – пока Нгаи не вернет им прежнее желание питаться травоядными.

– И сколько из нас еще погибнет, прежде чем мы устроим ловушки? – возразил Коиннаге, снова пытаясь себя распалить. – Сколько из нас погибнет, прежде чем мундумугу признает, что ошибается и что план Нгаи не предусматривает такого?

– Остановись! – вскричал я, потрясая кулаками над головой, и даже Коиннаге застыл как вкопанный, боясь пошевелиться или возразить. – Я ваш мундумугу. Я – живая книга нашей племенной мудрости; каждая моя фраза взята с ее страниц. Я благословлял урожаи, я призывал дожди. Я никогда не обманывал вас. И я говорю вам: не смейте призывать охотника на Кириньягу!

Коиннаге в буквальном смысле слова трясло от ужаса передо мной, но он заставил себя посмотреть мне в глаза.

– Я верховный вождь, – произнес он, стараясь чтобы его голос звучал твердо, – и я говорю: мы должны действовать, прежде чем физи снова оголодают. Физи должны умереть! Я все сказал.

Старейшины присоединились к нему, скандируя:

– Физи должны умереть!

Коиннаге снова осмелел, поняв, что он не один в открытую противится указаниям мундумугу. Он возглавил скандирование, обходя круг старейшин, и наконец выкрикнул мне прямо в лицо:

– Физи должны умереть! – подкрепив крики размашистыми жестами палкой.

Я понял, что впервые проиграл на совете, но не стал им угрожать, поскольку важно, чтобы любая кара за неповиновение мундумугу исходила от Нгаи, а не от меня самого. Я молча покинул круг старейшин, не глядя на них, и вернулся к себе в бома.

На следующее утро двух коров Коиннаге нашли мертвыми без единой отметины, а затем каждое следующее утро двух мертвых животных обнаруживал следующий старейшина совета. Я объяснил, что их, без сомнения, карает Нгаи, что трупы необходимо сжечь, а к мясу мертвого скота притрагиваться нельзя, ибо всяк, кто отведает его, падет жертвой ужасного *таху*, проклятия, и мои приказы выполнялись без обсуждения. Оставалось только дождаться прибытия обещанного Коиннаге охотника.

Он шел через равнину к моему бома, и могло показаться, что это Сам Нгаи. Высокий, ростом более шести с половиной футов, стройный и изящный в движениях, как газель, а кожей чернее самой темной ночи. Он был не в кикои и не в форме цвета хаки, а в легких брюках и рубашке с короткими рукавами. Он был обут в сандалии, по мозолям и натоптанности пальцев я заключил, что большую часть жизни он ходит босиком. Через плечо он перекинул маленькую сумку, а в левой руке нес длинное ружье в футляре с монограммой. Поравнявшись с местом, где сидел я, он спокойно остановился и посмотрел на меня немигающим взглядом. По его высокомерному выражению я догадался, что он из масаи.

– Где тут деревня Коиннаге? – спросил он на суахили.

Я указал налево.

– В долине, – сказал я.

– Старик, почему ты живешь тут один?

Он употребил именно такие слова. Не *мзее*, что выражало бы уважение к старшему и почтение к десятилетиями копившейся мудрости, а *старик*.

Да, молча заключил я, *ты, без сомнения, масаи.*

– Мундумугу всегда живет отдельно от остальных, – ответил я вслух.

– Значит, ты колдун, – сказал он. – Я-то думал, ваш народ перерос эту чушь.

– А твой перерос хорошие манеры, да? – отозвался я.

Он пренебрежительно фыркнул.

– Не рад ты мне, да, старик?

– Нет, я тебе не рад.

– Ну что ж, если бы твоя магия была бы достаточно сильна, чтобы истребить гиен, меня бы тут не было. И *не меня* в том надо винить.

– Тебя не за что винить, – сказал я. – Пока еще.

– Как тебя зовут, старик?

– Кориба.

Он ткнул себя большим пальцем в грудь:

– А я Уильям.

– Это не имя масаи, – заметил я.

– Мое полное имя – Уильям Самбеке.

– Тогда я стану называть тебя Самбеке.

Он пожал плечами:

– Зови как хочется.

Прикрыв глаза ладонью от солнца, он посмотрел на деревню.

– Я совсем не этого ожидал.

– А чего ты ожидал, Самбеке? – поинтересовался я.

– Я полагал, вы тут пытаетесь построить Утопию.

– Все так.

Он презрительно хмыкнул.

– Вы ютитесь в хижинах, у вас нет машин, вам даже приходится нанимать человека с Земли, чтоб он убил гиен, которые вам досаждают. Это не *мой* вариант Утопии.

– Тогда, без сомнения, тебе лучше вернуться домой, – намекнул я.

– Сперва я выполню работу, – ответил он. – Работу, с которой не справился *ты*.

Я не ответил. Он долго смотрел на меня.

– Ну? – произнес он наконец.

– Что – ну?

– Ты не собираешься осыпать меня заклинаниями мумбо-юмбо и заставить меня исчезнуть в облаке дыма? А, мундумугу?

– Прежде чем становиться моим врагом, – ответил я на идеальном английском, – тебе следовало бы сообразить, что я не так беспомощен, как тебе может показаться, и что высокомерие масаи не производит на меня никакого впечатления.

Он изумленно уставился на меня, потом откинул голову и захохотал.

– А ты не так прост, старик! – проговорил он по-английски. –

Думаю, мы станем добрыми друзьями!

– Сомневаюсь, – ответил я на суахили.

– Какие университеты посещал ты там, на Земле? – он опять сменил язык, следуя мне.

– Кембридж и Йель, – ответил я, – много лет назад.

– Зачем образованному человеку сидеть в пыли перед хижиной из травы?

– А зачем бы масаи принимать заказ от кикуйю? – возразил я.

– Я люблю охоту, – сказал он. – И еще мне хотелось посмотреть на построенную вами Утопию.

– Ты ее увидел.

– Я увидел Кириньягу, – ответил он, – а не Утопию.

– Это потому, что ты не знаешь, куда смотреть.

– Ты умный старик, Кориба, и у тебя на любой вопрос найдется куча умных ответов, – сказал Самбеке беззлобно. – Почему ты не стал королем всей этой планетки?

– Мундумугу – хранитель обычаев нашего народа. Большей власти ему не нужно.

– Ты мог бы, по крайней мере, заставить их возвести для тебя дом, а не ютиться в этой халупе. Масаи, например, больше не живут в *маньятах*[15].

– А следом за домом я должен был бы обзавестись автомобилем? – уточнил я.

– Ну, как только бы дороги построили, – согласился он.

– А потом нужно было бы построить завод для новых автомобилей, а потом еще один, строить новые дома, а потом внушительное здание парламента и, наверное, железную дорогу? – Я покачал головой. – Ты описываешь Кению, а не Утопию.

– Ты ошибаешься, – сказал Самбеке. – По дороге сюда с посадочной площадки – как там вы ее называете?

– Гавань.

– По пути сюда из Гавани я видел буйволов, куду и импал. Вы могли бы заработать много денег, построив у реки охотничьи домики для туристов с видом на равнины.

– Мы не охотимся на травоядных.

– А вам и не надо, – ответил он задумчиво. – Но ты только подумай, как бы обогатился ваш народ.

– Да охранит нас Нгаи от таких доброхотов, как ты, – благоговейно ответил я.

– Ты упрямый старпер, – сказал он. – Лучше я пойду с Коиннаге поговорю. В каком шамба он живет?

– В самом крупном, – ответил я. – Он наш верховный вождь.

Он кивнул:

– Ну да, разумеется. Еще увидимся, старик.

– Само собой, – кивнул я.

– А после того как я убью ваших гиен, нам бы стоило посидеть за калебасом с помбе и обсудить, как превратить этот мир в Утопию. Пока я очень разочарован увиденным.

С этими словами он развернулся и пошел в деревню по длинной извилистой тропе к бома Коиннаге.

Как я и ожидал, он заморочил Коиннаге голову. Когда я поел и спустился в деревню, то обнаружил, что эти двое сидят у костра перед бома вождя и Самбеке описывает Коиннаге охотничий домик, который надо выстроить у реки.

– *Джамбо*, Кориба, – сказал Коиннаге, завидев меня.

– *Джамбо*, Коиннаге, – ответил я, садясь на корточки рядом с ними.

– Ты встречался с Уильямом Самбеке?

– Я встречался с Самбеке, – сказал я. Масаи усмехнулся, услышав, что я продолжаю игнорировать его европейское имя.

– У него множество идей для Кириньяги, – продолжил Коиннаге. К нам стали стекаться некоторые жители деревни.

– Как интересно, – ответил я. – Тебе нужен был охотник, а вместо него нам прислали проектировщика.

– Некоторые из нас, – вмешался Самбеке ехидно, – наделены несколькими талантами.

– Некоторые из нас, – ответил я, – провели тут полдня и даже не отправлялись на охоту.

– Я убью ваших гиен завтра, – сказал Самбеке, – когда их животы будут полны и они будут слишком довольными, чтобы убегать при моем приближении.

– И как же ты их убьешь? – спросил я.

Масаи осторожно открыл футляр и достал оттуда ружье с телескопическим прицелом. Большинство местных жителей никогда ничего подобного не видели. Они столпились и стали перешептываться.

– Не желаешь его опробовать? – предложил он мне.

Я покачал головой:

– Оружие европейцев не представляет для меня интереса.

– Это ружье изготовлено в Зимбабве людьми из племени шона, – возразил он.

Я пожал плечами:

– В таком случае это оружие черных европейцев.

– Кем бы они ни были, – сказал Самбеке, – они делают превосходное оружие.

– Для тех, кто боится охотиться традиционными способами, –

ответил я.

– Не дразни меня, старик, – сказал Самбеке, и внезапно наступило молчание, ибо никто в деревне не смел так разговаривать с мундумугу.

– Я не дразню, масаи, – проговорил я. – Я лишь обращаю внимание на причину, по которой ты принес с собой это оружие. Ничего нет постыдного в том, чтобы опасаться физи.

– Я ничего не боюсь, – азартно огрызнулся он.

– Это не так, – сказал я. – Как и все мы, ты боишься неудачи.

– Неудача мне не грозит, – погладил он ружье. – Вот с *этим*.

– Кстати, – сказал я, – а разве у масаи не было принято в свое время доказывать мужество, выходя на льва с одним лишь копьем?

– Было, – ответил он. – А еще у масаи *и* кикуйю умирали при рождении почти все дети, и всякая болезнь, поражавшая деревни, уносила много жертв, и жили мы в шалашах, не спасавших ни от дождя, ни от холода, ни от хищников из вельда. И это масаи, как и кикуйю, научились у европейцев, а потом прогнали белых со своей земли и построили великие города там, где раньше не было ничего, кроме болот и грязи. Или, вернее сказать, – добавил он, – то были масаи и *большинство* кикуйю.

– Когда я был в Англии, – отозвался я, возвысив голос, чтобы меня слышали все, хотя реплика моя была обращена к Самбеке, – мне довелось сходить в цирк. Там я увидел шимпанзе. Это было очень смышленое животное. Его одевали в человеческую одежду, он ездил на человеческом двухколесном велосипеде, играл человеческую музыку на человеческой флейте – но он не стал от этого человеком. Собственно, он этим и веселил людей, потому что был гротескной пародией на них… точно так же, как масаи и кикуйю, надевая костюмы, управляя машинами и работая в больших зданиях, не становятся европейцами, но лишь пародируют их.

– Старик, это всего лишь твое мнение, – сказал масаи, – и притом ошибочное.

– Разве? – возразил я. – Шимпанзе был испорчен своей зависимостью от людей и не смог бы выжить на воле. *Тебе* же, как я вижу, для охоты на зверя нужно европейское оружие, а твои предки обошлись бы обычным ножом или копьем.

– Ты меня дразнишь, старик? – снова развеселился Самбеке.

– Я обращаю внимание на причину, по которой ты захватил с собой это ружье, – повторил я.

– Нет, не по этой, – сказал он. – Ты пытаешься вернуть себе авторитет, которого лишился, когда твои люди послали за мной. Однако ты совершил ошибку.

– Какую?

– Ты стал моим врагом.

– Неужели ты меня застрелишь из этого ружья? – спросил я спокойно, уверенный, что он так не поступит.

Он наклонился ко мне и зашептал так тихо, что его слышал только я:

– Мы бы могли вместе разбогатеть, старик. Я бы с удовольствием поделился с тобой, если бы ты держал свой народ в узде, потому что компании по организации сафари нужно много рабочих. Однако ты публично выступил против меня, и теперь это невозможно.

– Нужно мириться с неизбежными разочарованиями, – ответил я.

– Рад, что ты отдаешь себе в этом отчет, – сказал он, – потому что я планирую превратить ваш мир в Утопию, а не построить тут сказочную страну кикуйю.

Он резко поднялся.

– Бой, – сказал он, обращаясь к Ндеми, который стоял поодаль, – принеси-ка мне копье.

Ндеми посмотрел на меня, и я кивнул, поскольку был уверен, что масаи не станет меня убивать *никаким* оружием.

Ндеми принес Самбеке копье; тот взял его и прислонил к стене хижины Коиннаге. Затем встал перед костром и начал медленно раздеваться. Оставшись обнаженным – отсветы пламени играли на его мускулистом, крепком, как у африканского бога, теле, – он подхватил копье и поднял его над головой.

– Я отправляюсь охотиться на физи во тьме, как заведено было в древности, – возвестил он собравшимся. – Ваш мундумугу бросил мне вызов, и, если в будущем вы собираетесь прислушиваться к моим советам, а я надеюсь, что это так, вам надлежит знать, что я способен справиться с любым брошенным мне вызовом.

И прежде, чем собравшиеся успели сказать хоть слово или остановить его, он решительно направился в темноту.

– Теперь он погибнет, – пожаловался Коиннаге, – и Техподдержка захочет отозвать нашу хартию!

– Если он погибнет, – ответил я, – то по собственной воле, и у Техподдержки не будет никаких оснований наказывать нас.

Я долго смотрел на него испытующим взглядом.

– Странно, что тебя это занимает.

– Странно, что меня занимает его возможная гибель?

– Странно, что ты беспокоишься, как бы Техподдержка не отозвала нашу хартию, – ответил я. – Если послушаешь масаи, то превратишь Кириньягу во вторую Кению. В чем же разница, если

тебя заставят вернуться в настоящую Кению?

– Он не хочет преображать Кириньягу в Кению, – мрачно отозвался Коиннаге. – Он желает построить Утопию.

– Этим мы уже занимаемся, – заметил я. – А что, *его* Утопия предусматривает большой дом в европейском стиле для вождя племени?

– Мы не обсуждали это настолько подробно, – неловко ответил Коиннаге.

– И, вероятно, дополнительный скот в обмен на предоставление носильщиков и подносчиков оружия?

– У него отличные идеи. – Коиннаге проигнорировал мой вопрос. – Почему мы обязаны таскать воду от реки, если можно воспользоваться для этого насосами и трубами?

– Потому что если воду легко получать, то она легко загрязняется, а у нас тут не больше воды, чем в Кении, а в Кении все озера пересохли стараниями предусмотрительных умников вроде Самбеке.

– У тебя на все случаи жизни ответы есть, – недовольно сказал Коиннаге.

– Не на все, – сказал я. – Но для этого масаи у меня есть ответы, поскольку эти вопросы задавались уже много раз и в прошлом кикуйю всегда отвечали на них неверно.

Вдруг мы услышали жуткий вопль на расстоянии примерно полумили.

– С ним покончено, – мрачно констатировал Коиннаге. – Масаи погиб, а нам теперь отвечать перед Техподдержкой.

– Не похоже на человека, – возразил Ндеми.

– Ты всего лишь *мтото*, дитя, – рявкнул Коиннаге, – откуда тебе знать?

– Я слышал крики Джумы, когда физи убили его, – сказал Ндеми извинительно. – Вот поэтому я знаю.

В тишине мы ожидали новых звуков, однако других криков не последовало.

– Наверное, это и хорошо, что физи убили масаи, – наконец заметил старый Нджобе. – Я видел здание, которое он нарисовал в пыли – гостевой дом, – и это было злое здание. Оно не круглое, как наши хижины, которые защищены от демонов, у него углы, а все знают, что демоны по углам живут.

– Действительно, – согласился другой старейшина, – это было бы проклятое место.

– Ну а чего можно ожидать от человека, который уходит охотиться на физи в ночь? – добавил третий.

– Можно ожидать, что он принесет мертвого физи! – торжествующе произнес Самбеке, выйдя из темноты и бросив на

землю окровавленную тушу крупного самца гиены. Все изумленно отшатнулись, а он развернулся ко мне, и отсветы пламени снова заплясали на его гибком черном теле.

– А что ты теперь скажешь, старик?

– Скажу, что ты более опасный убийца, чем физи, – отозвался я.

Самбеке довольно ухмыльнулся.

– Поглядим, – сказал он, – что откроет нам этот физи. – Он повернулся к юноше: – Бой, принеси-ка нож.

– Его зовут Камаби, – заметил я.

– Некогда мне имена учить, – ответил Самбеке. Он повернулся к Камаби: – Делай, как я говорю, бой.

– Он уже мужчина, – сказал я.

– В темноте трудно различить, – пожал плечами Самбеке.

Камаби вернулся через минуту со старинным охотничьим ножом, таким старым и ржавым, что Самбеке остерегся его брать в руки и просто указал на гиену.

– *Ката хи ятумбо*, – приказал он. – Рассеки брюхо вот здесь.

Камаби опустился на колени и вскрыл брюхо гиены. Запах был непереносимым, но масаи подобрал палку и стал ковыряться ею во внутренностях зверя. Наконец он отодвинулся.

– Я надеялся, что мы там найдем браслет или серьгу, – сказал он, – но мальчишку загрызли уже давно, и эти штуки, по всей видимости, уже прошли через нутро физи.

– Кориба мог бы бросить кости и узнать, та ли это гиена, которая убила Джуму, – предложил Коиннаге.

Самбеке презрительно фыркнул.

– Кориба может бросать кости до сезона долгих дождей, но ничего не узнает. – Он обвел взглядом собравшихся. – Я убил физи старым способом, чтобы доказать, что я не трус и не европеец, которые охотятся только при дневном свете и только с ружьями. Раз уж я вам показал, на что способен, то завтра я продемонстрирую, сколько физи я могу уничтожить *моим* способом, а вы сами решите, чей способ лучше, Корибы или мой.

Он помолчал.

– Теперь мне нужна хижина для сна, чтобы утром, когда взойдет солнце, я был свеж и полон сил.

Все, кроме Коиннаге, наперебой принялись предлагать ему свою хижину. Масаи по очереди посмотрел на каждого, после чего развернулся к верховному вождю.

– Я буду спать в твоей хижине, – сказал он.

– Но… – начал было Коиннаге.

– И одна из твоих жен будет согревать меня этой ночью.

Он посмотрел Коиннаге прямо в глаза.

– Или ты осмелишься отказать мне в гостеприимстве после того, как я убил физи для вас?

– Нет, – наконец выдавил Коиннаге, – я не откажу тебе.

Масаи торжествующе улыбнулся мне.

– Это еще не Утопия, – сказал он, – но уже ближе.

Наутро Самбеке ушел охотиться с ружьем.

Я спустился в деревню дать Зинду мазь для облегчения боли в полных молока грудях, ибо ее ребенок родился мертвым. Покончив с этим, я пошел мимо шамба, обновляя заклинания на пугалах, и вскоре, как обычно, сбежались дети, упрашивая меня рассказать им историю. Наконец, когда солнце уже высоко поднялось в небе и стало слишком жарко, чтобы продолжать обход, я сел в тени акации.

– Хорошо, – сказал я, – теперь я расскажу вам историю.

– Какую историю ты нам сегодня расскажешь, Кориба? – спросила одна девочка.

– Думаю, стоит вам рассказать историю про глупого слона, – сказал я.

– А почему он был глуп? – поинтересовался один мальчик.

– Послушай, и ты узнаешь, – сказал я, и все умолкли.

– Жил-был один молодой слон, – начал я, – и поскольку он был очень юн, то еще не набрался мудрости, свойственной его роду. Однажды слон наткнулся на построенный в саванне город, вошел туда и подивился чудесам, ибо ничего более прекрасного он в жизни не встречал. Всю жизнь он день и ночь искал себе пищу, чтобы живот его не оставался пустым, но в городе нашлись удивительные машины, которые могли настолько облегчить его существование, что он вознамерился раздобыть их. Однако, когда слон приблизился к человеку с палкой-копалкой, которой мог бы откопать бобы акации, владелец сказал:

– Я бедняк, я не могу отдать тебе мою палку-копалку. Но раз ты так сильно хочешь ею обзавестись, то я предлагаю обмен.

– Но мне нечего предложить тебе взамен, – грустно отвечал слон.

– Конечно же, у тебя есть, – возразил человек. – Если ты отдашь мне свои бивни, чтобы я украсил их резьбой, то взамен получишь мою палку-копалку.

Слон обдумал предложение и согласился, ведь с палкой-копалкой ему больше не надо было бы копать бивнями землю.

Он прошел еще сколько-то и увидел старуху с ткацким станком. Ему показалось, что это превосходная вещь, ведь, получи он ее, мог бы сшить себе одеяло и больше не мерзнуть по ночам.

Он попросил женщину отдать ему ткацкий станок, но та

ответила, что не отдаст его просто так, однако согласна продать.

– Но у меня больше ничего нет, кроме палки-копалки, – возразил слон.

– А мне не нужна палка-копалка, – сказала старуха. – Я бы отрезала тебе одну из ног и сделала из нее стул.

Слон долго размышлял и наконец, вспомнив, как холодно было ему предыдущей ночью, ответил согласием, и обмен состоялся.

Затем он пошел дальше и увидел человека с сетью и подумал, что хорошо было бы обзавестись такой сетью, ведь с ее помощью можно было бы собирать плоды, падающие с деревьев, а не поднимать их с земли.

– Я не отдам тебе свою сеть, потому что я потратил много дней, чтобы сплести ее, – сказал человек, – но согласен выменять ее на твои уши, из которых сделаю отменные матрасы.

И снова слон согласился, а потом вернулся в стадо, чтобы показать, какие чудесные приспособления дали ему в городе людей.

– А какой нам прок от палки-копалки? – спросил у слона его брат. – Она не прослужит так же долго, как наши бивни.

– Одеяло могло бы, наверное, нам пригодиться, – сказала его мать, – но, чтобы соткать его, нужны пальцы, а у нас их нет.

– Не вижу, какая нам польза от сети для сбора фруктов, – сказал ему отец. – Если держать мешок хоботом, как тогда стряхивать фрукты с деревьев, а если трясти дерево, то как тогда держать сеть?

– Теперь я понял, – сказал молодой слон, – что орудия людей не предназначены для слонов. А человеком мне не быть, так что лучше я снова стану жить слоновьей жизнью.

Его отец печально покачал головой.

– Да, ты – не человек, но ты больше и не слон, потому что менялся с людьми. У тебя нет одной ноги, ты не поспеешь за стадом. Ты отдал им свои бивни, ты не сможешь теперь копать землю в поисках воды или бобов акации. Ты расстался с ушами и теперь не сможешь махать ими, остужая кровь, когда солнце стоит высоко в небе.

И вот слон провел остаток своей несчастливой жизни, разрываясь между стадом и городом, ибо он не смог стать частью одного и перестал быть частью второго.

Я замолчал, глядя вдаль, где у края одного из наших полей щипало траву небольшое стадо импал.

– Это все? – спросила девочка, которая первой потребовала рассказать историю.

– Это все, – сказал я.

– Не очень хорошая история, – продолжала она.

– Да? – переспросил я, стряхнув ползущее по руке насекомое. – А почему?

– Потому что у нее несчастливый конец.

– Не у всех историй счастливый конец, – ответил я.

– Я не люблю несчастливые концы, – возразила она.

– И я не люблю, – согласился я. Помолчав, посмотрел на нее. – А как, *по-твоему,* должна была закончиться эта история?

– Слону нельзя было выменивать то, что делает его слоном, ведь человеком он в любом случае стать не смог бы.

– Отлично, – одобрил я. – А стала бы ты выменивать то, что делает тебя одной из кикуйю, чтобы попытаться стать той, кем тебе не сделаться никогда?

– Ни за что!

– А вы? – оглядел я слушателей.

– Нет! – вскричали они.

– А что, если бы слон предложил вам бивни или гиена – клыки?

– Ни за что!

Я помолчал, прежде чем задать следующий вопрос.

– А что, если бы масаи предложил вам свое ружье?

Большинство детей снова ответили «нет», но я заметил, что двое мальчишек постарше промолчали. Я повторил им свой вопрос.

– У ружья нет бивней или клыков, – сказал тот, что был выше другого. – Это оружие, которым может пользоваться человек.

– Это правда, – поддержал его мальчишка помладше, переминаясь босыми ногами в пыли и взметнув облачко пыли. – Масаи не зверь. Он похож на нас.

– Он не зверь, – согласился я, – но он не таков, как мы. Разве кикуйю пользуются ружьями, или живут в кирпичных домах, или носят европейскую одежду?

– Нет, – в один голос отвечали мальчики.

– В таком случае разве остались бы вы настоящими кикуйю, если бы использовали ружье, жили в кирпичном доме или носили европейские вещи?

– Нет, – признали они.

– Но разве пользование ружьем, жизнь в кирпичном доме или ношение европейской одежды сделает вас масаи или европейцами?

– Нет.

– Теперь вам ясно, почему надлежит отвергать дары и орудия труда иномирцев? Мы никогда не станем такими, как они, но можем перестать быть кикуйю, а если перестанем быть кикуйю,

не став никем иным, то превратимся в ничто.

– Понимаю, Кориба, – сказал высокий мальчик.

– Ты уверен? – спросил я.

Он кивнул:

– Уверен.

– А почему у тебя все истории такие? – спросила девочка.

– Какие?

– Ты всегда рассказываешь про глупого слона, или про шакала и птичку-медоуказчика, или про леопарда и сорокопута, но, как только начинаешь пояснять, что имел в виду, всегда получается, что ты рассказывал про кикуйю.

– Это потому, – ответил я с улыбкой, – что я кикуйю и вы все тоже кикуйю. Были бы мы леопардами, то и все мои истории были бы про леопардов.

Я еще несколько минут посидел с ними в тенечке под деревом, а потом увидел, как через высокую траву к нам бежит Ндеми и лицо его пылает возбуждением.

– Ну? – спросил я, подождав, когда он приблизится.

– Масаи вернулся, – сообщил он.

– Убил он физи? – спросил я.

– *Минги сана*, – отвечал Ндеми. – Очень много!

– И где он сейчас?

– Он у реки, с юношами, которые изъявили желание почистить его оружие и содрать шкуры со зверей.

– Думается, надо бы мне их проведать, – сказал я, осторожно поднимаясь, ибо у меня ноги затекли от слишком долгого сидения в неподвижной позе. – Ндеми, ты пойдешь со мной. Остальные возвращайтесь в шамба и поразмыслите над историей про глупого слона.

Ндеми выпятил грудь от гордости, словно петух, ведь я сам попросил его сопровождать меня, и вскоре мы уже шагали через бурлящую жизнью саванну.

– А что масаи делает у реки? – спросил я.

– Он нарезал своим *панга* молодые побеги, – ответил Ндеми, – и учит юношей, как что-то из них соорудить, но я не понял, что это такое.

Я вгляделся в марево жаркого пыльного дня – нам навстречу двигалась небольшая процессия.

– Зато *я* знаю, что это, – негромко произнес я. Я никогда не видел паланкина, но представлял, как он должен выглядеть. Четверка кикуйю тащила его на потных спинах – и в нем восседал масаи.

Поскольку они двигались нам навстречу, я попросил Ндеми остановиться, и мы стали дожидаться их.

– *Джамбо*, старик! – сказал масаи, приблизившись на расстояние голоса. – Я убил еще семь гиен этим утром.

– *Джамбо*, Самбеке, – отозвался я. – Вижу, что тебе удобно.

– Не хватает подушек, – сказал он. – Да и носильщики держат его не слишком ровно. Но в целом я доволен.

– Несчастный ты человек, – проговорил я, – которому недостает подушек и уверенных носильщиков. Как же получилось, что в них возникла недостача?

– Это потому, – ответил Самбеке с ухмылкой, – что здесь еще не построена Утопия. Однако мы к ней приближаемся.

– Ты мне, пожалуйста, сообщи, когда она наступит, – сказал я.

– Ты обязательно узнаешь, старик.

После этого он приказал носильщикам нести его дальше в деревню, а мы с Ндеми остались стоять, где были, пока он не исчез вдали.

Тем вечером в деревне устроили празднество по случаю убийства восьми гиен. Коиннаге самолично зарезал быка, люди плясали, пели и пили много помбе, а когда я вошел, танцовщики показывали засаду и убийство зверей своим новым спасителем. Охотник-масаи сидел на высоком стуле, даже выше трона Коиннаге. В одной руке он держал бурдюк с помбе, а на коленях аккуратно пристроил кожаный футляр с ружьем. Он облачился в красное одеяние своего народа, заплел волосы по племенному обычаю, а стройное мускулистое тело его блестело, натертое маслом. Две девушки, едва достигшие возраста обрезания, стояли за спинкой стула и внимали каждому его слову.

– *Джамбо*, старик! – поприветствовал он, когда я подошел.

– *Джамбо*, Самбеке, – отозвался я.

– Не зови меня этим именем, – сказал он.

– Да? А что, ты решил выбрать себе имя по обычаям кикуйю?

– Я решил взять себе имя, которое было бы понятно кикуйю, – объяснил он. – Отныне меня так следует называть в этой деревне.

– Ты что, не собираешься улетать? Ведь твоя охота окончена.

Он покачал головой:

– Нет, не собираюсь.

– Ты совершаешь ошибку, – сказал я.

– Не такую серьезную, как ты, решивший отвергнуть мою дружбу, – ответил он. Помолчав немного, улыбнулся и добавил: – Не желаешь ли ты узнать мое новое имя?

– Думаю, что мне следует его узнать, раз ты собрался у нас тут задержаться на некоторое время, – согласился я.

Он склонился к моему уху и прошептал имя: слово, которое

прошептал Нгаи на ухо Гикуйю на священной горе, миллионы лет назад.

– *Бвана*? – переспросил я.

Он хитро посмотрел на меня и снова улыбнулся.

– Вот *теперь,* – сказал он, – тут будет Утопия.

Следующие несколько недель Бвана потратил на превращение Кириньяги в Утопию – для Бваны. Он взял себе трех молодых жен и заставил жителей деревни возвести для него на берегу реки большой дом с окнами, углами и верандами: такой дом могли бы построить в Кении европейцы двумя веками раньше.

Он ежедневно ходил на охоту, добывал трофеи для себя и обеспечивал деревню бóльшим количеством мяса, чем у них было когда-либо прежде. По вечерам он являлся в деревню поесть, выпить и потанцевать, а затем, вооруженный ружьем, шел в темноте к своему дому.

Вскоре Коиннаге задумался о постройке такого же дома, как у Бваны, но прямо в деревне, а молодежь осаждала Бвану с просьбами достать им такие ружья, как у него. Он отказался, объяснив, что на Кириньяге есть место лишь для одного Бваны, а им надлежит исполнять свои обязанности следопытов, поваров и свежевальщиков. Он перестал носить европейскую одежду и везде появлялся в традиционном одеянии масаи, тщательно заплетя и украсив ленточками волосы, и тело его блестело на солнце от масел, которыми жены растирали его каждый вечер.

Я держал свое мнение о происходящем при себе и занимался привычными делами: лечил больных, призывал дождь, читал судьбу по внутренностям коз, обновлял заклинания на пугалах, отводил порчу. Но с Бваной я больше не говорил, как и он со мной.

Ндеми проводил все больше времени у меня на холме, присматривая за козами и курами. Он даже начал добровольно убираться в моем бома, хотя эта работа считалась женской.

Наконец настал день, когда он подошел ко мне. Я сидел в тени акации и смотрел, как на соседнем пастбище пасется скот.

– Можно с тобой поговорить, мундумугу? – спросил он, опускаясь на корточки рядом со мной.

– Да, Ндеми, ты можешь со мной поговорить, – ответил я.

– Масаи взял себе новую жену, – сообщил он. – И убил собаку Караньи за то, что ее лай раздражал его. – Он помолчал. – И он зовет всех *бой*, даже старейшин; мне кажется, что это неуважительное обращение.

– Знаю, – сказал я.

– Почему же ты ничего не делаешь? – спросил Ндеми. – Разве ты не всесилен?

– Лишь Нгаи всесилен, – отозвался я. – А я – только мундумугу.

– Но разве мундумугу не могущественнее, чем масаи?

– Большинству людей в деревне так не кажется, – ответил я.

– А! – сказал Ндеми. – Ты сердит на них за то, что они потеряли веру в тебя, и вот *поэтому-то* не превратил его в насекомое и не растоптал ногой.

– Я не сердит на них, – сказал я. – Я всего лишь расстроен.

– Когда ты его убьешь? – спросил Ндеми.

– Если я его убью, пользы это не принесет, – ответил я.

– Почему?

– Потому что они верят в его могущество, а если он умрет, они просто призовут другого охотника, который превратится в нового Бвану.

– Значит, ты ничего не сделаешь?

– Кое-что я сделаю, – сказал я. – Но убийство Бваны не принесет пользы. Он должен быть унижен прилюдно, чтобы они увидели, что он не мундумугу, которого надлежит слушать и повиноваться ему.

– И как ты это устроишь? – сердито проворчал Ндеми.

– Я пока не знаю, – сказал я. – Я должен получше его изучить.

– А я полагал, ты уже все знаешь.

Я усмехнулся.

– Мундумугу не знает всего, но ему это и не требуется.

– Да?

– Ему просто надо знать больше, чем известно его народу.

– Ты ведь уже знаешь больше, чем Коиннаге и остальные.

– Я должен увериться, что знаю больше, чем масаи, и только потом начать действовать, – сказал я. – Можно представлять себе, какой крупный и сильный зверь леопард, как он стремителен и хитер, но, пока не изучишь его поближе, не поймешь, как и с какой стороны он прыгает, не узнаешь, как он пробует ветер и машет хвостом перед самой атакой, ты будешь в менее выгодном положении, когда будешь охотиться. Я стар и не могу одолеть масаи в рукопашном бою, а значит, мне нужно его изучить и узнать его слабости.

– А если слабых сторон не окажется?

– У всех они есть.

– Даже если он сильнее тебя?

– Слон – самый сильный из зверей, но стоит маленьким муравьям заползти к нему в хобот, и они его доведут до такого исступления, что он себя убьет. – Я сделал паузу. – Тебе не надо

быть сильнее своего врага, ведь муравей, несомненно, не сильнее слона. Однако муравью известны слабые места слона, вот и мне нужно выведать слабые места масаи.

Он приложил руку к груди.

– Кориба, – сказал он, – *я* верю в тебя.

– Хорошо. – Я прикрыл глаза ладонью от несущего пыль порыва горячего ветра. – Ибо ты один не окажешься разочарован, когда я в конце концов сражусь с масаи.

– Ты простишь жителей деревни? – спросил он.

Я ответил не сразу.

– Когда они снова вспомнят о цели нашего прибытия на Кириньягу, – проговорил я наконец, – тогда я прощу их.

– А если они не вспомнят?

– Я должен заставить их вспомнить, – сказал я. Поглядел через саванну, на реку и лес. – Нгаи дал народу кикуйю второй шанс на Утопию, и мы не имеем права разбрасываться им.

– И ты, и Коиннаге, и даже масаи используете это слово, но я не понимаю, что оно означает.

– Утопия? – спросил я.

Он кивнул.

– Что оно означает?

– Оно имеет разный смысл для разных народов, – ответил я. – Для истинных кикуйю оно означает жизнь в гармонии с землей, почитание древних законов и ритуалов и поклонение Нгаи.

– Но это вроде бы достаточно просто.

– Так и есть, – согласился я. – Но ты себе представить не можешь, сколько миллионов человек умерли по той причине, что их понимание Утопии разнилось с мнением соседей.

Он уставился на меня.

– Правда?

– Правда. Взять хотя бы масаи. Его Утопия – ездить в паланкине, стрелять зверей, брать много жен и жить в доме у реки.

– Это не так уж и скверно звучит, – задумчиво заметил Ндеми.

– А это и не так уж плохо – для масаи. – Я помолчал. – Но будет ли это Утопией для тех, кто носит паланкин, для животных, которых он убивает, для деревенской молодежи, которая не может найти себе жен, или для кикуйю, которые обязаны строить дом у реки?

– Ясно! – глаза Ндеми распахнулись. – Кириньяга должна быть Утопией для нас всех, или это вообще не Утопия. – Он стряхнул насекомое со щеки и заглянул мне в глаза. – Правильно, Кориба?

– Ты быстро учишься, Ндеми, – сказал я, протянув руку и взъерошив волосы у него на макушке. – Наверное, однажды ты сам станешь мундумугу.

– А я научусь тогда колдовать?

– Ты многому должен будешь научиться, чтобы стать мундумугу, – сказал я. – Волшебство – это самая простая из твоих наук.

– Но и самая впечатляющая, – ответил он. – Именно из-за этого люди тебя боятся, а раз боятся, то прислушиваются к твоим наставлениям.

Пока я размышлял над его словами, у меня возникло слабое подозрение, как я смогу одолеть Бвану и вернуть мой народ к утопическому существованию, которое мы представляли себе, подписывая хартию Кириньяги.

* * *

– Овцы! – вскричал Бвана. – Все вы овцы! Ничего удивительного, что масаи в старину охотились на кикуйю!

Я решил наведаться в деревню вечером, чтобы лучше изучить своего врага. Он выпил много помбе, скинул красное одеяние и стоял обнаженным перед бома Коиннаге, вызывая юношей сразиться с ним на кулаках. Те переминались в тени, дрожа от страха перед его физической мощью, точно женщины.

– Я буду биться сразу с тремя из вас! – возгласил он, обводя всех взглядом в ожидании добровольцев. Никто не осмелился, и он громко захохотал, откинув голову. – И вы еще удивляетесь, почему я Бвана, а вы – стайка мальчишек!

Внезапно он увидел меня.

– Ага, *вот* человек, – провозгласил Бвана, – который меня не боится.

– Это так, – сказал я.

– Ну что, старик, а *ты* сразишься со мной?

Я покачал головой:

– Нет, я не стану биться с тобой.

– Я так и думал, что ты тоже трус.

– Я не боюсь буйвола или гиены, но и не дерусь с *ними*, – сказал я. – Есть разница между смелостью и безрассудством. Ты – молод, я – стар.

– Что привело тебя в деревню вечером? – спросил он. – Ты говорил со своими богами, выясняя как можно меня убить?

– Есть только один бог, – ответил я, – и Он не поощряет убийств.

Он кивнул и удовлетворенно усмехнулся.

– О да, овечий бог, несомненно, не одобряет убийств.

Внезапно усмешка пропала, и он презрительно взглянул на меня.

– Энкаи плевать хотел на твоего бога, старик.

– Ты зовешь Его Энкаи, а мы – Нгаи, – тихо ответил я. – Но это один и тот же бог, и настанет день, когда нам всем придется ответить перед Ним. Надеюсь, что в тот день ты будешь вести себя так же смело и нагло, как сейчас.

– А я надеюсь, что твой Нгаи струсит передо *мной*, – возразил он, красуясь перед своими женами, и те захихикали от его гонора. – Разве не уходил я обнаженным в ночь, вооружившись одним лишь копьем, и не убил физи? Разве не убил я более сотни зверей менее чем за тридцать дней? Лучше бы твоему Нгаи не испытывать мой характер.

– Он испытает не только твой характер, – сказал я.

– Ты это о чем?

– Понимай как хочешь, – сказал я. – Я стар и устал. Я хочу сесть у огня и выпить помбе.

Сказав так, я повернулся к нему спиной и пошел к Нджобе, который грел свои старые кости у небольшого костра рядом с бома Коиннаге.

Бвана так и не нашел достойного противника для схватки, и дело кончилось тем, что он выпил еще помбе и в конце концов вернулся к женам.

– Никто не хочет сразиться со мной, – посетовал он притворно. – Но кровь воина бурлит в моих жилах. Дайте мне задание – любое задание, какое я мог бы выполнить к вашему удовольствию.

Три девушки снова стали шептаться и хихикать, потом две вытолкнули вперед третью.

– Мы видели, как Кориба кладет руку в огонь, и огонь не опалил его, – сказала девушка. – А ты так можешь?

Он презрительно фыркнул.

– Это всего лишь фокус, да и только. Давайте что-нибудь серьезное.

– Задайте ему что-нибудь *полегче*, – сказал я. – Надо полагать, он сильно боится боли от ожога.

Он развернулся и гневно взглянул на меня.

– Чем ты намазал руку, старик, прежде чем сунуть ее в костер? – спросил он по-английски.

Я лишь улыбнулся.

– Это было бы не волшебство, – ответил я. – Это был бы фокус *иллюзиониста.*

– Надеешься унизить меня перед моим народом? – спросил он. – Подумай как следует, старик.

Он прошел к костру, встал между мной и Нджобе, а потом сунул руку в огонь. Лицо его осталось совершенно бесстрастным, но я чувствовал запах горящей плоти. Наконец он вынул руку из огня и поднял ее над головой.

– В этом нет никакого волшебства! – крикнул он на суахили.

– Но ты обжегся, муж мой, – возразила девушка, которая подзадоривала его.

– Разве я закричал? – ответил он. – Разве я хоть поморщился от боли?

– Нет, ты не кричал и не морщился.

– А может ли другой человек в деревне сунуть руку в огонь и не закричать при этом?

– Нет, муж мой.

– Так кто из нас более велик – Кориба, которого защищает волшебство, или я, которому не нужно колдовство, чтобы сунуть руку в огонь?

– Бвана, – в унисон произнесли его жены.

Он развернулся ко мне и торжествующе ухмыльнулся.

– Ты снова проиграл, старик.

Но я не проиграл.

Я приходил в деревню изучить своего врага и многое узнал о нем. Как кикуйю не может стать масаи, так и этот масаи не мог бы стать кикуйю. В нем развилась слишком сильная наглость, которая как привела его к нынешнему высокому положению, так и послужит причиной его падения.

На следующее утро Коиннаге сам явился ко мне в бома.

– *Джамбо*, – приветствовал я его.

– *Джамбо*, Кориба, – ответил он. – Нам надо поговорить.

– О чем?

– О Бване, – сказал Коиннаге.

– А что с ним такое?

– Он перешел все границы, – сказал Коиннаге. – Вчера вечером после твоего ухода он решил, что выпил слишком много помбе, чтобы возвращаться домой в темноте, и выгнал меня из моей собственной хижины – *меня*, вождя племени! – Он пнул ящерку, подползшую к его ноге, и продолжил: – И не только! Утром он заявил, что Кибо, моя младшая жена, теперь будет его женой!

– Интересно, – сказал я, проследив, как ящерка шмыгнула в буш, развернулась и посмотрела на нас.

– И это все, что ты можешь сказать? – возмутился он. – Я за

нее двадцать коров и пятерых коз отдал. А когда я ему об этом напомнил, знаешь, как он поступил?

– И как же?

Коиннаге показал мне маленькую серебряную монету.

– Он мне дал *кенийский шиллинг*! – Он плюнул на монету и зашвырнул ее на сухой каменистый склон за моим бома. – А теперь он будет спать в моей хижине каждую ночь, когда будет в деревне, а я должен спать где-то еще.

– Я тебе очень сочувствую, – ответил я. – Но я же тебя предупреждал, что приглашать охотника не следует. В его природе охотиться на всех: на гиен, на куду, даже на кикуйю. – Я помолчал, наслаждаясь его тревогой. – Наверное, тебе нужно попросить его уйти.

– Он не станет меня слушать.

Я кивнул.

– Лев может жить среди козлов, может кормиться среди них, но очень редко прислушивается к ним.

– Кориба, мы ошибались, – лицо Коиннаге выражало отчаяние. – Не мог бы ты избавить нас от этого захватчика?

– Зачем? – спросил я.

– Я тебе уже объяснил.

Я медленно покачал головой.

– Ты рассказал, почему гневаешься на него, – ответил я. – Этого недостаточно.

– Что еще мне сказать? – спросил Коиннаге.

Я помолчал, глядя на него.

– Со временем поймешь.

– Наверное, нужно связаться с Техподдержкой, – предложил Коиннаге. – Наверняка *они* сумеют его выгнать отсюда.

Я глубоко вздохнул.

– Ты так ничего и не понял?

– Ты о чем?

– Ты послал за масаи, потому что он сильнее физи. Теперь хочешь послать за Техподдержкой, потому что она сильнее масаи. Если один человек смог так изменить наше общество, то, как ты думаешь, что случится, когда мы призовем еще больше? Наши юноши уже говорят об охоте вместо земледелия, они собираются строить европейские дома с углами, где могут скрываться демоны, и умоляют масаи, чтоб тот снабдил их ружьями. Как полагаешь, что будет, когда они увидят чудеса Техподдержки?

– Ну и как же нам избавиться от масаи?

– В свое время он уйдет, – сказал я.

– Ты уверен?

– Я же мундумугу.

– И когда это время придет? – спросил Коиннаге.

– Когда вы поймете, *почему* он должен уйти, – сказал я. – А теперь, пожалуй, тебе пора возвращаться в деревню, иначе ты обнаружишь, что он присвоит и остальных твоих жен.

На лице Коиннаге возникло выражение паники, и он опрометью скатился по тропе с холма обратно в деревню, не сказав больше ни слова.

Следующие несколько дней я провел, собирая кору некоторых деревьев на краю саванны, а когда собрал достаточно, добавил определенные травы и коренья и растер в кашицу на старом черепашьем панцире. Добавив воды, я перенес смесь в калебас, где готовил еду, и стал кипятить на медленном огне.

Когда я закончил эти приготовления, то послал за Ндеми, и спустя полчаса тот явился.

– *Джамбо*, Кориба, – приветствовал он меня.

– *Джамбо*, Ндеми, – сказал я.

Он посмотрел на калебас и поморщился.

– А что это? – спросил он. – Воняет жутко.

– Это не для еды, – сказал я.

– Надеюсь, что так, – искренне ответил он.

– Осторожней, не прикасайся к нему, – предупредил я, выходя из хижины в тень дерева, которое росло у меня в бома. Ндеми, обходя калебас стороной, присоединился ко мне.

– Ты посылал за мной, – заметил он.

– Да.

– Я рад. В деревне совершенно не хочется находиться.

– Да?

Он кивнул.

– Многие юноши теперь следуют за Бваной, куда б тот ни пошел. Они забирают коз из шамба и одежду из хижин, и никто не осмеливается их останавливать. Канджара вчера попытался, но юноши избили его и раскровянили рот, а Бвана смотрел и смеялся.

Я кивнул, нисколько не удивленный.

– Думаю, время почти настало, – сказал я, отгоняя рукой мошкару, которая тоже слетелась в тень дерева и жужжала рядом с моим лицом.

– Почти настало время для чего?

– Бване – покинуть Кириньягу. – Я помолчал. – Вот почему я послал за тобой.

– Мундумугу требуется моя помощь? – на юном лице Ндеми полыхнула гордость.

Я кивнул.

– Я выполню любой твой приказ, – поклялся Ндеми.

– Отлично. Знаешь ли ты, какими маслами Бвана себя умащивает?

– Их готовит старая Вамбу.

– Ты должен принести мне полных два бурдюка.

– Я думал, – сказал Ндеми, – что лишь масаи умащают тела.

– Делай что говорю. Дальше, у тебя есть лук?

– Нет, но у моего отца есть. Он много лет не пользовался им, так что не заметит, если я возьму.

– Я не хочу, чтобы об этом кто-нибудь узнал.

Ндеми пожал плечами и стал с отсутствующим видом рисовать узоры в пыли указательным пальцем.

– Он все равно подумает на тех парней, что ходят за Бваной.

– А есть ли у твоего отца острые стрелы?

– Нет, – сказал Ндеми. – Но я могу вырезать их.

– Я хочу, чтобы ты вырезал их сегодня к вечеру, – ответил я. – Десяти должно хватить.

Ндеми начертил в пыли стрелу.

– Таких? – показал он.

– Покороче, – сказал я.

– Я сделаю оперение стрел из перьев кур нашего бома, – предложил он.

Я кивнул:

– Хорошо.

– Ты хочешь, чтобы я выстрелил в Бвану?

– Я тебе уже говорил, что кикуйю не убивают людей.

– Тогда зачем ты просишь меня изготовить стрелы?

– Принеси их ко мне в бома, когда закончишь, – велел я. – И захвати десять клочков ткани, чтобы обернуть их.

– А потом?

– А потом мы вымочим наконечники стрел в отраве, которую я приготовил.

Он нахмурился.

– Но ты не хочешь, чтобы я стрелял в Бвану? – Он помедлил. – В кого тогда мне нужно будет стрелять?

– Настанет время – узнаешь, – сказал я. – Возвращайся в деревню и сделай, что я тебе велел.

– Да, Кориба, – ответил он и побежал из моего бома вниз по холму на сильных молодых ногах; стайка цесарок, квохча и повизгивая, упорхнула у него с дороги.

И часа не прошло, как по склону холма снова поднялся Коиннаге, на этот раз в сопровождении Нджобе и еще пары старейшин; все были в традиционных одеяниях.

– *Джамбо*, Кориба, – сказал Коиннаге несчастным голосом.

– *Джамбо*, – ответил я.

– Ты велел мне возвращаться, когда я пойму, отчего Бвана должен покинуть нас, – продолжил Коиннаге. Он сплюнул на землю, и паучок метнулся прочь. – Теперь я пришел.

– И чему ты научился? – Я поднял руку, заслоняя глаза от солнца. Коиннаге потупился, как ребенок на выволочке у строгого отца.

– Я понял, что Утопия – хрупкая вещь, и ее нужно защищать от тех, кто может обрушиться на нее.

– А ты, Нджобе? – спросил я. – Чему научился ты?

– Наша жизнь была здесь очень хороша, – ответил он. – Я полагал, что добро само себя защитит. – Он глубоко вздохнул. – Я ошибался.

– А стоит ли Кириньяга того, чтоб ее защищать? – спросил я.

– Как ты смеешь так говорить? – возмутился один из старейшин. – Ты, из всех людей…

– Масаи может привезти на Кириньягу много машин и много денег, – заметил я. – Он хочет сделать нашу жизнь лучше, а не уничтожить нас.

– Только это уже будет не Кириньяга, – сказал Нджобе. – Она снова превратится в Кению.

– Он оскверняет все, к чему прикасается, – добавил Коиннаге, лицо его перекосила гримаса гнева и унижения. – Мой собственный сын стал одним из его последователей. Он больше не выказывает почтения отцу, нашим женщинам и нашим обычаям. Он только и говорит, что о деньгах и оружии. Он почитает Бвану, как если бы тот был Самим Нгаи. – Он помолчал. – Кориба, ты обязан помочь нам.

– Да, – произнес Нджобе, – зря мы тебя не послушали.

Я по очереди посмотрел в их встревоженные лица, потом наконец кивнул:

– Я помогу вам.

– Когда?

– Скоро.

– *Как* скоро? – настаивал Коиннаге; ветер дунул ему пылью в лицо, он закашлялся. – Мы больше не вынесем.

– В течение недели масаи покинет нас, – ответил я.

– В течение недели? – повторил Коиннаге.

– Даю слово. – Я помолчал. – Но если мы хотим очистить наше общество, то его последователи должны уйти вместе с ним.

– Ты не отнимешь у меня моего сына! – возразил Коиннаге.

– Масаи уже отнял его у тебя, – указал я. – Я решу, позволить ли ему возвратиться.

– Но он должен стать вождем племени после моей смерти.

– Такова моя цена, Коиннаге, – твердо сказал я. – Ты должен позволить мне решить, как обойтись с последователями масаи. – Я приложил руку к сердцу. – Мое решение будет честным.

– Ну, не знаю, – проворчал Коиннаге.

Я пожал плечами.

– Тогда живите с масаи.

Коиннаге уставился на землю, словно муравьи и термиты могли подсказать ему выход из положения. Наконец он вздохнул.

– Будь по-твоему, – грустно согласился он.

– Как ты избавишь нас от масаи? – потребовал Нджобе.

– Я же мундумугу, – уклончиво ответил я, поскольку не хотел, чтобы до Бваны донесли даже слух о моих намерениях.

– Это потребует могучих чар, – сказал Нджобе.

– Ты сомневаешься в моем могуществе? – спросил я.

Нджобе не сумел посмотреть мне в глаза.

– Нет, но…

– Но что?

– Но он как бог. Его нелегко будет уничтожить.

– У нас есть место только для одного бога, – сказал я, – а имя Ему – Нгаи.

Они вернулись в деревню, а я снова занялся приготовлением яда.

Ожидая возвращения Ндеми, я взял тонкую щепку и проделал в ней крошечную дырочку. Потом взял длинную иглу, проткнул ею щепку на всю длину и вытащил ее. Наконец я поднес щепку к губам и дунул в отверстие. Я не услышал звука, но скот на пастбище вдруг вскинул головы, а две мои козы стали бегать кругами, как пьяные. Я еще дважды испытал импровизированный свисток, добился той же реакции и отложил его[16]. Ндеми явился в середине дня, таща бурдюки с маслом, старый отцовский лук и десять аккуратно вырезанных стрел. Он не нашел никакого металла, но очень хорошо заострил их концы. Я проверил тетиву, убедился, что она не ослабла, и кивнул в знак одобрения. Очень осторожно, следя, чтобы ни одна капля яда не коснулась моей кожи, я омочил наконечники в растворе и завернул их в десять принесенных Ндеми клочков ткани.

– Отлично, – сказал я. – Теперь мы готовы.

– Что я должен сделать, Кориба? – спросил мальчик.

– В старые времена, когда мы еще обитали в Кении, только европейцам разрешалось охотиться, и другие европейцы платили им за то, чтобы те взяли их на сафари, – стал объяснять я. – Белым охотникам было важно, чтобы их клиенты убили много зверей, поскольку если они оставались недовольны, то могли

либо не вернуться вообще, либо заплатить за сафари другому белому охотнику. – Я помолчал. – Поэтому охотники иногда натаскивали целые прайды львов, чтобы те сами явились сложить головы.

– И как же они это делали, Кориба? – глаза Ндеми расширились от изумления.

– Белый охотник посылал местного проводника разведать выбранную для сафари территорию, – сказал я, разливая масло по шести маленьким тыквам. – Проводник шел в вельд, где обитали львы, убивал антилопу гну или зебру и рассекал брюхо так, чтобы запах мяса распространялся по ветру. Затем брал свисток и дул в него. Львы приходили либо на запах мяса, либо из интереса к странному новому звуку. На следующий день проводник убивал следующую зебру и опять свистел в свой свисток, и львы являлись снова. Так повторялось ежедневно, пока львы не выучивали, что после свистка их ждало мертвое животное. Когда проводник убеждался, что львы теперь всегда приходят на свист, то он возвращался к сафари и вел охотника и его клиентов в вельд туда, где обитали львы, и свистел. Львы бежали на звук, а клиенты охотника собирали трофеи.

Я улыбнулся, видя его восхищение, и задумался, известно ли кому-нибудь на Земле, что кикуйю опередили Павлова[17] почти на столетие.

Я вручил Ндеми вырезанный свисток.

– Вот твой свисток, – сказал я. – Не потеряй его.

– Я повешу его на шнурок себе на шею, – отвечал он. – Я не потеряю его.

– Если ты потеряешь его, – продолжал я, – то я наверняка умру страшной смертью.

– Положись на меня, мундумугу!

– Я знал, что могу на тебя рассчитывать. – Я собрал стрелы и осторожно передал ему. – Эти стрелы твои, – произнес я. – Обращайся с ними очень осторожно. Если рассечешь кожу или прижмешь их к ране, то почти наверняка умрешь, и всего моего искусства не хватит, чтобы тебя спасти.

– Понятно, – сказал он, осторожно принимая у меня стрелы и кладя их на землю рядом с луком.

– Отлично, – ответил я. – Ты знаешь лес в полумиле от дома, возведенного для Бваны у реки?

– Да, Кориба.

– Я хочу, чтобы ты ежедневно приходил туда и убивал травоядное животное одной из отравленных стрел. Не пытайся убить буйвола, поскольку он слишком опасен, но можешь убивать любое другое травоядное животное. Как только убьешь, выливай

на тушу все масло из одного из шести бурдюков.

– А затем свистнуть, подзывая гиен? – догадался он.

– Затем ты взберешься на ближайшее дерево и подуешь в свисток только после того, как окажешься в безопасности среди его ветвей, – проговорил я. – Гиены явятся – в первый день медленно, на второй и третий все быстрее, а на четвертый практически мгновенно. Ты останешься на дереве еще долго после того, как они сожрут тушу и уйдут, а потом спустишься и вернешься в бома.

– Я сделаю так, как ты просишь, Кориба, – сказал он. – Но я не понимаю, как это поможет нам изгнать Бвану с Кириньяги.

– Это потому, что тебе еще далеко до мундумугу, – улыбнулся я. – А я еще не закончил давать тебе инструкции.

– Что еще мне нужно будет сделать?

– Для тебя будет еще одно задание, – продолжил я. – Незадолго до рассвета на седьмой день ты покинешь бома и убьешь седьмое животное.

– Но у меня всего шесть бурдюков с маслом, – заметил он.

– На седьмой день масло тебе не понадобится. Они явятся просто на свист. – Я помолчал, чтобы убедиться, что он внимательно слушает каждое мое слово.

– Как я уже сказал, ты убьешь травоядное животное перед рассветом, но на этот раз не станешь обливать тушу маслом и не станешь сразу же дуть в свисток. Ты взберешься на дерево, с которого открывается хороший обзор равнины между лесом и рекой. В какой-то момент ты увидишь, как я машу рукой вот *так*, – я сделал четкое вращательное движение правой рукой, – и после этого ты *немедленно* засвистишь. Ты понял?

– Понял.

– Это хорошо.

– И то, – спросил он, – что ты велишь мне сделать, поможет навсегда прогнать Бвану с Кириньяги?

– Да.

– Хотел бы я знать как, – посетовал Ндеми.

– Большего я тебе не могу рассказать, – ответил я. – Он цивилизованный человек и будет ожидать, что я, во-первых, вступлю в столкновение с ним на своей территории, а во-вторых, поскольку, как и он, получил европейское образование, то воспользуюсь европейскими технологиями для победы над ним.

– Но ты поступишь не так, как он ожидает?

– Не так, – проговорил я. – Он до сих пор не понял, что наши обычаи дают нам все необходимое для жизни на Кириньяге. Я вступлю в схватку с ним на его территории, и я нанесу ему поражение оружием кикуйю, а не европейцев. – Я снова выдержал

паузу. – А теперь, Ндеми, ступай и убей первое травоядное животное, или до твоего возвращения домой станет темно. Я не хотел бы, чтоб ты бродил в саванне ночью.

Он кивнул, взял свисток и оружие, потом быстрым шагом двинулся к лесу у реки.

Вечером шестого дня я спустился в деревню сразу после заката. Танцы еще не начались, хотя большинство взрослых жителей деревни уже собрались. Четверо юношей, в том числе сын Коиннаге, заступили мне дорогу, но Бвана, пребывая в благодушном настроении, махнул им, чтобы пропустили меня.

– Привет, старик, – обратился он ко мне с высокого стула. – Давно не виделись.

– Я был занят.

– Готовил мое падение? – спросил он с довольной усмешкой.

– Твое падение уже было предопределено Нгаи, – ответил я.

– И *что* же приведет меня к падению? – продолжил он, сделав знак одной из своих жен – у него их теперь было пять – принести свежий калебас помбе.

– То, что ты не кикуйю.

– А что особенного в кикуйю? – возмутился он. – Они просто племя овец, которые воровали женщин у вакамба, а скот и коз – у луо. Их священная гора, по которой назван ваш мир, украдена у масаи, ибо *Кириньяга* – слово из языка масаи.

– Это правда, Кориба? – спросил один из юношей.

Я кивнул:

– Да, это правда. В языке масаи *кири* означает «гора», а *ньяга* – «свет». Но хотя это слово взято из языка масаи, Гору Света дал кикуйю Сам Нгаи.

– Это гора масаи, – возразил Бвана. – Даже пики ее названы именами вождей масаи.

– Сроду не бывало на святой горе никаких масаи, – сказал старый Нджобе.

– Вначале эта гора принадлежала нам, – ответил Бвана. – Иначе она бы называлась словом из языка кикуйю.

– Значит, кикуйю наверняка убили масаи или изгнали их оттуда, – заключил Нджобе с хитрой улыбкой. Это замечание разгневало Бвану, он швырнул калебасом помбе в пробегавшую мимо козу с такой силой, что та повалилась с ног от удара в бок. Животное быстро вскочило и побежало по деревне, испуганно блея.

– Вы дураки! – заревел Бвана. – И даже если кикуйю прогнали масаи с горы, сегодня я восстановлю справедливость. Я провозглашаю себя лайбоном Кириньяги и объявляю, что эта

планета больше не принадлежит кикуйю.

– Что такое *лайбон*? – спросил кто-то.

– Это слово, которым масаи называют своего короля, – ответил я.

– Как же может этот мир не принадлежать кикуйю, – возмутился Нджобе, – если тут все, кроме тебя, кикуйю?

Бвана указал на пятерых подпевал:

– Я объявляю их масаи.

– Нельзя превратить их в масаи, просто назвав их масаи.

Бвана усмехнулся; отсветы пламени причудливо плясали по его стройному блестящему телу.

– Я могу делать все, что захочу. Я – лайбон.

– Возможно, Кориба захочет что-то сказать по этому поводу, – сказал Коиннаге, ведь он знал, что неделя близилась к концу.

Бвана враждебно уставился на меня:

– Ну что, старик, осмелишься оспорить мое право быть королем?

– Нет, – сказал я. – Не буду.

– Кориба! – воскликнул Коиннаге.

– Но ты же не можешь! – возопил Нджобо.

– Будем реалистами, – сказал я, – разве не он наш самый могучий охотник?

Бвана фыркнул.

– Я ваш *единственный* охотник.

Я обернулся к Коиннаге:

– Кто, кроме Бваны, мог бы нагим уйти в вельд, вооруженный лишь копьем, и сразить физи?

Бвана кивнул:

– Это правда.

– Разумеется, – продолжил я, – никто не видел, как он это сделал, но уверен, что он нам не солгал.

– Ты будешь отрицать, что я убил физи копьем? – потребовал Бвана запальчиво.

– Я не отрицаю этого, – искренне ответил я. – Я не сомневаюсь, что ты мог бы повторить это деяние в любой момент по своему желанию.

– Ты прав, старик, – отозвался он, поостыв.

– В общем-то, – продолжил я, – стоило бы отпраздновать восшествие нашего лайбона на престол еще одной такой охотой. Но на сей раз при свете дня, дабы твои подданные могли воочию убедиться в ловкости и отваге своего короля.

Он принял очередной калебас с помбе у младшей жены и внимательно воззрился на меня.

– Почему ты об этом заговорил, старик? Чего тебе на самом

деле нужно?

– Лишь того, о чем я сказал, – ответил я, разведя руками в знак искренности. Он покачал головой.

– Не-е-ет, – произнес он, – ты задумал какую-то хитрость.

Я пожал плечами.

– Ну, если ты бы предпочел не…

– Наверное, он боится, – вставил Нджобе.

– Я ничего не боюсь! – огрызнулся Бвана.

– Он наверняка не боится физи, – сказал я. – Это уже всем очевидно.

– Да, – сказал Бвана, по-прежнему не сводя с меня глаз.

– Но если он не боится физи, – спросил Нджобе, – то *чего же* ему бояться на охоте?

– Он не хочет выходить на охоту, потому что *я* это предложил, – отозвался я. – Он все еще не доверяет мне. Оно и понятно.

– С какой стати это понятно? – возмутился Бвана. – Думаешь, я боюсь твоего мумбо-юмбо, как остальные овцы?

– Я этого не говорил, – ответил я.

– Нет у тебя никакой магии, старик, – сказал он, поднимаясь. – У тебя только фокусы и угрозы, а масаи их не боятся. – Он помолчал, потом повысил голос, чтобы все кругом слышали: – Я проведу ночь в хижине Коиннаге, а завтра утром отправлюсь охотиться на физи по старому обычаю, чтобы все мои подданные могли увидеть лайбона в бою.

– Завтра утром? – переспросил я.

Он просверлил меня взглядом: в каждой черточке его красивого лица проступила наглость масаи.

– На рассвете.

Я проснулся, как обычно, рано утром, но на этот раз не стал разводить костра и садиться возле него, выгоняя из старых костей холод. Вместо этого я накинул кикои и немедленно спустился в деревню. Все мужчины собрались вокруг бома Коиннаге в ожидании Бваны. Наконец он выбрался наружу в красном плаще; тело его было смазано маслом. Вид у него оказался вполне бодрый, несмотря на щедрые возлияния помбе накануне, в правой руке он сжимал то же копье, которым пользовался на самой первой своей охоте на Кириньяге.

Презирая нас, он не глядел ни вправо, ни влево, пока шел через деревню и саванну прямо к реке. Мы следовали за ним, и наша маленькая процессия удалилась примерно на милю от его дома. Тут он остановился и поднял руку.

– Дальше вы не пойдете, – возвестил он, – или отпугнете

физи своей численностью.

Он сбросил красный плащ на землю и остался стоять, обнаженный, блистая телом в утреннем свете.

– Теперь смотрите, мои овечки, как охотится истинный властитель.

Он взвесил на руке копье, приноравливаясь к нему, и устремился через высокую, по пояс, траву. Коиннаге нервно подвинулся ко мне.

– Ты же обещал, что он сегодня покинет наш мир, – прошептал он.

– Да.

– Но он до сих пор здесь.

– День еще не закончился.

– Ты *уверен*, что он уберется? – настаивал Коиннаге.

– Разве когда-нибудь лгал я своему народу? – ответил я.

– Нет, – сказал он, отступив на шаг. – Нет, не лгал.

Мы снова замолчали, вглядываясь в равнину. Довольно долго мы ничего не могли заметить. Затем Бвана возник из кустарника и смело зашагал к месту примерно в пятидесяти ярдах перед ним. Тут переменился ветер, и воздух разорвали оглушительный смех и вопли гиен, учуявших аромат масла от его тела. Мы увидели, как колышется трава, когда стая, фыркая и повизгивая, устремилась в сторону Бваны.

Тот на мгновение замер, поскольку ему было нельзя отказать в храбрости, затем увидел, сколько их, осознал, что сможет убить только одну, швырнул копье в ближайшую, рванулся к растущей неподалеку акации и взобрался на нее прежде, чем первые шесть гиен добежали до ее подножия. Еще через минуту вокруг дерева сновали пятнадцать взрослых крупных гиен, скаля клыки и смеясь над ним, поэтому Бване ничего не оставалось, кроме как сидеть на ветке.

– Какая жалость, – заметил я. – А я-то ему поверил, когда он себя расхваливал как могучего охотника.

– Он сильнее тебя, старик, – возразил сын Коиннаге.

– Чушь, – сказал я. – Вокруг дерева всего лишь гиены, а никакие не демоны.

Я обернулся к сыну Коиннаге и его приятелям:

– Я полагал, что вы ему друзья. Почему не спешите ему на помощь?

Те неловко потоптались, и сын Коиннаге ответил:

– Ты же видишь, что мы безоружны.

– Ну и что? – возразил я. – Вы почти масаи, а это – всего лишь гиены.

– Если они настолько безобидны, – возразил сын Коиннаге, –

почему бы *тебе* их не прогнать?

– Это же не моя охота, – сказал я.

– Ты не можешь их прогнать, так что не попрекай нас тем, что мы тут стоим.

– Я могу прогнать их, – сказал я. – Разве я не мундумугу?

– Так сделай это! – подначил он.

Я развернулся к жителям деревни:

– Сын Коиннаге бросил мне вызов. Хотите ли вы, чтобы я спас масаи?

– Нет! – отозвались почти все в один голос.

Я обернулся к юноше:

– Ну вот.

– Тебе повезло, старик, – сказал он с кислой миной. – Ты бы не сумел.

– Это *тебе* повезло, – ответил я.

– Почему? – потребовал он ответа.

– Потому что ты назвал меня стариком, а не мундумугу или мзее, но я не наказал тебя за это. – Я смотрел на него немигающим взглядом. – Однако знай, что, если ты впредь еще хоть раз так назовешь меня, я превращу тебя в самого маленького из грызунов и оставлю в поле, чтоб тебя сожрали шакалы.

Я говорил с такой убежденностью, что наглости в юноше внезапно поубавилось.

– Ты блефуешь, мундумугу, – сказал он наконец. – Нет у тебя никакой магии.

– Ты глупый юнец, – ответил я, – ведь ты видел, что моя магия работала прежде, и ты знаешь, что она будет работать в будущем.

– Тогда заставь гиен убежать, – сказал юнец.

– Если я сделаю это, то ты и твои дружки принесете мне обет верности. Поклянетесь ли уважать законы и обычаи кикуйю?

Он долго обдумывал мое предложение, потом кивнул.

– А вы? – Я обвел взглядом его приятелей.

Те согласно забормотали.

– Да будет так, – сказал я. – Ваши отцы и старейшины деревни будут свидетелями нашего договора.

Я двинулся по равнине к дереву, на котором сидел Бвана, бессильно глядя вниз на гиен. Когда я приблизился к ним примерно на триста ярдов, они учуяли меня и потрусили в мою сторону, постоянно принюхиваясь и голодно ворча.

– Именем Нгаи, – возгласил я, – мундумугу приказывает вам убираться!

С последним словом я махнул правой рукой на них именно так, как показывал Ндеми. Я не услышал свиста, поскольку звук

такой высоты нельзя услышать человеческим ухом, однако вся стая тут же развернулась и кинулась в лес.

Я мгновение смотрел им вслед, потом обернулся к своему народу.

– Теперь возвращайтесь в деревню, – грозно сказал я. – С Бваной я разберусь.

Они молча ретировались, а я подошел к дереву, с которого Бвана наблюдал за представлением. Он уже слез и ждал меня.

– Я спас тебе жизнь магией, – сказал я. – Но теперь тебе пора покинуть Кириньягу.

– Это был фокус, – воскликнул он, – а вовсе не магия!

– Фокус или магия, – ответил я, – тебе-то какая разница? Это случится снова, и в следующий раз я не стану тебя спасать.

– С какой стати я должен тебе верить? – недовольно пробурчал он.

– У меня нет причин лгать тебе, – проговорил я. – Когда ты в следующий раз отправишься на охоту, они атакуют тебя снова, и этих физи будет так много, что даже европейское ружье с ними не справится, а меня рядом не окажется, чтобы спасти тебя. – Я помолчал. – Уходи, пока можешь, масаи. Они не вернутся еще полчаса. За это время ты успеешь добраться до космопорта, а я вызову Техподдержку и скажу, что ты ждешь рейса обратно на Землю.

Он заглянул мне в глаза.

– Ты говоришь правду, – наконец произнес он.

– Да.

– Как ты это сделал, старик? – спросил он. – Я заслуживаю, чтобы ты мне сказал, пока я еще здесь.

Я долго молчал, прежде чем ответить.

– Разве я не мундумугу? – с этими словами я развернулся и пошел обратно в деревню.

После полудня мы разобрали его дом, а вечером я призвал дожди, чтобы Кириньяга очистилась от мельчайших следов скверны, поразившей нас. Наутро я спустился по длинной извилистой тропе в деревню обновить заклятия на пугалах, и едва я появился, как дети обступили меня, требуя рассказать им историю.

– Хорошо, – сказал я, собрав их в тени акации. – Сегодня я поведаю вам историю о самонадеянном охотнике.

– А у нее счастливый конец? – спросила какая-то девочка.

Я оглядел деревню, где мой народ прилежно выполнял повседневные обязанности, и перевел взор на мирные зеленые равнины.

– Да, – ответил я. – В этот раз – да.

Манамуки

ЕСЛИ ВЫ встречались с Майком Резником, вы знаете, что он веселый, забавный и экспансивный парень, в котором нет ни капли злобы (даже если он упорно называет меня «Женщиной из Колорадо»). Он отличный рассказчик и, вероятно, лучший в мире эксперт по выращиванию колли, скачкам и Тедди Рузвельту.

А если вы читали его, то знаете, что он эксперт не только в этом, – он написал всевозможные романы и рассказы практически на все темы – от слонов, дьявола и волосатых жаб до литературных критиков, фермы старого Макдональда и Странствующего Еврея. О, и про солнце. И еще про фей драже. Вы также знаете, что он известен своими научно-фантастическими вестернами, невероятными приключениями и потрясающим чувством юмора.

Но вы никогда не читали ничего подобного его рассказам о Кириньяге. Они полностью отличаются от всего остального, что пишет Майк, и, хотя они образуют умеренно связанную серию, каждый из них полностью отличается от других.

«Манамуки», наверное, мой любимый рассказ, а мудрый мундумугу Кориба – определенно мой любимый персонаж. На нем лежит неблагодарная работа по управлению некогда почти вымершим племенем кикуйю в его охраняемом внеземном заповеднике – и по поддержанию его стабильности и самобытности перед лицом постоянно угрожающих

перемен.

Это, конечно, невыполнимая работа даже для такого терпеливого и мудрого человека, как Кориба, и никто не знает этого лучше, чем он, вот почему он настолько хороший мундумугу. Но когда с Земли прибывает восторженная молодая женщина, становится ясно, что даже Кориба – и Кириньяга – возможно, нашли себе достойного противника.

Тонкая и ироничная история прекрасно выстроена, и, хотя автор рассказывает вам именно то, что произойдет, вы все равно не представляете, как именно это произойдет. «Манамуки» – это лучшее произведение Майка Резника. Это шедевр.

Конни Уиллис

ВО ВРЕМЯ поездки в Кению я услышал слово «манамуки». Я немного говорю на суахили, но никогда раньше его не слышал, поэтому попросил перевести. Это означало «жена»… но позже я узнал, что это означало «жена» в одном конкретном контексте, а на самом деле это слово означало «жена как собственность» и в равной степени относилось к женщинам, кобылам, свиньям, сукам, коровам и так далее.

Мне потребовалось немного времени, чтобы сопоставить это с обычаем, который большинство жителей Запада считают варварским, и придумать еще одну историю о Кириньяге. «Манамуки» номинировали на премии «Хьюго» и «Небьюла» в 1991 году, рассказ получил «Хьюго» за лучшую повесть, а также премию HOMer и возглавил

опрос журнала Science Fiction Chronicle.

Майк Резник

The Manamouki. *Первая публикация в журнале Isaac Asimov's Science Fiction Magazine в июле 1990 года.*

Декабрь – Март 2133 года

Много веков назад дети Гикуйю, первого человека племени кикуйю, жили на склонах священной горы Кириньяга, которую люди теперь называют Кения.

На горе обитало также множество змей, но сыновья и внуки Гикуйю считали их омерзительными и вскоре уничтожили всех, кроме одной.

Настал день, когда последняя змея приползла в деревню и убила ребенка. Дети Гикуйю обратились к *мундумугу* – своему шаману – и попросили его избавить их от угрозы.

Мундумугу бросил кости, принес в жертву козу и занялся волшбой и в итоге сотворил яд, который должен был убить змею. Он разрезал брюхо другой козы, поместил туда яд и оставил ее под деревом, и на следующий день змея сожрала козу и умерла.

– Теперь надо разрезать змею на сотню кусков и разбросать по склонам священной горы, – велел мундумугу, – чтобы никакой демон не смог вернуть ее к жизни.

Дети Гикуйю поступили так, как он им приказал, и разбросали сотню кусков тела змеи по склонам Кириньяги. Но за ночь каждый кусок ожил и превратился в новую змею, и вскоре кикуйю стали опасаться покидать свои *бома*.

Мундумугу поднялся на гору и, подойдя к самому высокому пику, воззвал к Нгаи.

– Нас осаждают змеи, – взмолился он, – и, если Ты не поразишь их, вскоре от народа кикуйю не останется никого.

– Я сотворил змей, равно как и кикуйю, и всех остальных живых существ, – ответил Нгаи, восседавший на Своем золотом троне на вершине Кириньяги. – И все, что Я создал, будь то человек, змея, дерево или просто мысль, в Моих глазах не является отталкивающим. На первый раз Я пощажу вас, поскольку вы молоды и невежественны, но вы не должны забывать, что не сможете уничтожить то, что вам будет казаться отвратительным, – если вы попытаетесь это уничтожить, то уничтоженное всегда будет возвращаться в стократном объеме.

Это стало одной из причин, почему кикуйю решили рыхлить

почву, а не охотиться на зверей в джунглях, как вакамба, или воевать со своими соседями, как масаи. Кикуйю не хотели, чтобы истребленное ими возвратилось и причинило им ущерб. Этот урок каждый мундумугу передавал своему поколению даже после того, как мы покинули Кению и эмигрировали на терраформированную планету Кириньяга.

За всю историю нашего племени только один мундумугу позабыл об уроке, преподанном Нгаи на священной горе в тот далекий день.

Этим мундумугу был я.

Проснувшись, я обнаружил, что на колючую ограду моего бома напоролась гиена. Это само по себе должно было предупредить меня, что наступивший день проклят, ибо худшего предзнаменования невозможно представить. Ветер, сухой, жаркий, пыльный, дул с запада, а ведь известно, что все добрые ветра приходят с востока.

В этот день на планету должны были прибыть первые иммигранты. Мы долго и ожесточенно сопротивлялись их появлению на Кириньяге, поскольку хранили старые обычаи нашего народа и не желали, чтобы стороннее воздействие исказило созданное нами общество. Но наша хартия недвусмысленно указывала, что любой кикуйю, поклявшийся соблюдать наши законы и уплативший положенную сумму Эвтопическому Совету, может эмигрировать из Кении, так что, отсрочив неизбежное насколько смогли, мы наконец согласились и приняли к себе Томаса Нкобе и его жену.

Нкобе мы сочли наилучшим из всех кандидатов на иммиграцию. Он родился в Кении, рос в тени священной горы, учился за границей, затем вернулся и стал вести хозяйство на крупной ферме, выкупив ее у одного из последних европейских землевладельцев. Что еще важнее, он был прямым потомком Джомо Кениаты, Великого Пылающего Копья Кении, который привел нас к независимости.

Я устало тащился по выжженной солнцем саванне к небольшой посадочной площадке в Космопорте, чтобы поприветствовать новоприбывших. Со мной был только мой юный помощник Ндеми. Дважды буйволы преграждали нам путь, а однажды Ндеми пришлось бросать камни в гиену, чтобы отогнать ее, но в конце концов мы прибыли на место и обнаружили, что корабль Техподдержки с Нкобе и его женой еще не приземлился. Я опустился на пятки в тени акации, и мгновением позже ко мне присоединился Ндеми.

– Они опаздывают, – сказал мальчик, всматриваясь в

безоблачное небо. – Наверное, они вообще не прилетят.

– Нет, прилетят, – возразил я, – все знаки говорят за это.

– Но это дурные знаки, а ведь Нкобе, наверное, хороший человек.

– На свете много хороших людей, – ответил я, – но не все они подходят Кириньяге.

– Ты встревожен, Кориба? – спросил Ндеми, когда пара венценосных журавлей прошла по хрупкой сухой траве, а стервятник поднялся на восходящих воздушных потоках.

– Я обеспокоен, – сказал я.

– Чем же?

– Я не знаю, зачем ему понадобилось здесь поселиться.

– А почему бы и нет? – спросил Ндеми, подобрав сухую веточку и методично разломав ее на мелкие кусочки. – Разве это не Утопия?

– Существует много вариантов Утопии, – сказал я. – Кириньяга же – это утопия кикуйю.

– Нкобе – кикуйю, значит, он принадлежит этому миру, – решительно сказал Ндеми.

– Я удивлен.

– Чем?

– Ему почти сорок. Почему он так долго ждал момента сюда отправиться?

– Вероятно, раньше он не мог себе этого позволить.

Я покачал головой:

– Он из очень богатой семьи.

– У них много скота? – спросил Ндеми.

– Много, – ответил я.

– И коз?

Я кивнул.

– Он привезет их сюда?

– Нет. Он прибудет с пустыми руками, как и мы все. – Я остановился, нахмурился. – Почему владельцу огромной фермы, у которого много тракторов и работников, вздумалось отказаться от всего, чем он владеет? Вот что меня беспокоит.

– Ты так говоришь, словно на Земле жизнь лучше, – нахмурился Ндеми.

– Не лучше. Она просто другая.

Он мгновение обдумывал услышанное.

– Кориба, что такое трактор?

– Машина. Она выполняет в поле работу за многих людей.

– Это звучит замечательно, – произнес Ндеми.

– Она оставляет большие ямы в земле и воняет бензином, – ответил я, не пытаясь скрыть свое презрение.

Мы молчали минуту. Потом в поле зрения появился корабль Техподдержки. При приземлении он поднял тучу пыли и вызвал визг и крики перепуганных птиц и обезьян, сидевших на деревьях неподалеку.

– Скоро узнаем, – сказал я, – какой ответ правильный.

Я оставался в тени, пока корабль не коснулся земли и из него не вышли Томас Нкобе и его жена. Он был высокий, крепкого телосложения мужчина в повседневной западной одежде. Она была стройной и грациозной, с элегантно уложенной прической, в слаксах цвета хаки и охотничьем жилете тонкой работы.

– Приветствую! – сказал Нкобе по-английски, когда я подошел. – Я уж боялся, что нам придется добираться в деревню самим.

– *Джамбо!* – ответил я на суахили. – Добро пожаловать на Кириньягу!

– *Джамбо!* – он тоже перешел на суахили. – Вы Коиннаге?

– Нет, – сказал я, – Коиннаге – наш вождь. Вы будете жить в его деревне.

– А вы?

– Я Кориба, – сказал я.

– Он мундумугу, – гордо прибавил Ндеми. – А я – Ндеми. – Он помедлил. – Настанет день, и я тоже стану мундумугу.

Нкобе улыбнулся.

– Уверен, что так и будет.

Внезапно он вспомнил про свою жену и оглянулся.

– Это Ванда.

Она шагнула вперед, улыбнулась и протянула руку.

– Настоящий мундумугу! – произнесла она на суахили с заметным акцентом. – Я в восхищении!

– Надеюсь, – сказал я, подав ей руку, – что вам понравится на Кириньяге.

– Уверена, что так и будет, – с энтузиазмом ответила она. Корабль выгрузил их багаж и улетел. Она стояла и глядела на выжженную саванну, где три аиста-марабу и шакал терпеливо дожидались, пока гиена насытится убитым ею с утра детенышем гну и уйдет. – Мне тут уже нравится! – Она помедлила и добавила заговорщицким тоном: – На самом-то деле это я уговорила Тома отправиться сюда.

– Да?

Она кивнула.

– Меня уже тошнило от того, во что превратилась Кения… Все эти заводы, загрязнение природы! С тех пор как я узнала про Кириньягу, я мечтала перебраться сюда, чтобы вернуться к природе и жить той жизнью, какой мы и должны жить. – Она

глубоко вдохнула. – Том, какой здесь воздух! Ты сразу десяток лет скинешь.

– Хватит уже рекламировать, – улыбнулся он, – я ведь здесь.

Я повернулся к Ванде Нкобе:

– Но сама вы не кикуйю, верно?

– Уже кикуйю, – возразила она, – с тех пор, как вышла замуж за Тома. Но, отвечая на ваш вопрос, – нет, я родилась и воспитывалась в Орегоне.

– Что такое Орегон? – уточнил Ндеми, отгоняя мух.

– Это в Америке, – сообщила она и добавила после паузы: – А почему мы говорим на суахили, а не на кикуйю?

– Кикуйю – мертвый язык, – сказал я. – Большая часть нашего народа его не знает.

– А я-то рассчитывала, что он тут в ходу, – с видимым разочарованием протянула она. – Я так долго учила его…

– Если бы вы приехали в Италию, стали бы вы говорить на латыни? Вряд ли, – сказал я. – Мы все еще пользуемся некоторыми словами из кикуйю, как итальянцы – латинскими.

Она молчала мгновение. Потом пожала плечами:

– Ну я хотя бы подтяну суахили.

– Мне удивительно, что вы отказались от всех прелестей жизни в Америке и прибыли на Кириньягу, – заметил я, внимательно ее рассматривая.

– Я долгие годы хотела этого, – сказала она, – уговаривать пришлось Тома, а не меня. – Она помолчала. – Между прочим, я избавилась почти от всех, как вы сказали, *прелестей*, когда покинула Америку и переехала в Кению.

– Даже в Кении есть определенные удобства, – заметил я. – У нас же нет электричества, водоснабжения, и…

– Мы везде, где могли, жили в палатках, – вмешалась она. Я успел положить руку на плечо Ндеми, прежде чем тот пристыдил ее тем, что она перебивает мундумугу. – Я привыкла без этого обходиться.

– Но у вас всегда оставался дом, куда вы могли вернуться.

Она посмотрела на меня с удивленной усмешкой.

– Вы что, меня отсюда выгоняете?

– Нет, – ответил я. – Я просто хочу заметить, что ваше решение не является необратимым. Любому члену нашего общества, который посчитает себя несчастным и пожелает покинуть планету, надо просто проинформировать службу Техподдержки об этом. Через час корабль прибудет в космопорт.

– Это не про нас, – возразила она. – Мы тут на длинном поводке.

– На длинном поводке? – переспросил я.

– Она хотела сказать, что мы тут остаемся, – улыбнулся Нкобе и обнял жену за плечи.

Горячий ветер поднимал вокруг нас пылевые вихри.

– Думаю, что мне стоит проводить вас в деревню, – сказал я, прикрыв рукой глаза. – Вы, несомненно, устали и хотите отдохнуть.

– Нисколько, – возразила Ванда Нкобе. – Дивный новый мир! Я хочу осмотреться. – Взгляд ее упал на Ндеми, пристально наблюдавшим за ней. – Что-то не так? – спросила она.

– Вы такая сильная и крепкая, – сказал Ндеми одобрительно. – Это хорошо. Вы сможете выносить много детей.

– Ну уж нет, – сказала она, – если в Кении чего-то и слишком много, так это *детей*.

– Это не Кения, – сказал Ндеми.

– Я найду другие способы пригодиться обществу.

Ндеми некоторое время изучал ее.

– Что ж, – заключил он, – мне кажется, что у вас получится собирать хворост.

– Я так рада вашему одобрению! – ответила она.

– Но вам понадобится новое имя, – продолжил Ндеми, – ведь Ванда – имя европейское.

– Это же только имя, – сказал я. – Изменив его, она не сделается кикуйю.

– Но я не против, – сказала Ванда. – Я начинаю новую жизнь и *должна* обзавестись новым именем.

Я пожал плечами.

– Какое имя вы себе выберете?

Она посмотрела на Ндеми.

– Ты выбирай, – сказала она.

– Сестра моей матери, которая умерла родами в прошлом году, – ответил Ндеми, задумчиво нахмурив брови, – носила имя Мванге. В деревне больше никого нет с таким именем.

– Пусть будет Мванге, – согласилась она. – Мванге ва Ндеми.

– Я же не отец вам, – удивился Ндеми.

– Ты – отец моего нового имени, – сказала она с улыбкой.

Ндеми горделиво выпятил грудь.

– Ну что ж, теперь, когда с этим разобрались, – сказал Нкобе, – что делать с нашим багажом?

– Он вам не нужен, – сказал я.

– Нет, нужен, – сказала Мванге.

– Вам же сказали ничего не брать с собой из Кении.

– Я привезла с собой несколько *кикои*, которые сделала сама, – запротестовала она. – Это допустимо. Я же буду сама ткать ткань и делать себе одежду на Кириньяге.

Я обдумал ее объяснение и кивнул в знак согласия:

– Хорошо. Я пошлю одного из деревенских мальчишек донести ваши сумки.

– Они не тяжелые, – сказал Нкобе, – я мог бы донести их и сам.

– Мужчины кикуйю, – возразил Ндеми, – не носят сумки.

– А как насчет женщин кикуйю? – спросила Мванге, явно не желая оставлять багаж.

– Они собирают хворост и зерно, а не таскают сумки с одеждой, – ответил Ндеми. – Это, – он с отвращением ткнул пальцем в две сумки, – для детей.

– Ну что ж, тогда идем, – сказала Мванге. – Детей-то нет.

Ндеми весь аж засиял и гордо пошел вперед.

– Позвольте Ндеми идти первым, – сказал я. – У него молодые и зоркие глаза, он увидит в высокой траве гиену или змею.

– А здесь есть ядовитые змеи? – спросил Нкобе.

– Немного, но есть.

– Почему вы не истребили их?

– Потому что здесь не Кения, – сказал я.

Я шел сразу за Ндеми, а Нкобе с Мванге следовали за нами, обсуждая между собой ландшафт и животных. Примерно через полмили нам на пути попался самец импалы.

– Какой красавец! – вскричала Мванге. – Смотрите, какие рога!

– Жаль, что у меня нет с собой камеры, – сказал Нкобе.

– На Кириньяге камеры запрещены, – ответил я.

– Я знаю, – сказал он, – но, честно говоря, не вижу, каким образом что-нибудь настолько простое, как моя камера, могло бы разлагающе повлиять на ваше общество.

– Для камеры нужна пленка и фабрика, на которой будут производить камеры и пленку. Чтобы изготовить пленку, нужны химические вещества и места, куда можно было бы сливать отходы. Чтобы отпечатать снимки, нужна фотобумага, а у нас и для костра-то хвороста едва хватает, – сказал я. – Кириньяга дает нам все, в чем мы нуждаемся. Поэтому мы и пришли сюда.

– Кириньяга давала вам все, в чем вы нуждались, – поправила Мванге. – Это не совсем одно и то же.

Ндеми остановился и обернулся.

– Это ваш первый день здесь, и ваше невежество простительно, – пояснил он. – Однако впредь знайте, что *манамуки* не дозволено спорить с мундумугу.

– Манамуки? – спросила она. – Что такое манамуки?

– Вы, – сказал Ндеми.

– Я уже слышал это слово, – сказал Нкобе, – и думал, что им обозначается жена.

– Вы ошибались, – сказал я, – манамуки – это женская особь.

– В смысле, женщина? – спросила Мванге.

Я покачал головой.

– Женское существо в чьей-то собственности, – сказал я. – Женщина. Корова. Свинья. Собака. Овца.

– Ндеми думает, что я в чьей-то собственности?

– Вы – манамуки Нкобе, – сказал Ндеми.

Она мгновение размышляла, потом беззаботно пожала плечами.

– Экая фигня, – сказала она по-английски. – Если Ванда – только имя, манамуки – всего лишь слово. С этим я могу жить.

– Надеюсь, – сказал я на суахили, – потому что вам придется.

Она обернулась ко мне.

– Я знаю, что мы первые иммигранты на Кириньяге и что вы в нас сомневаетесь, но я всегда стремилась к такой жизни. Я собираюсь стать лучшей манамуки, какую вы, черт подери, только видели.

– Надеюсь, – ответил я.

Ветер по-прежнему дул с запада.

* * *

Я представил Нкобе и Мванге их новым соседям, показал им их *шамба* для выращивания пищи, передал шесть коров и десять коз и посоветовал запирать скот в бома на ночь, чтобы до него не добрались гиены, рассказал, как ходить к реке за водой, и оставил у входа в хижину. Мванге искренне восхищалась всем вокруг, и вскоре она уже завела оживленный разговор с женщиной, которая, проходя мимо, остановилась посмотреть на ее странное одеяние.

– Она очень красивая, – прокомментировал Ндеми, пока мы шли по полям, обновляя заклинания на пугалах. – Наверное, ты неверно прочел предзнаменования.

– Возможно, – сказал я.

– Но ты так не думаешь, – он посмотрел на меня.

– Нет.

– А мне она нравится, – сказал он.

– Твое право.

– А тебе – нет?

Я поразмышлял над ответом.

– Нет, – сказал я наконец, – я ее боюсь.

– Она ведь всего лишь манамуки! – запротестовал он. – Какой от нее может быть вред?

– От всего может быть вред, смотря по обстоятельствам.

– Не верю, – отрезал Ндеми.

– Ты сомневаешься в словах своего мундумугу? – поинтересовался я.

– Нет, – нервно сказал он. – Если ты что-то говоришь, значит, это правда. Но я не понимаю как.

Я усмехнулся.

– Вот поэтому ты еще и не стал мундумугу.

Он остановился и показал на нескольких импал, которые паслись ярдах в трехстах от нас.

– Даже от *них* может быть вред? – спросил он.

– Да.

– Но какой? – возмутился мальчик, нахмурясь. – Как только возникает опасность, они не пытаются противостоять ей, а просто убегают. Нгаи не дал им рогов, так что защититься им нечем. Они не настолько тяжелы, чтобы вытоптать наши посадки. Они не в состоянии даже пинать врага копытами, как зебры. Я правда не понимаю.

– Я расскажу тебе историю про уродливую буйволицу, и ты поймешь, – сказал я.

Ндеми довольно улыбнулся: он любил, когда ему рассказывали всякие интересные истории. Я отвел его в тень колючего кустарника, мы сели там лицом друг к другу.

– Однажды буйволица шла по саванне, – начал я. – Гиены недавно задрали ее первого буйволенка, и она сильно тосковала. На пути ей встретилась новорожденная импала, мать которой тем же самым утром убили гиены.

– Хотела бы я взять тебя к себе в дом, – сказала буйволица, – потому что мне одиноко, а сердце у меня любящее. Но ты не буйвол.

– Я тоже очень одинока, – сказала импала. – Если ты оставишь меня здесь одну, беззащитной, я уж точно не переживу эту ночь.

– Да, тяжко это, – согласилась буйволица. – Ты импала, а мы буйволы. Ты не принадлежишь к нашему племени.

– Я стану отличным буйволом, лучшим изо всех, – взмолилась та. – Я буду есть вашу пищу, пить вашу воду и следовать вашими путями.

– Как можешь ты стать буйволом? У тебя даже рога не растут.

– Я нацеплю на голову ветки деревьев.

– Ты не сможешь валяться в иле, чтобы очистить шкуру от паразитов, – заметила буйволица.

– Возьми меня домой, и я покрою свою шкуру таким густым слоем ила, как ни один буйвол, – ответила импала.

И на каждое возражение буйволицы импала находила ответ, и в конце концов буйволица уступила и привела импалу в стадо с собой. Большинство членов стада сошлись во мнении, что такого уродливого буйвола, как это существо, свет еще не видывал…

Ндеми захихикал.

– …но поскольку импала очень старалась стать похожей на буйвола, они позволили ей остаться. Однажды молодые буйволы пошли пастись на некотором расстоянии от стада, и на пути им попалась глубокая трясина.

– Надо нам вернуться в стадо, – сказал один из них.

– Ну почему? – возразила импала. – На той стороне отличная вкусная трава.

– Потому что взрослые говорили нам, что если мы ступим на такую трясину, она провалится под нами и засосет, и мы погибнем.

– Я в это не верю, – сказала импала. С этими словами она прошла прямо по центру заболоченного участка. – Видите? – спросила она. – Меня же не засосало, тут безопасно.

И трое молодых буйволов прошли по трясине, и каждого засосало под поверхность болота, и они утонули.

– Это всё ошибка твоей уродины, – сказал вожак стада. – Это она сказала нашим детям, чтобы те прошли по трясине.

– Но ведь она не желала им вреда, – возразила приемная мать импалы. – Она говорила чистую правду, ведь для нее проход был безопасен. Она всего лишь стремится жить в стаде, стать такой, как мы. Не изгоняй ее.

Вожак задумался. Он был не столько умен, сколько великодушен, и пожалел уродливую буйволицу.

Прошла неделя. Уродливая буйволица, которая умела прыгать выше самой высокой травы, подскочила в воздух и увидела, как в траве крадется стая гиен. Она ждала, пока те не подойдут, потом выкрикнула предупреждение и убежала. Все буйволы побежали вслед за ней, но гиены схватили отставшую приемную мать уродливой буйволицы, повалили на землю и загрызли ее.

Большинство буйволов стада были очень благодарны уродливой буйволице, что та их предупредила, но за ту неделю вожак стада сменился, и этот был умнее своего предшественника.

– Уродливая буйволица виновата, – рассудил он.

– Как так? – спросил один из старших буйволов. – Она предупредила нас о приближении гиен.

– Она предупредила, только когда стало слишком поздно, –

указал вожак. – Если бы она подняла тревогу, когда впервые заметила гиен, мать ее все еще была бы среди живых. Но она забыла, что мы не умеем бегать так же быстро, как она, и оттого мать ее погибла.

И с тяжелым сердцем новый вожак изгнал уродливую буйволицу из стада, потому что между *быть буйволом* и *хотеть стать буйволом* очень большая разница.

Я закончил и откинулся к стволу дерева.

– А уродливая буйволица выжила? – спросил Ндеми.

Я пожал плечами и смел насекомое, карабкавшееся по моему предплечью.

– Это уже другая история.

– Она не хотела никому навредить.

– И тем не менее навредила.

Ндеми чертил пальцем в грязи несколько черточек, обдумывая ответ, потом поднял на меня глаза.

– Но, если бы она не прибилась к стаду, гиены все равно могли бы убить ее приемную мать.

– Возможно.

– Значит, это не ее вина.

– Если бы я заснул под этим деревом, а ты увидел, как в траве ко мне ползет черная мамба, и не разбудил бы меня, – спросил я, – винили бы тебя в моей смерти, если бы мамба меня укусила?

– Да.

– Но если бы тебя здесь не было, мамба убила бы меня все равно.

Ндеми нахмурился.

– Это сложно.

– Еще бы.

– С трясиной все было проще, – сказал он. – Это, несомненно, ошибка уродливой буйволицы, потому что без ее настояния другие буйволы не пошли бы туда.

– Это так, – сказал я.

Ндеми несколько мгновений сидел неподвижно, раздумывая над тонкостями басни.

– Ты хочешь сказать, что вред можно причинить множеством способов, – сказал он.

– Да.

– И что нужна мудрость, чтобы понять, кто действительно виноват, поскольку глупый вожак не понял опасности, какую несли *действия* уродливой буйволицы, а мудрый понял, что она виновна уже своим *бездействием*.

Я кивнул.

– Ясно, – сказал Ндеми.

– Какой урок можно отсюда извлечь касательно истории с манамуки? – спросил я.

Он подумал.

– Если деревне будет грозить опасность, ты должен будешь мудро рассудить, ответственна ли за это Мванге, хотя она хочет просто жить с нами, как одна из кикуйю.

– Верно. – Я поднялся.

– Но я по-прежнему не понимаю, какой вред она может нам причинить.

– Я тоже, – ответил я.

– А узнаешь ли ты опасность, когда увидишь ее? – спросил он. – Или эта опасность может прикинуться благодеянием вроде предупреждения стада о приближении гиен?

Я не ответил.

– Кориба, почему ты молчишь? – спросил Ндеми после паузы.

Я вздохнул.

– Есть вопросы, на которые даже мундумугу не может ответить.

* * *

Пятью днями позже Ндеми, как обычно, утром ожидал меня у порога хижины.

– *Джамбо*, Кориба, – сказал он.

Я проворчал ответное приветствие и подошел к разложенному им костру. Я сидел долго, скрестив ноги, прогоняя холод из старых костей.

– О чем будет сегодняшний урок? – спросил мальчик наконец.

– Сегодня я научу тебя, как молиться Нгаи об изобильном урожае, – ответил я.

– Мы это уже учили на прошлой неделе.

– И на следующей будем учить, – ответил я, – и еще не одну неделю.

– А когда я научусь, как делать исцеляющие мази? Когда узнаю, как превратить врага в насекомое и растоптать его ногой?

– Когда станешь постарше, – сказал я.

– Я уже взрослый.

– И умнее.

– А как ты определишь, что я уже поумнел? – настаивал он.

– Когда ты проведешь со мной целый месяц, даже не заикнувшись о магии или лечебных мазях, – сказал я, встав от костра, – потому что терпение – одно из самых ценных качеств

мундумугу. А теперь отнеси мои калебасы к реке и наполни их водой.

Я указал рукой на два пустых калебаса.

– Да, Кориба, – печально откликнулся он.

Ожидая его возвращения, я вернулся в хижину, включил компьютер и послал письмо в Техподдержку, чтобы те подкорректировали орбиту планеты и на западные равнины пришло похолодание, а с ним – дождь.

Покончив с этим, я надел на шею мешочек для трав и выглянул наружу, чтобы посмотреть, не вернулся ли Ндеми. Но вместо моего юного ученика там стояла Вамбу, старшая жена Коиннаге. Она дожидалась меня, едва сдерживая ярость.

– *Джамбо*, Вамбу, – сказал я.

– *Джамбо*, Кориба, – ответила женщина.

– Ты хочешь со мной поговорить?

Она кивнула.

– Это все та кенийка.

– Да?

– Да! – сказала Вамбу. – Ты должен изгнать ее!

– Что же натворила Мванге? – поинтересовался я.

– Я старшая жена вождя, не так ли? – требовательным тоном спросила Вамбу.

– Да.

– Она относится ко мне без должной почтительности.

– Как именно? – уточнил я.

– По-всякому!

– Например?

– Ее *ханга* красивее моего. У нее ярче цвета, сложнее рисунок, мягче ткань.

– Она выткала свое ханга по-старому на своем ткацком станке, – сказал я.

– Какая разница? – прошипела Вамбу.

Я нахмурился.

– Ты хочешь, чтобы я потребовал от нее отдать тебе ее ханга? – спросил я, пытаясь выяснить причину ее ярости.

– Нет.

– Тогда я ничего не понимаю, – сказал я.

– Ты такой же, как Коиннаге! – бросила она, разъяренная тем, что я так и не понял ее жалобу. – Ты можешь быть мундумугу, но прежде всего ты мужчина!

– Расскажи мне больше, – предложил я.

– Кибо была глупой девчонкой, – сказала она, имея в виду младшую жену Коиннаге, – но я учила ее быть хорошей женой. А она хочет теперь стать такой, как та кенийка.

– Та кенийка, – заметил я, повторив ее слова, – хочет, в свою очередь, стать такой, как ты.

– Она не может! – почти заорала Вамбу. – Я старшая жена Коиннаге!

– Я хотел сказать, что она хочет стать жительницей нашей деревни.

– Это невозможно! – отрезала Вамбу. – Она говорит всякие странности.

– Например?

– Неважно. Прогони ее!

– За что? – спросил я. – За то, что у нее красивое ханга и Кибо она нравится?

– А! – топнула она ногой. – Ты такой же, как Коиннаге! Ты делаешь вид, что не понял, но ты знаешь, что ее надо выгнать!

– Я и вправду не понял, – сказал я.

– Ты наш мундумугу, но не ее собственный. Я дам тебе две жирные козы за то, что ты наложишь на нее *маху*.

– Я не наложу на Мванге проклятия, пока ты не докажешь мне, что это нужно, – холодно сказал я.

Она долго смотрела на меня, потом сплюнула, развернулась на пятках и отправилась обратно с холма в деревню, бормоча под нос проклятия и едва не сбив с ног Ндеми, возвращавшегося с полными воды бурдюками.

Следующие два часа я провел, обучая Ндеми молитве за урожай, потом велел сходить в деревню и привести Мванге. Часом позже Мванге, ослепительная в своем новеньком ханга, поднялась на холм в сопровождении Ндеми и вошла в мой бома.

– *Джамбо*, – поприветствовал ее я.

– *Джамбо*, Кориба, – ответила она, – Ндеми говорит, что ты желаешь со мной побеседовать.

– Да, – кивнул я.

– Другие женщины думают, что я должна испугаться.

– Не понимаю почему, – сказал я.

– Вероятно, потому, что ты можешь вызвать молнию с неба, превратить гиен в жуков и поразить врагов за много миль, – услужливо подсказал Ндеми.

– Возможно, – ответил я.

– Зачем ты послал за мной? – спросила Мванге.

Я помедлил, пытаясь выбрать правильный подход.

– С твоей одеждой не все в порядке, – сказал я наконец.

– Но я ношу ханга, которое сама соткала на своем станке, – ответила она удивленно.

– Я знаю, – ответил я, – но качество ткани и яркость красок вызвали определенное… – Я снова замялся.

– Раздражение? – предположила она.

– Именно, – сказал я, мысленно поблагодарив ее за столь быстрое понимание сути ситуации. – Думаю, лучше тебе было использовать не такие яркие и красивые ткани.

Я почти ожидал, что она будет возмущаться. Но она тут же согласилась.

– Очевидно, – кивнула она. – Но я не хотела задеть соседей. Могу ли я узнать, кому не понравилось мое ханга?

– Зачем?

– Хочу преподнести ей подарок.

– Это была Вамбу, – сказал я.

– Мне следовало предугадать, какой эффект произведет моя одежда. Мне очень жаль, Кориба.

– Любой может ошибиться, – сказал я. – Как только ошибку удается исправить, вред от нее прекращается.

– Надеюсь, ты прав, – искренне ответила она.

– Он мундумугу, и он всегда прав, – авторитетно заявил Ндеми.

– Я не хочу, чтобы женщины на меня злились, – продолжила Мванге, – и я бы хотела найти способ показать свои наилучшие намерения. – Она задумалась. – А если я предложу им обучение языку кикуйю?

– Манамуки не могут преподавать, – объяснил я. – Только вожди и мундумугу могут обучать людей и приказывать им.

– Это не очень эффективно, – сказала она. – Вполне возможно, что и помимо вождей или тебя самого найдутся люди, которым есть чему учить других.

– Возможно, – согласился я. – А теперь позволь задать тебе вопрос.

– Да?

– Ты прибыла на Кириньягу, чтобы стать эффективной?

Она вздохнула:

– Нет.

Помолчала минуту.

– Еще что-то?

– Нет.

– Тогда мне лучше вернуться и соткать себе новую ткань.

Я кивнул в знак согласия. Она отвернулась и начала долгий извилистый путь с холма к деревне.

– Когда *я* стану мундумугу, – сказал Ндеми, глядя ей вслед, – я не позволю манамуки спорить со мной.

– Мундумугу тоже должен проявить понимание, – сказал я. – Мванге тут новенькая, ей надо столько всего узнать.

– О Кириньяге?

Я покачал головой.

– О манамуки.

* * *

Жизнь почти шесть недель текла своим чередом. Ничего не происходило, кроме коротких дождей.

Однажды утром, когда я собирался спуститься в деревню и обновить наложенные на пугала заклятия, трое женщин поднялись к моему бома навстречу мне.

Это были Сабо, вдова старого Кадаму, Бори, вторая жена Сабаны, и Вамбу.

– Мы должны с тобой поговорить, мундумугу, – сказала Вамбу.

Я сел, скрестив ноги, перед своей хижиной и подождал, пока они рассядутся напротив.

– Говорите.

– Это все та кенийка, – сказала Вамбу.

– Опять? – спросил я. – Я думал, проблема решилась.

– Нет.

– Разве она не преподнесла тебе в дар свое ханга? – спросил я.

– Преподнесла.

– Ты его не носишь, – сказал я.

– Оно мне не идет, – сказала Вамбу.

– Это кусок ткани, – сказал я. – Как он может кому-то не идти?

– Оно мне не идет, – категорично повторила она.

Я пожал плечами.

– Что на этот раз?

– Она нарушает обычаи кикуйю, – сказала Вамбу.

Я повернулся к старшим женщинам.

– Это правда?

Сабо кивнула.

– Она замужняя женщина, но не бреет голову.

– И она разводит у себя в доме цветы! – прибавила Бори.

– У кениек нет обычая брить голову, – ответил я. – Я прикажу ей это сделать. Что касается цветов, то это не нарушение наших законов.

– Но зачем она их разводит? – настаивала Бори.

– Вероятно, она считает, что они красивы, – предположил я.

– Теперь моя дочь тоже хочет выращивать цветы, а когда я ей говорю, чтобы пошла лучше вырастила съедобные растения, она

дерзит мне.

– И кенийка сделала для своего мужа Нкобе трон, – вставила Сабо.

– Трон? – переспросил я.

– Она приделала к стулу для сидения спинку и подлокотники, – сказала Сабо. – Кто, кроме вождя, смеет сидеть на троне?! Она что, думает, будто Нкобе заменит Коиннаге?

– Никогда! – прорычала Вамбу.

– И она сделала другой трон, – продолжала Сабо, – для себя! Даже Вамбу не осмеливается восседать на троне!

– Это не троны, – ответил я. – Это стулья.

– Почему она не сидит на табуретках, как все остальные? – возмутилась Сабо.

– Я думаю, она ведьма, – предположила Вамбу.

– Почему ты так думаешь?

– Да погляди на нее, – сказала Вамбу. – Она видела, как приходят и уходят долгие дожди, тридцать пять раз! Но спина ее не согнута, кожа не морщиниста, и у нее все зубы на месте!

– И у нее овощи растут лучше, чем у нас, – сказала Сабо, – а времени она тратит на них меньше. – Она помолчала. – Я думаю, она ведьма!

– И хотя на ней тяжелейшее из всех таху, – сказала Бори, – таху бесплодия, она себя ведет так, словно никакого проклятия и нет.

– И ее новые платья красивее наших, – угрюмо пожаловалась Сабо.

– Да, – согласилась Бори, – и Сабана теперь недоволен мной, потому что его кикои не такое яркое и мягкое, как у Нкобе!

– А мои дочери хотят себе троны вместо табуреток, – сказала Сабо, – а когда я им говорю, что у нас едва хватает дерева даже на костер, они отвечают, что это важнее. Она им головы заморочила. Они больше не уважают старших.

– Все девушки только ее и слушают, будто она не манамуки бесплодная, а по меньшей мере жена вождя! – буркнула Вамбу. – Ты должен выгнать ее, Кориба!

– Ты мне приказываешь, Вамбу? – вежливо уточнил я. Две другие женщины тут же замолчали.

– Она злая ведьма. Она должна уйти, – настаивала Вамбу, ее возмущение превзошло страх неповиновения мундумугу.

– Она не ведьма, – сказал я, – потому что, будь это так, я, ваш мундумугу, уже знал бы об этом. Она просто манамуки, которая пытается научиться жить так, как живем мы, и на ней, как вы уже заметили, лежит ужасное таху бесплодия.

– Если она меньше, чем ведьма, то все же больше, чем просто

манамуки, – сказала Сабо.

– В каком смысле *больше*? – спросил я.

– Просто *больше*, – упрямо повторила Сабо.

Это полностью отражало суть проблемы.

– Я поговорю с ней, – сказал я.

– Ты прикажешь ей побрить голову? – потребовала Вамбу.

– Да.

– И убрать цветы из хижины?

– Мы поговорим об этом.

– Вероятно, тебе следует посоветовать Нкобе, чтоб он ее бил время от времени, – прибавила Сабо, – и тогда она перестанет вести себя как жена вождя.

– Мне его очень жаль, – сказала Бори.

– Нкобе? – не понял я.

Бори кивнула.

– Он проклят. У него такая жена – и даже детей нет.

– Он хороший человек, – согласилась Сабо, – он достоин лучшей жены, чем эта кенийка.

– Мне кажется, что он вполне счастлив с Мванге, – сказал я.

– Тем больше причин жалеть его, потому что он дурак, – сказала Вамбу.

– Вы пришли сюда поговорить о Мванге или о Нкобе? – спросил я.

– Мы сказали то, что пришли сказать, – ответила Вамбу, вставая. – А ты сделай хоть что-нибудь, о мундумугу.

– Я разберусь, – сказал я.

Она пошла вниз с холма в сопровождении Сабо. Бори, которая всю жизнь таскала хворост и стала горбуньей, задержалась. Живот у нее отвис, поскольку она принесла на свет троих сыновей и пять дочерей. Зубов у нее оставалось только девять. Ноги у нее были кривые от какой-то детской болезни. Она видела тридцать четыре сезона дождей.

– Она и правда ведьма, Кориба, – сказала она. – Это ясно, едва взглянешь на нее.

Потом она повернулась и тоже ушла.

* * *

Я снова позвал Мванге в мой бома.

Она взлетела на холм легко, как девушка, высокая, крепкая, полная жизни.

– Сколько тебе лет, Мванге? – спросил я.

– Тридцать восемь, – отвечала она, – но я обычно говорю, что

мне тридцать пять. – И улыбнулась. – Ты за этим меня сюда позвал? Поговорить о моем возрасте?

– Нет, – сказал я. – Сядь, Мванге.

Она села в пыль, рядом с пеплом от утреннего костра. Я присел на корточки напротив.

– Как тебе новая жизнь на Кириньяге? – спросил я наконец.

– Отлично, – задорно ответила она. – У меня много подруг, и я совсем не скучаю по так называемой роскоши кенийской жизни.

– Ты счастлива здесь?

– Очень!

– Расскажи мне о своих подругах.

– Ну, у меня есть Кибо, младшая жена Коиннаге, и еще Суми и Калена, я им помогаю в садах…

– А среди старших? – вмешался я.

– Нет, – признала она.

– Почему? – спросил я. – Они твои ровесницы.

– Нам не о чем говорить.

– Они относятся к тебе враждебно? – спросил я.

Она подумала.

– Мать Ндеми всегда меня привечала. Остальные могли быть и подружелюбнее, да, но я понимаю, что многие из них – старшие жены и очень заняты по хозяйству.

– Тебе не приходило в голову, что у их недружелюбия есть и другая причина? – спросил я.

– О чем ты? – встревожилась она.

– Есть проблема, – сказал я.

– Какая?

– Некоторых старших женщин раздражает твое присутствие.

– Потому что я иммигрантка? – спросила она.

– Нет, – покачал головой я.

– Тогда почему? – с искренним недоумением спросила Мванге.

– Потому что социальный порядок здесь очень жесткий, и ты в него не вписываешься.

– А мне кажется, что вписываюсь, и очень хорошо, – отпарировала она.

– Ты ошибаешься.

– Приведи пример.

– Ты знаешь, – сказал я, внимательно глядя на нее, – что женщины кикуйю бреют головы, но ты этого не сделала.

Она вздохнула, провела рукой по роскошным волосам.

– Я знаю, – ответила она. – Я думала это сделать, но мне так нравятся мои волосы… Я побрею голову сегодня же вечером.

Она немного расслабилась.

– Это все?

– Нет, – сказал я, – это лишь видимый симптом.

– Я все еще не понимаю.

– Это трудно объяснить, – сказал я. – Твои ханга красивее, чем у них. Твой сад растет лучше. Ты в возрасте Вамбу, а выглядишь моложе ее дочерей. Они полагают, что всё это отделяет тебя от остальных и делает тебя *чем-то* большим, нежели манамуки. Они не озвучивают этого, но наверняка чувствуют – если ты стала чем-то бóльшим, они стали меньшим.

– Чего ты от меня ожидаешь? – спросила она. – Чтобы я вырядилась в лохмотья и запустила сад?

– Нет, – сказал я, – этого я не ожидаю.

– А что мне делать? – спросила она. – Ты мне говоришь, что они боятся моей *компетентности*? – Она помолчала. – Ты – *компетентен*, Кориба. Ты учился в Европе и Америке. Ты умеешь писать, и читать, и на компьютере работать. Что-то я не заметила, чтобы ты скрывал свои таланты.

– Потому что я мундумугу, – объяснил я. – Я живу в одиночестве на своем холме, вдали от деревни, и люди относятся ко мне с почтением и страхом. Такова функция мундумугу. В функции манамуки подобное не входит. Манамуки должна жить в деревне и найти себе место в общественном порядке племени.

– Я и пытаюсь, – расстроенно бросила она.

– Не надо настолько сильно пытаться.

– Если ты не требуешь от меня стать бездарной, то я не понимаю, чего тебе надо.

– Ты не вписываешься, потому что отличаешься от них, – сказал я. – Взять хотя бы эти цветы в твоем доме. Несомненно, они хорошо пахнут и радуют глаз, но другие женщины деревни цветов дома не держат.

– Неправда, – сказала она. – Суми держит.

– Если так, то делает она это по твоему примеру, – заметил я. – Ты понимаешь, что в глазах старших женщин это еще бóльшая угроза, чем если бы цветы разводила ты одна, поскольку этим ты покушаешься на их власть?

Она уставилась на меня, пытаясь осмыслить мои слова.

– Они положили всю свою жизнь на то, чтобы достичь положения в племени, – продолжил я. – И вот приходишь ты и занимаешь позицию вне здешнего порядка. У нас тут новый мир, который надо заселить. Ты бесплодна, но не испытываешь по этому поводу стыда или печали и ведешь себя так, словно на тебе нет ужасного таху! Это абсолютно противоречит всему их опыту, точно так же как разведение цветов в доме или попытки сшить неуместно красивое ханга. Они чувствуют исходящую от тебя

угрозу.

– Понятия не имею, что мне делать, – защищалась она. – Я подарила свои ханга Вамбу, но она их не носит. Я предлагала Бори показать, как получить от сада большой урожай, но она не стала меня слушать.

– Естественно, – сказал я, – потому что старшие жены не примут советов от манамуки, точно так же как вождь не примет совета от недавно обрезанного юноши. Тебе стоит просто… – следующие слова я сказал по-английски, потому что в суахили эквивалента не нашлось, – снизить свои притязания. Сделай так, и проблемы пройдут в свое время.

Она подумала.

– Я попытаюсь, – сказала она наконец.

Я вернулся к суахили.

– И если ты планируешь сделать что-то, что может привлечь к тебе внимание, проследи, чтобы это не стало оскорблением.

– Но я даже не знала, что кого-то оскорбляю, – возмутилась она. – Как же я сумею этого избежать, если привлекаю к себе всеобщее внимание?

– Есть способы, – сказал я. – Взять хотя бы это кресло, которое ты соорудила.

– У Тома уже много лет спазмы спинных мышц, – сказала она. – Я сделала кресло, потому что на обычной табуретке он сидеть бы не смог. И что же, мой муж должен мучиться, потому что тут никогда не видели стульев со спинками?

– Нет, – ответил я. – Однако ты могла бы сказать девушкам, что это Нкобе приказал тебе его сделать. Тогда на тебя бы не легла вина.

– Но легла бы на него.

Я покачал головой.

– У мужчин свобода действий куда шире, чем у женщин. Если бы он приказал своей манамуки сделать так, чтоб ему стало комфортнее, никто бы не подумал его винить. – Я подождал, пока до нее дойдет. – Понятно?

– Да, – вздохнула она.

– Ты сделаешь так, как я советую?

– Если я хочу жить в мире с соседями, у меня нет выбора.

– Выбор есть всегда, – ответил я.

Она решительно помотала головой.

– Я мечтала о таком месте всю жизнь. Никто не заставит меня отсюда убраться. Я буду делать все, что нужно.

– Отлично, – сказал я и встал, показывая, что беседа окончена. – Тогда проблема скоро решится.

Но этого, разумеется, не случилось.

* * *

Следующие две недели я провел в соседней деревне, где неожиданно умер вождь. У него не было ни сыновей, ни братьев, так что вопрос о наследовании оставался неясным. Я выслушал всех претендентов, обсудил ситуацию с советом старейшин, пока мы не достигли единодушия, провел ритуал возведения в должность нового вождя, облачил его в торжественные одежды, заплел ему церемониальную прическу и вернулся в свою деревню.

Когда я поднимался по холму к своему бома, то увидел, что у моей хижины сидит женщина. Подойдя ближе, я понял, что это Шима, мать Ндеми.

– *Джамбо*, Кориба, – сказала она.

– *Джамбо*, Шима, – ответил я.

– Надеюсь, у тебя все хорошо.

– Насколько это возможно для старика, который шел пешком большую часть дня, – сказал я, сел напротив и оглядел бома. – Я не вижу Ндеми.

– Я его отослала в деревню, потому что хочу поговорить с тобой наедине.

– О Ндеми? – удивился я.

– О Мванге. – Она покачала головой.

– Ну что ж, – тяжко вздохнул я, – приступай.

– Я не такая, как все наши женщины, Кориба, – сказала Шима, – я всегда была добра к Мванге.

– Так она и мне говорила.

– Ее жизнь меня не касается, – продолжила она. – В конце концов, однажды я стану матерью мундумугу, и, хотя в деревне может быть много старших жен, мундумугу будет только один, и мать мундумугу – тоже только одна.

– И это так, – сказал я, ожидая, пока она перейдет к цели визита.

– И я подружилась с Мванге, и была с ней добра, и она отвечала мне тем же.

– Я рад.

– И поскольку я подружилась с ней, – продолжила Шима, – мне ее стало очень жалко, потому что на ней страшное таху бесплодия. Я подумала, что, раз Нкобе богатый человек, он должен взять себе другую жену, чтобы она помогала Мванге в работе по дому и приносила Нкобе детей. – Она помедлила. – Как ты знаешь, моей дочери Шуни сделают обрезание до коротких дождей, и я решила поговорить с Мванге как подруга и мать будущего мундумугу и предложила, чтобы Нкобе выбрал Шуми себе в жены и уплатил за нее выкуп. – Она снова помолчала,

хмурясь. – Она страшно разозлилась и начала кричать на меня. Поговори с ней, Кориба. Негоже, чтобы такой богач, как Нкобе, жил с единственной бесплодной женой.

– Почему ты называешь его богачом? – спросил я. – Его шамба невелико, и у него только шесть коров.

– Его семья богата, – подчеркнула она. – Ндеми сказал, что у них много слуг и машин и что они сеют и собирают урожай для них.

Нечего сказать, услужил, маленький Ндеми, – раздраженно подумал я. Вслух же сказал:

– Это было на Земле. Здесь Нкобе беден.

– Если даже сейчас он бедняк, – сказала она, – так будет не всегда, поскольку зерно и овощи у Мванге растут лучше, чем у всех остальных, и я думаю, что так Нгаи благословил ее взамен наложенного таху бесплодия. – Она посмотрела на меня. – Кориба, поговори с ней. Это будет правильно. Шуми покорна и трудолюбива и очень любит Мванге. Мы не запросим большой выкуп, потому что знаем, что семья мундумугу никогда не станет голодать.

– Почему ты просто не хочешь подождать, пока Нкобе сам не попросит об этом, как это принято? – спросил я.

– Я думала, что если объяснить это Мванге, то она поймет, что так будет лучше, и сама поговорит с Нкобе, а так как он слушает свою жену больше, чем другие мужья слушают своих, то и ее порадует мысль о том, что в семье появится женщина, способная принести детей.

– Ладно, – сказал я, – с ней ты уже поговорила. Теперь решение за Нкобе.

– Она говорит, что не позволит ему жениться больше ни на ком, – сказала Шима, больше озадаченная, чем рассерженная. – Как манамуки вправе запретить своему мужу взять другую жену? Она не разбирается в наших обычаях, Кориба, и поэтому ты должен поговорить с ней. Скажи, что ей радоваться нужно, если в доме появится другая женщина и возьмет на себя часть домашней работы, и что она не должна думать о том, что Нкобе умрет бездетным только из-за ее проклятия. – Она помолчала и закончила: – И не забудь напомнить ей, что однажды Шуни станет сестрой мундумугу.

– Я рад, что ты так заботишься о Мванге, – сказал я.

Сарказм не ускользнул от ее внимания.

– А чем плохо, что я забочусь о моей маленькой Шуми? – спросила она.

– Нет, – признал я, – все верно.

– Ах да! – сказала Шима, словно вспомнив что-то важное. – И

когда будешь говорить с Мванге, не забудь напомнить, что она станет и моей сестрой тоже[18].

– Я не стану разговаривать с Мванге.

– Да?

– Не стану, – сказал я, – потому что, как ты заметила, это не ее дело. Я поговорю с Нкобе.

– И про Шуми не забудешь? – потребовала она.

– Я поговорю с Нкобе, – ответил я.

Она поднялась и приготовилась уйти.

– Окажи мне услугу, Шима, – попросил я.

– Какую?

– Попроси Ндеми немедленно придти ко мне в бома, – сказал я, – потому что у меня для него много дел.

– Ты уверен? Ты же только что вернулся.

– Я уверен, – сказал я непреклонно.

С видом заботливой мамочки она оглядела мое бома.

– Я не вижу здесь никаких незавершенных дел.

– *Я* найду, – пообещал я.

* * *

После полудня мне пришлось спуститься в деревню, потому что старому Сибоки понадобилось наложить мазь на ноющие суставы, а Коиннаге попросил помочь разрешить спор между Нджоро и Сангорой насчет теленка, который родился от коровы, которой они совместно владели.

Покончив с этими делами, я обновил наложенные на пу́гал заклинания и, ближе к вечеру, подошел к шамба Нкобе и увидел его, выпасавшего скот.

– *Джамбо*, Кориба! – сказал он, приветственно махнув рукой.

– *Джамбо*, Нкобе, – сказал я.

– Не отведаешь ли ты моего *помбе*? – спросил он. – Мванге вчера сварила его.

– Благодарю, Нкобе, но я бы не хотел пить теплое помбе жарким вечером.

– Оно прохладное, – сказал Нкобе, – потому что Мванге придумала зарывать тыквы в землю и так остужать.

– Тогда я попробую, – неохотно согласился я и последовал за ним в бома.

Мванге ожидала нас. Она пригласила меня в прохладу хижины, налила помбе и собралась уходить, потому что манамуки не положено слушать беседы мужчин.

– Останься, Мванге, – сказал я.

– Ты уверен? – спросила она.

– Да.

Она пожала плечами и села на пол, опершись спиной о стену.

– Что привело тебя к нам, Кориба? – спросил Нкобе, осторожно устраиваясь в кресле – спина явно его беспокоила. – Ты прежде не удостаивал нас такой чести.

– Мундумугу редко посещает людей достаточно здоровых, чтобы явиться к нему самостоятельно, – пояснил я.

– Тогда, – сказал Нкобе, – очевидно, выдался особый повод.

– Да, – сказал я, отхлебнув помбе, – особый.

– Что на этот раз? – воинственно спросила Мванге.

– Что значит «на этот раз»? – резко бросил Нкобе.

– Были мелкие проблемы, – объяснил я, – но они тебя не касались.

– Все, что касается Мванге, – сказал Нкобе, – касается и меня. Я не слеп и не глух, Кориба. Я знаю, что старшие женщины деревни ее отвергли, и я изрядно рассержен этим. Она принесла в жертву свою прежнюю жизнь, а они не дали ей пройти и полдороги к новой.

– Я не собираюсь обсуждать с тобой Мванге, – ответил я.

– Неужели? – подозрительно переспросил он.

– Ты имеешь в виду, что на этот раз проблема *в нем*? – насторожилась Мванге.

– Она касается вас обоих, – сказал я, – потому-то я и пришел.

– Ладно, Кориба, – сказал Нкобе, – выкладывай.

– Вы сделали достойную попытку приспособиться к нашему обществу и жить как кикуйю, Нкобе, – начал я. – Однако от вас ожидают еще кое-чего, и я пришел обсудить с вами это кое-что.

– И что же это?

– Рано или поздно тебе придется взять другую жену.

– Так я и знала, – сказала Мванге.

– Я счастлив с той женой, какая у меня есть, – отрезал Нкобе с неприкрытой враждебностью.

– Возможно, – сказал я, допивая помбе, – но у тебя нет детей, и со временем, когда Мванге станет старше, ей понадобится помощь по хозяйству.

– Теперь ты меня послушай! – перебил Нкобе. – Я прибыл сюда, потому что хотел сделать Мванге счастливой. Ее подвергли остракизму, ее сторонятся, о ней распускают вздорные слухи, а теперь ты приходишь сказать мне, чтобы я взял другую жену в свой дом, а старшие женщины могли бы плеваться в Мванге? Кориба, так дело не пойдет. Я был вполне счастлив на своей кенийской ферме и могу вернуться туда в любой момент.

– Если ты так настроен, – сказал я, – тогда тебе стоит

вернуться в Кению.

– Том, – сказала Мванге, взглянув на него. Нкобе тут же замолчал.

– Действительно, – продолжил я, – тебе ничто не мешает уйти. Но ты – кикуйю, живешь на планете кикуйю, и, если хочешь остаться, ты должен подчиняться обычаям кикуйю.

– Нет закона, который бы обязывал мужчину кикуйю взять вторую жену, – упрямо сказал Нкобе.

– Нет, – признал я. – Как и закона, обязывающего мужчину кикуйю иметь детей. Но таковы наши обычаи. И ты должен их соблюдать.

– Да пошли к черту ваши обычаи! – пробормотал он по-английски.

Мванге успокаивающе положила руку ему на плечо.

– Там, за лесом, – сказала она, – живут молодые воины. Почему они не могут взять себе молодых жен из деревни? Почему мужчины деревни монополизировали их?

– Они не могут обеспечить своих жен, – сказал я, – и поэтому живут отдельно.

– Это их проблемы, – бросил Нкобе.

– Я уже многим пожертвовала во имя общественной гармонии, – произнесла Мванге, – но на сей раз ты просишь слишком многого, Кориба. Мы счастливы жить так, как живем, и мы будем жить так, как живем.

– Вы не будете счастливы.

– Что ты хочешь этим сказать?

– В следующем месяце пройдет ритуал обрезания, – объяснил я. – После него появится много молоденьких девушек, которых надо будет выдать замуж. Поскольку ты бесплодна, Мванге, многие семьи рассматривают Нкобе как возможного жениха. Он откажется – один раз, другой, но, если так пойдет и дальше, он настроит против себя всю деревню. Они придут к выводу, что местные женщины недостаточно хороши для него, потому что он прибыл из Кении, а еще больше их разгневает то, что при этом он не собирается иметь детей, которые заселят нашу пустынную планету.

– Тогда я объясню им свои соображения, – сказал Нкобе.

– Они не поймут тебя.

– Да, – несчастным голосом признала Мванге, – не поймут.

– Значит, им придется научиться жить с этим, – отрезал Нкобе.

– А вам придется научиться жить в молчании и враждебности, – сказал я, – такой ли жизни вы желали, прибывая на Кириньягу?

– Разумеется, нет! – воскликнул Нкобе. – Но меня ничто не заставит…

– Кориба, мы подумаем об этом, – вмешалась Мванге.

Нкобе ошеломленно оглянулся на нее.

– Что ты сказала?

– Я сказала, что мы подумаем об этом, – повторила Мванге.

– Большего я не прошу, – сказал я, встал и прошел к дверям хижины.

– Ты многого требуешь, Кориба, – горько проронила Мванге.

– Я ничего не требую, – ответил я. – Я просто предлагаю.

– Разве в устах мундумугу есть какая-то разница?

Я не ответил, потому что разницы действительно не было.

* * *

– Ты кажешься печальным, Кориба, – сказал Ндеми.

Покормив кур и коз, мальчик теперь сидел рядом со мной на корточках в тени акации.

– Да.

– Мванге, – сказал он, кивая.

– Мванге, – согласился я.

Две недели прошло с тех пор, как я посетил Мванге и Нкобе.

– Я видел ее этим утром, когда ходил к реке набрать воды, – сказал Ндеми. – Она тоже кажется несчастной.

– Да, – сказал я, – и с этим я ничего не могу сделать.

– Но ты же мундумугу!

– Верно.

– Ты самый могущественный из людей, – продолжил Ндеми, – уж наверняка ты способен утолить ее печаль.

Я вздохнул.

– Мундумугу одновременно самый могущественный и самый слабый из людей, а в случае Мванге – именно самый слабый.

– Не понимаю.

– Мундумугу самый могущественный, когда дело доходит до толкования закона, – сказал я, – но одновременно и самый слабый, поскольку он единственный из всех обязан повиноваться закону, что бы ни случилось. – Я помолчал. – Я бы позволил ей жить, как она хочет, вместо того чтобы стать манамуки. А когда бы не получилось, я бы с чистой совестью прогнал ее с Кириньяги обратно в Кению. – Я снова вздохнул. – Но если она хочет здесь жить, она обязана вести себя как манамуки, но она до сих пор не нарушила никаких законов, чтобы ее прогонять.

– Быть мундумугу, – нахмурился Ндеми, – куда тяжелее, чем

я думал.

Я улыбнулся и потрепал его по голове.

– Завтра я начну обучать тебя составлению целебных мазей.

– Правда? – лицо мальчишки просияло.

Я кивнул.

– Твое последнее высказывание сказало мне, что ты более не ребенок.

– Я уже много дождей как не ребенок, – запротестовал он.

– Тсс, молчи, – сухо усмехнулся я, – а не то опять заставлю молиться за урожай.

Он тут же замолчал. Я смотрел на далекую саванну, где по выжженной солнцем равнине метались пылевые вихри, и в тысячный раз думал о том, что же делать с Мванге. Я не знаю, сколько просидел так, но очнулся, когда Ндеми постучал костяшками пальцев по накидке, покрывавшей мне плечи.

– Женщины идут, – прошептал он.

– А? – не понял я.

– Из деревни, – сказал он, указывая на дорогу, ведущую из деревни к бома.

Я посмотрел в том направлении и увидел четверых женщин. Это были Вамбу, Сабо, Бори, а еще в этот раз с ними шла Морина, вторая жена Кимоды.

– Мне уйти? – спросил Ндеми.

Я покачал головой.

– Если ты собираешься стать мундумугу, тебе пора прислушиваться к делам мундумугу.

Четверка женщин остановилась футах в десяти от меня.

– *Джамбо*, – приветствовал я их.

– Кенийская ведьма должна уйти! – без предисловий заявила Вамбу.

– Мы это уже проходили, – сказал я.

– На этот раз она нарушила закон, – сказала Вамбу.

– Да? – сказал я. – Как же?

Вамбу ухватила Морину за руку и подтащила ближе.

– Скажи ему! – торжествующе приказала она.

– Она заколдовала мою дочь. – Морине явно было не по себе в моем присутствии.

– Как именно Мванге заколдовала твою дочь? – спросил я.

– Моя Мури была хорошей послушной девочкой, – сказала Морина. – Она всегда помогала мне растить урожай и заботилась о двух младших братьях, когда я работала в поле, и никогда не забывала запереть на ночь ворота, чтобы гиены не проникли в бома и не растерзали коз и коров. – Она остановилась, и я увидел, что она с трудом сдерживает слезы. – Со времени последнего

сезона дождей она ни о чем не говорила, кроме как о грядущем обрезании и о том, кто заплатит за нее выкуп. Она была превосходной дочкой, любая мать может такой гордиться. – По щеке Морины скатилась слеза. – А потом появилась эта кенийка, и Мури проводила с ней время, и теперь… – она разрыдалась, – теперь Мури отказывается обрезаться! Она говорит, что никогда не выйдет замуж и умрет старой бесплодной девой!

Морине отказал голос, и она в бешенстве заколотила себя кулачками в грудь.

– И это не все, – с удовлетворением заметила Вамбу. – Мури не хочет обрезания, потому что кенийка не обрезана. Тем не менее кенийка вышла замуж за мужчину кикуйю и пытается жить среди нас, как его манамуки. – Она воззрилась на меня. – Кориба, она нарушает закон! Мы должны ее прогнать!

– Мундумугу здесь я, – резко ответил я. – Я решу, как поступить.

– Ты знаешь, как следует поступить, – свирепо сказала Вамбу.

– Всё, – сказал я. – Не хочу вас слышать.

Вамбу с отвращением посмотрела на меня, но не осмелилась воспротивиться. Развернувшись на пятках, она направилась вниз по склону холма в деревню. За ней шли Сабо и продолжавшая плакать Морина.

Бори постояла еще немного и обернулась ко мне.

– Все случилось так, как я говорила, Кориба, – сказала она извиняющимся тоном. – Она и правда ведьма.

Потом она тоже стала спускаться в деревню.

– Что ты сделаешь, Кориба? – спросил Ндеми.

– Закон ясен, – ответил я неохотно. – Необрезанная женщина не может быть супругой мужчины кикуйю.

– И ты выгонишь ее с Кириньяги?

– Я поставлю ее перед выбором, – сказал я, – и надеюсь, что она выберет изгнание.

– Плохо это, – сказал Ндеми, – она так старается быть хорошей манамуки.

– Знаю, – ответил я.

– За что Нгаи так немилосерден к ней?

– Потому что иногда стараний недостаточно.

* * *

Мы – Мванге, Нкобе и я – стояли в космопорте и ждали прибытия корабля Техподдержки.

– Мне очень жаль, что все так обернулось, – сказал я

искренне.

Нкобе посмотрел на меня и не ответил.

– Все не должно было кончиться так, – горько сказала Мванге.

– У нас нет выбора, – сказал я. – Если мы хотим построить на Кириньяге утопию, то мы обязаны подчиняться законам.

– Факт существования закона не делает его абсолютно правильным, Кориба, – сказала она. – Я пожертвовала во имя жизни здесь почти всем, но не дам им изуродовать себя по какому-то идиотскому обычаю.

– Без наших обычаев, – заметил я, – мы, кикуйю, ничем бы не отличались от эмигрировавших на другую планету кенийцев.

– Есть разница между традицией и застоем, Кориба, – сказала она. – Если ты отвергаешь любую перемену вкусов и поведения во имя былого, ты так в нем навеки и застрянешь. – Она помолчала. – Я могла бы быть полезна вашему обществу.

– Но манамуки из тебя получилась скверная, – ответил я. – Леопард может быть превосходным охотником и беспощадным убийцей. Эти качества не помогут ему в львином прайде.

– Львы и леопарды давно вымерли, – сказала она. – Мы говорим о людях, а не о животных. Сколько бы законов вы ни изобрели, какие бы обычаи ни приплели, вы не причешете всех людей под одну гребенку.

– Летит, – объявил Нкобе, когда корабль Техподдержки прорвался через тонкий слой облаков.

– *Квахери*, Нкобе, – сказал я и протянул ему руку.

Он с подозрением оглядел мою ладонь, отвернулся и продолжал смотреть на корабль.

Я обернулся к Мванге.

– Я пыталась, Кориба, – сказала она. – Честное слово.

– Никто не пытался сильней тебя, – подтвердил я. – Квахери, Мванге.

Она смотрела на меня без всякого выражения.

– Прощай, Кориба, – сказала она на английском. – Меня зовут Ванда.

* * *

На следующее утро Шима явилась ко мне пожаловаться, что Шуми отвергла посланных к ней сватов. Через два дня Вамбу явилась пожаловаться, что Кибо, младшая жена Коиннаге, начала отращивать волосы и украсила хижину цветными ленточками. А на следующее утро Кими, у которой был только один сын, объявила, что больше не намерена иметь детей.

– Я думал, что это кончилось, – вздохнул я, глядя, как расстроенный Сангора, муж Кими, идет с холма обратно в деревню.

– Это потому, что ты совершил ошибку, Кориба.

– Почему ты так говоришь?

– Ты перепутал сказки, – ответил Ндеми с присущей молодым самоуверенностью.

– Вот как?

Он кивнул.

– Ты думал, что тут все так, как было в сказке про уродливую буйволицу.

– А какую сказку я должен был вспомнить?

– Про мундумугу и змею.

– Почему ты думаешь, что одна сказка достойна доверия больше другой? – спросил я.

– Разве история про мундумугу и змею не учит нас, что непозволительно отвергать и уничтожать сотворенных Нгаи существ лишь потому, что нам эти существа кажутся отвратительными или неприятными?

– Учит, – сказал я.

Ндеми расплылся в улыбке и загнул три пальца.

– Шуми, Кибо, Кими, – сказал он, разгибая пальцы. – Три змеи уже вернулись. Осталось еще девяносто семь.

И внезапно меня посетило ужасное предчувствие его правоты.

Сказание о высохшей реке

ШЕСТОЙ РАССКАЗ назывался «Сказание о высохшей реке». Его не номинировали на «Хьюго», но скорее по техническим причинам, а не из-за недостатка качества. Когда я был почетным гостем на фантастическом конвенте «Боскон», то конвент решил напечатать сборник моих африканских рассказов и статей и спросил, не добавлю ли я в него совершенно новую историю о Кириньяге. Я написал «Сказание о высохшей реке», и так рассказ появился в книге. Затем я продал его в журнал Asimov's, но из-за проблем с графиком его так и не напечатали в Asimov's в том же году, так что к тому времени, когда большинство читателей с ним познакомились, он уже не мог претендовать на основные фантастические награды.

Майк Резник

Song of a Dry River. *Первая публикация в авторском сборнике рассказов и эссе Stalking the Wild Resnick (NESFA Press, 1991, тираж 870 нумерованных экземпляров).*

Июнь – Ноябрь 2134 года

Я расскажу, почему Нгаи – самый хитрый и могущественный бог из всех.

Много эпох назад, когда европейцы творили зло, а их бог решил их наказать, он излил на них дождь продолжительностью сорок дней и сорок ночей, покрыв всю землю водой. Поэтому европейцы считают, будто их бог превосходит могуществом Нгаи.

Трудно отрицать, что залить всю землю водой – немалое достижение, но когда кикуйю услышали от европейских миссионеров историю Ноя, то мы совершенно не поверили в то, что европейский бог превосходит могуществом Нгаи.

Нгаи ведомо, что вода – источник всей жизни на земле, поэтому, когда Он желает нас покарать, то Он не покрывает все водой. Вместо этого Он глубоко вдыхает, засасывая в Свою утробу влагу из воздуха и почвы. Наши реки пересыхают, растения жухнут, коровы и козы умирают от жажды.

Возможно, бог европейцев и сотворил потоп, но засуху создал Нгаи.

Разве могут быть сомнения в том, что именно Он тот бог, кого мы почитаем и боимся?

Мы эмигрировали из Кении на терраформированную планету Кириньяга, чтобы создать утопическое общество кикуйю, мир, отражающий простую пасторальную жизнь наших отцов до того, как европейская культура опорочила его своею скверной, и во многом преуспели.

И тем не менее случаются неприятности, когда все разваливается на части, и тогда я вынужден использовать все умения *мундумугу*, чтобы Кириньяга продолжала функционировать как положено.

Утро дня, когда я проклял свой народ, началось с того, что мой юный помощник Ндеми в очередной раз проспал и опять забыл покормить моих кур. Потом мне пришлось совершить долгую прогулку в соседнюю деревню, где вопреки моим прямым указаниям стали сажать кукурузу на поле, которое я приказал оставить под паром после долгих дождей. Я был вынужден еще раз объяснить, что земле нужно время, дабы отдохнуть и набраться сил, но, уходя, предчувствовал, что на следующей неделе или в следующем месяце понадобится вернуться и повторить наказ.

Возвращаясь домой, я уладил спор между Нгомой, который отвел небольшой ручей на свои поля, и Камаки, который утверждал, что его урожай погибает из-за недостатка воды, которую приносил этот ручей. На моей памяти кто-то из них уже в одиннадцатый раз поступал так, и в одиннадцатый раз я гневно разъяснил им, что вода – собственность всей деревни.

Затем Сабелла, которому полагалось расплатиться со мною за свадьбу его сына двумя толстыми здоровыми козами, отделался такими тощими и недокормленными животными, что они и на коз-то, если честно, похожи не были. Обычно я бы не вышел из себя в подобной ситуации, но мне так надоело, что люди придерживают лучших животных для себя, а со мной пытаются расплатиться полудохлыми коровами и козами, что я пригрозил аннулировать всю свадьбу, если он не заменит животных.

В довершение всего мать Ндеми заявила, что ее сын тратит

слишком много времени на занятия с мундумугу, а он ей нужен, чтобы пасти семейный скот, и это при том, что у Ндеми было три вполне здоровых и сильных брата.

Несколько женщин заинтересованно глядели на меня, пока я шел через деревню, – вид у них был такой, они знают какой-то секрет, а я – еще нет. Когда я добрался до начала длинной извилистой тропы, ведущей ко мне на холм, мне все они уже так надоели, что я желал лишь уединиться в своем *бома* и промочить горло от дневной пыли калебасом хорошего *помбе*.

Я услышал на холме человеческий голос и подумал сначала, что это Ндеми, как всегда, напевает за уборкой. Но, подойдя поближе, я сообразил, что голос женский.

Я прикрыл глаза рукой от солнца и вгляделся – на полпути к вершине, под тенистой акацией сморщенная старуха возводила себе хижину: она переплетала ветки и сучья, чтобы получались стены, и напевала себе под нос. Я удивленно моргнул, ибо все в деревне знают, что никто, кроме мундумугу, не может жить на этом холме. Женщина с усмешкой развернулась, заметив меня.

– *Джамбо*, Кориба, – приветствовала она меня как ни в чем не бывало. – Чудесный день, не правда ли?

Я увидел, что это Мумби, мать Коиннаге, верховного вождя нашей деревни.

– Ты что здесь делаешь? – спросил я, приближаясь к ней.

– Как ты можешь заметить, – ответила она, – я строю хижину. Мы теперь соседи, Кориба.

Я помотал головой.

– Мне не нужны соседи, – сказал я, плотнее закутываясь в одеяло. – К тому же у тебя есть своя хижина, в *шамба* Коиннаге.

– Я больше не хочу там жить, – отвечала Мумби.

– Ты не можешь жить на моем холме, – сказал я. – Мундумугу живет один.

– Я устроила так, чтобы вход смотрел на восток, – сказала она, разворачиваясь к широкой саванне за рекой, а мою реплику пропустила мимо ушей. – Утренние лучи будут греть мою хижину.

– Это ведь даже не настоящая хижина кикуйю, – продолжил я сердито. – Ее снесет сильный порыв ветра, и она не защитит тебя ни от холода, ни от гиен.

– Она защитит меня от солнца и дождей, – ответила Мумби. – На следующей неделе, когда наберусь сил, укреплю стены глиной.

– На следующей неделе, – сказал я, – ты вернешься к Коиннаге, где жила.

– Нет, – упрямо заявила она. – Я скорее позволю тебе

скормить мое иссохшее старое тело гиенам, чем вернусь туда.

Я раздраженно подумал, что это можно устроить, поскольку глупостей на сегодня было выше головы. Но вслух произнес:

– Мумби, а почему ты так решила? Разве Коиннаге перестал относиться к тебе с должным сыновним почтением?

– Он относится ко мне с сыновним почтением, – признала она, пытаясь распрямиться, и схватилась морщинистой узловатой рукой за копчик.

– У Коиннаге три жены, – продолжил я, раздраженно отмахиваясь от пары мух, кружащих перед моим лицом. – Если кто-либо из них отмахивается от тебя или относится к тебе неподобающе, я с ними поговорю.

Она пренебрежительно хмыкнула.

Я помолчал, глядя на маленькое стадо импал в саванне и размышляя, как разобраться в происходящем.

– Ты разругалась с ними?

– Я и не понимала, как на твоем холме холодно по утрам. – Она потерла сморщенный подбородок искривленной рукой. – Мне понадобится больше одеял.

– Ты не ответила на мой вопрос, – сказал я.

– И больше хвороста, – добавила Мумби, – мне придется собирать много хвороста.

– Так, хватит, – решительно сказал я. – Мумби, ты должна вернуться в свой дом.

– Нет! – Она оборонительным жестом положила руку на стену хижины. – Это мой новый дом.

– Это холм мундумугу. Я не позволю тебе поселиться здесь.

– Я устала от людей, которые все время объясняют, чего мне нельзя, – она вдруг ткнула рукой в сторону орлана-крикуна, лениво кружившего на теплых воздушных течениях над рекой. – Отчего я не могу быть свободной, как эта птица? Я поселюсь здесь, на этом холме.

– А кто еще тебе говорит, чего тебе нельзя делать? – спросил я.

– Это не имеет значения.

– Это имеет значение, – сказал я, – иначе тебя бы тут не было.

Она мгновение глядела на меня, потом пожала плечами.

– Вамбу сказала, что мне больше не надо помогать ей готовить, а Кибо не позволяет мне измельчать кукурузные зерна или варить помбе. – Она воинственно зыркнула на меня. – Я мать вождя этой деревни! Я не заслужила, чтобы со мной обращались как с беспомощным младенцем.

– К тебе относятся как к уважаемой старейшине, – объяснил я. – Тебе больше нет нужды работать. Ты вырастила семью, и

теперь пришло время, когда они будут о тебе заботиться.

– Я не хочу, чтобы они обо мне заботились! – бросила она. – Я всю жизнь сама управляла шамба, и управляла отлично. Я не готова бросать это дело.

– Разве не бросила его твоя собственная мать, – спросил я, – когда ее муж скончался и она перебралась в шамба своего сына?

Одна из мух наконец уселась мне на щеку, и я ее прихлопнул.

– У моей матери больше не было сил управлять шамба, – воинственно огрызнулась Мумби. – Это не мой случай!

– Если ты не отойдешь от дел, как тогда женам Коиннаге научиться самим управлять шамба?

– Я им покажу, – ответила Мумби. – Им еще многому нужно научиться. Вамбу не умеет как следует готовить банановое пюре, а Кибо, ну-у…

Она пожала плечами, давая понять, что младшая жена Коиннаге вообще недостойна упоминания.

– Но Вамбу – мать троих сыновей и скоро сама станет бабушкой, – заметил я. – Если она сейчас не готова управлять шамба, то никогда и не будет готова.

По обветренному лицу Мумби скользнула удовлетворенная усмешка.

– Значит, ты со мной согласен.

– Ты меня не поняла, – сказал я. – Наступает время, когда старые обязаны освободить дорогу молодым.

– Ты-то уж точно никому не собираешься уступать свое место, – осуждающе произнесла она.

– Я мундумугу, – ответил я. – Я предлагаю деревне не свою физическую силу, но мудрость, а мудрость приходит с возрастом.

– А я предлагаю мудрость женам своего сына, – упрямо сказала Мумби.

– Это не то же самое, – возразил я.

– Это в точности то же самое, – ответила она. – Когда мы еще жили в Кении, я сражалась за хартию Кириньяги не менее яростно, чем ты сам, Кориба. Мы прибыли сюда вместе, на одном звездолете, я помогала расчищать эту землю и сажать растения. Нечестно, чтобы меня отодвигали в сторону только потому, что я старая.

– Тебя не отодвигают в сторону, – терпеливо объяснил я. – Ты пришла сюда, чтобы жить по обычаям кикуйю, а в наших обычаях забота о старых членах общества. Тебе никогда не придется больше испытывать нужды ни в пище, ни в крове над головой, ни в уходе, когда ты заболеешь.

– Но я не чувствую себя старухой! – возмутилась она и жестом обвела принесенные из деревни ткацкий станок и

посуду. – Я по-прежнему могу ткать одежду, чинить тростниковую крышу и готовить еду. Я не настолько стара, я вполне могу таскать бурдюки с водой и растить кукурузу. Раз мне больше не разрешают заниматься этим в собственном доме, тогда я поселюсь здесь и буду делать это для себя.

– Это неприемлемо, – заявил я. – Тебе следует вернуться домой.

– Это уже не мой дом, – горько ответила она. – Это дом Вамбу.

Я посмотрел на нее – согнутую и сморщенную.

– Порядок вещей таков, что старость уступает дорогу молодости, – проговорил я снова.

– А кому уступишь дорогу ты? – спросила она горько.

– Я обучаю юного Ндеми, чтобы тот стал следующим вашим мундумугу, – ответил я. – Когда он будет готов, я отойду в сторону.

– А кто решит, готов ли он или еще нет?

– Я.

– В таком случае я должна решать, готова ли Вамбу управлять шамба моего сына.

– Ты должна слушать своего мундумугу, – сказал я. – Ты сгорблена, твоя спина искривлена под грузом прожитых лет. Настало время тебе перейти на попечение жен твоего сына.

Она сварливо выдвинула челюсть вперед.

– Я не позволю Вамбу готовить для меня. Я всегда сама себе готовила, с той поры, как мы жили в Кении у высохшей реки. – Она снова помолчала. – Я тогда была очень счастлива, – прибавила она с горечью.

– Наверное, тебе стоит снова научиться быть счастливой, – отозвался я. – Ты заслужила отдых, позволь же другим работать на тебя. Это сделает тебя счастливой.

– Но не делает.

– Ты потеряла из виду нашу цель, – произнес я. – Мы покинули Кению и прибыли на Кириньягу потому, что стремились сохранить наши обычаи и традиции. Если я позволю тебе их игнорировать, то придется разрешить и остальным игнорировать их, так что мы перестанем быть Утопией кикуйю, а обратимся в новую Кению.

– Ты нам говорил, что в Утопии все счастливы, – сказала она. – Ну вот, я несчастлива, значит, на Кириньяге что-то не так.

– А если ты будешь управлять в шамба Коиннаге, – спросил я, – все наладится?

– Да.

– Но тогда будут несчастливы Вамбу с Кибо.

– Значит, Утопий вообще не бывает на свете и мы должны заботиться лишь о собственном счастье, как мы его понимаем, – заключила Мумби.

Почему старые люди так эгоистичны и бесчувственны? – подумал я. – *Вот я стою, усталый после жаркого дня, и хочу пить, а она только и знает, что жалуется на то, что несчастлива.*

– Пойдем со мной, – сказал я. – Мы вместе вернемся в деревню и найдем решение твоей проблемы. Тебе нельзя здесь оставаться.

Она долго смотрела на меня и наконец пожала плечами.

– Хорошо, я пойду с тобой, но мы не найдем решения, так что я вернусь в свой новый дом.

Солнце уже опустилось довольно низко, когда спустились с холма по извилистой тропе в деревню, а когда добрались до нее и пошли между хижин, наступили сумерки. Несколько мужчин и женщин собрались у шамба Коиннаге, в основном с теми же выражениями заинтересованности, какие я уже наблюдал днем. Приблизившись к бома Коиннаге, я заметил, что они следуют за мной, любопытствуя, какое наказание вынесу я Мумби, словно ее проступок и мой гнев были главным номером вечернего спектакля.

– Коиннаге! – громко позвал я.

Ответа не последовало, и я еще дважды звал его, прежде чем вождь выбрался из хижины с сонным выражением на лице.

– *Джамбо*, Кориба, – неуверенно проговорил он. – Я не знал, что ты здесь.

Я гневно уставился на него:

– Ты и про свою мать не знал?

– Это ее шамба, – невинно ответил он, – где ж ей еще находиться?

– Ты прекрасно знаешь где, – сказал я, глядя ему в лицо, озаренное отсветами вечерних костров. – Я тебе советую очень тщательно обдумать последствия до того, как ты снова соберешься солгать своему мундумугу.

Он словно бы сжался на миг, а потом заметил деревенских жителей у меня за спиной.

– Что это вы тут делаете? – напустился он на них. – А ну быстро возвращайтесь к себе в бома!

Они отступили на несколько шагов, но не ушли.

Коиннаге развернулся к Мумби.

– Вот как ты меня позоришь перед моими людьми! Зачем ты так со мной? Разве я не вождь этой деревни?

– Я полагал, что вождь в состоянии управиться со своей матерью, – саркастически заметил я.

– Я пытался, – сказал Коиннаге. – Я не понимаю, что на нее нашло.

Он зыркнул на Мумби.

– Я снова приказываю тебе вернуться к себе в хижину.

– Нет, – сказала Мумби.

– Но я вождь! – настаивал он одновременно яростно и жалобно. – Ты обязана повиноваться мне.

Мумби вызывающе уставилась на него.

– Нет, – повторила она.

Он обернулся ко мне.

– Вот видишь, как обстоит дело? – проговорил он беспомощно. – Ты же мундумугу, ты и прикажи ей тут оставаться.

– Никто не смеет приказывать мундумугу, – свирепо огрызнулся я, потому что знал, каким будет ответ Мумби на мое требование. – Призови своих жен.

Он словно бы испытал облегчение от того, что его отослали, пускай и ненадолго, и вошел в хижину, где готовили еду, откуда появился через пару мгновений с Вамбу, Шуми и Кибо.

– Вам всем известно, какая у нас трудность, – сказал я им. – Мумби настолько несчастлива, что пожелала покинуть шамба и жить у меня на холме.

– Отличная идея, – отозвалась Кибо, – тут и так тесновато.

– Это скверная идея, – резко ответил я. – Ей следует жить со своей семьей.

– Ей же никто не мешает, – раздраженно ответила Кибо.

– Она хочет принимать более активное участие в жизни шамба, – продолжил я. – Несомненно, она могла бы делать что-то, чтобы гармония жизни шамба сохранялась.

Все надолго замолчали. Затем вперед вышла Вамбу, старшая жена Коиннаге.

– Прости, мать моя, что ты так несчастлива из-за нас, – проговорила она. – Разумеется, ты имеешь полное право варить помбе и ткать одежду.

– Но это же моя работа! – возмутилась Кибо.

– Нужно выказывать уважение к матери нашего мужа, – ехидно заметила Вамбу.

– Почему бы не выказать ей еще больше уважения и не позволить также надзирать за готовкой? – спросила Кибо.

– Я старшая жена Коиннаге, – твердо ответила Вамбу. – Готовкой занимаюсь я.

– А я варю помбе и тку одежду, – упрямо отвечала Кибо.

– А я измельчаю зерна в муку и ношу воду, – добавила Шуми. – Надо найти для нее какую-нибудь другую работу.

Мумби развернулась ко мне.

– Я же говорила, Кориба, – сказала она, – что ничего не получится. Заберу-ка я остальные свои пожитки и переселюсь в новый дом.

– Ты не сделаешь этого, – ответил я. – Ты останешься здесь, со своей семьей, ибо матери всегда остаются со своими семьями.

– Я не готова к тому, чтобы меня выбросили из жизни, как мои внуки выбрасывают сломанные игрушки, – заявила она.

– А я не готов позволить тебе нарушать обычаи кикуйю, – резко бросил я. – Ты останешься здесь.

– Нет! – ответила она, и я услышал, как в толпе кто-то фыркнул, дивясь тому, как сморщенная старуха осмеливается бросить вызов и своему вождю, и своему мундумугу.

– Коиннаге, – сказал я, отведя его с семьей внутрь бома за колючую изгородь, чтобы нас не подслушивали зрители, – она же твоя мать. Поговори с ней, убеди ее остаться тут, пока она не вынудила меня сделать так, что вы все об этом пожалеете.

– Мать моя, – взмолился Коиннаге, – перестань позорить меня перед всей деревней. Ты должна остаться в моем шамба.

– Не останусь.

– Останешься! – запальчиво крикнул Коиннаге, увидев, как мужчины и женщины деревни сгрудились у входа в бома.

– А если нет, то что ты мне сделаешь? – ухмыльнулась она. – Ты свяжешь меня по рукам и ногам, чтобы я осталась у тебя в хижине?

– Я вождь этой деревни, – повторил Коиннаге с обидой в голосе. – Я приказываю тебе остаться здесь!

– Ха! – фыркнула она, и в толпе тоже раздались явные смешки. – Ты, может, и вождь, но ты все еще мой сын, а сыновьям не положено отдавать матери приказы.

– Но все вы должны подчиняться мундумугу, – заметил он, – а Кориба приказал тебе оставаться здесь.

– Я не подчинюсь ему, – заявила она. – Я прилетела на Кириньягу, чтобы стать счастливой, а в этом шамба я несчастлива. Я собираюсь жить на холме, и вы с Корибой не сможете меня остановить.

Смех неожиданно прекратился, и ему на смену пришло ошеломленное молчание, ибо никто не смеет так открыто перечить мундумугу. В иных обстоятельствах я бы простил ее, поскольку она была очень упряма, но, раз она бросила мне вызов перед всей деревней в конце длинного скверного дня, этого не случилось.

Наверное, гнев читался на моем лице, и Коиннаге внезапно встал между матерью и мной.

– Пожалуйста, Кориба, – дрожащим голосом попросил он. –

Она старая и не понимает, что несет.

– Прекрасно понимаю, – заупрямилась Мумби, вызывающе зыркнув на меня. – Если я не могу жить так, как мне хочется, лучше уж вообще не жить. И что ты мне сделаешь, мундумугу?

– Я? – невинно отозвался я, чувствуя на себе множество взглядов. – Я тебе ничего не сделаю. Как ты сама справедливо заметила, я всего лишь старик.

Я помолчал, не сводя с нее взгляда, и Коиннаге с женами испуганно попятились.

– Ты с любовью вспоминала о высохшей реке, возле которой жили мы в детстве, но ты забыла, каково это – жить у высохшей реки. Я тебе помогу вспомнить. – Я повысил голос, чтобы слышали все. – Поскольку ты решила пренебречь нашими обычаями, а другие смеялись над этим, то сегодня ночью я принесу в жертву козла и попрошу Нгаи, чтобы Он обрушил на Кириньягу такую засуху, какой никогда прежде не видели здешние места, пока мир не станет таким же сухим и сморщенным, как ты сама, Мумби. Я попрошу Его не изливать на землю ни капли дождя, пока ты не вернешься к себе в шамба и не согласишься там остаться.

– Нет! – крикнул Коиннаге.

– Языки животных будут разбухать во ртах, пока они не перестанут дышать, урожай обратится в пыль, а река высохнет.

Я зло оглядел лица людей моего народа, предлагая им снова засмеяться, но все отводили взгляд.

Все, кроме Мумби, которая встретила его. Она задумчиво поглядела на меня, и мне на мгновение почудилось, что она собирается изменить свое решение, согласившись остаться в шамба Коиннаге. Потом она пожала плечами.

– Я уже жила у высохшей реки. Я могу пожить так снова.

Она пошла прочь.

– Я возвращаюсь к себе на холм.

Повисло оглушительное молчание.

– Надо ли так поступать, Кориба? – выдавил наконец Коиннаге.

– Ты слышал, как твоя мать говорила со мной, и еще осмеливаешься спрашивать? – возмутился я.

– Но она же просто старуха.

– Ты полагаешь, только воины могут нас уничтожить? – ответил я вопросом.

– Как она может уничтожить нас, поселившись на холме? – спросила Кибо.

– Наше общество построено на ритуалах, обычаях и законах, а наше выживание зависит от того, насколько все они соблюдаются.

– Значит, ты действительно попросишь Нгаи обрушить засуху на Кириньягу? – уточнила она.

– Я устал от того, что мой народ сомневается и перечит мне, и от того, что вы забыли, кто мы и зачем прибыли сюда, – раздраженно ответил я. – Я сказал, что попрошу Нгаи наслать засуху на Кириньягу, и я так поступлю.

Я поплевал на ладони в знак того, что говорю правду.

– И сколько продлится засуха?

– Пока Мумби не покинет мой холм и не вернется в свою хижину, в свой шамба.

– Она очень упрямая старуха, – жалобно проговорил Коиннаге. – Она там может сидеть вечно.

– Таков ее выбор, – ответил я.

– А может, Нгаи не прислушается к твоей мольбе, – с надеждой заметила Кибо.

– Он прислушается, – резко бросил я. – Разве я не мундумугу?

Проснувшись наутро, я обнаружил, что Ндеми уже развел костер и покормил кур. Я вышел из хижины, завернувшись в одеяло, поскольку утренний воздух нес прохладу.

– *Джамбо*, Кориба, – сказал Ндеми.

– *Джамбо*, Ндеми, – ответил я.

– Почему Мумби построила хижину у тебя на холме, Кориба? – спросил он.

– Потому что она упрямая старуха, – ответил я.

– Ты не хочешь, чтоб она жила здесь?

– Нет.

Он неожиданно усмехнулся.

– Что тебя так позабавило, Ндеми? – спросил я.

– Она упрямая старуха, а ты – упрямый старик, – пояснил Ндеми. – Очень интересно будет посмотреть.

Я посмотрел на него, но промолчал. Потом вернулся в хижину и включил компьютер.

– Компьютер, – сказал я, – рассчитай изменение орбиты, которое принесет на Кириньягу засуху.

– Идет расчет… Выполнено, – ответил компьютер.

– Теперь передай эти поправки Техподдержке и попроси немедленно привести их в действие.

– Передаю… Выполнено. – Мгновение тишины. – Входящий аудиовизуальный вызов из Техподдержки.

– Ответь, – сказал я.

На голографическом дисплее возникло лицо женщины средних лет с азиатскими чертами.

– Кориба, я только что приняла ваши инструкции, – сказала

она. – Вы отдаете себе отчет в том, что такое изменение орбиты почти наверняка вызовет на Кириньяге серьезные перемены климата?

– Отдаю.

Она нахмурилась.

– Наверное, я недостаточно сильно выразилась. Изменения будут катастрофическими. Это вызовет ужасную засуху.

– Есть ли у меня право потребовать такую коррекцию орбиты или нет? – резко спросил я.

– Да, – ответила она, – согласно вашей хартии, такое право у вас имеется. Но…

– В таком случае будьте любезны выполнить мою просьбу.

– Вы не передумаете?

– Нет.

Она пожала плечами.

– Вы тут начальник.

Рад, что хоть кто-нибудь об этом помнит, – горько подумал я, и тут вызов прервался, а экран компьютера опустел.

– Она слишком много болтает, и мне не нравятся ее песни, но в остальном она довольно милая женщина, – заметил Ндеми, глядя на хижину Мумби ниже по холму, когда я закончил наставлять его на предмет новых заклинаний для пугал. – Почему Коиннаге выгнал ее из шамба?

– Коиннаге не выгонял ее, – ответил я. – Она сама ушла.

Ндеми нахмурился, поскольку никогда не сталкивался с таким поведением.

– А в чем причина?

– Неважно, – ответил я. – А важно то, что кикуйю живут семьями, она же отказывается так жить.

– Она безумна? – спросил Ндеми.

– Нет, – сказал я. – Просто упряма.

– Если она не сумасшедшая, значит, у нее имеется какая-то веская причина поселиться на твоем холме, или она так считает, – настаивал он. – Какая же?

– Она хочет продолжать заниматься тем, чем занималась всегда, – ответил я. – Это нельзя считать проявлением безумия. В общем-то, ее можно бы даже за это похвалить, но в нашем обществе такое поведение недопустимо.

– Она очень глупа, – сказал Ндеми. – Когда я стану мундумугу, я буду работать не больше твоего.

Да прекратят ли наконец на Кириньяге испытывать мое терпение? – подумал я. – *Они что, все сговорились тут?* Вслух я ответил:

– Я очень тяжело работаю.

– Ты работаешь магическими инструментами, призываешь дожди, благословляешь поля и скот, – согласился Ндеми. – Но тебе не нужно носить воду, кормить животных, убирать в хижине или ухаживать за садом.

– Мундумугу этим не занимается.

– Вот поэтому она и глупа. Она могла бы жить, словно мундумугу, и все бы выполняли за нее ее работу, но она отказывается.

Я покачал головой.

– Она глупа, потому что отказалась от всего, чтобы прибыть на Кириньягу и жить традиционной жизнью кикуйю, но теперь рвет с этими традициями.

– Тебе придется ее наказать, – задумчиво произнес Ндеми.

– Да.

– Надеюсь, твое наказание не окажется болезненным, – продолжил он, – поскольку она очень похожа на тебя, и не думаю, чтобы такое наказание заставило ее измениться.

Я взглянул на хижину старухи ниже по холму и задумался, прав ли мальчишка.

Прошел месяц; Кириньяга начала ощущать воздействие засухи. Дни тянулись длинные, жаркие и сухие, река, текущая через нашу деревню, сильно обмелела.

Каждое утро меня будила напевавшая себе под нос Мумби, когда карабкалась обратно на холм с бурдюком от реки. Каждый день я кидался камнями в ее коз и кур, которые кормились все ближе и ближе к моему бома, и размышлял, сколько еще она тут проторчит, прежде чем вернуться к себе в шамба. Каждый вечер я получал сообщение из службы Техподдержки с вопросом, не желаю ли я провести новую орбитальную коррекцию и пролить дожди на мой мир.

Время от времени Коиннаге поднимался по извилистой пыльной тропе из деревни и говорил с Мумби. Я не подслушивал, так что не знаю, о чем они говорили, но заканчивалось все одинаково: Коиннаге выходил из себя и орал на мать, старуха же только гневно зыркала в ответ, после чего он плелся обратно в деревню, ворча проклятия через плечо.

Однажды после полудня ко мне в бома явилась Шима, мать Ндеми.

– *Джамбо*, Шима, – приветствовал я ее.

– *Джамбо*, Кориба, – сказала она.

Я терпеливо ждал, пока она расскажет мне о причине своего визита.

– Разве Ндеми не служит тебе хорошо, Кориба? – спросила она.

– Хорошо.

– И он прилежно учится?

– Очень прилежно.

– Ты никогда не сомневался в его верности?

– У меня ни разу не было к тому поводов, – ответил я.

– За что же ты вынуждаешь его семью страдать? – спросила она. – Наш скот ослабел, а урожай гибнет. Почему ты не навлек засуху только на поля Коиннаге?

– Засуха кончится, когда Мумби вернется к себе в шамба, – ответил я резко. – Она одна решит, когда закончится засуха, а не я. Попробуй с ней поговорить.

– Уже говорила, – сказала Шима.

– И?

– И она послала меня к тебе.

– Она навлекла засуху на Кириньягу, – сказал я. – Она и положит ей конец, когда пожелает.

– Она же не мундумугу, а ты – да.

– Я действовал так, чтобы сберечь нашу Утопию.

Она печально улыбнулась.

– Ты, мундумугу, слишком долго просидел тут на холме, – сказала она. – Спустись к нам в деревню. Посмотри на животных, урожай и детей, а потом будешь мне рассказывать, как это ты бережешь нашу Утопию.

Она развернулась и пошла прочь прежде, чем я собрался с мыслями для ответа.

С начала засухи прошло шесть недель, и старейшины совета поднялись ко мне в бома. Я учил Ндеми, как обычно.

– *Джамбо*, – приветствовал я их. – Надеюсь, у вас все в порядке?

– Нет, Кориба, у нас не все в порядке, – сказал старый Сибоки, взявший слово.

– Очень жаль это слышать, – честно ответил я.

– Нам нужно поговорить, Кориба, – продолжил Сибоки.

– Как вам будет угодно.

– Мы понимаем, что Мумби неправа, – начал он. – Как только женщина вырастила детей и похоронила мужа, она должна поселиться в шамба сына с его семьей, чтобы о ней там заботились. Таков закон, и глупо было бы ей жить в другом месте.

– Согласен, – сказал я.

– Все мы согласны с этим, – продолжал он, – и если ты считаешь, что она должна понести кару за презрение к нашим

законам, то пусть будет так.

Он помолчал.

– Но ты наказываешь всех, хотя закон нарушила одна Мумби. Несправедливо, чтобы все мы страдали из-за ее проступка.

– Хотел бы я, – искренне произнес я, – чтоб получилось иначе.

– Значит, ты замолвишь за нас словечко перед Нгаи? – взмолился он.

– Сомневаюсь, что Он прислушается, – сказал я. – Лучше бы вы поговорили с Мумби и убедили ее вернуться к себе в шамба.

– Мы пытались, – сказал Сибоки.

– Так попытайтесь снова.

– Мы попробуем, – ответил он без особой надежды. – Но ты хотя бы попроси Нгаи прекратить засуху? Ты ведь мундумугу, Он тебя наверняка послушает.

– Я поговорю с Ним, – сказал я. – Но Нгаи – суровый бог. Он навлек засуху, потому что Мумби нарушила закон; Он почти наверняка не станет проливать дождей, пока Мумби не согласится вновь подчиниться закону.

– Но ты попросишь?

– Да, – заверил я его.

Больше им было нечего сказать, и, постояв немного в неловком молчании, они ушли. Когда они отошли на достаточное расстояние, чтобы ничего не услышать, Ндеми подошел ко мне.

– Это не Нгаи наслал засуху, – сказал он. – Это сделал ты. Ты обратился к ящику у себя в хижине.

Я смотрел на него молча.

– И раз ты наслал засуху, – продолжал Ндеми, – ты можешь ее закончить.

– Да, я могу.

– Тогда почему ты не поступишь так, ведь страдает весь твой народ, а не только Мумби?

– Послушай меня внимательно, Ндеми, – сказал я, – и запомни мои слова, поскольку ты когда-то станешь мундумугу, и этот урок будет самым важным для тебя.

– Слушаю, – ответил он, опускаясь на корточки и внимательно глядя на меня.

– Из всего на Кириньяге, из всех наших законов, традиций и ритуалов наиболее существенным является вот какой: мундумугу – самый могущественный человек в нашем обществе. Не потому, что он сильнее всех физически, ибо, как ты видишь, я стар и покрыт морщинами, а потому, что он – хранитель нашей культуры. Именно мундумугу определяет, что правильно, а что – нет, и его авторитет не может подвергаться сомнению.

– Ты говоришь, что я не могу спросить, почему ты не вернешь

дожди? – смущенно спросил Ндеми.

– Нет, – сказал я. – Я говорю о том, что мундумугу – это скала, на которой кикуйю возвели свою культуру, и раз так, то ему нельзя проявлять слабость.

Я помолчал.

– Жаль, что я пригрозил им засухой. День был длинный, меня выводили из себя, я устал, многие в тот день себя очень глупо вели… но я пообещал, что придет засуха, и теперь, если я проявлю слабость и если я пролью дождь, то рано или поздно все в деревне бросят вызов авторитету мундумугу и… а без авторитета нет основы для нашей жизни.

Я заглянул ему в глаза.

– Ты понимаешь, о чем я, Ндеми?

– Думаю, да, – неуверенно ответил он.

– Настанет день, и уже ты, а не я, заговоришь с компьютером. Ты должен понять все из сказанного мною, прежде чем придет этот день.

На третий месяц засухи. Ндеми однажды утром вошел ко мне в хижину и разбудил меня, коснувшись плеча.

– Что такое? – спросил я, садясь.

– Я не могу наполнить водой твои бурдюки, – отвечал Ндеми, – река высохла.

– Тогда мы выкопаем колодец у подножия холма, – сказал я, выходя из бома и плотнее заворачиваясь в одеяло, защищаясь от сухого и холодного утреннего воздуха.

Мумби как обычно что-то напевала себе под нос, разводя костер перед хижиной. Я мгновение смотрел на нее, потом обернулся к Ндеми.

– Вскоре она уберется отсюда, – уверенно сказал я.

– А ты? – отозвался он.

Я покачал головой.

– Я здесь живу.

– И она тоже, – сказал Ндеми.

– Ее дом у Коиннаге, – раздраженно бросил я.

– Она так не считает.

– У нее нет воды, а без воды не выжить. Вскоре она будет вынуждена вернуться к себе в шамба.

– Может, и так, – без особой уверенности ответил Ндеми.

– А что заставляет тебя думать иначе?

– Я прошел мимо ее колодца, когда поднимался на холм, – сказал он.

Мумби готовила себе завтрак; Ндеми покосился на нее.

– Она очень упрямая старуха, – добавил он с нескрываемым

уважением.

Я не нашел ответа.

– Твоя акация умирает, Кориба.

Я поднял взгляд и увидел Мумби, стоящую у моего бома.

– Если ты не польешь ее в скором времени, она засохнет, и тебе тут станет очень неприятно. – Она помолчала. – У меня лишний тростник от крыши остался. Если хочешь, разложи его по ветвям акации.

– Почему ты его мне предлагаешь? – с подозрением спросил я. – Ведь именно ты ответственна за эту засуху.

– Я хочу показать тебе, что я твоя соседка, а не враг, – ответила Мумби.

– Ты нарушила закон, – сказал я. – Ты враг нашей культуры.

– Это – плохой закон, – ответила она. – Я уже больше четырех месяцев живу на этом холме. Я каждый день собираю хворост, сшила два новых одеяла, готовлю себе еду, носила воду от реки, пока река не высохла, а теперь ношу из колодца. Разве стоит выбрасывать меня из жизни, если я умею столько всего?

– Тебя не выбрасывают из жизни, Мумби, – сказал я. – Именно потому, что ты всю жизнь занималась всем этим многие годы и теперь ты наконец можешь отдохнуть и предоставить другим заниматься этими делами.

– Но я больше ничего не умею! – возмутилась она. – Какой смысл жить, если я не могу делать то, что умею?

– Семьи всегда заботятся о своих стариках, как и о больных, – сказал я. – Таков обычай.

– Это хороший обычай, – согласилась Мумби. – Но я не чувствую себя старухой. – Она помолчала. – Ты хоть знаешь, когда я единственный раз в жизни почувствовала себя старухой? Когда мне не разрешали ничего делать у себя в шамба. – Она нахмурилась. – Мне это совсем не понравилось.

– Мумби, ты обязана примириться со своим возрастом, – ответил я.

– Я это уже сделала и поэтому-то переселилась на твой холм, – сказала она. – А теперь ты должен примириться со своей засухой.

На четвертом месяце засухи моих ушей достигли разные вести.

Нджоро зарезал скот и держал теперь геренуков[19], которые не пьют, а слизывают росу с листьев, и все бы ничего, но кикуйю обычно не разводят диких животных, поскольку обычаями это не одобряется.

Камбела и Нджогу вернулись в Кению и забрали семьи с собой.

Кубанду, житель соседнего поселка, накопил у себя много воды, прежде чем высохла река, и когда люди это обнаружили, то сожгли его хижину и убили скот.

На западных равнинах вспыхнул низовой пожар, и одиннадцать шамба сгорело прежде, чем его удалось погасить.

Коиннаге все чаще приходил к матери, их споры становились все громче и бесплоднее.

Даже Ндеми, прежде считавший, что мундумугу всегда прав по определению, вновь начал подвергать сомнению необходимость засухи.

– Однажды ты сам станешь мундумугу, – сказал я ему. – Вспомнишь тогда мои уроки. – Я помолчал. – А как бы ты поступил в аналогичной ситуации?

Он ответил не сразу.

– Я бы, вероятно, оставил ее жить на холме.

– Это противоречит нашей традиции.

– Возможно, – сказал он. – Но она и так живет на холме, а кикуйю, которые не живут на холме, страдают. – Он задумчиво помолчал. – Возможно, пришло время расстаться с определенными традициями, а не карать целый мир за то, что одной старухе вздумалось их игнорировать.

– Нет! – возбужденно ответил я. – Когда мы жили в Кении, европейцы явились к нам и убедили, что можно отвергнуть традиции. Мы обнаружили, что это очень легко, и стали отвергать один обычай за другим, пока не отвергли их столько, что из кикуйю превратились в черных европейцев.

Я помолчал, потом понизил голос:

– Вот почему мы пришли на Кириньягу, Ндеми, – чтобы снова стать кикуйю. Ты пропустил мимо ушей все мои наставления за последние два месяца?

– Я тебя слушал, – ответил Ндеми, – я просто не понимаю, почему ее стремление жить на этом холме делает ее менее кикуйю.

– Два месяца назад ты без труда это понимал.

– Два месяца назад моя семья не голодала.

– Одно с другим никак не связано, – ответил я. – Она нарушила закон. Она понесет наказание.

Ндеми помолчал.

– Я размышлял об этом.

– И?

– И разве не существует различных степеней тяжести преступления? – спросил Ндеми. – Конечно же, ее проступок не

так тяжел, как если бы она убила свою соседку. А если существуют различные степени тяжести преступления, то почему не может существовать различных степеней наказания?

– Ндеми, давай я объясню еще раз, – сказал я, – потому что настанет день, когда ты займешь мое место и станешь мундумугу, и в этот день твой авторитет должен оказаться непоколебимым. Среди прочего это означает, что кара для всех, кто не признает твоего авторитета, тоже должна оказаться абсолютной.

Он долго смотрел на меня.

– Это неправильно, – наконец ответил он.

– Что именно?

– Ты наслал засуху не потому, что она нарушила закон, – проговорил он. – Ты заставляешь Кириньягу страдать, потому что она ослушалась тебя.

– Это одно и то же, – сказал я.

Он глубоко вздохнул и задумчиво нахмурил юношескую бровь.

– Я в этом совсем не уверен.

И тогда я понял, что он еще очень, очень долго не будет готов занять место мундумугу.

* * *

Прошло пять месяцев с начала засухи, и однажды днем Коиннаге снова поднялся на холм, но на этот раз ссоры не последовало. Он пять минут поговорил с Мумби, после чего ушел в деревню, не бросив в мою сторону ни единого взгляда.

Через двадцать минут Мумби вскарабкалась на вершину холма и встала у ворот моего бома.

– Я возвращаюсь в шамба Коиннаге, – возвестила старуха.

Меня охватило колоссальное облегчение.

– Я знал, что рано или поздно ты признаешь свою неправоту, – ответил я.

– Я возвращаюсь не потому, что осознала свою неправоту, – возразила она. – А потому, что неправ ты, и я не позволю тебе больше вредить Кириньяге. – Она помолчала. – У Кибо молока нет, ее ребенок умирает. Моим внукам скоро нечего будет есть.

Она испепелила меня взглядом.

– Лучше бы ты сегодня же принес нам дождь, старик.

– Я помолюсь Нгаи о дожде, как только ты вернешься к себе домой, – пообещал я.

– Лучше бы ты Его не просил, – сказала она. – Лучше бы ты Ему сразу приказал.

– Ты кощунствуешь.

– И как же ты намерен покарать меня за мое кощунство? – спросила она. – Устроишь потоп и уничтожишь то, что осталось от нашего мира?

– Я ничего не уничтожал, – возразил я. – Это ты нарушила закон.

– Взгляни на высохшую реку, о Кориба, – сказала она, указывая на подножие холма. – Внимательно посмотри, ибо это Кириньяга, бесплодная и неизменная.

Я посмотрел на русло реки.

– Ее неизменность – одно из ее достоинств, – заметил я.

– Но это же река, – сказала она. – А все живое меняется, и даже кикуйю.

– Не на Кириньяге, – непреклонно ответил я.

– Меняется или умирает, – продолжила она, – а я не собираюсь умирать. Ты выиграл сражение, о Кориба, но война еще не окончена.

Прежде чем я успел ответить, она развернулась и пошла обратно в деревню по длинной извилистой тропе.

В тот день я вернул дождь. Река наполнилась водой, поля зазеленели, коровы, козы и животные саванны утолили жажду и восстановили силы, а мир Кириньяги вернулся к здоровой и энергичной жизни.

Но с тех пор Нджоро больше никогда не называл меня *мзее*, как у кикуйю принято уважительно обращаться к мудрым старцам. Сибоки построил два крупных хранилища для воды, каждое размером с большую хижину, и поклялся причинить вред любому, кто появится поблизости. Даже Ндеми, прежде без вопросов впитывавший все, чему я его учил, теперь словно бы взвешивал и внимательно обдумывал каждое мое заявление.

Ребенок Кибо не выжил, а Мумби жила в ее бома, пока Кибо не выздоровела, после чего построила себе новую хижину в шамба Коиннаге. Поскольку эта территория официально считалась его собственностью, я предпочел не замечать этого. Она прожила там до следующих больших дождей, а потом так ослабела, что наконец согласилась перебраться в хижину, которую занимала раньше. Теперь, когда ей и в самом деле требовалась помощь близких, она принимала ее, но потом Коиннаге сказал, что с того дня, как старуха покинула мой холм, она больше не пела.

Что до меня, то я провожу долгие дни у себя на холме, гляжу на то, как течет река, холодная, чистая, неизменная, и нередко с тревогой размышляю, не изменил ли я каким-нибудь образом

течение другой, куда более важной реки, по которой плывем мы все.

Лотос и копье

МАЙК РЕЗНИК преуспел в смешивании магии древних африканских преданий с футуристическим волшебством научной фантастики. Майк пишет, как мудрый старый знахарь из джунглей, – приседая перед мерцающим пламенем костра и сдерживая голодных животных темной ночью за краем поляны, прилежно измельчая и смешивая таинственные ингредиенты во что-то гораздо более мощное, чем входящие в его состав корни и экстракты.

Думаете, я преувеличиваю? Обратите внимание на награды, которые он выигрывает и на которые номинирован. Посмотрите на «Хьюго» и посмотрите, сколько раз его имя упоминается в качестве победителя или номинанта. Разве это не волшебство? Да, да, я знаю – вы щелкаете пальцами и говорите: «Ага, теперь я понимаю!»

Но понимаете ли вы? Понимаю ли я? Волшебства часто меньше или больше, чем кажется. Вот почему это – волшебство.

Это подводит нас, причем логичнее, чем мы могли бы предположить, к «Лотосу и копью».

Майк начинает с пересказа старой африканской притчи о слоне, взбирающемся на гору Кения в поисках Нгаи, Который «правил вселенной со Своего золотого трона». Чего хочет слон и что он на самом деле получает, задает тон истории.

Кикуйю – племя из страны Кения на Земле – живет, строго соблюдая

древние традиции, в терраформированном мире Кириньяга. Кориба – мундумугу (знахарь) деревни в этом мире – столкнулся с проблемой. То, как он решает эту проблему, и достигнутый результат, возможно, не соответствуют ожиданиям спрашивающих.

Конечно, все это волшебство – такое волшебство, которое Майк Резник привносит в историю.

Не надо верить мне на слово – испытайте это сами.

Ральф Робертс

ЧАСТО В АФРИКЕ можно увидеть мужчину, совершенно ничем не обремененного, идущего впереди своей жены, которая сгибается под тяжестью дров или воды, которые она несет. Когда-то это имело смысл – он должен был отпугивать любых животных, которые могли на нее напасть. Но за последние полвека или даже больше на обочинах было не так уж много животных, тем более – опасных. Тем не менее мужчинам есть чем заняться, кроме как часами украшать себя.

К этому, седьмому, рассказу в цикле Кириньяга начала разваливаться по краям. Трудно вести традиционный образ жизни, когда для этого нет причин. Если мужчины XX века могли хотя бы притворяться, что от них есть польза, то что можно сказать о моих мужчинах из Кириньяги XXII века? Как вы приспосабливаетесь к жизни, в которой нет ни целей, ни наград, ни даже каких-либо угроз?

Итак, я написал рассказ, и в 1993 году он был номинирован на

премию «Хьюго» за лучший короткий рассказ.

Майк Резник

The Lotus and the Spear. *Первая публикация в журнале Isaac Asimov's Science Fiction Magazine в августе 1992 года.*

Октябрь 2135 года

Давным-давно, много-много веков назад, жил-был слон, который как-то раз взбирался на вершину Кириньяги – люди теперь называют ее горой Кения, – пока не достиг самой вершины, где с золотого трона Нгаи правил Вселенной.

– Зачем ты искал меня? – спросил Нгаи.

– Я пришел к Тебе с просьбой превратить меня в кого-нибудь другого, – сказал слон.

– Я создал тебя самым сильным и могущественным из всех тварей земных, – ответил Нгаи. – Тебе не надо бояться ни льва, ни леопарда, ни гиены. Куда бы ты ни шел, все остальные созданные Мной существа торопятся освободить тебе тропу. Почему же тебе расхотелось быть слоном?

– Как я ни силен, всегда есть другие слоны, которые обладают большей силой, – ответил слон. – Они забирают себе всех самок, и мое семя умрет во мне, и они отгоняют меня от ям с водой и сочной травы.

– И чего же тебе надобно от меня? – вопросил Нгаи.

– Я и сам не знаю, – ответил слон. – Мне хотелось бы стать жирафом, потому что на кронах деревьев всегда есть зеленые свежие листья и, куда бы жираф ни направился, он везде найдет себе пропитание. Или нет… кабаном-бородавочником – он везде может найти корешки и съесть их. А орлан-крикун выбирает себе самку на всю жизнь, и, даже если он не так силен, чтобы защитить ее от посягательств сородичей, которые захотят отбить ее, его глаза настолько остры, что он увидит врага издалека и успеет укрыть самку. В общем, преврати меня в кого сам пожелаешь, – заключил слон. – Доверяюсь Твоей мудрости.

– Да будет так, – провозгласил Нгаи. – С этого дня у тебя будет хобот, и ты сможешь доставать самую изысканную листву с верхушек акаций. Я дам тебе огромные бивни, чтобы ты мог выкапывать из земли воду и корни в любом уголке моего мира. И там, где у орлана-крикуна есть только его острое зрение, у тебя будут обоняние и слух, которые будут превосходить эти чувства у любого животного.

– Чем я могу отблагодарить Тебя? – радостно воскликнул слон, когда Нгаи начал превращение.

– Ты можешь вовсе и не захотеть Меня благодарить, – ответил Нгаи.

– Как так? – удивился слон.

– Ведь после всего сказанного и сделанного ты все равно останешься слоном.

* * *

На терраформированной планете Кириньяга выдаются такие дни, когда быть *мундумугу*, знахарем и шаманом, очень легко. В такие дни я обновляю заклинания, наложенные на пугал в полях, раздаю амулеты и мази больным, рассказываю детям сказки, делюсь мыслями с советом старейшин и учу своего юного помощника Ндеми законам и обычаям кикуйю; потому что мундумугу – это больше, чем простой создатель амулетов и заклятий, больше, чем просто голос разума в совете старейшин: мундумугу – хранитель традиций, которые делают народ кикуйю таким, какой он есть.

А иногда быть мундумугу очень сложно. Когда я решаю какой-нибудь спор, одна сторона обязательно остается мной недовольна. Или когда приходит такая болезнь, с которой мне не справиться; и я понимаю, что вскоре придется говорить семье умирающего, что его вскоре придется оставить на съедение гиенам. Или когда я вижу, что Ндеми, который когда-нибудь станет мундумугу, абсолютно не готов принять на себя мои обязанности в тот день, когда мое старое, морщинистое тело откажет.

Но иногда, очень редко, быть мундумугу просто ужасно – когда перед тобой встает проблема, против которой вся мудрость кикуйю – не более, чем пыль на ветру.

Такой день начинается как обычно. Я просыпаюсь и выхожу из моего *бома*, завернувшись в одеяло, – несмотря на то что вскоре станет тепло, солнце еще не успело прогнать ночную прохладу. Я разжигаю огонь и сажусь рядом, поджидая Ндеми, который наверняка опять опоздает. Иногда я сам удивляюсь его богатому воображению, он ни разу не повторил свое оправдание дважды.

Со старостью ко мне пришла привычка жевать по утрам листья ката[20], чтобы кровь бодрее текла по телу. Ндеми не одобряет эту привычку, поскольку его учили использовать кат в качестве лекарства и он знает, что кат вызывает привыкание. Я

снова объясню ему, что без этого листа я буду мучиться от боли, пока солнце не окажется над самой головой; что, когда он будет таким же, как я, его мускулы и тело тоже перестанут выполнять приказы и начнут приносить страдания. В ответ он только пожмет плечами, кивнет и позабудет все до следующего утра.

Наконец мой помощник придет и, объяснив, почему он сегодня опоздал, снесет калебасы к реке и наполнит их водой, затем соберет хворост и принесет его к бома. Затем мы начнем ежедневное занятие, когда я, возможно, буду объяснять ему, как приготовить притирание из стручков акации, а он будет сидеть, стараясь не ерзать, и демонстрировать такое владение собой, что пройдет десять-двенадцать минут, прежде чем он спросит, когда я научу его, как превратить врага в насекомое, чтобы он мог наступить на него и раздавить.

Наконец мы отправимся в хижину, где я преподам ему основы управления компьютером, ведь после моей смерти именно Ндеми будет контактировать с Техподдержкой и запрашивать коррекцию орбиты, чтобы влиять на погоду так, чтобы на иссушенные равнины пролился дождь и чтобы дни стали короче или длиннее, как при настоящей смене времен года.

Затем, если это будет ничем не примечательный день, я наполню сумку амулетами и пойду по полям, отводя *таху* – сглазы, наложенные на поля, убеждаясь, что они будут продолжать приносить пищу, от которой зависит вся наша жизнь. А если пойдут дожди и все вокруг зазеленеет, то я, возможно, принесу в жертву козу, дабы отблагодарить Нгаи за Его милость.

Неудачный день я обычно распознаю2 прямо на рассвете. Хотя, конечно, бывают и другие признаки: помет гиены у моего бома, верный знак таху, или ветер подует вдруг с запада, тогда как все благоприятные ветры дуют исключительно с востока.

Но тот день, о котором я веду рассказ, выдался безветренным, даже гиены не побывали ночью в моем бома. Он начинался как обычно. Ндеми опоздал – на этот раз, как он утверждал, на тропе, шедшей по холму к моему дому, он увидел черную мамбу, и ему пришлось ждать, пока она скроется в высокой траве. Я только закончил учить его молитве о здоровье и долгих годах жизни, которую ему придется возносить каждый раз при рождении ребенка, как у моего бома появился Коиннаге, наш вождь.

– *Джамбо,* Коиннаге, – приветствовал его я, скидывая с плеч одеяло, поскольку солнце уже стояло высоко и воздух наконец прогрелся.

– *Джамбо*, Кориба, – ответил он, хмурясь.

Я выжидательно смотрел на него, так как Коиннаге редко когда удосуживается совершить долгий подъем на холм, чтобы

навестить меня в моем бома.

– Это снова случилось, – мрачно объявил он. – Уже в третий раз после сезона дождей.

– Случилось что? – непонимающе уточнил я.

– Нгала умер, – сказал Коиннаге. – Он подошел к стае гиен обнаженным и без оружия, и его разорвали на куски.

– Обнаженным? Без оружия? – уточнил я. – Ты уверен?

– Уверен.

Я задумчиво затоптал и без того почти потухшие угли. Кейно был первым юношей, которого мы потеряли. Сначала подумали, что это несчастный случай, что он просто споткнулся и каким-то образом напоролся на собственное копье. За ним последовал Ньюпо, который погиб в огне, когда хижина его случайно загорелась.

Кейно и Ньюпо жили вместе с молодыми, неженатыми мужчинами в маленьком поселении у кромки леса, в нескольких километрах от главной деревни. Две такие смерти еще могли быть совпадением, но вот случилась третья, которая пролила новый свет на первые две. Теперь стало очевидно, что за несколько месяцев трое юношей предпочли покончить жизнь самоубийством, чем жить на Кириньяге.

– Что нам делать, Кориба? – спросил Коиннаге. – И мой сын живет там, у леса. Ведь он может стать следующим!

Я вытащил из висящего на шее мешочка гладкий, отполированный камень, встал и протянул вождю.

– Положи этот амулет под одеяло, которым укрывается твой сын, – сказал я. – Камень защитит его от этого таху, что влияет на наших юношей.

– Благодарю тебя, Кориба, – довольно кивнул вождь. – Но не можешь же ты дать такие амулеты всем юношам нашего племени?!

– Нет, – ответил я, все еще очень и очень встревоженный только что услышанным. – Этот камень действует только на сына вождя. Есть как различные чары, так и различные проклятия. Я должен узнать, кто навел таху на наших юношей и почему. Тогда, и только тогда, я смогу создать такую магию, которая справится с заклятием. – Я помедлил секунду. – Может быть, Ндеми принесет тебе помбе?

Он покачал головой:

– Нужно возвращаться в деревню. Женщины завели погребальную песнь, а сколько еще надо сделать. Мы должны сжечь хижину Нгалы и очистить землю, на которой она стояла. Затем нужно расставить повсюду дозорных, чтобы увериться, что гиены не вернутся за новым куском человечины.

Он повернулся и сделал несколько шагов в сторону деревни, но остановился.

– Почему это происходит, Кориба? – спросил он, терзаемый мучительной загадкой. – Это таху действует только на молодежь, или остальные тоже носят на себе проклятие?

Я не знал, что ответить, и он снова зашагал вниз по тропинке, что вела в деревню.

Я сел у костра и молча стал смотреть на поля и саванну. Вскоре ко мне присоединился Ндеми.

– Что же за таху заставило Нгалу, Кейно и Ньюпо покончить с собой, Кориба? – спросил он, и в голосе его прозвучал страх.

– Я сам еще точно не знаю, – ответил я. – Кейно безумно любил Мвалу, а поэтому очень огорчился, когда старый Сибоки заплатил выкуп за нее раньше, чем он. Но если бы речь шла только о Кейно, я бы сказал, что он решил уйти из жизни, поскольку лишился Мвалы. А кроме него, так же поступили еще двое, и я должен найти этому объяснение.

– Все они жили вместе с молодежью на окраине леса, – заметил Ндеми. – Может быть, это место проклято?

– Не все они закончили жизнь самоубийством, – покачал головой я.

– Знаешь, – сказал Ндеми, – когда два сезона дождей назад в реке утонул Нбока, все мы тоже подумали, что это несчастный случай. Но ведь и он жил вместе с остальными юношами. Может, он тоже покончил с собой?

Я уже давно не вспоминал о Нбоке. Но сейчас я внезапно подумал, что это тоже могло быть самоубийство. Ну да, вполне возможно, ведь Нбока славился умением плавать.

– Может быть, ты и прав, – с сомнением протянул я.

Грудь Ндеми раздулась от гордости, ибо я не баловал его похвалами.

– А что за магию ты сотворишь, Кориба? – спросил он. – Если тебе понадобятся перья венценосного журавля или аиста марабу, я их добуду. Я уже неплохо владею копьем.

– Я еще не знаю, что за магия здесь потребуется, Ндеми, – признался я. – Но, как бы то ни было, я чувствую, здесь важнее мысли, нежели копье.

– Это плохо, – сказал он, прикрывая глаза от пыли, которую принес внезапно подувший теплый ветерок. – А я уж думал, что наконец-то нашел ему применение.

– Применение чему?

– Моему копью, – пожал плечами он. – Я больше не пасу скот в отцовском *шамба*, теперь я помогаю тебе, вот оно мне больше и не нужно. – Он вздохнул. – Буду теперь оставлять его дома.

– Нет, копье всегда должно находиться при тебе, – возразил я. – Все мужчины кикуйю носят с собой копья.

Ему явно польстило, что его назвали мужчиной, ведь на самом деле он еще *кехи*, необрезанный юноша. Но затем он снова нахмурился.

– А зачем нам копья, Кориба? – спросил он.

– Чтобы защищаться от врагов.

– Но масаи, вакамба, другие племена, и даже европейцы, остались там, в Кении, – сказал он. – Какие у нас здесь враги?

– Гиены, шакалы, крокодилы, – перечислял я, а про себя добавил: «*И еще какой-то новый враг, которого мы должны вычислить, прежде чем потеряем еще кого-то из юношей, ведь без молодежи нет будущего, а следовательно, нет и Кириньяги*».

– Копья против гиен давно уже не нужны, – махнул рукой Ндеми. – Они научились бояться и сторониться нас. – Он ткнул пальцем в сторону домашних животных, пасшихся на полях неподалеку: – Они уже не трогают ни коров, ни даже коз.

– Что ж, и Нгалу они не тронули? – спросил я.

– Он *желал*, чтобы его сожрали гиены, – резонно напомнил Ндеми. – Это другое.

– Тем не менее ты должен постоянно носить с собой копье, – сказал я. – Это одна из традиций, которая делает тебя настоящим кикуйю.

– У меня есть мысль! – воскликнул он, внезапно вытащив копье и начав изучать его. – Если так уж необходимо таскать с собой повсюду копье, я, наверное, приделаю к нему металлический наконечник, который не крошится и не ломается.

Я покачал головой:

– Тогда ты будешь одним из зулусов, которые живут далеко к югу от Кении, ибо именно зулусы носят копья с металлическими наконечниками, и такие копья называются ассегаями.

Ндеми огорчился.

– А я-то думал, что это моя идея, – протянул он.

– Не расстраивайся, – утешил я. – Мысль может показаться новой тебе, но старой – кому-нибудь другому.

– Да ну?

Я кивнул:

– Возьмем этих юношей, что кончили жизнь самоубийством. Идея самоубийства была для них новой, но не они это придумали. *Любой* из нас хоть раз думал о подобном выходе. Сейчас меня интересует вовсе не то, почему они подумали об этом, а почему они не отвергли эту мысль, чем она *привлекла* их.

– А затем ты воспользуешься магией и сделаешь ее непривлекательной? – уточнил Ндеми.

– Верно.

– И ты будешь варить ядовитых гадов в котле, наполненном кровью только что убитой зебры? – с живым интересом спросил он.

– Ты очень кровожадный мальчик, – сказал я.

– Таху, которым убили четверых юношей, должно быть очень сильным, – возразил он.

– Иногда магия совершается одним словом или предложением.

– Но если тебе вдруг понадобится…

– Если мне вдруг понадобится, – глубоко вздохнул я, – я скажу, каких животных надо добыть.

Он вскочил на ноги, поднял свое легкое деревянное копье и потряс им в воздухе.

– Я стану самым знаменитым охотником за всю историю, – радостно вскричал он. – Мои дети и внуки воспоют меня в своих песнях, а животные саванны будут дрожать при моем приближении!

– Да, но пока тот счастливый день еще не наступил, – напомнил я. – А сегодня тебе надо принести воды и собрать хворост.

– Слушаюсь, Кориба, – поклонился он.

Подобрав мои калебасы, он начал спускаться с холма, но по его лицу было видно, что он все еще рисует заманчивые картины – вот он сражается с буйволом, и его копье летит точно в цель…

* * *

Я закончил утреннее занятие с Ндеми – молитва за упокой показалась мне подходящей темой для урока – и спустился в деревню, чтобы успокоить родителей Нгалы. Его мать Лисва была безутешна. Он был ее первенцем, и я даже не попытался прервать ее заунывную погребальную песнь, чтобы выразить свои соболезнования.

Кибанья, отец Нгалы, держался, лишь время от времени тряс головой, не в силах поверить в случившееся.

– Почему он это сделал, Кориба? – спросил он, завидев меня.

– Не знаю, – ответил я.

– Он был самым храбрым из юношей, – продолжал он. – Даже тебя не боялся. – Сказав это, он внезапно замолк, испугавшись, что мог обидеть меня.

– Он был очень храбрым, – согласился я. – И очень умным.

– Правда, – согласился Кибанья. – Другие мальчишки лежали

под тенистым деревом, пережидая дневную жару, а мой Нгала все не успокаивался, все находил какие-то новые игры, делал что-то. – Он посмотрел на меня измученными глазами. – А теперь мой единственный сын погиб, и я даже не знаю почему.

– Я обязательно выясню это, – пообещал я.

– Неправильно это, Кориба, – продолжал он. – Против природы вещей. Я имею в виду умирать первым, тогда все, чем я владею – мое шамба, мой скот, мои козы – все это должно было перейти к нему. – Он тщетно пытался сдержать слезы – хотя мужчины кикуйю не то что самоуверенные масаи, они очень не любят показывать свои чувства на людях. Но слезы катились, оставляя влажные дорожки на его пыльных щеках, чтобы затем упасть в пыль. – Он даже не успел взять жену и наградить ее сыном. Все, чем он был, умерло вместе с ним. Какой же грех он совершил, что навлек на себя такое ужасное таху? Почему эта напасть не поразила меня вместо него?!

Я посидел с ним еще несколько минут, уверил, что непременно попрошу Нгаи принять дух Нгалы, после чего побрел в деревню юношей, которая находилась в трех километрах от главной деревни. Она прилепилась у самого края стены деревьев, а с южной стороны ее огибала та же река, что протекала через всю деревню и разливалась у моего холма.

Это было маленькое поселение – всего двадцать юношей. После того как мальчик проходил посвящение и становился взрослым мужчиной, он уходил из отцовского бома и поселялся тут вместе с остальными холостяками. Постоянных обитателей здесь не было, ибо рано или поздно каждый член холостяцкой общины женился и вступал во владение частью семейного шамба, а его место занимал кто-то другой.

Большинство юношей, заслышав о поминках, направились в деревню, но некоторые остались, чтобы сжечь хижину Нгалы и уничтожить поселившихся в ней злых духов. Они хмуро кивнули мне, как того требовали обстоятельства, и попросили наложить заклинание, которое очистит землю, иначе им вечно придется обходить это место стороной.

Закончив обряд, я возложил в самый центр пепелища амулет, после чего юноши двинулись прочь – все, кроме Мурумби, который был лучшим другом Нгалы.

– Что ты можешь рассказать мне обо всем этом, Мурумби? – спросил я, когда мы наконец остались вдвоем.

– Он был хорошим другом, – ответил тот. – Мы много дней провели вместе. Я буду скучать по нему.

– Ты знаешь, почему он покончил с собой?

– Он не кончал с собой, – ответил Мурумби. – Его растерзали

гиены.

– Подойти без оружия к стае гиен – все равно что кончить жизнь самоубийством.

Мурумби, не отрываясь, смотрел на пепел.

– Дурацкая смерть, – горько произнес он. – И ничего не решила.

– А что за проблему он хотел решить, как ты думаешь? – поинтересовался я.

– Он был очень несчастен, – ответил Мурумби.

– А Кейно и Ньюпо тоже были несчастны?

На лице его отразилось удивление:

– Так ты знаешь?

– Разве я не мундумугу? – в ответ спросил я.

– Но ты ничего не говорил, когда они умерли.

– А что, по-твоему, я должен был сказать? – пожал плечами я.

– Не знаю. – Он чуточку помедлил. – Да, тогда ты ничего и не мог сказать.

– А ты сам, Мурумби? – перебил его я.

– Я, Кориба?

– Ты тоже несчастен?

– Ты же мундумугу, ты сам сказал. Зачем же задавать вопросы, на которые ты и так знаешь ответ?

– Я хотел бы услышать его от тебя самого, – сказал я.

– Да, я несчастен.

– А другие юноши? – продолжал допытываться я. – Они тоже несчастны?

– Большинство – счастливо, – сказал Мурумби, и я уловил легкое, едва заметное презрение в его тоне. – А почему бы и нет? Они теперь мужчины. Проводят все дни напролет в глупых разговорах, красят лица и тела, а по вечерам ходят в деревню, пьют помбе и танцуют. Скоро кое-кто из них женится, зачнет детей и заведет себе шамба, а однажды окажется в совете старейшин. – Он сплюнул на землю. – Ну да, конечно, отчего здесь быть несчастным?

– Действительно, – согласился я.

Он пренебрежительно взглянул на меня.

– Может, ты сам расскажешь о причине собственного несчастья? – предложил я.

– Ты же мундумугу, – язвительно напомнил он.

– Кем бы я ни был, я тебе не враг.

Он глубоко вздохнул, и напряжение словно бы вытекло из его тела, сменившись покорностью.

– Я знаю, Кориба, – сказал он. – Просто иногда мне кажется, будто весь мир состоит из одних врагов.

– С чего бы это? – спросил я. – У тебя вдоволь еды, вдоволь помбе, есть хижина, где тепло и сухо, ты окружен сородичами кикуйю, прошел посвящение и стал мужчиной, ты живешь в изобильном мире… почему же ты думаешь, что этот мир враждебен тебе?

Он указал на черную козу, которая мирно паслась в нескольких метрах от нас.

– Видишь ту козу, Кориба? – спросил он. – Она достигает в жизни большего, чем когда-либо достигну я.

– Не говори глупостей, – нахмурился я.

– Я серьезно, – настаивал он. – Каждый день она дает деревне молоко, раз в год рожает козленочка, а когда умрет, наверняка пойдет в жертву Нгаи. У нее есть в жизни цель.

– Как и у нас.

– Вовсе нет, Кориба, – он покачал головой.

– Тебе скучно? – уточнил я.

– Если путешествие по жизни сравнить с путешествием по широкой реке, можно сказать, что сейчас я плыву вдали от берегов.

– Но у тебя есть предназначение, и ты можешь увидеть его, – возразил я. – Ты возьмешь жену и начнешь шамба. Если ты будешь упорно трудиться, у тебя будет много скота и коз. Ты воспитаешь множество сыновей и дочерей. Что здесь не так?

– Все так, – сказал он, – только в нем нет места *мне*. Моя жена будет воспитывать моих детей и возделывать мои поля, а мои сыновья будут пасти мой скот, мои дочери будут ткать мне одежды и помогать матерям готовить мне еду. – Он помолчал. – А я… я буду сидеть вместе с остальными мужчинами, обсуждать погоду и пить помбе и в один прекрасный день, если доживу до этого, присоединюсь к совету старейшин, а изменится от этого только то, что тогда я буду общаться с друзьями не у себя, а в бома Коиннаге. А потом я умру. Вот жизнь, которая меня ждет, Кориба.

Он топнул ногой по земле, подняв крохотные облачка пыли.

– Я буду лишь *притворяться*, что жизнь моя наполнена бóльшим смыслом, чем жизнь той козы, – вновь заговорил он. – Я буду идти перед женой, несущей охапку хвороста, и убеждать себя, что делаю это, чтобы защитить ее от масаи или вакамба. Я построю бома выше человеческого роста, на крышу приделаю острые колья и буду говорить себе, что все это, чтобы защитить скот от льва и леопарда, при этом стараясь не вспоминать, что на Кириньяге никогда не было ни тех ни других. Я никуда не буду выходить без своего копья, хотя оно мне служит только как палка для опоры, когда солнце поднимается высоко в небе, но я упорно

буду твердить, что без него меня разорвет на кусочки человек или зверь. Вот что я буду говорить себе, Кориба… но ведь я же знаю, что все это ложь.

– Нгала, Кейно и Ньюпо чувствовали то же самое? – спросил я.

– Да.

– Но почему они убили себя? – допытывался я. – В нашей хартии сказано, что каждый, кто пожелает, может беспрепятственно покинуть Кириньягу. Им всего-то надо было уйти в космопорт, и судно Техподдержки тут же забрало бы их и доставило, куда бы они пожелали.

– Ты так и не понял меня, да? – грустно промолвил он.

– Да, не понял, – сознался я. – Просвети меня.

– Человек достиг звезд, Кориба, – сказал он. – В его распоряжении такие лекарства, машины и орудия, что нам никогда не придумать. Он живет в городах, по сравнению с которыми наша деревня – ничто. – Он снова помолчал, а затем продолжил: – Но здесь, на Кириньяге, мы ведем такую жизнь, которой жили до того, как пришли европейцы и принесли с собой предвестников будущего. Мы живем так, как кикуйю всегда жили, – ты говоришь, так нам было назначено жить. И как нам вернуться обратно в Кению? Что мы будем там делать? Как мы прокормим себя и где найдем убежище? Европейцы превратили нас из кикуйю в кенийцев, но это заняло много лет, потребовало много поколений. Ты и те, другие, кто создал Кириньягу, не имели в виду ничего дурного, вы делали то, что казалось вам правильным, но вы позаботились о том, чтобы я никогда не смог стать кенийцем. Я слишком старый и слишком сильно отстал.

– А другие юноши вашего поселения? – спросил я. – Они так же считают?

– Я уже сказал, большинство вполне довольны своей жизнью. И что в этом такого? Самое тяжелое, что им приходилось делать за всю жизнь, – это сосать материнскую грудь. – Он заглянул мне в глаза. – Ты предложил им мечту, и они приняли ее.

– Какова же *твоя* мечта, Мурумби?

– Я уже бросил мечтать, детские штучки.

– Не верю, – ответил я. – У каждого человека есть мечта. Что сделает довольным тебя?

– Честно?

– Честно.

– Пускай на Кириньягу прилетят масаи, вакамба или луо, – сказал он. – Меня учили быть воином. Так дайте же мне причину, чтобы достойно носить копье, чтобы идти перед женой и не испытывать угрызений совести, когда ее спина сгибается под

тяжкой ношей. Позвольте нам нападать на их шамба, уводить их женщин и угонять скот, и пускай они тоже нападают на нас. Не надо давать нам землю, когда мы повзрослели, дайте нам возможность *сражаться* за нее с другими племенами.

– Ты призываешь к войне, – заметил я.

– Нет, – ответил Мурумби. – Я призываю к тому, чтобы у нашей жизни появился хоть какой-то *смысл*. Вот ты упомянул мою жену и детей. Я не могу заплатить достойный выкуп – я должен ждать, пока не умрет отец и мне не достанется его скот или пока он не попросит меня вернуться в шамба. – Он укоризненно взглянул на меня: – Неужели ты не понимаешь, что мне остается надеяться либо на его милосердие, либо на его смерть? Уж лучше бы я украл женщину у масаи.

– Это не обсуждается, – сказал я. Кириньяга была создана для кикуйю, как и первоначальная Кириньяга в Кении.

– Я понимаю, это наша вера. Масаи тоже думают, что Нгаи создал Килиманджаро для них одних, – усмехнулся Мурумби. – Но я уже много дней думаю об этом, и знаешь, во что я верю? Я верю, что кикуйю и масаи были созданы друг для друга. Когда мы жили бок о бок в Кении, у каждого из наших племен были и цель, и смысл в жизни.

– Это оттого, что ты не знаешь историю Кении, – возразил я. – Масаи пришли с севера всего за столетие до европейцев. Это кочевники и бродяги, которые гоняют свои стада с одной зеленой поляны на другую. Кикуйю же – земледельцы, которые всегда жили на склоне священной горы. Мы жили рядом с масаи лишь считаные годы.

– Тогда дайте нам вакамба, луо, европейцев, в конце концов! – крикнул он, пытаясь скрыть свое отчаяние. – Ты так и не понял, что я хочу сказать. Не масаи мне нужны, а вызов!

– И этого же хотели Кейно, Ньюпо и Нбока?

– Да.

– И вы по-прежнему будете убивать себя, следуя их примеру, если так и не получите желанного вызова?

– Не знаю. Но я не хочу прожить жизнь, исполненную скуки.

– Сколько еще юношей в поселении испытывают те же чувства, что и ты?

– Сейчас? – уточнил Мурумби. – Я один. – Он замолчал, не мигая глядя на меня. – Но раз такие уже были, значит, они появятся снова.

– Не сомневаюсь, – тяжело вздохнул я. – Теперь, когда я понял природу проблемы, я вернусь к себе в бома и придумаю, как лучше решить этот вопрос.

– Такую проблему тебе не разрешить, мундумугу, это выше

твоих сил, – сказал Мурумби, – она часть того сообщества, которое ты так настойчиво стараешься сохранить.

– Нет проблемы, у которой нет решения, – промолвил я.

– Вот же она, – убежденно ответил Мурумби.

Я оставил его у пепелища, сильно сомневаясь, что он так уж неправ.

* * *

Целых три дня я провел в одиночестве на своем холме. Я не спускался в деревню, не совещался со старейшинами. Когда старому Сибоки понадобилась новая порция мази, я отправил ее с Ндеми, а когда настало время обновлять заклятия на пугалах, я объяснил Ндеми, как справиться с этим, и отправил его вместо себя, ведь я был занят куда более серьезной проблемой. В некоторых культурах, насколько мне было известно, самоубийство считалось весьма почетным способом разрешения определенных вопросов, но кикуйю никогда не относились к ним.

Более того, мы создали на этой планете Утопию, а признать самоубийства, происходящие время от времени, значило, что это не Утопия для всех, живущих здесь, что, в свою очередь, означало, что это вовсе не Утопия.

Однако мы строили Утопию в строгом соответствии с законами традиционного общества кикуйю, которое существовало в Кении до прихода европейцев. Именно европейцы, а вовсе не сами кикуйю, начали перемены в нашем обществе насильственными методами – следовательно, я никак не мог позволить Мурумби изменить наш образ жизни.

Самый очевидный выход из положения – это каким-то образом воодушевить его – и других, подобных ему, – на эмиграцию в Кению, но об этом не может быть и речи. Сам я получил образование в Англии и Америке, но кикуйю, живущие на Кириньяге, в большинстве своем были людьми, которые настаивали на традиционном образе жизни на Кириньяге (правительство Кении считало таких фанатиками и было только радо избавиться от них). Это означало, что они не только не справятся с техникой, пронизывавшей насквозь все кенийское общество, но и не смогут научиться ею управлять, поскольку не умеют ни читать, ни писать.

Поэтому Мурумби и те, кто наверняка последует за ним, не смогут улететь ни в Кению, ни куда-либо еще. Значит, они должны остаться.

Раз они остаются, то есть только три возможных выхода из

положения, каждый из которых никуда не годится.

Вариант первый: юноши будут время от времени сдаваться и заканчивать жизнь самоубийством, как четверо их товарищей. Этого я не мог позволить.

Второй вариант: они постепенно привыкнут к ленивой и праздной жизни, которую ведут многие мужчины кикуйю, и даже начнут наслаждаться ею и защищать ее, как и все прочие жители деревни. Этого просто не могло случиться.

И *третий вариант*: я мог принять предложение Мурумби и пустить масаи и вакамба на северные равнины, но это будет глумлением над всеми нашими усилиями сделать Кириньягу планетой для одних кикуйю. Этот вариант я даже не рассматривал, ибо я не позволю разразиться войне, которая уничтожит *нашу* утопию ради его утопии.

Три дня и три ночи я искал четвертый вариант. Утром четвертого дня, плотно завернувшись в одеяло, чтобы защититься от ночного холода, я вышел из своей хижины и разжег огонь.

Ндеми, как обычно, опоздал. Когда он наконец пришел, то сел на землю и, потирая правую ступню, объяснил, что подвернул ее, поднимаясь на холм. Однако я, ничуть не удивившись, подметил, что, уходя с моими бурдюками, он прихрамывал на левую ногу.

Вернувшись, он приступил к выполнению своих обычных обязанностей – собирал хворост и выметал сухие листья за пределы бома. Я молча наблюдал за ним. Я выбрал его себе в ученики и в преемники, поскольку он был самым умным и талантливым из всех детишек. Именно Ндеми придумывал новые игры и всегда был вожаком. Когда я проходил мимо стайки ребятишек, Ндеми первым просил меня рассказать какую-нибудь историю и быстрее всех улавливал скрытую мораль сказки.

Короче говоря, он был бы идеальным кандидатом для самоубийства через пару лет, если б я не предотвратил это, взяв его себе в помощники.

– Садись, Ндеми, – сказал я, когда он закончил подметать листья и бросил мусор на гаснущие угли костра.

Он опустился рядом со мной.

– Что мы будем изучать сегодня, Кориба? – спросил он.

– Сегодня мы просто поговорим, – сказал я. Он явно расстроился, и я быстро добавил: – У меня есть одна проблема, и я надеюсь, что ты поможешь мне ее решить.

Он опять оживился.

– Проблема – это юноши, что убивают себя, да? – поинтересовался он.

– Верно, – кивнул я. – Как ты думаешь, почему они это

делают?

Он пожал худенькими плечами:

– Не знаю, Кориба. Наверное, потому что они сумасшедшие.

– Ты действительно так считаешь?

Он снова пожал плечами:

– На самом-то деле – нет. Наверное, какой-то враг наложил на них проклятие.

– Не иначе.

– Да, точно, – уверенно повторил он. – Разве Кириньяга – не Утопия? Кто же откажется здесь жить?

– Я хочу, Ндеми, чтобы ты напрягся и вспомнил то время, когда ты еще не начал каждый день приходить ко мне.

– Я и так все помню, – ответил он. – Это было не так давно.

– Отлично, – ответил я. – А помнишь ли ты, чего ты хотел больше всего?

– Играть, – улыбнулся он. – И охотиться.

– Нет, нет, – я покачал головой. – Я не то имею в виду. Ты помнишь, чем ты хотел заниматься, когда станешь мужчиной?

Он нахмурился:

– Ну, хотел взять жену, обзавестись шамба.

– Почему ты нахмурился, Ндеми? – поинтересовался я.

– Потому что не хотел я этого, если честно, – ответил он. – Но другой ответ не приходит мне на ум.

– Напрягись и хорошенько подумай, – посоветовал я. – Думай сколько хочешь, потому что это очень важно, а я подожду.

Потянулись долгие минуты молчаливого ожидания, и наконец он повернулся ко мне:

– Я не знаю. Но мне бы не хотелось вести такую жизнь, какую ведут мой отец и братья.

– Так чего бы ты хотел?

Он беспомощно пожал плечами:

– Ну, другого чего-нибудь.

– Чего именно?

– Не знаю, – повторил он. – Чего-нибудь… – он поискал слово, – чего-нибудь более волнующего. – Он подумал над сказанным и удовлетворенно кивнул. – Даже у импалы, пасущейся в полях, более волнующая жизнь, потому что ей все время приходиться опасаться гиен.

– Но разве импала не предпочла бы, чтоб гиен вообще не было? – коварно ввернул я.

– Конечно, – кивнул Ндеми. – Потому что так бы ее никто не убил и не съел. – И тут же задумался. – Но ведь если бы не было гиен, ей бы не пришлось быстро бегать, а если бы она разучилась быстро бегать, она бы перестала быть импалой.

И вот тут-то передо мной и забрезжило решение.

– Значит, гиена делает импалу такой, какая она есть, – подвел итог я. – А следовательно, импале, так или иначе, необходимо какое-то животное, которого она будет бояться.

– Я не понимаю, Кориба, – он удивленно уставился на меня.

– Думаю, мне пришла пора стать гиеной, – задумчиво провозгласил я.

– Что, прямо сейчас? – взволнованно спросил Ндеми. – А можно, я посмотрю?

Я покачал головой.

– Нет, не прямо сейчас. Но скоро, очень скоро. Ведь если жизнь импалы определяет угроза, исходящая от гиены, я должен найти похожий способ определить судьбу тех юношей, которые сошли с истинного пути кикуйю, но не могут покинуть Кириньягу.

– А у тебя будут пятна, лапы, хвост? – надоедал вопросами Ндеми.

– Нет, – ответил я. – Но тем не менее я все равно стану гиеной.

– Не понимаю, – сказал Ндеми.

– Я и не ждал, что ты поймешь, – произнес я. – Зато Мурумби поймет.

Я понял, что тот вызов, в котором он так нуждается, ему может бросить лишь один человек на всей Кириньяге. И этим человеком был я.

* * *

Я послал Ндеми в деревню сказать Коиннаге, что хочу обратиться к совету старейшин. Позже я нацепил церемониальный головной убор, раскрасил лицо, чтобы сделать его устрашающим, и, наполнив кошель различными амулетами, направился в деревню, где в бома Коиннаге собрались все старейшины. Я терпеливо ждал, пока он объявит о моем намерении обсудить с ними серьезнейший вопрос – ибо даже мундумугу не разрешается выступать прежде вождя, – а затем встал и обратился к собранию лицом.

– Я бросил кости, – молвил я. – Я гадал по внутренностям козла и изучил рисунок мух на недавно умершей ящерице. Теперь знаю, почему Нгала с голыми руками вышел к стае гиен и почему умерли Кейно и Ньюпо.

Я помедлил для создания пущего драматического эффекта и удостоверился, что все внимательно слушают.

– Так скажи нам, кто наслал таху, – взмолился Коиннаге, – чтоб мы расправились с ним.

– Все не так просто, – ответил я. – Прежде выслушайте меня. Носитель таху – Мурумби.

– Да я убью его! – закричал Кибанья. – Он повинен в смерти моего Нгалы!

– Нет, – возразил я. – Вы не должны убивать его, ибо не он источник таху. Он просто переносчик.

– Корова, напившаяся отравленной воды, не является источником плохого молока, но мы все же убиваем ее, – настаивал Кибанья.

– Мурумби не виноват, – твердо заявил я. – Он невиновен, как и твой сын, и его нельзя убивать.

– Но кто же тогда наслал таху? – продолжал стоять на своем Кибанья. – Только кровь может смыть кровь моего сына!

– Это очень древнее таху, насланное на нас масаи, когда мы еще жили в Кении, – сказал я. – Тот человек уже мертв, но он был очень мудрым мундумугу, ибо таху пережило его. – Я вновь помолчал. – Я сражался с ним в мире духов, и не раз. Часто я побеждал, но иногда моя магия оказывалась недостаточно сильна, и тогда-то таху падало на одного из наших юношей.

– Как нам узнать, кто из юношей носит в себе таху? – спросил Коиннаге. – Или каждый раз придется ждать, пока кто-то умрет, чтобы убедиться, что на нем-то и лежало проклятие?

– Есть определенные способы, – ответил я. – Но известны они только мне. Когда я расскажу вам, что вы должны делать, я пойду по остальным деревням и навещу каждое поселение юношей, чтобы проверить, нет ли в ком-либо из них таху.

– Так скажи нам, что делать, – провозгласил старый Сибоки, тоже пришедший послушать меня, несмотря на боль в суставах.

– Вы не будете убивать Мурумби, – повторил я, – ибо он не виноват, что носит в себе таху. Но нельзя допустить, чтобы проклятие перешло на других, поэтому с сегодняшнего дня он – изгнан. Вы должны выгнать его из дома и никогда не принимать назад. Тот, кто поделится с ним кровом или пищей, навлечет на себя и свою семью то же проклятие. Я отправлю гонцов во все ближайшие деревни, чтобы к завтрашнему утру все знали, что он изгнанник, и прикажу, чтобы они, в свою очередь, также разослали гонцов во все стороны и чтобы через три дня на Кириньяге не осталось ни одной деревни, могущей принять его.

– Ужасное наказание, – прошептал Коиннаге, ибо кикуйю очень сострадательный народ. – Раз таху – не его вина, можем ли мы хотя бы оставлять ему еду на окраине деревни? Может, если он придет ночью, не увидит никого, не поговорит ни с кем, то

таху так и останется только в нем.

Я покачал головой:

– Все должно быть, как я сказал, иначе не могу обещать, что это таху не распространится на вас всех.

– И что, увидев его в полях, мы должны не подавать виду, что узнали его? – упорствовал Коиннаге.

– Увидев его, вы должны пригрозить ему копьями и прогнать прочь, – ответил я.

Коиннаге глубоко вздохнул:

– Пусть будет как ты сказал. Сегодня же мы изгоним его и всегда будем избегать его.

– Да будет так, – провозгласил я и покинул бома, направившись обратно на холм.

Вот так, Мурумби, – подумал я. – *Ты получил столь желанный вызов. Тебя учили использовать копье – теперь тебе придется есть только то, что ты добудешь с его помощью. Тебя воспитали в знании, что женщина должна строить хижину для тебя, теперь тебя от непогоды спасет только хижина, которую построишь ты сам. Ты был приучен к легкой жизни, а теперь ты должен будешь надеяться только на свой ум и силу. Никто тебе не поможет, никто не даст ни еды, ни крова, а я не отменю свой приказ. Это не идеальное решение, но лучшее, которое я смог найти в данных обстоятельствах. Тебе нужен был вызов, нужен был враг – вот тебе и то и другое*.

За следующий месяц я обошел все деревни Кириньяги и бóльшую часть времени провел в разговорах с юношами. Я нашел еще двоих, которых пришлось изгнать. Теперь подобные походы прочно вошли в список моих обязанностей.

Среди молодежи больше не было ни самоубийств, ни необъяснимых смертей. Но я время от времени задумываюсь над тем, что должно произойти с обществом, даже с утопией, как на Кириньяге, раз лучшие и самые способные объявляются изгнанниками, а остаются лишь те, кто с радостью готов вкушать плоды лотоса.

Немного знаний

КОГДА МАЙК попросил меня написать предисловие к рассказу из его цикла «Кириньяга», я был крайне взволнован. «Кириньяга» – одна из моих любимых книг в жанре фантастики и одна из тех редких классических книг, которые выходят за рамки этого жанра. Когда люди, которые не читают научную фантастику, говорят мне, что это потому, что они «просто не могут в это вникнуть», я протягиваю им экземпляр «Кириньяги», и мне не нужно говорить: «Попробуйте это, это не совсем научная фантастика, так что, я думаю, вам понравится». Я могу просто сказать: «Попробуйте, в этом суть научной фантастики, и я знаю – вам это понравится».

Итак, первое, что я сделал, когда Майк прислал мне по электронной почте «Немного знаний» для ознакомления, – это удалил файл, достал с полки мою драгоценную книгу в твердом переплете и прочитал ее от корки до корки. Рассказы, конечно, можно читать и ценить по отдельности, но я предпочитаю читать их как одну длинную историю, следя за эмоциональным развитием, наслаждаясь целым как чем-то большим, нежели отдельные части.

Тем не менее после многих лет и множества перечитываний «Немного знаний» остается одним из моих любимых рассказов. Как и другие рассказы в книге, она рассказывает о борьбе Корибы за сохранение традиций кикуйю в его утопической Кириньяге, в то время как силы

объединяются против него; но в отличие от других рассказов, где Майк использует притчи, чтобы пролить свет на суть дела, здесь вся суть в самих историях. Только через истории, как Майк рассказывает здесь, мы можем лучше узнать себя и других. Одних фактов недостаточно. Факты могут рассказывать о поверхности вещей, но истина скрыта где-то под ней.

«В моих историях заключены поэзия и традиция. Они обращаются к нашей расовой памяти, к тому, как было и как должно стать вновь», – говорит Кориба своему молодому ученику Ндеми, когда его утопия кикуйю рушится вокруг него. Майк, возможно, имел в виду все истории Кириньяги, когда вкладывал эти слова в уста Корибе, и всех нас, кто мечтает, что истории могут каким-то образом изменить мир. Я не могу считать это фактом. Но мне нравится думать, что это – скрытая истина.

Ник Дикарио

ОДНА ИЗ ПРЕЛЕСТЕЙ (их немного) в историях Кириньяги заключается в том, что Кориба рассказывает африканские притчи, чтобы донести свою точку зрения. Учитывая структуру этого искусственного мира, должен был наступить день, когда кто-то утверждал, что притчи – это не факты, и подкреплял свои аргументы фактами с единственного компьютера на планете. И когда этот кто-то избирается его преемником, Кориба обнаруживает, что «Немного знаний» может оказаться опасным. Это была

номинация на премию «Хьюго» за лучшую повесть 1995 года. 1995 год был для меня очень хорошим. Я получил «Хьюго» за «Семь видов ущелья Олдувай» и был номинирован на «Хьюго» за рассказ «Барнаби в изгнании» и в номинации «Лучший редактор».

Майк Резник

A Little Knowledge. *Первая публикация в журнале Asimov's Science Fiction в апреле 1994 года.*

Июль 2136 года

Было время, когда животные умели говорить. Львы и зебры, слоны и леопарды, птицы и люди – все, кто ходил по земле. Они трудились бок о бок, встречались и разговаривали о многих вещах, обменивались дарами и ходили в гости.

Затем настал день, когда Нгаи, который правит Вселенной со Своего трона на вершине Кириньяги (люди сейчас называют ее горой Кения), призвал всех Своих созданий предстать перед Ним.

– Я сделал для вас все, что мог, – сказал им Нгаи. Собравшиеся люди и звери наперебой стали восхвалять Его, но Нгаи простер руку, и они тут же умолкли.

– Я сделал жизнь для вас слишком хорошей, – продолжил Он. – За прошлый год никто из вас не умер.

– А что же в этом плохого? – спросила зебра.

– Вы ограничены своей природой, – сказал Нгаи, – слон не может летать, импала не умеет взбираться на деревья; точно так же и Я не умею обманывать. Итак, Я искренне говорю вам, что, коль скоро никто из вас не умер, я не могу вам сочувствовать, а без сочувствия не могу орошать леса и саванны своими слезами. А без воды травы и деревья засохнут и умрут.

Послышались жалобные стоны, и снова Нгаи заставил их замолчать.

– Я расскажу вам одну историю, – произнес Он, – и посмотрим, какие выводы вы из нее сделаете.

Было два муравейника. Обитатели одного из них были очень умны, а обитатели другого – очень глупы, и жили они по соседству друг с другом. Однажды пришла весть, что в их край направляется муравьед. Глупые муравьи никак не отреагировали, надеясь, что муравьед не обратит на них внимания и нападет на соседский муравейник. А обитатели мудрого муравейника

насыпали холм, который мог выдержать даже натиск муравьеда, собрали мед и сахар и запасли их под холмом.

Прибыв в муравьиное царство, муравьед сразу же напал на мудрых муравьев, но их постройка выдержала его напор, а муравьи внутри выжили, питаясь запасенными медом и сахаром. После многих дней бесплодной осады муравьед сдался и направился к муравейнику глупых муравьев и тем вечером славно поужинал.

Нгаи замолчал, и никто из Его созданий не осмелился попросить Его продолжать. Вместо этого они разошлись по домам и обсудили Его рассказ и стали готовиться к засухе. Прошел год, и наконец люди решили принести в жертву козла, и в тот самый день слезы Нгаи пролились на иссушенную и бесплодную землю. На следующее утро Нгаи снова призвал Своих созданий на священную гору.

– Как провели вы этот год? – спросил Он у них.

– Очень скверно, – простонал слон, который сильно исхудал и ослабел. – Мы поступили, как Ты наставлял нас, и построили большой холм, в котором запасли мед и сахар, но под холмом было тесно и жарко, а во всем мире не найдется столько меда и сахара, чтобы прокормить стадо слонов.

– Нам пришлось еще тяжелее, – поддержал его лев, который исхудал еще сильнее, – ведь львы не едят меда и сахара, а должны питаться только мясом.

Так каждый зверь рассказывал свою печальную историю. Наконец Нгаи повернулся к человеку и задал ему тот же вопрос.

– Мы провели этот год очень хорошо, – сказал человек. – Мы построили водохранилище и наполнили его водой еще до прихода засухи, а зерна запасли столько, чтобы его хватило до сегодняшнего дня.

– Я очень доволен вами, – ответил Нгаи. – Из всех Моих созданий лишь вы поняли смысл истории.

– Так нечестно! – возмутились животные. – Мы строили холмы, запасали сахар и мед, как Ты нам повелел!

– Я рассказал вам притчу, – ответил Нгаи, – а вы приняли ее за подлинную историю, не усмотрев заложенного в ней смысла. Я даровал вам способность мыслить, но раз вы не пользуетесь ею, то Я отберу ее у вас. А в качестве дополнительного наказания Я отберу у вас также и дар речи, ибо тем, кто не умеет думать, не нужно уметь говорить.

С того дня из всех созданий Нгаи только человек обладает способностью мыслить и говорить, и только человек умеет видеть истину за фактами.

* * *

Легко вообразить, что знаешь человека, если работал с ним, обучал его и направлял его мышление с младых лет. Легко думать, что можешь предсказать, как он будет реагировать в разных ситуациях. Легко думать, что знаешь, как работает его разум.

И если ты сам выбрал этого человека из подобных ему и вырастил для особой цели, как я выбрал и вырастил юного Ндеми в качестве своего преемника на посту *мундумугу*, знахаря и шамана, в терраформированном мире Кириньяги, то ты, естественно, будешь думать, что он будет верен и благодарен тебе.

Но даже мундумугу может ошибаться.

Не знаю, как и когда это началось. Я выбрал Ндеми своим помощником, когда он еще был *кехи* – необрезанным мальчишкой, – я кропотливо работал с ним, готовя его к должности, которую он однажды унаследует. Я выбрал его не за смелость, хотя он ничего не боялся, не за безграничный энтузиазм, а скорее за интеллект, ибо он был умнее всех детей Кириньяги, кроме, возможно, одной давно умершей девочки. Поскольку мы эмигрировали на эту планету, чтобы построить тут рай для кикуйю, далекий от искаженной копии Европы, которой стала Кения, считалось очевидным, что мундумугу – мудрейший из людей, что мундумугу не только толкует знамения и творит чары, но и является хранилищем знаний и культуры своего народа. День за днем я обогащал ограниченные знания Ндеми, учил его, как готовить целебные настойки из коры и плодов акации, показывал, как готовить мази, которые облегчают боль старикам, если погода выдалась холодная и влажная, заставлял его учить наизусть сотни заклинаний, которые требовалось налагать на пугала в поле. Я рассказывал ему тысячи притч, ибо у кикуйю есть притчи на любой случай, и мудрый мундумугу умеет подобрать нужную притчу к любой ситуации.

И наконец, когда он провел у меня в услужении уже шесть долгих лет – приходил ко мне на холм каждое утро, кормил моих кур и коз, разводил огонь в моем *бома*, наполнял мои бурдюки водой перед началом дневных занятий, – я провел его к себе в хижину и показал, как работать с компьютером. На всей Кириньяге есть только четыре компьютера. Остальные принадлежат Коиннаге, вождю нашей деревни, и двум равным ему по рангу вождям далеких кланов, однако их компьютеры могут только принимать и отправлять сообщения. Лишь моя машина подключена к базам данных Эвтопического Совета,

организации, которая даровала Кириньяге ее хартию, ибо лишь мундумугу наделен силой и мудростью, достаточной, чтобы получать информацию из европейских источников культуры и не стать жертвой их отравы.

Одна из основных функций моего компьютера – корректировка орбитальных параметров планеты, которые определяют смену времен года на Кириньяге, чтобы дожди шли по расписанию, растения плодоносили, а урожаи выдавались обильными. Наверное, она же и самая важная из всех обязанностей мундумугу перед его народом, поскольку от нее зависит выживание людей. Я много дней провел, обучая Ндеми премудростям компьютера, пока он не освоил их так же хорошо, как я, и смог легко общаться с ним. Утро, в которое я впервые заметил случившиеся с ним перемены, поначалу ничем не отличалось от всех прочих. Я проснулся, накинул одеяло на сухие плечи и с трудом вышел из хижины к костру, где и сидел, пока лучи солнца не прогнали из воздуха прохладу. Но, как обычно, огня не было. Ндеми поднялся на холм спустя несколько минут.

– *Джамбо,* Кориба, – сказал он, приветствуя меня обычной улыбкой.

– *Джамбо*, Ндеми, – сказал я. – Сколько раз я говорил тебе, что я стар и должен греться у огня, пока воздух не прогреется?

– Извини, Кориба, – произнес он. – Но когда я выходил из *шамба* моего отца, то увидел, как гиена гонится за одним из наших козлов, и вынужден был отпугнуть ее. – Он поднял копье, подтверждая сказанное. Я не мог не восхититься его находчивостью. Это было, наверное, уже тысячное опоздание, но он еще ни разу не повторился. Однако ситуация становилась недопустимой, и, когда он закончил дела по дому, а огонь согрел мои кости и прогнал боль, я подозвал его и велел сесть напротив.

– Какой у нас урок на сегодня? – спросил он, садясь.

– Урок будет позже, – сказал я, наконец сбросив одеяло с плеч, когда первый теплый ветерок дня пронес тонкое облачко пыли мимо моего лица. – Но сперва я поведаю тебе историю.

Он кивнул и стал внимательно слушать.

– Некогда жил вождь кикуйю, – сказал я, – который наделен был многими достойными качествами. Он был могучим воином, а на совете к его словам прислушивались. Но наряду с достоинствами имелся у него один недостаток.

Однажды он увидел, как девушка возделывает поле рядом с отцовским шамба, и немедленно влюбился. Он решил признаться ей в любви на следующий же день, но едва отправился в путь, как слон преградил ему дорогу, и тогда он отступил и дождался, пока слон уйдет. Когда он наконец достиг бома девушки, то

обнаружил, что молодой воин уже предлагает за нее выкуп. Однако девушка перехватила его взгляд и улыбнулась, так что, не падая духом, он решил навестить ее и на следующий день. В этот раз на его пути попалась смертельно ядовитая змея, и снова он прибыл к девушке позже, чем его соперник. И снова девушка одарила его обнадеживающей улыбкой, и он решил явиться к ней на третий раз.

Утром третьего дня он лежал на одеяле у себя в хижине и размышлял о том, как много должен рассказать девушке, желая впечатлить ее своей доблестью. Но к тому моменту, как он придумал лучшие слова, чтобы завоевать ее сердце, солнце уже садилось. Он бежал всю дорогу от своего бома к бома девушки, но оказалось, что соперник уже отдал за нее пятерых коров и тридцать коз.

Он ухитрился на миг остаться наедине с девушкой и осыпал ее заверениями в своей любви.

– Я тоже люблю тебя, – ответила она, – но ведь я ждала тебя каждый день и надеялась, что ты придешь, а ты всегда опаздывал.

– Но у меня были на то причины, – сказал он. – В первый день я встретил слона, а во второй мне дорогу пересекла ядовитая змея. – Он не решился открыть ей настоящую причину, по которой опоздал в третий раз, поэтому сказал: – А сегодня мне встретился леопард, и мне пришлось убить его копьем, чтобы убрать с дороги.

– Прости, – сказала девушка, – но я обещана другому.

– Ты не веришь мне? – возмутился воин.

– Неважно, правда это или ложь, – ответила она, – неважно, встречался ты со слоном, змеей или леопардом на самом деле или придумал их, но вышло так, как вышло: ты упустил любовь своего сердца, потому что опоздал.

Я остановился и поглядел на Ндеми.

– Ты понимаешь мораль этой истории? – спросил я.

Он кивнул.

– Не имеет значения, кружила гиена вокруг козла моего отца или нет, а важно лишь, что я опоздал.

– Ты прав, – сказал я.

Так обычно все и заканчивалось, и Ндеми приступал к учебе. Но в этот день все пошло иначе.

– Дурацкая сказка, – произнес он, окинув взглядом просторы саванны.

– Да? – сказал я. – Почему?

– Потому что она начинается с вранья.

– Какого вранья?

– Не было у кикуйю никаких вождей, пока британцы их не

назначили, – ответил он.

– Кто тебе такое сказал?

– Я узнал это от ящика, который светится жизнью сам по себе, – произнес он, наконец встретившись со мной взглядом.

– От моего компьютера?

Он снова кивнул.

– Я много беседовал с ним о кикуйю и много что узнал.

Он помолчал.

– Мы даже в деревнях не жили до эпохи Мау-Мау[21], а после британцы поселили нас кучно, чтобы проще было за нами надзирать. И именно британцы учредили должности племенных вождей, чтобы править их руками.

– Это правда, – признал я. – Но к моей истории это не имеет отношения.

– Но твоя история оказалась вымыслом с первой же фразы, – сказал он, – почему тогда остальное – правда? Почему бы просто не сказать: «*Ндеми, если ты снова опоздаешь, я тебя накажу вне зависимости от причины опоздания*».

– Потому что тебе важно понять, почему нельзя опаздывать.

– Но эта история – ложь. Все знают, что девушку сватают дольше трех дней. Она начинается со лжи и заканчивается ложью.

– Ты смотришь на поверхность вещей, – сказал я, глядя, как по ноге у меня ползет маленькое насекомое, потом щелчком сбил его. – Истина под поверхностью.

– Истина в том, что ты не хочешь, чтобы я опаздывал. При чем тут слон и леопард, которые вымерли задолго до нашего прибытия на Кириньягу?

– Послушай, Ндеми, – сказал я, – когда станешь мундумугу, тебе придется прививать своему народу определенные ценности, преподавать определенные уроки, и ты будешь обязан делать это в понятных им формах. Это в особенности касается детей, которые есть глина, из которой ты вылепишь следующее поколение кикуйю.

Ндеми долго молчал.

– Я думаю, ты ошибаешься, Кориба, – наконец произнес он. – Люди вполне способны тебя понять, если бы ты говорил с ними прямо. Но истории вроде тех, какую рассказал мне сейчас, полны лжи, а они думают, что это правда, ведь их произносят уста мундумугу.

– Нет! – резко бросил я. – Мы прибыли на Кириньягу жить так, как жили кикуйю до прихода европейцев, которые попытались превратить нас в безвольный народ, ныне именуемый кенийцами. В моих историях заключены поэзия и традиция. Они обращаются к нашей расовой памяти, к тому, как было и как

должно стать вновь.

Я помолчал, размышляя, как строить дальше разговор, потому что никогда прежде Ндеми так не упрямился.

– Ты сам всегда просил меня рассказать новую истории, и из всех детей ты первый находил сокрытый за ними смысл.

– Я был тогда младше, – сказал он.

– Ты тогда был кикуйю, – сказал я.

– Я и сейчас кикуйю.

– Ты сейчас кикуйю, познакомившийся с европейскими знаниями и европейской историей, – пояснил я. – Это неизбежно, если ты хочешь стать моим преемником на посту мундумугу, ибо хартия нам дана по милости европейцев, и ты должен будешь уметь общаться с ними и работать с их компьютером. Но твой величайший вызов как мундумугу и кикуйю – избежать извращения этими знаниями.

– Я не чувствую себя извращенным, – сказал он. – Я многое узнал из компьютера.

– Ты и должен был, – согласился я, глядя, как орлан-крикун лениво кружит над головой, и обоняя принесенный ветерком запах стада гну. – И при этом ты о многом позабыл.

– О чем я позабыл? – требовательно осведомился он. Орлан-крикун заложил петлю к земле и выхватил рыбу из речки. – Ты можешь меня испытать и увидишь, какая хорошая у меня память.

– Ты забыл, что подлинная ценность истории в том, что от нее получит слушатель, – сказал я. – Я мог бы просто приказать тебе не опаздывать, как ты предложил, но цель моей истории в том, чтобы ты своим умом понял, почему опаздывать не следует. – Я помолчал. – И ты также забываешь, что мы не должны пытаться стать европейцами по той причине, что мы уже однажды так попытались и стали только кенийцами.

Он молчал очень долго. Потом взглянул на меня.

– Можно пропустить сегодняшний урок? – попросил он. – Ты о многом заставил меня задуматься.

Я кивнул в знак позволения.

– Приходи завтра, и мы обсудим то, о чем ты думал.

Он встал и пошел вниз по извилистой тропе, ведущей с моего холма в деревню. И хотя на следующий день я прождал его до тех пор, пока солнце не поднялось высоко, он так и не явился.

* * *

Недавно оперившимся птенцам свойственно проверять свои способности к полету, а молодым людям – испытывать терпение

старших. Я не сердился на Ндеми, а просто ждал, пока он вернется, присмирев, и возобновит обучение.

Но теперь я остался без помощника, освобождавшего меня от повседневных дел, и поэтому вынужден был каждый день спускаться в деревню, заклинать пугала и садиться рядом с Коиннаге в совете старейшин. Я приносил новую мазь для больных суставов старого Сибоки и жертвовал козу, чтобы Нгаи благосклонно отнесся к планируемому замужеству Маруты с человеком из другого клана.

И, как всегда при таких обходах, меня сопровождали деревенские дети, умолявшие задержаться и рассказать им историю. Два дня я был слишком занят, поскольку у мундумугу много дел, но утром третьего дня у меня выдалась свободная минутка, и я собрал их вокруг себя в тени акации.

– Какую историю вы бы желали услышать? – спросил я.

– Расскажи нам о старых днях, когда наш народ еще обитал в Кении, – сказала девочка. Я улыбнулся. Они всегда просили рассказать им про Кению. Не то чтоб они знали, где Кения и что она значит для кикуйю. Но, когда мы жили в Кении, львы, носороги и слоны еще не вымерли, а детям нравятся истории, где животные говорят и оказываются умнее их, и эту мудрость они впитывают, пока я рассказываю.

– Отлично, – сказал я. – Я поведаю вам историю о глупом льве.

Они сели или опустились на корточки полукругом, с восторгом глядя на меня, и я продолжил:

– Однажды глупый лев жил на склонах священной горы Кириньяга, и поскольку он был глуп, то не поверил, что Нгаи даровал эту гору Гикуйю, первому из людей. И вот однажды утром…

– Это неправильно, Кориба, – сказал один из мальчиков.

Я всмотрелся в него слабыми глазами и увидел, что это Мдуту, сын Кареньи.

– Ты перебил своего мундумугу, – резко бросил я. – И, что еще хуже, ты осмелился ему противоречить. Почему?

– Нгаи не даровал Кириньягу Гикуйю, – произнес Мдуту, поднявшись с земли.

– Наверняка это было так, – возразил я. – Кириньяга принадлежит кикуйю.

– Этого не могло быть, – настаивал он, – ибо *Кириньяга* – слово не из языка кикуйю, это слово масаи. *Кири* означает «гора» на языке маа, а *ньяга* – «свет». Разве не более вероятно, что Нгаи даровал эту гору масаи, а наши воины отбили ее у них?

– Откуда ты узнал, что эти слова означают на языке масаи? –

потребовал я ответа. – Никто на Кириньяге не владеет этим языком.

– Ндеми нам рассказал, – ответил Мдуту.

– Ну так что ж, Ндеми ошибается! – вскричал я. – Истину передал Гикуйю через девятерых своих дочерей и девятерых зятьев, и она неизменна. Кикуйю – избранный Нгаи народ. Как дал Он копье и Килиманджаро масаи, так дал Он палку-копалку и Кириньягу нам. Кириньяга всегда принадлежала кикуйю и всегда будет им принадлежать!

– Нет, Кориба, ты ошибаешься, – сказал негромкий высокий голосок, и я развернулся взглянуть на нового спорившего. Я увидел малышку Тими, дочь Нджому, от силы семи лет, и она тоже встала, чтобы возразить мне.

– Ндеми говорит, что много лет назад кикуйю продали Кириньягу европейцу по имени Джон Бойес за шесть коз, и британское правительство заставило его вернуть ее нам.

– Ты кому веришь? – угрожающе спросил я. – Юноше, который прожил всего пятнадцать долгих дождей, или своему мундумугу?

– Не знаю, – бесстрашно ответила она. – Он называет нам места и даты, а ты рассказываешь побасенки про мудрых слонов и глупых львов. Очень трудно выбрать.

– Значит, вместо истории про глупого льва, – сказал я, – будет уместно поведать вам историю про самоуверенного мальчика.

– Нет-нет, – закричали некоторые дети, – про льва!

– Тихо! – бросил я. – Вы будете слушать то, что я вам расскажу!

Протесты смолкли, и Тими снова села.

– Жил-был умный мальчик, – начал я.

– Имя ему было Ндеми? – перебил Мдуту с улыбкой.

– Имя ему было Легион, – ответил я. – Не смей меня больше перебивать, иначе я уйду и вы не услышите от меня больше никаких историй до следующего времени дождей.

Улыбка исчезла с лица Мдуту, и он виновато склонил голову.

– Как я сказал, он был очень умен и работал в шамба своего отца, пас коз и коров. И поскольку он был умен, то все время размышлял и однажды придумал, как облегчить свои труды. Он пошел к отцу и сказал, что видел сон, и в этом сне они построили ограду, утыканную колючками, чтобы удерживать скот внутри, а гиен – снаружи, и он уверен, что если построить такую ограду с колючками, то больше не надо будет следить за скотом, а свободное время можно будет уделить другим вещам.

– Я рад, что ты пользуешься данным тебе умом, – сказал отец

мальчика, – но эту идею прежде уже испытывали европейцы. Если хочешь освободить себя от возложенных на тебя обязанностей, придумай другой способ.

– Но почему? – возразил мальчишка. – То, что ее придумали европейцы, не делает ее хуже. В конце концов, она же сработала, иначе бы они ее не использовали дальше.

– Ты прав, – отвечал его отец, – но что работает у европейцев, не всегда приносит пользу кикуйю. А теперь возвращайся к своим обязанностям и продолжай размышлять, ибо я уверен, что ты способен придумать идею получше.

Однако мальчик был не только умен, но и самонадеян, так что он отказался следовать совету отца, хотя отец был старше и мудрее. Все свободное время он проводил, сооружая ограду и оснащая ее колючками, и когда закончил приготовления, то загнал внутрь кораля отцовский скот, уверенный, что скот не выберется наружу, а гиены не отыщут пути внутрь. Завершив работу, он лег спать.

Я помолчал, осматривая слушателей. Большинство детей жадно слушали, пытаясь угадать, что будет дальше.

– Он проснулся от гневных криков отца и воплей отчаяния матери и сестер, вскочил и побежал на шум. Он обнаружил, что весь отцовский скот погиб. Ночью гиены, способные перекусить кость своими челюстями, перегрызли столбики, к которым крепилась ограда, скот в испуге бросился прямо на колючки и застрял в них, так что гиены их всех загрызли и сожрали.

Самоуверенный мальчик удивленно смотрел на бойню.

– Как это могло случиться? – спросил он. – Европейцы же применяли такую ограду, и с ними ничего не случалось.

– В Европе нет гиен, – ответил его отец. – Я же тебе говорил, что мы отличаемся от европейцев и что работает у них, не обязательно будет работать у нас, но ты меня не послушал, и теперь мы обречены на нищету, ибо за одну ночь твоя самонадеянность стоила мне скота, который я собирал всю жизнь.

Я замолк, ожидая их реакции.

– И это все? – спросил наконец Мдуту.

– Это все.

– И что это значит? – спросил другой мальчик.

– Ты мне скажи, – ответил я.

Мгновение-другое все молчали. Затем поднялась Балими, старшая сестра Тими.

– Это означает, что лишь европейцам можно пользоваться оградой с колючками.

– Нет, – сказал я. – Вам нужно не просто слушать, но и думать над услышанным.

– Это значит, – сказал Мдуту, – что способы, пригодные для европейцев, не сработают у кикуйю, и самонадеянно было бы думать, что они сработают.

– Верно, – сказал я.

– Неверно, – раздался позади знакомый голос, и я обернулся к стоявшему там Ндеми. – Это всего лишь означает, что мальчишка не додумался оплести колючей проволокой еще и столбики.

Дети посмотрели на него и закивали в знак согласия.

– Нет! – огрызнулся я. – Это означает, что мы обязаны отбросить все европейское, включая все их идеи, ибо они не для кикуйю.

– Но почему, Кориба? – спросил Мдуту. – В чем не прав Ндеми?

– Ндеми сообщает вам факты, – сказал я. – Но поскольку он тоже всего лишь самонадеянный мальчишка, то не может увидеть истину.

– А что это за истина, которую он не может увидеть? – настаивал Мдуту.

– Что если бы идея с оградой с колючками сработала, то на следующий день самоуверенный мальчик позаимствовал бы у европейцев другую, и следующую, и так продолжалось бы до тех пор, пока у него бы не осталось идей кикуйю и его шамба не превратилась в ферму европейца.

– Европа экспортирует зерно, – сказал Ндеми, – а Кения – импортирует.

– Что это значит? – спросила Тими.

– Это значит, – сказал я, – что Ндеми вкусил немного знаний, но пока не понимает, что плод этот опасен.

– Это значит, – возразил Ндеми, – что европейские фермы получают больше пищи, чем требуется для прокорма тамошних племен, а кенийские – недостаточно. А если это так, то некоторые европейские идеи, безусловно, могут оказаться полезны кикуйю.

– Наверное, тебе бы стоило носить обувь как европейцы, – огрызнулся я, – раз ты решил стать одним из них.

Он покачал головой.

– Я кикуйю, а не европеец. Но я не хочу быть невежественным кикуйю. Как мы можем оставаться самими собой, если твои басни скрывают от нас истину?

– Нет, – сказал я, – они ее открывают.

– Прости меня, Кориба, – сказал Ндеми. – Ты великий мундумугу, и я почитаю тебя более всех людей, но в этом ты ошибаешься. – Он помолчал, глядя на меня. – Почему ты никогда не рассказывал, что единственным периодом нашей истории,

когда все кикуйю объединились под властью одного вождя, было время, когда нами правил белый человек по имени Джон Бойес?

Дети изумленно ахнули.

– Если мы не будем знать, как это случилось, – продолжал Ндеми, – то как мы сможем предотвратить повторение подобного? Ты рассказываешь нам истории про войны с масаи, чудесные сказки об отваге и победах, но, если верить компьютеру, мы проиграли все войны, в которых сражались с ними. Разве нам не было бы полезно знать об этом, чтобы, случись масаи когда-нибудь прибыть на Кириньягу, мы не вступили бы с ними в бой, обманутые твоими историями?

– Кориба, это правда? – спросил Мдуту. – Это правда, что нашим единственным верховным вождем был европеец?

– И мы никогда не побеждали масаи? – спросил другой ребенок.

– Оставьте нас наедине, – приказал я, – а потом я дам ответы.

Дети неохотно поднялись и отошли на расстояние, где не могли бы подслушать разговор, потом остановились, глядя на нас с Ндеми.

– Зачем ты это сделал? – обрушился я на Ндеми. – Ты уничтожаешь их гордость кикуйю!

– Я не менее горд узнать правду, – сказал Ндеми. – Отчего не должны гордиться ею они?

– Мои истории сочинены так, чтобы внушить им отвращение к путям европейцев и вселить радость от того, что они – кикуйю, – объяснил я, с трудом сдерживаясь. – Ты подрываешь уверенность, необходимую им для того, чтобы Кириньяга оставалась нашей Утопией.

– Большинство из нас никогда не видели европейцев, – ответил Ндеми. – Когда я был младше, мне они часто снились, и в моих снах имели они клыки, как у львов, а их поступь сотрясала землю, точно слоновья. Ну и как подготовит это нас к тому дню, когда мы с ними встретимся?

– На Кириньяге вы с ними никогда не встретитесь, – сказал я. – А цель моих историй – удержать нас на Кириньяге. – Я помолчал. – В свое время мы никогда не встречали европейцев, а потом нас так ошеломили их машины, лекарства и религия, что мы сами попытались превратиться в европейцев, но стали лишь кем-то другим, но не кикуйю. Это не должно повториться.

– Но разве ты не уменьшишь вероятность повторения подобного, – проговорил Ндеми, – если откроешь детям правду?

– Я рассказываю им правду! – возразил я. – Это ты морочишь им головы фактами – фактами, которые ты почерпнул у европейских историков в европейском компьютере.

– А что, факты лгут?

– Дело не в этом, Ндеми, – сказал я. – Они – дети. Они должны учиться так, как учатся дети, как учился ты сам.

– А после того, как они подвергнутся обрезанию и станут взрослыми, ты расскажешь им факты?

Никогда еще он настолько близко не подходил к попытке открытого мятежа – и никто на Кириньяге, если уж на то пошло. Никогда прежде я не гордился ни одним юношей, как в этот миг – Ндеми; даже своим сыном, который решил остаться в Кении. Ндеми был умен, смел, и в его возрасте трудно было не бросать вызов авторитетам. Я решил, что предприму еще одну попытку убедить его, чтобы между нами окончательно не пролегла трещина.

– Ты по-прежнему умнейший из юношей Кириньяги, – сказал я откровенно, – так что я задам тебе вопрос и ожидаю достойного ответа. Ты доискиваешься до истории, а я – до истины. Как ты полагаешь, что важнее?

Он нахмурился.

– Это одно и то же, – ответил он. – История и есть истина.

– Нет, – возразил я. – История есть собрание фактов и событий, подверженное постоянным попыткам переосмысления. Она начинается как правда и превращается в сказку. Мои истории начинаются как сказки и потом становятся правдой.

– Если ты прав, – задумчиво произнес он, – то твои сказки важнее самой истории.

– Ну и отлично, – обрадованно заключил я, полагая, что вопрос исчерпан.

– Но, – добавил он, – я не уверен, что ты прав. Я должен еще подумать над этим.

– Думай, – сказал я. – Ты умный мальчик. Уверен, что ты придешь к правильным выводам.

Ндеми развернулся и пошел к шамба своей семьи. Дети, дождавшись, пока он скроется из виду, ринулись обратно и снова расселись вокруг меня тесным полукольцом.

– Ты ответишь на мой вопрос, Кориба? – спросил Мдуту.

– Я не помню, о чем ты спрашивал, – сказал я.

– Правда ли, что единственным нашим верховным вождем был белый?

– Правда.

– Но как это стало возможным?

Я долго размышлял над ответом.

– Я отвечу тебе, рассказав историю про девочку кикуйю, которая стала – но на очень непродолжительное время – царицей слоновьего народа, – ответил я.

– А какое это имеет отношение к истории о белом человеке, который стал нашим верховным вождем? – настаивал Мдуту.

– Слушай внимательно, – проинструктировал я его, – потому что, когда закончу, задам тебе много вопросов о моей истории, и еще до конца моего рассказа ты сам поймешь ответ на свой вопрос.

Он выжидательно наклонился вперед, и я начал рассказывать.

* * *

Я возвратился к себе в бома, чтобы пообедать. Поев, я решил немного вздремнуть в жаркие часы, ибо я стар, а утро выдалось длинное и изматывающее. Я отпустил коз и кур пастись на склоне холма, убежденный, что никто их не украдет, ведь на них метка мундумугу. Стоило мне разложить одеяло в тени под акацией, как я заметил у подножия холма две фигуры.

Сначала мне показалось, что это мальчики из деревни ищут скот, сбежавший с пастбища, но затем фигуры стали подниматься, и я наконец сфокусировал взгляд на них. Фигурой покрупнее была Шима, мать Ндеми, а поменьше – коза, которую она вела на веревке.

Наконец Шима, слегка выбившись из сил, достигла бома, поскольку непривычная к привязи коза то и дело пыталась вырваться.

– *Джамбо*, Шима, – поздоровался я, когда она вошла в бома. – Что заставило тебя привести козу на мой холм? Ты же знаешь, что тут пасутся только мои козы.

– Это мой подарок тебе, Кориба, – ответила женщина.

– Мне? – удивился я. – Но я же ничем тебе не помог, чтобы ты меня благодарила.

– Однако ты можешь. Ты можешь взять Ндеми обратно. Он хороший мальчик, Кориба.

– Но…

– Он больше никогда не опоздает, – пообещала она. – Он и правда спасал нашего козла от гиены. Он не стал бы лгать своему мундумугу. Он молод, но однажды может стать великим мундумугу. Я знаю, он может, если только ты его научишь. Ты мудр, Кориба, и ты сделал мудрый выбор в лице Ндеми. Не знаю, почему ты его прогнал, но если захочешь взять его обратно, то, обещаю, он никогда больше не будет вести себя плохо. Он просто стремится стать великим мундумугу, как ты. Хотя, – добавила она поспешно, – разумеется, он никогда не превзойдет тебя.

– Ты мне дашь сказать или нет? – раздраженно перебил я.

– Конечно, Кориба.

– Я не прогонял Ндеми. Он сам ушел.

Ее глаза полезли на лоб.

– Сам ушел?

– Он молод, а юности свойственен протест.

– Какой глупец! – сердито воскликнула она. – Он всегда был глупцом. И он поздний ребенок! Он на две недели переношен! Он все время думает, вместо того чтобы работать. Я очень долго считала, что на нем проклятие, но потом ты сделал его своим помощником, а меня – матерью будущего мундумугу, и вот он взял и сам все испортил!

Она бросила веревку, и коза пошла бродить вокруг бома, а сама стала бить себя кулаками в грудь.

– Ну за что меня прокляли? – возопила она. – Ну за что Нгаи послал мне такого глупого сына, потом обнадежил меня, когда направил его к тебе, а теперь проклял вдвойне, вернув его почти взрослым, но неспособным делать работу по дому? Кем он станет? Кто ж примет выкуп за невесту от такого глупца? Он уже слишком большой, чтобы сажать и убирать урожай. Уже слишком поздно выбирать ему невесту и копить выкуп за нее, а кончится все тем, что он поселится среди холостяков на опушке и будет выпрашивать еду. С моей удачей он и умереть нормально не сможет!

Она сделала паузу, набрала в грудь воздух и продолжила причитать, а потом завопила:

– За что Нгаи так меня ненавидит?

– Шима, успокойся, – сказал я.

– Тебе легко сказать! – всхлипнула она. – Твои надежды на будущее не рухнули.

– Мне недолго осталось строить планы на свое будущее, – сказал я. – Но меня тревожит будущее Кириньяги.

– Вот видишь? – Она снова стала причитать и бить себя в грудь. – Вот видишь? Я стала матерью парня, который уничтожит Кириньягу!

– Этого я не говорил.

– Кориба, что он натворил? – спросила она. – Ты мне только скажи. Я велю его отцу и братьям побить его, чтобы вел себя как следует.

– Побои не решат проблемы, – сказал я. – Он юн и сопротивляется моей власти. Так заведено. Вскоре он осознает свои ошибки.

– Я ему объясню, чего он рискует лишиться, и он поймет, что не должен тебе перечить, и тогда он вернется к тебе.

– Попробуй, – подбодрил я ее. – Я стар и еще многое должен

ему передать.

– Я сделаю, как ты скажешь, Кориба, – пообещала она.

– Хорошо, – сказал я. – А теперь вернись к себе в шамба и поговори с Ндеми, потому что у меня много других дел.

Но пока я не проснулся и не спустился обратно в деревню, чтобы присоединиться к совету старейшин, я не понимал, насколько много у меня дел на самом деле.

* * *

Обычно мы собираемся на совет в поздний послеполуденный час, когда жара спадает, в бома верховного вождя Коиннаге. Один за другим старейшины усаживаются полукругом, а я сажусь по правую руку от Коиннаге. В бома нет ни женщин, ни детей, ни животных, а когда прибывает последний старейшина, Коиннаге начинает собрание. Он объявляет, какие именно дела будут сегодня обсуждаться, и затем я прошу Нгаи помочь нам, чтобы мы приняли правильные решения. В этот день двое жителей деревни попросили совет старейшин определить, кому должен принадлежать теленок, рожденный совместно используемой ими коровой; Себана требовал, чтобы ему позволили развестись с младшей женой, которая уже три года не могла забеременеть; а трое сыновей Киджо остались недовольны тем, как между ними разделили наследство.

Коиннаге совещался со мной шепотом после того, как объявляли очередной вопрос повестки дня, и, как обычно, следовал моим советам. Теленка отдали человеку, который кормил корову во время беременности, дав понять другому, что ее следующий теленок предназначен уже ему; Себане сказали, что развестись с женой он, конечно, может, но выкуп за нее обратно не получит, и он предпочел ее оставить. Сыновьям Киджо было сказано, что они могут либо согласиться с текущим разделом имущества таким, либо, если двое из них согласятся, я положу в бурдюк три цветных камня и предоставлю каждому выбрать камень и символизируемое им шамба. Поскольку каждый понимал, что ему может достаться худший вариант, то только один проголосовал за такое решение, и, как я предполагал, требование отклонили.

В этот момент Вамбу, старшая жена Коиннаге, обычно входила с большим бурдюком *помбе*, мы его распивали и расходились по своим бома, но Вамбу не вошла, и Коиннаге нервно повернулся ко мне.

– Кориба, есть еще одно дело, – сказал он.

– Да?

Он кивнул, и я заметил, как напряжены его лицевые мышцы – он набирался смелости воспротивиться воле своего мундумугу.

– Ты сказал нам, что Нгаи вручил пылающее копье Джомо Кениате, дабы тот создал Мау-Мау и выгнал из Кении европейцев.

– Это правда, – ответил я.

– Разве? – усомнился он. – Мне рассказали, что сам Кениата был женат на европейке, что Мау-Мау не удалось изгнать европейцев со священной горы и что Джомо Кениата не было его настоящим именем. – Он почти обвиняюще посмотрел на меня, но было видно, как он боится вызвать мой гнев. – Кориба, что ты на это скажешь?

Я встретил его взгляд и долго выдерживал его, пока Коиннаге наконец не потупился. Затем я по очереди холодно оглядел всех членов совета.

– Значит, вы предпочли глупого юношу своему мундумугу? – обвинил я их.

– Мы не верим ему, но верим компьютеру, – сказал Каренья.

– Вы сами говорили с компьютером?

– Нет, – сказал Коиннаге. – Это нам тоже следует обсудить. Ндеми говорит, твой компьютер способен с ним общаться и рассказывает много всякого, а мой компьютер умеет только отправлять сообщения другим вождям.

– Это инструмент мундумугу, – ответил я, – и другим нельзя его использовать.

– Почему? – спросил Каренья. – Он знает много такого, чего не знаем мы. Мы могли бы многому научиться от него.

– Вы уже многому научились, – сказал я. – Он говорит со мной, а я – с вами.

– Но он говорит и со Ндеми тоже, – продолжал Каренья, – а если он может говорить с юношей, который недавно прошел обряд обрезания, то почему же не может говорить со старейшинами?

Я развернулся к нему и поднял перед собой обе руки ладонями вверх.

– Представь, что у меня в левой руке мясо импалы, добытой сегодня, – сказал я. – А в правой – мясо импалы, которую я убил пять дней назад и оставил на солнце. Его обсели муравьи, изгрызли черви, оно воняет. – Я помолчал. – Какой из двух кусков ты захочешь съесть?

– Тот, что в левой руке, – отозвался он.

– Но оба куска мяса добыты от импал одного и того же стада, – заметил я. – Обе импалы были одинаково здоровы и жирны, когда умерли.

– Но мясо в твоей правой руке прогнило, – сказал он.

– Это правда, – согласился я. – Как бывает хорошее и дурное мясо, так бывают хорошие и дурные факты. Факты, которые рассказывает вам Ндеми, взяты из книг, написанных европейцами, и эти факты могут означать для них не то, что для нас.

Я выдержал паузу, давая им осознать услышанное, и продолжил:

– Европеец смотрит на саванну и представляет там город, а кикуйю смотрит на ту же саванну и представляет себе шамба. Европеец может посмотреть на слона и увидеть слоновую кость, а кикуйю – пищу для своей деревни или разрушение для своих посевов. Но они смотрят на одну и ту же землю, на одно и то же животное. И вот еще что, – добавил я, снова обводя их взором. – Я учился в Европе и Америке, и из всех мужчин и женщин Кириньяги лишь я жил среди белых. И я говорю вам, что только я, ваш мундумугу, способен отделить хорошие факты от негодных. Неправильно было позволять Ндеми общаться с моим компьютером; я больше ему не позволю этого, пока не передам ему достаточно своей мудрости.

Я полагал, что мои слова закончат спор, но заметил признаки недовольства среди старейшин, словно они собирались мне возразить, но не набрались смелости. Наконец Коиннаге склонился вперед и, не глядя на меня, произнес:

– Кориба, ты разве не понимаешь, что следует из твоих слов? Если мундумугу может ошибаться, позволив мальчишке общаться с компьютером, то разве не может он ошибаться, не позволяя старейшинам общаться с компьютером?

Я покачал головой:

– Ошибка – это позволять любому кикуйю, кроме мундумугу, общаться с ним.

– Но мы можем столькому от него научиться, – настаивал Коиннаге.

– Чему? – упрямо спросил я.

Он беспомощно пожал плечами:

– Если бы я знал, то уже бы научился.

– Сколько можно повторять: у европейцев учиться нечему. Чем сильнее вы стараетесь им уподобиться, тем меньше в вас остается от кикуйю. Это наша Утопия, утопия кикуйю. Мы обязаны бороться, чтобы ее сохранить.

– Но ведь, – вставил Каренья, – даже слово *утопия* европейское, не так ли?

– Ты это тоже у Ндеми узнал? – спросил я, не скрывая недовольства.

Он кивнул:

– Да.

– Утопия – всего лишь слово, – ответил я. – Главное – идея.

– Если у кикуйю не было слова для нее, а у европейцев было, – сказал Каренья, – возможно, это – европейская идея. И если мы построили наш мир на основе европейской идеи, то, возможно, мы сможем использовать и другие европейские идеи.

Я посмотрел в их лица и понял – кажется, впервые, – что большинство первых старейшин Кириньяги уже умерли. Остался старый Сибоки, и по его лицу читалось, что европейские идеи внушают ему даже большее омерзение, чем мне самому, да, может, еще пара-тройка человек, но в целом это было уже новое поколение старейшин, выросших на Кириньяге и не помнящих, по какой причине мы так тяжко сражались за право попасть сюда.

– Если хотите превратиться в черных европейцев, отправляйтесь обратно в Кению! – с отвращением воскликнул я. – Там их полно!

– Мы не черные европейцы, – возразил Каренья, не давая сбить себя с темы. – Мы кикуйю, и мы думаем, что, возможно, не все европейские идеи вредоносны.

– Любая идея, несущая нам перемены, вредоносна, – сказал я.

– Почему? – спросил Коиннаге. Он осмелел, видя, что большинство старейшин на его стороне. – Где написано, что Утопия не должна расти и меняться? Будь это так, Утопия закончилась бы с рождением первого ребенка на Кириньяге.

– Сколько рас, столько и утопий, – сказал я. – Никто из вас не станет спорить, что Утопия кикуйю не идентична Утопии масаи или Утопии самбуру. И точно так же Утопия кикуйю не может быть европейской утопией. Чем ближе вы к одному, тем дальше от другого.

Они не нашлись что ответить, и я встал.

– Я ваш мундумугу, – проговорил я. – Я никогда не вводил вас в заблуждение. В прошлом вы всегда доверяли моим решениям. Вы должны доверять и сейчас.

Выходя из бома, я услышал за спиной голос Кареньи:

– Но если ты умрешь завтра, то новым мундумугу станет Ндеми. Ты считаешь, что мы должны будем доверять его решениям точно так же, как и твоим?

Я обернулся к нему:

– Ндеми очень молод и неопытен. Вы, как старейшины деревни, исходя из своей мудрости, будете решать, считаться с его советами или нет.

– Птица, просидевшая всю жизнь в клетке, не умеет летать, – произнес Каренья. – Цветок, все время закрытый от солнца, не

распустится.

– Ты это к чему? – спросил я.

– Разве нам не следует уже сейчас учиться пользоваться своей мудростью, чтобы мы не забыли, как это делается, когда Ндеми станет новым мундумугу?

На этот раз у меня не нашлось ответа, так что я развернулся на пятках и начал долгое обратное восхождение на свой холм.

* * *

Пять дней я был вынужден сам носить себе воду и разводить огонь, а затем, как я и ожидал, вернулся Ндеми.

Я сидел у себя в бома, лениво глядя, как стадо газелей пасется на другом берегу реки, когда заметил, как он поднимается на холм с выражением явного недовольства.

– *Джамбо*, Ндеми, – сказал я. – Рад снова видеть тебя.

– *Джамбо*, Кориба, – ответил он.

– Как прошел твой отпуск? – спросил я. В языке суахили нет слова, обозначающего отпуск, поэтому я использовал английский термин, так что юмор и сарказм прошли мимо внимания мальчика.

– Отец убедил меня вернуться, – сказал он и нагнулся погладить одну из моих коз. Я увидел на его спине рубцы – красноречивое свидетельство «убедительности».

– Рад, что ты вернулся, Ндеми, – сказал я. – Мы стали друг другу точно отец и сын, и мне больно, когда мы ссоримся; думаю, что и тебе тоже.

– Мне больно, – согласился он. – Я не люблю не соглашаться с тобой, Кориба.

– Мы оба допустили ошибки, – продолжил я. – Ты спорил со своим мундумугу, а я позволил тебе получить доступ к информации раньше, чем ты стал достаточно взрослым, чтобы ее понять. Мы оба достаточно умные люди, чтобы сделать выводы из своих оплошностей. Ты остаешься моим преемником. Давай сделаем вид, что ничего этого не было.

– Но ведь было, Кориба, – сказал он.

– Нам следует притвориться, что не было.

– Вряд ли мне это удастся, – сказал Ндеми недовольно, прикрыв глаза от неожиданного порыва ветра, принесшего пыль. – Я многое узнал, общаясь с компьютером. Как могу я перестать знать это?

– Если не перестать знать, – ответил я, – тогда придется игнорировать их, пока не повзрослеешь. Я – твой учитель.

Компьютер – всего лишь инструмент. Ты будешь пользоваться им, чтобы призывать дождь и время от времени посылать сообщения службе Техподдержки, и на этом все.

Черный коршун метнулся с небес и ухватил кусок моего завтрака, упавший рядом с догорающими угольями. Я наблюдал за птицей и выжидал, что ответит

Ндеми.

– Ты, кажется, встревожен, – сказал я, когда стало очевидным, что он не заговорит первым. – Что тебя беспокоит?

– Ты учил меня думать, Кориба, – эмоции отражались на его красивом юном лице. – Ты хочешь, чтобы я теперь перестал думать только потому, что я думаю не так, как ты?

– Ндеми, ну разумеется, я не хочу, чтобы ты перестал думать, – сказал я не без симпатии, поскольку хорошо себе представлял, какая война в нем бушует. – Что доброго может сделать мундумугу, если не способен мыслить? Но если можно метнуть копье правильным и неправильным способом, то точно так же можно и думать правильно и неправильно. Я лишь хочу указать тебе пути истинной мудрости.

– Мудрость будет ценнее, если я сам дойду до нее, – ответил он. – Я обязан узнать столько фактов, сколько смогу, и тогда буду решать сам, какие из них полезны, а какие – вредны.

– Ты все еще слишком молод, – сказал я. – Ты должен верить мне, пока не повзрослеешь и не сможешь принимать такие решения.

– Факты от этого не изменятся.

– Нет. А ты – изменишься.

– Но в лучшую ли сторону? – спросил он. – А если ты ошибаешься и, прислушиваясь к твоим советам, я стану таким, как ты, – а значит, тоже буду ошибаться?

– Если ты думаешь, что я ошибаюсь, зачем ты вернулся?

– Выслушать и принять решение, – ответил он. – И снова поговорить с компьютером.

– Этого я тебе не позволю, – сказал я. – Ты и так уже натворил проблем в племени. Из-за тебя они подвергают сомнению каждое мое слово.

– У этого есть причина.

– Может, ты расскажешь, в чем она? – спросил я, пытаясь скрыть сарказм, ведь я на самом деле любил мальчика и хотел вернуть его на свою сторону.

– Кориба, я много лет слушал твои притчи, – проговорил он, – и полагаю, что теперь сам смогу использовать твой метод, показав тебе эту причину.

Я кивнул и ждал продолжения.

– Эту историю следовало бы назвать историей о Ндеми, – продолжил он, – но поскольку я делаю вид, что я Кориба, то назову ее притчей о нерожденном льве.

Я подцепил насекомое со щеки и покатал его между пальцев, пока крошечный панцирь не треснул.

– Слушаю.

– Некогда в утробе матери жил-был нерожденный лев, которому не терпелось повидать мир, – начал Ндеми. – Он проводил много времени, обсуждая это со своими нерожденными братьями. *Мир будет для нас отличным местом,* заверял он их. *Там всегда будет сиять солнце, по равнинам будут бегать стада ленивых жирных импал, а другие звери будут склоняться перед нами, ведь в мире нет животного, могущественнее нас.*

Его братья, однако, просили его оставаться там, где он находился.

– Почему ты так спешишь родиться? – спрашивали они. – Тут тепло и безопасно, мы никогда не голодаем. Кто знает, чего нам ожидать в мире снаружи?

Но нерожденный лев не слушал их, и однажды ночью, пока его мать и братья спали, он выскользнул в мир. Он ничего не видел и стал толкать мать в бок, спрашивая:

– А где солнце?

Она сказала, что солнце исчезает каждый вечер, оставляя мир в холоде и мраке.

– По крайней мере, когда оно вернется завтра, – ответил он, пытаясь успокоить себя, – то озарит своим светом жирных ленивых импал, которых мы можем поймать и съесть.

А мать сказала:

– Тут нет импал, ибо с сезоном дождей они откочевали в далекие края. Из еды остались только буйволы. У них жесткая и безвкусная плоть, и в столкновениях с ними гибнет поровну и их, и нас.

– Если мой желудок пуст, то, по крайней мере, дух мой парит, – возразил новорожденный лев, – ибо остальные звери глядят на нас со страхом и завистью.

– Ты очень глупенький даже для новорожденного львенка, – ответила мать. – Леопард, гиена и орел увидят в тебе не объект зависти, а скорее вкусную еду.

– Но, по крайней мере, все они станут бояться меня, когда я вырасту, – сказал новорожденный лев.

– Носорог может нанизать тебя на свой рог, – сказала ему мать, – а слон – хоботом зашвырнуть высоко на деревья. И даже черная мамба не отступит перед тобой, но укусит и убьет, если ты попытаешься приблизиться.

Мать продолжала перечислять зверей, которым не присущи ни страх перед взрослыми львами, ни зависть им, и наконец львенок взмолился, чтобы она замолчала.

– Я совершил ужасную ошибку, родившись на свет, – заявил он. – Мир совсем не таков, каким я его себе представлял, и я хочу воссоединиться с моими братьями в тепле, уюте и безопасности.

Но мать лишь улыбнулась ему.

– О нет, – сказала она не без сострадания. – Как только ты рождаешься, по своему или по моему выбору, ты больше никогда не сможешь вернуться в утробу и стать нерожденным львом. Ты здесь, и здесь будешь всегда.

Закончив историю, Ндеми поднял глаза на меня.

– Это очень мудрая история, – сказал я. – Я бы сам не сочинил лучшей. С первого дня, когда я сделал тебя своим учеником, знал, что ты станешь превосходным мундумугу.

– Ты все еще не понимаешь, – ответил он уныло.

– Я отлично понимаю, о чем эта сказка, – ответил я.

– Но сказка – ложь, – сказал Ндеми. – Я рассказал ее лишь затем, чтобы показать, насколько просто сочинять такие вот лживые истории.

– Это совсем непросто, – поправил я. – Это искусство, доступное лишь немногим, и, когда я убедился, что ты в нем мастер, будет вдвойне печально потерять тебя.

– Искусство или нет, но это – ложь, – повторил он. – Если ребенок услышит эту историю и поверит ей, он будет считать, что львы умеют говорить, а дети могут рождаться на свет по собственному желанию.

Он помолчал.

– Было бы намного проще сказать тебе, что раз я получил знания, неважно – по своей воле или нет, то я не могу теперь очистить свой разум и избавиться от них. Львы не имеют к этому никакого отношения. – Он снова надолго замолчал. – И более того, я не хочу возвращать тебе полученные знания. Я хочу узнать больше, а не забывать уже выученное.

– Нельзя так говорить, Ндеми, – предостерег я его. – Особенно сейчас, когда я вижу, что мои старания принесли плоды, а твои таланты как рассказчика историй рано или поздно превзойдут мои. Ты станешь великим мундумугу, просто позволь мне направлять тебя.

– Кориба, я тебя люблю и уважаю не меньше, чем собственного отца, – ответил он. – Я всегда тебя слушал и пытался научиться у тебя, и я буду продолжать это, если ты мне позволишь. Однако ты не можешь быть единственным источником знаний. Я хочу также узнать то, чему способен меня

научить твой компьютер.

– Когда я решу, что ты готов.

– Я уже готов.

– Нет.

На лице его отображалась колоссальная внутренняя битва, и я мог лишь дожидаться ее завершения. Наконец Ндеми глубоко вдохнул и медленно выдохнул.

– Прости, Кориба, но я не могу продолжать рассказывать сказки, когда могу научиться истинам. – Он положил руку мне на плечо. – *Квахери, мвалиму*. Прощай, учитель.

– Что же ты станешь делать?

– Я не могу работать в шамба моего отца, – сказал он, – после всего, чему я научился. Но я не хочу и жить в изоляции среди холостяков на лесной опушке.

– И что же тебе остается? – спросил я.

– Я отправлюсь в ту область Кириньяги, которая называется Космопортом, и стану ждать прибытия следующего корабля Техподдержки. Я улечу в Кению и научусь там читать и писать, а когда овладею этими умениями, то стану учиться дальше, чтобы стать историком. И когда я стану достаточно хорошим историком, то вернусь на Кириньягу и начну учить тому, чему научился сам.

– Я бессилен удержать тебя от отъезда, – сказал я, – поскольку хартия нашего мира гарантирует всем гражданам право на эмиграцию. Но если ты вернешься, знай, что, как бы ни были мы близки, я буду противостоять тебе.

– Кориба, я не хочу становиться тебе врагом, – сказал он.

– И я не хочу враждовать с тобой, – ответил я. – Мы были тесно связаны.

– Но все, о чем я узнал, слишком важно для моего народа.

– Это и мой народ тоже, – заметил я. – Это я привел их к нынешнему состоянию, поскольку я всегда принимал решения, которые считал правильными для них.

– Вероятно, теперь им пора самим определяться, что для них будет наилучшим.

– Они не в состоянии делать такой выбор, – сказал я.

– Если они не в состоянии сделать такой выбор, то лишь потому, что ты скрыл знания, на которые у них прав не меньше твоего.

– Пожалуйста, как следует подумай над своим решением, – произнес я. – При всей моей любви к тебе, если ты посмеешь как-либо навредить Кириньяге, я раздавлю тебя, как насекомое.

Он грустно улыбнулся.

– Я шесть лет просил тебя научить меня, как превращать врагов в насекомых, чтобы можно было их давить. Значит, ты

наконец научил меня?

Я не выдержал и улыбнулся в ответ. Мне захотелось встать, протянуть к нему руки и обнять, но подобное поведение неприемлемо для мундумугу, так что я просто долго смотрел на него, а потом сказал:

– *Квахери*, Ндеми. Ты – лучший из них.

– У меня был лучший из учителей, – ответил он.

С этими словами он развернулся и пошел к далекому Космопорту.

* * *

Проблемы, спровоцированные Ндеми, не исчезли с его отлетом.

Нджоро пробурил рядом со своей хижиной скважину, и когда я пояснил, что кикуйю не роют скважины, а носят воду от реки, он ответил, что скважина, несомненно, приемлема, ведь это не европейская придумка, а идея народа тсвана, живущего далеко на юге от Кении. Я приказал засыпать все скважины. Тогда Коиннаге стал спорить, что в реке водятся крокодилы и что рисковать жизнями наших женщин ради бессмысленной традиции глупо, и мне пришлось пригрозить ему мощным *maxy*, проклятием, в данном случае – импотенцией, прежде чем он согласился. Потом Кидого – он было назвал своего первенца Джомо в честь Джомо Кениаты, Горящего Копья. Однажды он заявил, что отныне его мальчика следует называть Джонстоном, и мне пришлось пригрозить ему изгнанием в другую деревню, прежде чем он сдался. Но, несмотря на это, Мбура сам изменил свое имя на Джонстона и ушел в далекую деревню еще прежде, чем я успел ему это приказать. Шима продолжала рассказывать всем, кто ее слушал, что я прогнал Ндеми с Кириньяги за его частые опоздания на уроки, а Коиннаге продолжал требовать компьютер с возможностями как у моего.

Наконец, юный Мдуту построил собственный вариант ограды с колючками для скота своего отца, он соединил травяные веревки и шипы и оплел ими столбы, на которых держалась ограда. Я приказал ее снести, и он с тех пор всегда уходил, когда остальные дети собирались вокруг меня послушать сказку. Я чувствовал себя голландским мальчиком из сказки Ганса Христиана Андерсена. Стоило мне заткнуть пальцем одну дыру, как поток европейских идей прорывался в другом месте. А потом произошло совсем странное. Некоторые идеи, очевидно, не были европейскими, и Ндеми никак не мог бы о них рассказать

жителям деревни, но они проявились сами по себе.

Кибо, самая молодая из трех жен Коиннаге, вытопила жир из мертвого бородавочника и стала его жечь по ночам, создав первую на Кириньяге лампу. Нгобе, у которого не хватало силы в руках метать копье, изобрел очень примитивный лук со стрелами и стал первым кикуйю, использовавшим такое оружие. Каренья придумал деревянный плуг, который его бык мог тащить по полю, а его жены просто его направляли, и вскоре у всех остальных жителей деревни появились импровизированные плуги и причудливой формы приспособления для копания. Чужеродные идеи, дремавшие со времени создания Кириньяги, повсюду вырвались на поверхность. Слова Ндеми открыли ящик Пандоры, и я не знал, как его закрыть.

Я много дней одиноко сидел у себя на холме, смотрел вниз на деревню и размышлял, может ли Утопия развиваться и при этом все же оставаться Утопией.

И неизменно получался один и тот же ответ: да, но это будет не та же самая Утопия, а моя священная обязанность в том, чтобы Кириньяга оставалась утопией для кикуйю.

Убедившись, что Ндеми не вернется, я стал ежедневно посещать деревню, пытаясь определить, кто из детей самый умный и сильный, ведь для отражения натиска вторгавшихся в наш мир чужих идей требовались как ум, так и сила, ведь эти идеи начинали преобразовывать мир в то, чем он не должен становиться.

Я общался только с мальчиками, поскольку женщина не может быть мундумугу. Некоторым, вроде Мдуту, слова Ндеми уже заморочили головы, но те, кто не попал под его влияние, были еще безнадежнее, ибо разум не может открываться и замыкаться по желанию, а те, кто остался равнодушными к его рассказам, не обладали талантами, требуемыми от мундумугу.

Я стал расширять сеть поисков на другие деревни, уверенный, что где-нибудь на Кириньяге отыщется нужный мне ребенок, мальчик, способный отличить притчи, которые не только информируют, но и наставляют, от фактов, которые всего лишь информируют. Мне требовался Гомер, Иисус, Шекспир, кто-нибудь способный коснуться людских душ и аккуратно направить их на нужный путь.

Но чем дольше я искал, тем сильнее убеждался в том, что Утопии нельзя полагаться на подобных сказителей. Кириньяга словно разделилась на два совершенно различных лагеря: в одном были те, кто доволен жизнью и не испытывает потребности думать, а в другом – те, кого каждая мысль уводила все дальше и дальше от общества, которое мы стремились построить. У кого

нет воображения, тот не сможет сочинять истории, а те, кто им наделен, станут создавать собственные притчи, сказки, которые не послужат делу упрочнения веры в Кириньягу и отражения натиска чужих идей.

Спустя несколько месяцев я был вынужден отступить: вне зависимости от причин других кандидатов в мундумугу не нашлось. Я размышлял, оказался ли Ндеми уникален, или же он в любом случае отверг бы мои наставления, даже не случись ему испытать влияние европейского компьютера. Возможно ли, что истинная Утопия не переживет поколения ее создателей, что в природе человека – отвергать ценности общества, в котором он рожден, пусть даже самые священные?

А может ли быть так, что Кириньяга никогда и не являлась Утопией, может, мы впали в самообман, полагая, что сумеем воссоздать навеки исчезнувший уклад жизни?

Я долго обдумывал такую возможность и в конце концов отверг ее. Если это правда, то единственным логическим выводом будет – уклад жизни исчез оттого, что европейские ценности оказались для Нгаи привлекательнее наших, а это просто было неправдой.

О нет, если во Вселенной существует истина, то ее проявлением как раз и выступает тот факт, что Кириньяга именно такова, какой должна была быть, и если Нгаи решил подвергнуть нас испытанию на прочность, столкнув нас с подобными ересями, тем слаще окажется конечная победа над ложью европейцев. Если людские умы чего-то стоят, то за них стоит сражаться, и когда Ндеми вернется, вооруженный фактами, данными и числами, я буду ждать его.

Битва получится одинокой, думал я, неся пустые бурдюки к реке, но Нгаи не позволит нам проиграть, дав нам второй шанс построить Утопию для Своего народа. Пускай Ндеми искушает мой народ Своей историей и бездушной статистикой. У Нгаи есть оружие, самое старое и самое верное, оружие, которым Он сотворил Кириньягу, сохранил ее чистой и нетронутой несмотря на множество напастей.

Я заглянул в воду и критически изучил это оружие. Оно казалось старым и хрупким, но я видел и скрытые резервуары силы, поскольку, каким бы мрачным ни представлялось мне будущее, это оружие не могло потерпеть поражения, покуда оно служит Нгаи. Оружие, не моргая, уверенно смотрело на меня, воплощая правоту своего дела. Это было лицо Корибы, последнего сказителя кикуйю, который готовился снова сразиться за душу своего народа.

Когда умирают старые боги

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЭЛИТА, критикуя научную фантастику, часто уверена в том, что, поскольку действие произведений происходит в других мирах и в другое время, они не могут отражать состояние человека. Справедливости ради, бо2льшая часть научной фантастики и фэнтези действительно больше касается «ну и дела» и «вжик», чем мотивации персонажей и последствий их действий. «Когда умирают старые боги» Майка Резника – исключение из этого правила. Это история, которая острым и болезненным способом блестяще рассказывает о состоянии человека.

Эта история основана на многочисленных конфликтах – поколенческих, культурных, политических, духовных и даже личных. Обычно для всего этого потребовался бы роман (или три), но Майк делает это так искусно, что несколько слов или сцена оказывают влияние на многие главы. Каждый персонаж действует в своих личных корыстных интересах; и то, что эти корыстные интересы работают на уничтожение друг друга, придает истории большое значение и делает ее очень трагичной.

В центре повести «Когда умирают старые боги» – очень человечный персонаж, стоящий перед чудовищным выбором, и Майк Резник не гнушается попросить его дать очень человечный ответ на проблемы, стоящие перед ним. Это замечательная история, и ее нелегко

забыть.

Майкл Стэкпол

САГА О КИРИНЬЯГЕ подходила к концу. Как бы Кориба ни пытался сдержать прогресс и создать культуру, существовавшую до того, как она была испорчена европейцами, он проигрывал битву дюйм за дюймом, а затем произошел инцидент, который раз и навсегда определил его будущее и будущее Кириньяги. «Когда умирают старые боги» в 1996 году был номинирован на премии «Хьюго» и «Небьюла» за лучшую повесть.

Майк Резник

When the Old Gods Die. *Первое издание в журнале Asimov's Science Fiction в апреле 1995 года.*

Май 2137 года

Нгаи, Который правит Вселенной со Своего золотого трона на вершине священной горы Кириньяга, которую люди ныне зовут Кенией, сотворил Луну и Солнце и приказал им в равной степени господствовать над Землей.

Солнце должно было нести в мир тепло, и все создания Нгаи – процветать и расти под Его светом. Но даже Нгаи нужен сон, и во время Его сна Луна должна была присматривать за Его созданиями.

Но Луна оказалась двуличной и заключила тайный союз со Львом, Леопардом и Гиеной. Много ночей, пока Нгаи спал, Луна смотрела на Землю все время одной и той же стороной своего лица. В такое время хищники выходили на охоту – убивать и пожирать другие земные создания.

Наконец нашелся человек, *мундумугу*, знахарь и заклинатель, который понял, что Луна обманывает Нгаи, и стал думать, как решить эту проблему. Он мог бы обратиться к Нгаи, но был слишком горд для этого и заключил, что сам должен сделать так, чтобы пожиратели плоти больше не вступали в союз с ночной тьмой.

Он вернулся в свой *бома* и приказал никого к нему не

пускать. Девять дней и девять ночей он бросал кости, читал заговоры и смешивал зелья и когда на десятое утро появился из жилища, то был готов совершить задуманное.

Солнце стояло над головой, и он знал, что тьма не наступит, покуда Солнце озаряет землю своим светом. Он произнес заклинание и полетел в небо, навстречу Солнцу.

– Стой! – проговорил он. – Твоя сестра-Луна обратилась ко злу. Ты должно оставаться там, где находишься, иначе создания Нгаи продолжат погибать.

– А мне-то что до них? – ответило Солнце. – Я не вправе изменить своему долгу только потому, что моя сестра изменила своему.

Мундумугу поднял руку.

– Я не позволю тебе пройти, – сказал он.

Но Солнце лишь рассмеялось и двинулось дальше по своему пути. Достигнув мундумугу, оно сожгло его и извергло прах на землю, ибо даже величайшему мундумугу не под силу заставить Солнце свернуть со своего пути. Эту историю знали все мундумугу с тех пор, как Нгаи создал Гикуйю, первого человека. Из всех только один пренебрег ею.

Этим мундумугу был я.

* * *

Говорят, что с момента рождения, даже с момента зачатия, каждое живущее на свете существо начинает движение по предопределенной траектории, завершающейся его смертью. Если это справедливо в отношении всех живых существ, а кажется, что так, то тем более должно быть справедливо и для человека. Если это справедливо в отношении человека, то должно относиться и к богам, ибо они сотворили человека по образу и подобию своему.

Но знание этого не делает смерть легче. Я только что вернулся от Катумы, чей отец, старый Сибоки, наконец умер – не от болезни или травмы, а от бремени своих лет. Сибоки принадлежал к первым колонистам терраформированной планеты Кириньяга, он был членом совета старейшин, и, хотя под конец жизни сделался слаб умом так же, как телом, я буду скучать по нему так же, как по еще нескольким.

Когда я возвращался в деревню по длинной извилистой тропе вдоль реки, в конце которой находится мой бома, я вдруг с неожиданной ясностью осознал собственную смертность. Я ненамного моложе Сибоки и был достаточно старым, когда мы покинули Кению и переселились на Кириньягу. Я знал, что моя

собственная смерть не за горами, но надеялся ее встретить попозже, не из самолюбия, но оттого, что Кириньяга еще не была готова обойтись без меня. Мундумугу – это не просто шаман, который произносит заклятия, исцеляет или наводит порчу. Он – хранитель всех моральных и юридических правил, всех обычаев и традиций племени кикуйю, и я не уверен, что на Кириньяге найдется мой достойный преемник.

Жизнь мундумугу – суровая и одинокая. Люди, которым он служит, не столько любят его, сколько боятся. Это не его вина, а скорее – свойство должности. Он обязан поступать так, как, по его мнению, будет лучше для его народа, а значит, время от времени ему приходится принимать непопулярные решения.

Как же странно, что решение, низвергнувшее мою власть, оказалось в конечном счете совершенно посторонним моему племени.

Я бы должен был что-то заподозрить, ибо случайных разговоров не бывает. Проходя мимо пугал в полях на пути к бома, я столкнулся с Киманти, младшим сыном Нгобе, который гнал пару коз домой с утреннего выпаса.

– *Джамбо*, Кориба, – приветствовал он меня, прикрыв глаза от яркого солнца.

– *Джамбо*, Киманти, – сказал я. – Вижу, что отец уже доверяет тебе заботиться о козах. Вскоре настанет день, когда ты примешь на себя ответственность за весь его скот.

– Вскоре, – согласился он, предлагая мне баклажку с водой. – День жаркий. Не хочешь ли пить?

– Очень щедро с твоей стороны, – сказал я, принимая бурдюк и поднося его ко рту.

– Я всегда был щедр к тебе, разве нет, Кориба? – спросил он.

– Был, – ответил я подозрительно, поняв, что он собирается попросить меня о чем-то.

– Тогда почему ты оставляешь правую руку моего отца ссохшейся и бесполезной? – потребовал он. – Почему ты просто не наложишь заклятие и не сделаешь ее такой же, как у других?

– Не так все просто, Киманти, – сказал я. – Не я сделал так, что у твоего отца рука усохла, но Нгаи. Он бы не поступил так без причины.

– И по какой же причине был искалечен мой отец? – спросил Киманти.

– Если желаешь, я принесу в жертву козу и спрошу у Нгаи, почему Он так поступил, – сказал я.

Киманти обдумал мое предложение и покачал головой:

– Мне неинтересен ответ Нгаи, если он ничего не изменит. – Он помолчал, задумавшись. – Как ты думаешь, долго еще Нгаи

останется нашим богом?

– Вечно, – ответил я, удивившись вопросу.

– Но это невозможно, – серьезно произнес мальчик. – Нгаи не мог быть нашим первоначальным богом, если Он такой *мтото*. Он, наверное, убил старых богов, когда Сам был молод и могуч. Но Он уже долго был богом, и настало время, чтобы кто-нибудь убил Его Самого. Возможно, у нового бога будет больше сочувствия моему отцу.

– Нгаи сотворил мир, – сказал я. – Он создал кикуйю, масаи и вакамба, и даже европейцев. Он создал также священную гору Кириньяга, в честь которой названа эта планета. Он существовал от начала времен и будет существовать до конца.

Киманти снова помотал головой.

– Если Он так долго живет, Он явно близок к смерти. Вопрос лишь в том, кто Его убьет. – Он задумчиво помолчал. – Я бы сам попытался, будь я старше и сильнее.

– Возможно, – согласился я. – Но, прежде чем попытаешься, позволь, я тебе расскажу историю про царя зебр.

– Это история про Нгаи или про зебр? – спросил он.

– Ты бы сначала послушал, – сказал я. – Потом *сам* мне скажешь, о чем она.

Я осторожно опустился на землю, а мальчик сел на корточки рядом.

– Было время, – начал я, – когда полос у зебр не было. Зебры тогда были такие же коричневые, как сухая трава в саванне, такие скучные на вид, как ствол акации. И поскольку этот цвет их защищал, то лев или леопард редко замечали их: хищникам было куда проще углядеть и выследить топи, импал или антилоп гну.

Однажды у царя зебр родился сын – но не нормальный сын, поскольку у него не было ноздрей. Царь зебр сперва опечалился, а затем разгневался, что с ним такое случилось. Чем больше он думал о случившемся, тем сильнее становился его гнев. В конце концов он взошел на священную гору, поднявшись до пика, с которого Нгаи правил миром со своего золотого трона.

– Ты пришел вознести Мне хвалу? – спросил Нгаи.

– Нет! – отвечал царь зебр. – Я пришел сказать, что Ты ужасный бог, и я здесь, чтобы убить Тебя.

– Что Я такого сделал, чтобы ты пожелал убить Меня? – спросил Нгаи.

– Ты послал мне сына, у которого нет ноздрей, и поэтому он не почувствует приближения льва или леопарда, из-за этого им не составит труда найти его и убить, как только он выберется у матери из-под бока. Ты был богом слишком долго и позабыл, что такое сочувствие.

– Погоди! – сказал Нгаи, и Его голос внезапно исполнился такой властности, что царь зебр застыл на месте. – Если таково твое желание, Я дарую твоему сыну ноздри.

– Так почему же Ты сначала так жестоко обошелся с ним? – потребовал король зебр, все еще не вполне успокоившись.

– Причины божественных поступков таинственны, – отвечал Нгаи, – и что тебе кажется жестокостью, в действительности может оказаться сочувствием. Ты был благородным и добрым правителем, и за это Я даровал твоему сыну глаза, способные видеть в темноте сквозь буш и даже сквозь деревья. Поэтому твоего сына никогда не застали бы врасплох ни лев, ни леопард, даже если бы те подкрадывались так, что ветер дул бы в удобную для них сторону. Благодаря такому дару твоему сыну не были нужны ноздри. Я забрал их, поскольку твоему сыну не нужно было вдыхать пыль, от которой задыхаются зебры в сухое время года, принюхиваясь к воздуху. Но теперь Я возвращаю ему обоняние и отниму его особое зрение, раз ты сам потребовал этого.

– Значит, у Тебя *была* причина так поступить, – застонал царь зебр. – И как же я оказался таким глупцом?

– Ты стал им в тот миг, когда решил, что превосходишь Меня величием, – ответствовал Нгаи, поднявшись во весь Свой истинный рост, а был Он выше облаков. – И в наказание за твою наглость с этого мгновения Я лишаю тебя и твое племя коричневой масти, которая позволяла вам оставаться малозаметными в сухой траве. Теперь вы станете черно-белыми, полосатыми. Такой окрас будет привлекать внимание львов и леопардов издалека. И куда бы вы теперь ни подались, никогда больше вы не сможете от них спрятаться.

И, сказав так, Нгаи махнул рукой. И в тот же миг все зебры на свете вдруг обрели ту самую черную масть в белую полоску, какими их можно видеть и посейчас.

Я остановился и посмотрел на Киманти.

– Это конец? – спросил мальчишка.

– Это конец.

Киманти уставился на ползущую в грязи многоножку.

– Зебра была совсем маленькая и не могла сказать отцу, что у нее особое зрение, – ответил он наконец. – У моего отца рука уже много сезонов дождей как усохла, и единственное объяснение, какое он от тебя получил, так это что пути Нгаи неисповедимы. У него нет никаких особых чувств взамен утраченного. Ведь если б они были, он бы уже, несомненно, знал о них.

Киманти задумчиво взглянул на меня.

– Это интересная история, Кориба, и мне жаль царя зебр, но я

все же думаю, что очень скоро должен явиться новый бог и убить Нгаи.

Так мы сидели: старый мундумугу, у которого на каждый случай была притча, и глупый молодой *кехи*, необрезанный мальчишка, у которого знаний о мире не больше, чем у головастика. Полные противоположности друг другу.

Лишь бог, наделенный чувством юмора Нгаи, мог устроить так, чтобы слова кехи оказались правдой.

* * *

Все началось, когда разбился корабль.

(Есть обозленные мужчины и женщины, которые заявляют, что начало всему было положено в тот день, когда Эвтопический Совет предоставил Кириньяге хартию, но они ошибаются.)

Корабли Техподдержки летают между утопическими мирами, кому-то поставляя товары, кому-то почту, некоторым оказывая разные услуги. Только у Кириньяги нет никакого трафика с Техподдержкой. Им разрешено наблюдать за нами (это условие прописано в нашей хартии), но они не имеют права вмешиваться. Поскольку мы намерены были создать утопию кикуйю, то не собирались торговать с европейцами.

Тем не менее корабли Техподдержки время от времени приземляются на Кириньяге. В нашей хартии также записано, что если какой-либо гражданин почувствует себя несчастным в нашем мире, то ему лишь нужно прийти в место, именуемое Космопортом, и корабль Техподдержки заберет его либо на Землю, либо в иной эвтопический мир по его выбору. Однажды корабль Техподдержки привез двух иммигрантов, а в очень ранний период истории Кириньяги – представителя Техподдержки, которому вздумалось вмешаться в наши религиозные ритуалы.

Я не знаю, почему в тот день корабль так близко подлетел к Кириньяге. Я не просил Техподдержку подкорректировать орбитальные параметры, поскольку сезон коротких дождей не должен был начинаться еще два месяца, а пока тянулись жаркие, ясные и неизменные дни. Насколько мне известно, никто из жителей деревни в тот день не приходил в космопорт, а значит, ни один корабль Техподдержки не должен был лететь на Кириньягу. Но факт остается фактом: в одно мгновение небо было чистым и голубым, в другое – огненный шар несется вниз и врезается в поверхность планеты. Раздался взрыв. Я не видел его, но слышал звук и наблюдал последствия: скот забеспокоился,

стада импал и зебр забегали туда-сюда в панике.

Примерно через двадцать минут юный Джинджа, сын Кичанты, прибежал ко мне на холм и к моему бома.

– Кориба, ты нужен! – крикнул он, задыхаясь.

– Что произошло? – спросил я.

– Разбился корабль Техподдержки! – ответил мальчик. – Пилот еще жив.

– Он сильно пострадал?

Джинджа кивнул:

– О да, очень сильно. Я думаю, ему недолго осталось.

– Я стар, – сказал я, – и наверняка не успею добраться до места, где лежит пилот. Лучше бы ты взял трех юношей из деревни и принес его сюда на носилках.

Джинджа убежал, а я пошел к себе в хижину посмотреть, что найдется из снадобий, способных облегчить боль пилота. У меня нашлось немного листьев ката на случай, если он в силах будет жевать, и несколько мазей на случай, если нет. Я сел за компьютер и вызвал Техподдержку. Я сообщил, что обследую раненого и отпишусь о его состоянии.

В былые годы я бы послал к реке своего помощника принести воды, чтобы вскипятить ее и промыть раны, но помощника у меня больше не было, а таскать воду мундумугу не положено, поэтому я просто стал ждать на холме, глядя в направлении места катастрофы. Начался травяной пожар, к небесам поднялся столб дыма. Я видел, как Джинджа и другие тащат через саванну носилки. Топи, импалы и даже буйвол убегали с их пути, а потом они сами пропали из виду почти на десять минут. Когда появились снова, стало ясно, что на носилках лежит человек.

Прежде чем они достигли моего бома, из деревни пришел Каренья, пройдя длинной извилистой тропой.

– *Джамбо*, Кориба, – сказал он.

– Ты что здесь делаешь? – спросил я.

– Вся деревня уже знает, что корабль Техподдержки потерпел крушение, – сказал Каренья. – Я никогда еще не видел европейцев. Я пришел посмотреть, действительно ли его лицо белое, словно молоко.

– Тебя постигнет разочарование, – сказал я. – Мы их называем белыми, но в действительности их кожа скорей розовая или загорелая.

– Пусть так, – отвечал он, садясь на корточки. – Я никогда еще не видел их.

– Как пожелаешь, – пожал я плечами.

Джинджа и мальчишки прибыли с носилками через несколько минут. На них, скорчившись, лежал пилот. У него были сломаны

руки и ноги, а кожа почти вся обгорела. Он потерял много крови, и она продолжала сочиться из некоторых ран. Он был без сознания, но дышал с регулярными интервалами.

– *Ашанте сана,* – сказал я им. – Благодарю вас. Вы сегодня славно потрудились.

Я отправил одного из них наполнить мои бурдюки водой. Трое остальных поклонились и начали спускаться по холму, а я занялся приготовлением мазей, выбрав ту, что причинит наименьшее раздражение при нанесении на ожоги.

Каренья наблюдал за происходящим с восторженным восхищением. Дважды я был вынужден прикрикнуть на него, чтобы он не трогал светлые волосы пилота. Солнце перемещалось по небу, и он помог перенести пилота в тень.

Затем я осмотрел раны пилота, пошел в хижину, включил компьютер и снова вызвал Техподдержку. Я рассказал, что пилот еще жив, но у него сломаны все конечности, тело покрыто ожогами, что он в коме и вскоре наверняка умрет.

Мне ответили, что они уже отправили медика, который прибудет через полчаса, и надо, чтобы кто-то встретил посланника в космопорту и проводил к моему бома. Поскольку Каренья все еще смотрел на пилота, я приказал ему встретить корабль и привести ко мне врача.

Следующий час пилот не шевелился. По крайней мере, я не думаю, что он шевелился, хотя и сам задремал под деревом на несколько минут, поэтому не уверен. Меня разбудил женский голос, говорящий на языке, которого я не слышал много лет. Я поднялся, превозмогая боль в костях, и как раз вовремя, чтобы приветствовать медика из службы Техподдержки.

– Вы, верно, Кориба, – сказала она по-английски. – Я пыталась выспросить подробности у человека, который меня встречал, но мне кажется, он не понял ни слова.

– Я Кориба, – ответил я по-английски.

Она протянула руку.

– Я доктор Джойс Уизерспун. Могу я увидеть пациента?

Я отвел ее туда, где уложили пилота.

– Вы знаете его имя? – спросил я. – Мы не нашли никаких указаний.

– Сэмюэль или Сэмюэльс, не уверена, – ответила она, опускаясь на колени рядом с ним. – Он в тяжелом состоянии.

Менее чем за минуту она провела беглый осмотр.

– На Базе можно было бы куда больше сделать, но я боюсь его перемещать в таком состоянии.

– Можем его за час доставить в космопорт, – сказал я. – Чем скорее он окажется у вас в госпитале, тем лучше.

Она покачала головой.

– Думаю, он должен оставаться здесь, пока ему не станет получше.

– Я подумаю, – сказал я.

– Нечего тут думать, – сказала она. – Я как врач могу вас заверить, он слишком слаб и не перенесет транспортировки.

Она показала, где кожу голени пилота проткнула сломанная кость.

– Нужно посмотреть, нет ли еще сломанных костей и не попала ли инфекция.

– Вы можете это сделать у себя в госпитале, – сказал я.

– Здесь я могу это сделать с куда меньшим риском для жизни пациента, – ответила она. – Кориба, в чем проблема?

– Проблема в том, *мемсааб* Уизерспун, – сказал я, – что Кириньяга – это Утопия кикуйю. Здесь отвергаются все европейские ценности, включая и вашу медицину.

– Я не собираюсь лечить кикуйю, – сказала она. – Я пытаюсь спасти пилота Техподдержки, которому не повезло разбиться на вашей планете.

Я долго смотрел на пилота.

– Хорошо, – сказал я. – Ваше возражение логично. Можете обработать его раны.

– Спасибо, – отозвалась она.

– Но он обязан будет покинуть планету через три дня, – продолжал я, – я не намерен дольше этого срока рисковать культурным загрязнением.

Она взглянула на меня, словно собираясь поспорить, но промолчала. Открыла аптечку и что-то вколола в руку пилота. Успокоительное или болеутоляющее, а может, комбинацию препаратов.

– Она ведьма! – выдохнул Каренья. – Смотрите как она протыкает ему руку металлическим шипом! – Он зачарованно глядел на пилота. – Нет, ну уж теперь он точно умрет.

Джойс Уизерспун работала до поздней ночи, промывая раны пилота, скрепляя сломанные кости и усмиряя лихорадку. Я не понял, когда заснул, когда проснулся, вздрогнув от холода в утреннем воздухе сразу после рассвета, то женщина спала, а Каренья ушел.

Я зажег костер и сидел рядом с ним, завернувшись в одеяло, пока солнце не прогрело воздух.

Вскоре проснулась Джойс Уизерспун.

– Доброе утро, – поздоровалась она, увидев, что я сижу на некотором отдалении.

– Доброе утро, мемсааб Уизерспун, – отвечал я.

– Который час?

– Утро.

– В смысле, сколько времени в часах и минутах?

– На Кириньяге нет часов и минут, – сказал я. – Только дни.

– Мне нужно посмотреть на Сэмюэльса.

– Он жив, – сказал я.

– Конечно, жив, – ответила она. – Но бедняге потребуется пересадка кожи, и, возможно, он потеряет правую ногу. Он еще долго будет приходить в себя.

Она помолчала, озираясь.

– А… э-э… а где тут можно умыться?

– У подножия холма течет река, – сказал я. – Но сначала надо стукнуть по воде, чтобы спугнуть крокодилов.

– Что ж это за утопия, если у вас крокодилы? – улыбнулась она.

– А что это был бы за Эдем, если бы в нем не было змей? – ответил я.

Она рассмеялась и пошла вниз по склону. Я отхлебнул из бурдюка, погасил огонь и разбросал пепел. Из деревни прибежал мальчишка отвести моих коз на выпас, другой принес дрова и взял бурдюки к реке чтобы наполнить водой.

Когда минут через двадцать от реки вернулась Джойс Уизерспун, то она была не одна. Ее сопровождали Кибо, третья и самая молодая жена вождя Коиннаге, а с Кибо, на руках, ее сын-младенец, Катабо. Левая рука ребенка так распухла, что увеличилась в размерах вдвое, и цвет у нее был очень нехороший.

– Я увидела, как эта женщина стирает белье у реки, – сказала Джойс Уизерспун, – и заметила, что у ее ребенка сильное заражение руки. Похоже, что его укусило насекомое. Я жестами убедила ее подняться сюда.

– Почему ты не принесла Катабо ко мне? – спросил я у Кибо на суахили.

– Потому что в последний раз ты у меня потребовал двух коз, а ребенок все равно проболел много дней, и Коиннаге меня побил, что я тебе зря коз отдала, – сказала она, настолько испугавшись, что рассердила меня, что даже не подумала солгать.

Пока Кибо говорила, Джойс Уизерспун стала приближаться к ней и Катабо, держа в руке шприц.

– Это антибиотик широкого спектра действия, – пояснила она мне. – В растворе также содержатся стероиды, которые предотвратят зуд или остаточный дискомфорт от инфекции.

– Стойте! – бросил я по-английски.

– В чем дело?

– Вы не имеете права, – сказал я. – Вы здесь только для того,

чтобы лечить пилота.

– Это ребенок, – сказала она, – и он страдает. Я за две секунды укол сделаю, и ему станет легче.

– Я не могу вам этого позволить.

– Что с вами такое? – спросила она. – Я читала о вас. Вы можете одеваться как дикарь и сидеть в грязи костра, но вы учились в Кембридже, а кандидатскую защищали в Йеле. Вы понимаете, как легко я могу прекратить страдания ребенка.

– Дело не в этом, – сказал я.

– А в *чем*?

– Вы не имеете права лечить его. Это сейчас может показаться спасением, но с нами такое уже происходило. Мы приняли европейскую медицину, а затем их религию, одежду и законы с обычаями, и кончилось дело тем, что мы перестали быть кикуйю и превратились в новую расу, расу чернокожих европейцев, которые называют себя просто кенийцами. Мы прибыли на Кириньягу с намерением не допустить повторения подобного.

– *Он* не узнает, отчего ему стало легче. Вы можете приписать это своему богу или себе, мне неважно.

Я покачал головой.

– Я ценю ваше сострадание, но не могу позволить вам осквернить нашу утопию.

– Вы только поглядите на него, – сказала она, ткнув пальцем в распухшую ручку Катабо. – Кириньяга – это *его* утопия, да? А где написано, что в утопиях должны обитать больные и страдающие дети?

– Нигде.

– Ну и?

– Это не написано, – пояснил я, – потому что у кикуйю нет письменности.

– Вы, по крайней мере, позволите его матери решить самой?

– Нет, – сказал я.

– Почему нет?

– Мать думает только о ребенке, – ответил я. – А я должен думать о целой планете.

– Наверняка ее ребенок для нее важнее, чем ваш мир для вас.

– Она не в состоянии принимать обоснованные решения, – ответил я. – Лишь *я* могу предвидеть все последствия.

Внезапно Кибо повернулась ко мне, хотя ни слова не понимала по-английски.

– Европейская знахарка сделает моему маленькому Катабо легче? – спросила она. – О чем вы спорите?

– Европейская знахарка лечит только европейцев, – сказал я. – Она не имеет права лечить кикуйю.

– Но разве она не может попробовать? – спросила Кибо.

– *Я* твой мундумугу, – сказал я резко.

– Но взгляни на пилота, – Кибо указала на Сэмюэльса. – Вчера он был при смерти, а сегодня у него уже затягивается кожа, руки и ноги снова стали прямыми.

– Ее бог – европейский бог, – ответил я. – И магия ее работает только для европейцев. На кикуйю ее заклинания не подействуют.

Кибо молчала, прижимая Катабо к груди.

Я развернулся к Джойс Уизерспун.

– Извините, что перешел на суахили, но Кибо не знает других языков.

– Все в порядке, – ответила она. – Я все без проблем поняла.

– Я полагал, что вы говорите только по-английски.

– Иногда переводчик не нужен, и так все понятно. Я думаю, вы ей сказали в конечном счете следующее: «*Да не будет у тебя других богов пред лицем моим*»[22].

В этот самый момент пилот застонал, и внезапно все внимание европейки обратилось на больного. Он пришел в полубессознательное состояние. Его разум не мог сфокусироваться, но из комы он уже вышел. Она начала вводить лекарства в катетеры, прикрепленные к его рукам и ногам. Кибо изумленно наблюдала, но держалась на расстоянии.

Большую часть утра я провел у себя на холме. Я предложил снять проклятие с руки Катабо и сбрызнуть ее настоем, снимающим воспаление, но Кибо отказалась, заявив, что Коиннаге ни в какую не расстанется с новыми козами.

– В этот раз я не возьму с тебя плату, – сказал я, потому что нуждался в поддержке Коиннаге. Я прочел над ребенком заговор, потом обработал рану настоем из коры акации. Потом приказал Кибо вернуться в *шамба* и заверил, что рука Катабо придет в обычное состояние через пять дней.

Наконец пришло время спускаться в деревню – обновить заклинания для пугал и дать Лейбо, которая потеряла ребенка, мазь от боли в грудях. Я намеревался встретиться с Бакадой, который принял выкуп за дочь и хотел видеть меня во главе стола на свадьбе, и, наконец, обсудить с Коиннаге и старейшинами насущные вопросы.

Спускаясь по длинной извилистой тропе вдоль реки, я поймал себя на мысли о том, насколько этот мир похож на Эдемский сад в представлении европейцев.

Откуда мне было знать, что змей уже проник в него?

* * *

Закончив свои дела в деревне, я остановился у хижины Нгобе выпить с ним *помбе.* Он поинтересовался состоянием пилота, поскольку к тому моменту вся деревня уже услышала о случившемся, и я объяснил, что европейская женщина-мундумугу лечит его, но через два дня заберет с собой на базу Техподдержки.

– У нее, наверно, очень сильная магия, – сказал он. – Мне говорили, что его тело почти все переломано. – Он помолчал. – Как жаль, – добавил он завистливо, – что на кикуйю это волшебство не подействует.

– Моего волшебства всегда было достаточно, – заметил я.

– Это так, – сказал он нехотя. – Но вспомни день, когда мы отбили сына Табари у гиен. Гиены напали на него и отгрызли ногу. Ты облегчил его боль, но спасти не смог. Вероятно, колдунья из Техподдержки смогла бы.

– У пилота ноги переломаны, но ни одна не отгрызена, – ответил я в свою защиту. – Никто не смог бы спасти сына Табари после того, что с ним сделали гиены.

– Возможно, ты и прав, – сказал он.

Моим первым побуждением было укорить его за слово *возможно,* однако потом я решил, что он не намеревался меня оскорбить, так что просто допил помбе, бросил кости и прочел по ним, что урожай у Нгобе будет щедрый, а потом покинул хижину.

Я остановился в центре деревни, рассказал детям притчу и пошел к шамба Коиннаге. В его бома уже собрались старейшины, ожидая начала совета. Большинство были мрачны и молчаливы. Наконец Коиннаге присоединился к нам, выйдя из хижины.

– У нас сегодня серьезные вопросы для обсуждения, – возгласил он. – Вероятно, самые серьезные *из всего, что мы обсуждали.*

Говоря это, он смотрел прямо на меня. Потом вдруг обернулся к хижинам своих жен.

– Кибо! – крикнул он. – Иди сюда!

Кибо появилась из хижины и подошла к нам с малышом Катабо на руках.

– Вчера все вы видели моего сынишку, – начал Коиннаге. – Ручка его раздулась вдвое против обычного, и цвет у нее был как у мертвой плоти.

Он взял ребенка на руки и поднял над головой.

– А теперь взгляните на него! – закричал он.

Ручка Катабо снова выглядела здоровой, и почти весь отек спал.

– Мое лекарство подействовало быстрее, чем я ожидал, – отозвался я.

– Это вообще не твое лекарство! – обвинительно вскричал

он. – Это снадобье европейской колдуньи!

Я взглянул на Кибо.

– Я приказал тебе убираться из моего бома! – бросил я ей.

– Но ты не запрещал мне возвращаться туда, – сказала она, стоя рядом с Коиннаге, и на ее лице читался вызов. – Ведьма уколола Катабо в ручку металлическим шипом, и, прежде чем я спустилась с холма, отек уже наполовину спал.

– Ты не подчинилась моему приказу, – зловеще сказал я.

– Я верховный вождь этой деревни, – вмешался Коиннаге, – и я прощаю ее.

– Я мундумугу, – сказал я, – и я не прощаю ей этого!

Вызов на лице Кибо сменился ужасом.

– У нас есть более серьезные вопросы для обсуждения, – отрезал Коиннаге. Это меня удивило, ведь когда я гневался, обычно никто не осмеливался мне перечить или мешать.

Я вынул из кисета пригоршню люминесцентного порошка, сделанного из растертых тел ночных жуков, высыпал на ладонь, поднял руку ко рту и дунул в сторону Кибо. Та в ужасе вскрикнула и, корчась, упала на землю.

– Ты что с ней сделал? – накинулся на меня Коиннаге.

«Я ее напугал так, что тебе и не понять, – подумал я, – *это справедливое и достаточное наказание за то, что она ослушалась меня»*. А вслух ответил:

– Я пометил ее дух так, что хищники Иного Мира могут отыскать ее в ночи, пока она спит. Если она поклянется никогда больше не нарушать приказов своего мундумугу, если выкажет искреннее раскаяние в сегодняшнем неповиновении, тогда я сниму с нее метки, прежде чем она уйдет спать нынче вечером. Если нет…

Я пожал плечами и оставил угрозу неозвученной.

– Тогда, думаю, нам придется сходить к европейской колдунье, – сказал Коиннаге, – чтобы она сняла метки.

– Ты думаешь, бог европейцев сильнее Нгаи? – потребовал я.

– Не знаю, – ответил Коиннаге. – Но он исцелил руку моего сына за считаные мгновения, а у Нгаи на это ушли бы дни.

– Ты много лет приказывал нам отвергать все европейское, – прибавил Каренья, – но я сам видел, как она своим волшебством исцеляла умирающего пилота. Мне кажется, ее магия сильнее *твоей*.

– Это волшебство действует только на европейцев, – ответил я.

– Неправда, – сказал Коиннаге. – Разве колдунья не предлагала исцелить Катабо своим волшебством? Если она способна исцелять наши хвори и раны быстрее Нгаи, значит, ее

предложение стоит обсудить.

– Едва вы примете его, – сказал я, – то не успеете глазом моргнуть, как вас попросят принять ее бога, ее науку, ее одежду и ее обычаи.

– Ее наука сотворила Кириньягу и перенесла нас сюда, – возразил Нгобе. – Как может она быть злом, если благодаря ей возможна Кириньяга?

– Европейцам она зла не несет, – сказал я, – поскольку это часть их культуры. Но нам не следует забывать, зачем вообще мы пришли на Кириньягу – чтобы создать мир кикуйю и возродить культуру кикуйю.

– Все это необходимо серьезно обдумать, – заключил Коиннаге. – Мы много лет полагали, что каждое проявление европейской культуры несет зло, поскольку не сталкивались с ними. Но мы видим теперь, что даже женщина способна исцелить наши болезни значительно быстрее, чем Нгаи. Пора кое-что пересмотреть.

– Если бы ее наука могла излечить мою усохшую руку еще в детстве, – добавил Нгобе, – то какое зло бы от этого произошло?

– Это было бы против воли Нгаи, – сказал я.

– Разве не Нгаи – властитель Вселенной? – спросил он.

– Ты же знаешь, что Он, – отвечал я.

– Тогда ничего во Вселенной не свершается против Его воли, и если бы колдунья исцелила меня, это было бы *не* против воли Нгаи.

– Ты не понимаешь, – сказал я, качая головой.

– А мы пытаемся понять, – ехидно произнес Коиннаге. – Просвети нас.

– У европейцев много чудес, и эти чудеса способны очаровать вас, как происходит и прямо сейчас… но если примете от европейцев одно, то вскоре они начнут настаивать, чтобы вы приняли и все остальное. Коиннаге, их религия позволяет мужчине иметь только одну жену. С какими двумя ты разведешься?

Я обернулся к остальным.

– Нгобе, они бы послали Киманти в школу, научили его читать и писать. Но поскольку у нас нет письменности, то он бы учился писать только на европейском языке и читал бы о вещах и людях только рассказы европейцев.

Я расхаживал среди старейшин, предлагая каждому пример.

– Каренья, если ты окажешь услугу Табари, то вправе ожидать взамен цыпленка или козу, а может, даже корову, в зависимости от услуги. Но европейцы вознаградили бы тебя лишь бумажными деньгами. Их не съешь, они не воспроизводятся и не делают

человека богатым.

Так я продолжал, пока не обошел всех старейшин, указывая им на возможные потери, если позволят европейцам организовать плацдарм в нашей культуре.

– Все это – одна сторона, – сказал Коиннаге, дождавшись, пока я закончу. Он поднял руку ладонью вперед. – На другой стороне – конец бедности и болезней, а это уже немало. Кориба твердил нам, что европейцев только впусти на порог, и они принудят нас изменить свои обычаи в угоду им. *Я* скажу так: некоторые наши обычаи *нужно* менять. Если их бог излечивает лучше Нгаи, то кто сказал, что этот бог не дарует нам лучшую погоду или скот, который будет приносить бóльший приплод, или более плодородную землю?

– *Нет!* – вскричал я. – Может, *вы* и позабыли, зачем мы прибыли сюда, но *я* не забыл. Наша цель – создать утопию кикуйю, а *не* европейскую утопию!

– Ну и как, мы ее *создали*? – съязвил Каренья.

– Мы с каждым днем приближаемся к ней, – сказал я ему. – *Я* приближаю вас к ее осуществлению.

– А дети в утопии страдают? – настаивал Каренья. – А мужчины в утопии обязаны мучиться от усохших рук? А женщины в утопии умирают при родах? А гиены в утопии нападают на пастухов?

– Это необходимо для равновесия, – отвечал я. – Бесконтрольный рост в конце концов порождает неукротимый голод. Вы не видели, как это было на Земле, но *я* видел.

Наконец заговорил старый Джандара.

– А в утопии люди *мыслят*? – спросил он.

– Конечно, – ответил я.

– Если они мыслят, могут ли некоторые мысли оказаться новыми, так же как некоторые – старыми?

– Да.

– Тогда, вероятно, нам стоило бы позволить колдунье излечить наши раны и болезни, – сказал он. – Ибо если Нгаи позволяет новые мысли в Своей утопии, то должен понимать, что они несут перемены. А если перемены не ко злу, значит, отсутствие перемен – ко злу, ибо то, как мы здесь страдаем, – *зло* или, во всяком случае, ошибка.

Он встал.

– Вы тут можете обсуждать, насколько это достойно. А я так скажу: у меня много лет ноют суставы, и Нгаи не исцелил их. Я поднимусь на холм Корибы и спрошу у европейской колдуньи, сможет ли бог европейцев положить конец моим болям.

С этими словами он прошел мимо меня и вышел из бома.

Я был готов при необходимости спорить с ними день и ночь напролет, но Коиннаге отвернулся от меня – от *меня*, своего мундумугу! – и унес своего сына обратно в хижину Кибо. Этим ознаменовался конец собрания. Все старейшины поднялись с мест и ушли, не смея глянуть мне в лицо.

* * *

Когда я пришел, у подножия холма собралось около дюжины жителей деревни. Я миновал их и поднялся в свой бома.

Джандара был там. Джойс Уизерспун сделала ему укол и как раз отдала баночку с пилюлями.

– Кто вам разрешил лечить кикуйю? – накинулся я на нее по-английски.

– Я не предлагала их лечить, – ответила она. – Но я врач и не могу прогнать больного.

– Тогда это сделаю *я*, – сказал я. Обернулся и поглядел на жителей деревни. – Вам сюда нельзя! – резко бросил я. – Возвращайтесь в свои шамба.

Взрослые неуверенно переглянулись, но остались стоять, а маленький мальчик начал подниматься по склону.

– Твой мундумугу запретил тебе подниматься на этот холм! – сказал я. – Нгаи покарает тебя за ослушание!

– Бог европейцев молод и силен, – ответил мальчишка. – Он защитит меня от Нгаи.

И тогда я увидел, что это Киманти.

– Я тебя предупреждаю, остановись! – крикнул я.

Киманти поднял деревянное копье.

– Нгаи меня не тронет, – сказал он заговорщицким тоном. – Если попытается, я убью Его вот *этим.*

Он прошел мимо меня и приблизился к Джойс Уизерспун.

– Я ногу о камень рассек, – обратился он к ней. – Если твой бог меня исцелит, я принесу Ему в жертву козла.

Она не поняла ни слова, но когда он показал ей ногу, то занялась раной.

Он спустился с холма, и Нгаи не тронул его, и когда на следующее утро люди деревни увидели, что Киманти жив и здоров, то слух разнесся по другим деревням, и вскоре нескончаемая череда больных и хромых потянулась к моему холму. Все они ожидали очереди подняться на мой холм и принять европейское лекарство от болезней кикуйю.

Я снова и снова приказывал им разойтись. Казалось, они меня не слышат. Они лишь стояли в очереди, не споря со мной,

как Киманти, и словно бы не замечали моего присутствия. Каждый терпеливо ждал своей очереди принять лекарство европейской знахарки.

* * *

Я думал, что, когда она улетит, все пойдет своим чередом, что люди снова станут бояться Нгаи и относиться с уважением к мундумугу. Этого не произошло. Да, они вернулись к своим обычным делам, сажали растения и возились со скотом… но не приходили ко мне искать облегчения в своих трудностях, как делали всегда.

Сперва я решил, что выдался один из тех редких периодов, когда в деревне нет ни больных, ни раненых, но однажды днем увидел, как Шанака идет по саванне. Поскольку он редко выходил из шамба и никогда не покидал деревню, то я заинтересовался и решил проследить за ним. Он шел на запад больше получаса, пока не достиг Космопорта.

– Что не так? – спросил я, наконец нагнав его.

Он открыл рот. Над одним из зубов виднелся серьезный абсцесс.

– Мне очень больно, – сказал он. – Я три дня уже ничего не могу есть.

– Почему ты не пришел ко мне? – спросил я.

– Европейский бог победил Нгаи, – сказал Шанака. – Нгаи мне не поможет.

– Поможет, – сказал я настойчиво.

Шанака помотал головой и поморщился от этого движения.

– Ты старый человек, а Нгаи – старый бог, вы оба лишились силы, – пояснил он печально. – Я бы хотел, чтобы вышло иначе, но как уж получилось.

– Значит, ты бросаешь своих жен и детей, потому что утратил веру в Нгаи? – требовательно спросил я.

– Нет, – сказал он. – Я попрошу, чтобы корабль Техподдержки увез меня к мундумугу европейцев, а когда меня вылечат, я вернусь.

– *Я* тебя вылечу, – пообещал я.

Он долго смотрел на меня.

– Было время, когда ты мог излечить меня, – сказал он наконец. – Но то время прошло. Я отправляюсь к европейскому мундумугу.

– Если ты так поступишь, – бросил я, – можешь больше никогда ко мне не обращаться.

Он передернул плечами.

– Я и не собираюсь, – ответил он без всякого злорадства или горечи.

* * *

Шанака вернулся на следующий день. Рот ему вылечили.

Я остановился у его бома, чтобы узнать о его самочувствии. Я ведь оставался мундумугу вне зависимости от того, нужна была Шанаке моя помощь или нет. Проходя через поля к его шамба, я увидел, что у него два новых пугала, подарки европейцев. У пугал были механические руки, которые хлопали без устали, и они умели поворачиваться, чтобы не смотреть все время в одну и ту же сторону.

– *Джамбо*, Кориба, – приветствовал он меня. Затем, заметив, что я рассматриваю его пугал: – Разве не отличные?

– Я воздержусь от ответа, пока не увижу, как долго они проработают, – сказал я. – Чем больше в устройстве движущихся частей, тем больше вероятность, что оно сломается.

Он посмотрел на меня. Мне показалось, что в его лице проскользнула жалость.

– Они созданы богом Техподдержки, – сказал он. – Они будут работать вечно.

– Или пока батарейка не сядет, – ответил я, но он не понял, о чем я, и не уловил сарказма. – Как твой рот?

– Гораздо лучше, – ответил он. – Меня укололи волшебным шипом, который снимает боль, и прогнали злых духов, которые вселились ко мне в рот. – Он помолчал. – У них очень могучие боги, Кориба.

– Ты вернулся на Кириньягу, а раз так, не кощунствуй, – бросил я.

– Я не кощунствую, – сказал он. – Я говорю правду.

– Теперь ты попросишь, чтобы я наложил заклинания на европейские пугала? – спросил я с тщательно продуманной иронией.

– Если тебе так легче, – пожал он плечами.

– Если мне так легче? – сердито повторил я.

– Ты услышал правильно, – сказал он грубо. – Эти европейские пугала *не* нуждаются в твоих заклинаниях, но если тебе от этого станет легче…

Я часто размышлял, что случится, если по каким-то причинам жители деревни перестанут бояться своего мундумугу. Но не мог себе представить, каково это, когда тебя не боятся, а просто

терпят.

* * *

Все больше жителей деревни посещали европейскую больницу и возвращались с подарками от европейцев. В основном – с устройствами для экономии времени и сил. Западными устройствами. Устройствами, убивающими культуру.

Я вновь и вновь приходил в деревню и объяснял им, почему от таких подарков следует отказываться. День за днем я говорил на совете старейшин, напоминая им, ради чего мы прибыли на Кириньягу, но большинство первопоселенцев уже умерли, а следующее поколение, те, кто теперь был старейшинами, не помнило Кении. И действительно, те, кто пообщался с работниками службы Техподдержки, возвращались с уверенностью, что утопия не на Кириньяге, а в Кении, где каждого хорошо кормят и о каждом хорошо заботятся, а засуха не грозит ни одной ферме.

Они были со мной вежливы, почтительно слушали меня, а потом возвращались к тому, что делали или обсуждали до моего прихода. Я многократно напоминал им, что лишь я один способен спасти их от них самих, но их это не беспокоило. Некоторые старейшины вели себя так, словно я, вместо того чтобы блюсти чистоту Кириньяги, каким-то таинственным образом сдерживаю ее развитие.

– Кириньяга не *должна* развиваться! – спорил я с ними. – Когда вы достигнете утопии, то нельзя же просто отбросить ее и сказать: *Так, а завтра что менять будем?*

– Если не растешь, начинаешь стагнировать, – ответил Каренья.

– Мы можем расти, расширяясь, – сказал я. – У нас целая планета для заселения.

– Это не рост, а размножение, – ответил он. – Ты хорошо поработал, Кориба, поначалу нам и вправду требовались твои советы и указания… но время твоей работы прошло. Теперь мы здесь обустроились, и именно *мы* станем выбирать, как жить.

– Мы *уже* выбрали, как нам жить! – сердито воскликнул я. – Вот поэтому мы сюда и прибыли.

– Я был просто кехи, – сказал Каренья. – Меня никто не спрашивал. А я не спрашивал сына, который родился здесь.

– Кириньяга создана с целью воплощения утопии кикуйю, – ответил я. – Эта цель записана в нашей хартии. Она не может быть изменена.

– Никто не отрицает, что наша цель – жить в утопии, Кориба, – вмешался Шанака. – Но время, когда ты, и только ты, определял, что составляет эту утопию, прошло.

– Утопия точно определена.

– Определена *тобой*, – сказал Шанака. – У нас могут найтись собственные определения утопии.

– Ты был одним из первых колонистов Кириньяги, – обвинил я его. – Почему ты никогда не возражал?

– Я много раз хотел возразить, – повинился Шанака. – Но всегда боялся.

– Чего?

– Нгаи. Или тебя.

– Что в целом одно и то же, – сказал Каренья.

– Но теперь Нгаи потерпел поражение в битве с богом Техподдержки, и я больше не боюсь высказываться, – продолжил Шанака. – Почему я должен терпеть зубную боль? Почему с моей стороны преступно или богохульно обращаться к европейским знахарям за помощью? Почему моя жена, которая не моложе меня и у которой за много лет спина согнулась под тяжестью воды и дров, обязана продолжать их таскать, если у нас теперь появятся машины, которые будут это делать за нее?

– А почему ты вообще живешь на Кириньяге, если ты так себя чувствуешь? – горько спросил я.

– Потому что я не меньше твоего поработал, чтобы Кириньяга стала домом кикуйю! – огрызнулся он. – И не вижу повода покидать ее только потому, что мое ви2дение утопии расходится с твоим. Почему *ты* не покинешь ее, Кориба?

– Потому что я отвечаю за воплощение утопии и еще не выполнил своей миссии, – сказал я. – Фактически такие вот лжекикуйю, как ты, только осложняют мою работу.

Шанака встал и обвел взглядом собрание старейшин.

– Я лжекикуйю, потому что хочу, чтобы мой внук умел читать? – потребовал он. – Или потому, что хочу облегчить труды своей жены? Или потому, что не хочу страдать от физической боли, которую легко устранить?

– Нет! – в один голос ответили старейшины.

– Поосторожнее, – остерег их я. – Если *он* не лжекикуйю, то получается, что вы таким считаете *меня.*

– Нет, Кориба, – сказал, вставая, Коиннаге. – Ты не лжекикуйю.

Он помолчал.

– Но ты совершил ошибку. Твои дни, как и мои, миновали. Вероятно, на мимолетное мгновение мы достигли утопии, но оно прошло, а новым мгновениям и часам нужны новые утопии. –

Затем Коиннаге, который в прошлом столько раз со страхом смотрел на меня, вдруг посмотрел с нескрываемой жалостью. – То была *наша* мечта, Кориба, но не *их,* – и если сегодня мы еще можем кое-как с ними уживаться, то завтрашний день, без сомнения, принадлежит им.

– Не хочу этого слышать! – вскричал я. – Нельзя переопределять утопию удобства ради. Мы переселились сюда ради того, чтобы сохранить верность нашей религии и традициям, чтобы избежать уподобления многим кикуйю в Кении. Я не позволю нам превратиться в чернокожих европейцев!

– Мы превращаемся в *кого-то*, – сказал Шанака. – Вероятно, было недолгое мгновение, когда мы соответствовали твоему представлению об идеальных кикуйю, однако оно давно миновало. Чтобы остаться в нем, нам нельзя было бы думать по-своему и видеть мир по-другому. Мы стали бы такими же, как пугала, которых ты заклинаешь каждое утро.

Я очень долго молчал. Потом наконец произнес:

– Мир этот разбивает мне сердце. Я так тяжело трудился, чтобы превратить его в то, чего мы все хотели, и поглядите, чем он стал. Чем *вы* стали.

– Ты можешь направлять перемены, Кориба, – ответил Шанака, – но не предотвратить их, и поэтому Кириньяга всегда будет разбивать тебе сердце.

– Я должен пойти к себе в бома и подумать, – сказал я.

– *Квахери,* Кориба, – сказал Коиннаге. – Прощай, Кориба.

В его словах чувствовалась окончательность.

* * *

Я много дней в одиночестве сидел на холме, глядя на зеленую саванну за извилистой рекой, и размышлял. Меня предал народ, который я должен был возглавлять, сам мир, который я помогал сотворить. Я чувствовал, что Нгаи, несомненно, недоволен мною, и не сомневался, что Он покарает меня смертью. Я был готов к смерти, даже стремился к ней, но я не умер, поскольку боги черпают силу из веры тех, кто им поклоняется, а Нгаи ныне был настолько слаб, что не сумел бы убить даже дряхлого старика вроде меня.

В конце концов я решил спуститься и в последний раз повидать свой народ. Возможно, кто-то из них отринул соблазны европейцев и остался верен путям кикуйю.

Вдоль тропы выстроились механические пугала. Единственное заклинание, в котором *они* нуждались, это

перезарядка батарей. Я увидел, как несколько женщин стирают белье у реки, но вместо того, чтобы выжимать воду из одежды камнями, принялись тереть ее на искусственной доске, сделанной специально для этого.

Внезапно я услышал позади звон, испуганно обернулся, споткнулся, потерял равновесие и тяжело упал в колючий кустарник. Придя в себя, я обнаружил, что меня чуть не переехал велосипед.

– Прости, Кориба, – сказал велосипедист. Это был юный Киманти. – Я подумал, что ты меня слышал.

Он осторожно помог мне подняться.

– Многое слышали мои уши, – ответил я. – Крик орлана-крикуна, блеяние козы, смех гиены, плач новорожденного ребенка. Но никогда не думал, что услышу, как искусственные колеса катятся вниз по грязной тропе.

– Это куда быстрее, чем спускаться пешком, – сказал он. – Ты куда-то специально направляешься? Я с удовольствием подвезу тебя.

Скорее всего, именно велосипед и заставил меня принять решение.

– Да, – сказал я. – Я кое-куда направляюсь, и нет, я не сяду на велосипед.

– Тогда я поеду с тобой рядом, – сказал он. – Ты куда идешь?

– В Космопорт, – ответил я.

– А-а, – улыбнулся мальчик. – У тебя тоже дело к службе Техподдержки. Что у тебя болит?

Я коснулся левой стороны груди.

– У меня болит вот *тут*. И единственное, чем мне может помочь Техподдержка, так это увезти подальше от причины боли.

– Ты улетаешь с Кириньяги?

– Я улетаю из места, в которое Кириньяга превратилась, – ответил я.

– Куда ты отправишься? – спросил он. – Что ты станешь делать?

– Куда-нибудь отправлюсь и займусь другими делами, – сказал я уклончиво. Ну а *куда* податься безработному мундумугу, в самом деле?

– Мы будем по тебе скучать, Кориба, – сказал Киманти.

– Сомневаюсь.

– Будем, – пообещал он искренне. – Когда мы будем рассказывать детям историю Кириньяги, тебя не обойдут вниманием.

Он помолчал.

– Ты ошибался, это так. Но ты был необходим.

– Таким меня запомнят? – спросил я. – Как необходимое зло?

– Я бы не сказал, что ты – зло. Ты просто неправ.

Мы несколько миль шли в молчании, пока не пришли в Космопорт.

– Если хочешь, я провожу тебя, – сказал Киманти.

– Я лучше бы побыл один, – ответил я.

Он пожал плечами.

– Как хочешь. *Квахери*, Кориба.

– *Квахери*, – сказал я.

Когда он ушел, я огляделся, изучая саванну и реку, антилоп гну и зебр, орланов-крикунов и марабу. Я пытался как можно лучше запомнить их на прощание.

– Прости меня, Нгаи, – произнес я наконец. – Я старался, но подвел тебя.

Вдруг появился корабль, который должен будет навсегда унести меня с Кириньяги.

– Ты бы их пожалел, Нгаи, – продолжал я, пока корабль приближался к месту посадки. – Они не первые из Твоего народа, кто оказался околдован европейцами.

И когда корабль коснулся земли, мне показалось, что раздался голос, который слышал только я.

«Ты был самым преданным Моим слугой, Кориба, и Мне приходилось следовать твоим указаниям. Ты и вправду считаешь, что это их должен Я пожалеть?»

Я в последний раз глянул вдаль, на деревню, где некогда боялись и почитали Нгаи и которая ныне, как проститутка, продалась европейскому богу.

– Нет, – ответил я резко.

– Вы со мной говорите? – спросил пилот.

Я осознал, что люк открыт и меня ждут.

– Нет, – повторил я.

Он огляделся.

– Я больше никого не вижу.

– Он очень стар и очень устал, – сказал я. – Но Он здесь.

Я поднялся на корабль не оглядываясь.

Эпилог
Земля Нод

РАССКАЗЫ МАЙКА Резника, входящие в цикл «Кириньяга», являются не только одними из лучших в его обширном творчестве, но и одними из лучших научно-фантастических рассказов вообще. В совокупности цикл «Кириньяга» входит в десятку моих любимых научно-фантастических романов всех времен. Я постоянно рекомендую его как активным читателям этого жанра, которым еще предстоит познакомиться с ним, так и новичкам, ищущим доступное, но качественное знакомство с актуальной и мощной научной фантастикой. Проблемы, которые исследуются в рассказах о Кириньяге – борьба между сохранением культурной самобытности и изменениями, которые приходят с прогрессом и глобализацией, – сегодня не менее актуальны, чем были во время написания рассказов. Произведения не предлагают простых ответов на сложные вопросы. Главный герой, Кориба, потрясающий персонаж, причем не вопреки, а благодаря тому факту, что мы можем одновременно восхищаться и ужасаться им. Он совершает ужасные поступки, некоторые из них по нашим меркам являются зверствами, но в его убеждениях есть истина, которую мы не можем не признать. Неважно, что научная фантастика – это «литература идей», в основе всех великих и долговечных произведений по-

прежнему лежат персонажи, а Кориба – один из величайших персонажей в этой области. Из историй, которые он рассказывает в рассказах о Кириньяге, первая и последняя находят у меня самый сильный отклик, поэтому для меня большая честь представить здесь заключительную историю. Есть одновременно трагичное и такое уместное в этой последней истории о Корибе, когда его строгие стандарты превратили его в мундумугу в племени, состоящем из одного человека. «Я последний истинный кикуйю», – говорит Кориба, и его финал не менее печален из-за его собственной неспособности признать это. Душераздирающая, мощная, актуальная, трагичная, временами довольно юмористичная, всегда захватывающая «Земля Нод» – это все, что характерно для великой научной фантастики.

Лу Андерс

ДЛЯ ИСТОРИИ КИРИНЬЯГИ нужна была кода. Читатели жили с Корибой почти десять лет, и им было интересно, что случилось с ним после того, как он повернулся спиной к миру, который пытался создать. Что делает бунтарь, когда ему больше не против чего бунтовать, когда он покидает Эдем? Ответом стала «Земля Нод», которая в 1997 году была номинирована на премию «Хьюго» за лучшую повесть.

Майк Резник

The Land of Nod. *Первая публикация в журнале Asimov's Science Fiction в июне 1996 года.*

Август – Сентябрь 2137 года

Однажды, много лет назад, жил воин кикуйю, которого одолела тяга к приключениям, и он покинул родную деревню. Вооруженный лишь копьем, он сразил могучего льва и хитрого леопарда. Затем однажды ему встретился слон. Воин понимал, что копье бесполезно против такого зверя, но не успел даже отступить или отыскать укрытие, как слон атаковал.

Единственной надеждой его осталось божественное вмешательство, и он взмолился Нгаи, Который правит Вселенной со Своего трона на Кириньяге, священной горе, ныне именуемой Кения, чтобы Нгаи отыскал его на земле и убрал с пути слона.

Но Нгаи не ответил, а слон подцепил воина хоботом и зашвырнул его высоко в воздух, так что тот приземлился на колючее дерево вдалеке. Шипы сильно изранили его кожу, но теперь он хотя бы оказался в безопасности, пусть и на ветке в двадцати футах от земли.

Убедившись, что слон ушел, воин с трудом слез. Потом вернулся домой, взошел на священную гору и предстал перед Нгаи.

– Чего ты хочешь? – спросил Нгаи, когда воин достиг вершины.

– Хочу знать, почему Ты не явился, – обвинил его воин. – Я всю жизнь поклонялся и приносил дары тебе. Разве Ты не слышал, как я звал Тебя на помощь?

– Слышал, – ответил Нгаи.

– Так почему же не пришел на выручку? – требовательно вопросил воин. – Неужели Твои божественные силы так ничтожны, что Ты не сумел меня отыскать?

– За столько лет ты так и не понял, – бросил Нгаи, – что это *ты* должен был отыскать *Меня*.

* * *

Мой сын Эдвард подобрал меня у полицейского участка на Биашара-стрит вскоре после полуночи. Изящная британская машина зависла в нескольких дюймах над землей, я вошел, и водитель начал обратный путь к дому на Нгонг-Хиллс.

– Это начинает утомлять, – сказал Эдвард, активируя барьер приватности, чтобы нас не подслушали. Он старался хранить спокойствие, но я понимал, что он в ярости.

– Ты можешь подумать, что они устали от этого, – согласился я.

– Нам нужно поговорить начистоту, – сказал он. – Ты всего

два месяца как вернулся, а это уже четвертый раз, когда я вызволяю тебя из кутузки.

– Я не нарушил ни одного закона кикуйю, – спокойно отозвался я, пока мы мчались по темным зловещим трущобам Найроби к богатому пригороду.

– Ты нарушил законы Кении, – сказал он. – Нравится тебе это или нет, а теперь ты в ней живешь. Я правительственный чиновник и не позволю тебе постоянно выставлять меня на посмешище! – Он помедлил, стараясь сдерживаться. – Ты на себя взгляни! Я предлагал купить тебе новую одежду. Зачем тебе это старое *кикои*? Оно пахнет еще ужаснее, чем смотрится.

– А что, есть закон, запрещающий одеваться как кикуйю? – спросил я.

– Нет, – сказал он, скомандовав мини-бару выдвинуться из пола, и налил себе выпивки. – Но *есть* закон, воспрещающий скандалить в ресторане.

– Я оплатил свой заказ, – заметил я. Мы повернули на Лангата-роуд и направились в пригород. – Кенийскими шиллингами, которые ты дал мне.

– Это не дает тебе права кидаться едой в стену только потому, что она приготовлена не по твоему вкусу. – Он яростно смотрел на меня, едва сдерживаясь. – С каждым нарушением ты становишься все невыносимее. Был бы я другим человеком, то ты провел бы эту ночь в тюрьме. К тому же мне пришлось заплатить за причиненный тобой ущерб.

– Это было мясо антилопы канны, – пояснил я. – Кикуйю не едят дичь.

– Это была *не* канна, – сказал он, опустив стекло и закурив бездымную сигарету. – Последняя канна умерла в немецком зоопарке через год после твоего отлета на Кириньягу. Это модифицированный соевый белок, которому генетически придано сходство с мясом канны по вкусу. – Он помолчал и глубоко вздохнул. – Если ты думал, что это канна, то зачем заказывал?

– Официант говорил, это стейк. Я подумал, это мясо коровы или быка.

– Это необходимо прекратить, – заявил Эдвард. – Мы оба взрослые люди. Почему мы не можем найти общий язык? – Он долго смотрел на меня. – Я могу иметь дело с рационально мыслящими людьми, даже если те не согласны со мной. Я ежедневно занимаюсь этим в Доме правительства. Но с фанатиком я не могу договариваться.

– Я рационален, – сказал я.

– Правда? – бросил он. – Вчера ты показал племяннику моей жены, как проводится испытание *гитхани*, и он чуть не сжег язык

своему брату.

– Его брат лгал, – спокойно ответил я. – У лжеца пересыхает в горле, когда он видит приближающийся раскаленный нож, а у того, кому бояться нечего, на языке достаточно влаги, чтоб он не обжегся.

– Попробуй это объясни семилетнему ребенку, когда к нему приближается старший братец-садист с раскаленным докрасна ножом! – рявкнул мой сын.

Часовой в униформе направил нас на частную улицу, где он жил. Когда мы подъехали к воротам, шофер подогнал машину к самому краю силового поля. Поле, идентифицировав нас, исчезло на срок, достаточный, чтобы машина проследовала внутрь, и вскоре мы оказались у двери.

Эдвард выскочил из машины и пошел к дому, я – следом. Он стискивал кулаки, стараясь сдержать гнев.

– Я позволил тебе жить вместе с нами, потому что ты старик, которого вышвырнули из собственного мира…

– Я покинул Кириньягу по своей воле, – тихо перебил я.

– Не имеет значения, почему или как ты ее покинул, – заявил мой сын. – А имеет значение то, что сейчас ты *здесь*. Ты очень стар. С тех пор как ты жил на Земле, прошло много лет. Все твои друзья умерли. Моя мать умерла. Я твой сын, и я принимаю на себя положенную ответственность, но ты *обязан* пойти мне навстречу.

– Я пытаюсь, – сказал я.

– Сомнительно.

– Я пытаюсь, – повторил я. – Твой собственный сын это понимает, даже если не понимаешь ты.

– Мой собственный сын порядком настрадался во время развода и моей повторной женитьбы. Последнее, в чем он нуждается, – это в истории дедушки про какую-то утопию кикуйю.

– Неудачную утопию, – поправил я. – Они не послушали меня и обречены превратиться в еще одну Кению.

– А что в этом плохого? – спросил Эдвард. – Кения – мой дом, и я им горжусь. – Он замолчал и посмотрел на меня. – А теперь это и *твой* дом – снова. Тебе бы стоило уважительнее отзываться о нем.

– Я много лет прожил в Кении, прежде чем эмигрировал на Кириньягу, – сказал я. – Я могу прижиться здесь снова. Ничего не поменялось.

– Это не так, – возразил мой сын. – Под Найроби построили транспортную систему, а на побережье, в Ватаму, теперь космопорт. Мы заглушили все атомные станции; теперь наши источники энергии полностью термальные, мы получаем ее из-

под Рифтовой долины[23]. Фактически, – прибавил он с гордостью, какой всегда сопровождались разговоры о достижениях его новой жены, – вклад Сьюзен в этом деле был решающим.

– Ты меня неправильно понял, Эдвард, – ответил я. – Кения осталась неизменна в том смысле, что она продолжает обезьянничать за европейцами, но не сохраняет свои традиции.

Охранная система опознала нас и открыла двери дома. Мы прошли через прихожую мимо широкой лестницы, которая вела в крыло со спальнями. Нас ожидали слуги, а лакей принял у Эдварда плащ. Потом мы направились по коридорам, через гостиную и зону отдыха, заполненные римскими статуями, французскими картинами и английскими книгами в красивых переплетах. Наконец мы попали к Эдварду в кабинет, где он повернулся и приглушенным голосом сказал лакею:

– Мы хотели бы остаться наедине.

Слуги исчезли, как будто были просто голограммой.

– Где Сьюзен? – спросил я, поскольку невестки нигде не было видно.

– Мы были на приеме в новом доме камерунского посла, когда нам позвонили сообщить, что ты снова арестован, – ответил он. – Ты нам испортил замечательную партию в бридж. Надо полагать, Сьюзен где-то в ванной или в постели, проклинает твое имя.

Я как раз собирался заметить, что проклинать меня, обращаясь к богу европейцев, едва ли эффективно, однако рассудил, что в данный момент моему сыну не понравится это высказывание, и промолчал. Оглядывая окружение, я вдруг понял, что у Эдварда не только вещи сплошь европейские, но и весь его дом построен по их образцу, состоит из множества прямоугольных комнат, а все кикуйю знали – или должны были бы знать, – что демоны обитают в углах, и потому единственно правильной формой жилища является круглая.

Эдвард поспешил к столу, включил компьютер и прочел сообщения. Потом обернулся ко мне.

– Еще одно сообщение от правительства, – объявил он. – Они хотят видеть тебя в полдень вторника на следующей неделе.

– Я уже говорил им, что не приму от них денег, – сказал я. – Я не работал на них.

У Эдварда сделался лекторский вид.

– Мы больше не бедствуем, – заявил он. – Мы гордимся тем, что в нашей стране старики и немощные больше не голодают.

– Я не останусь голодным, если в ваших ресторанах меня не будут пытаться накормить мясом нечистых животных.

– Правительство всего лишь хочет позаботиться о том, – продолжил Эдвард, не давая сбить себя с толку, – чтобы ты не стал для меня финансово обременителен.

– Ты мой сын, – сказал я. – Я тебя вырастил, выкормил и защищал тебя, когда ты был маленьким. Теперь я стар, и ты должен так же поступать по отношению ко мне. Такова наша традиция.

– А у правительства традиция – обеспечивать финансовой поддержкой тех, кто содержит пожилых членов семейства, – отрезал он, и я почувствовал, что в нем больше ничего не осталось от кикуйю – он полностью превратился в кенийца.

– Ты богат, – заметил я. – Тебе не нужны их деньги.

– Я плачу налоги, – ответил он и, стараясь скрыть нерешительность, закурил очередную бездымную сигарету. – Было бы глупо не принимать положенных нам льгот. Ты можешь прожить еще очень долго. У нас полное право принять эти деньги.

– Бесчестно принимать то, в чем не нуждаешься, – ответил я. – Скажи, чтоб оставили нас в покое.

Он откинулся, полусидя на столе.

– Они не станут этого делать, даже если я попрошу.

– Наверное, они вакамба или масаи, – сказал я, не потрудившись замаскировать презрение.

– Они кенийцы, – ответил он. – Как и мы с тобой.

– Да, – произнес я, и вдруг тяжесть прожитых лет навалилась на меня, – да, мне нужно как следует поработать над собой, чтоб я перестал об этом забывать.

– Ты можешь сэкономить мне много времени, которое я трачу на поездки в полицию, – сказал мой сын.

Я кивнул и пошел к себе. Мне предоставили кровать с матрасом, но я так долго жил в хижине на Кириньяге, что кровать казалась неудобной, и каждый вечер я снимал одеяло и раскладывал его на полу, потом ложился и только тогда засыпал.

Но в эту ночь сон не шел, ибо я продолжал мысленно воспроизводить события последних двух месяцев. Все, что я услышал и увидел, заставляло меня вспомнить, почему я вообще изначально решил покинуть Кению и почему так долго и тяжко сражался за хартию Кириньяги.

Я перекатился на бок, подпер голову рукой и посмотрел в окно. Сотни звезд ярко мерцали в чистом безоблачном небе. Я пытался угадать, какая из них – Кириньяга. Я был на ней *мундумугу*, знахарем и заклинателем, принявшим на себя ответственность за построение утопии кикуйю.

– Я служил вам так бескорыстно, как никто другой, – прошептал я, глядя на мерцающее зеленоватое светило, – а вы

меня предали. И, что еще хуже, вы предали Нгаи. Ни Он, ни я больше о вас не позаботимся.

Я снова опустил голову, отвернулся от окна и смежил веки, решив больше не глядеть в небеса.

* * *

Утром мой сын остановился, проходя мимо моей комнаты.

– Ты снова спал на полу, – заметил он.

– Это теперь запрещено законом? – осведомился я.

Он тяжело вздохнул.

– Спи так, как тебе удобно.

Я взглянул на него.

– Ты выглядишь так внушительно… – начал я.

– Спасибо.

– …в европейской одежде, – закончил я.

– У меня сегодня важная встреча с министром финансов. – Он бросил взгляд на часы. – В общем-то мне уже пора, иначе опоздаю. – Он неловко помолчал. – Ты обдумал то, о чем мы вчера говорили?

– Мы много о чем говорили, – ответил я.

– Я про поселок для престарелых кикуйю.

– Я жил в поселке, – сказал я. – Это не то. Это башня из стали и стекла высотой в двадцать этажей, тюрьма для стариков.

– Мы все это уже обсуждали, – сказал мой сын. – Там ты мог бы найти новых друзей.

– У меня есть новый друг, – заметил я. – Я к нему вечером схожу в гости.

– Отлично! – сказал сын. – А вдруг он согласится тебя из переделок вытаскивать?

* * *

Я подошел к обширному лабораторному комплексу из титана и стекла незадолго до полуночи. Ночь потянула прохладой, с юга мягко задувал бриз. Луна спряталась за облако, и во тьме было трудно нашарить боковые воротца. В конце концов я их отыскал, а там меня уже ждал Камау. Он деактивировал небольшой участок электронного барьера на срок, достаточный, чтобы пропустить меня.

– *Джамбо, мзее,* – сказал он. – Приветствую, о мудрый старец.

– *Джамбо*, мзее, – отозвался я, ибо Камау почти не уступал

мне возрастом. – Я пришел посмотреть собственными глазами и решить, правду ли ты говоришь.

Он кивнул, развернулся и повел меня между возвышавшихся над нами высоких угловатых зданий, отбрасывавших зловещие тени на узкие проходы и направлявших все шумы города в нашу сторону. Дорогу обрамляли серполопастные и желтокорые акации, клонированные из нескольких уцелевших образцов, а не более обычные европейские кустарники. Там и сям попадались декоративные лужайки, поросшие травами исчезнувших саванн.

– Странно видеть в Кении так много подлинной африканской растительности, – заметил я. – С тех пор как я вернулся с Кириньяги, мои глаза так и скучали по ней.

– Ты видел целый мир, ею наполненный, – с нескрываемой завистью отозвался мой проводник.

– Тот мир был не более естествен, чем теплица, – сказал я. – Когда все было сказано и сделано, различия между Кириньягой и Кенией стали пренебрежимо малы. Оба мира отвернулись от Нгаи.

Камау замер, потом обвел широким жестом здания из металла, стекла и бетона, которыми полностью застроили прохладные болота, когда-то давшие свое имя городу Найроби.

– Не понимаю, как мог ты предпочесть Кириньяге *вот это*.

– Я не говорил, что предпочел, – ответил я, внезапно осознав, что роботоподобное жужжание машин теперь заглушает вездесущие городские шумы.

– В таком случае ты, верно, скучаешь по Кириньяге.

– Я скучаю по Кириньяге, какой она могла стать. А это, – я обвел рукой колоссальные постройки, – не более чем обычные здания.

– Это европейские здания, – горько отозвался он. – Они построены людьми, которые перестали быть кикуйю, луо или эмбу, а стали обычными кенийцами. Там много углов. – Он помолчал, а мне явилась одобрительная мысль: *Как мы похожи! Неудивительно, что ты искал меня после моего возвращения в Кению.* – В Найроби живет одиннадцать миллионов человек, – продолжил он. – Тут воняет отходами. Воздух так загрязнен, что выпадают дни, когда эту грязь можно видеть собственными глазами. Люди носят европейские одеяния и почитают европейского бога. Как мог ты предать Утопию ради этого?

Я поднял руки.

– У меня всего лишь десять пальцев.

Камау нахмурился.

– Не понимаю.

– Помнишь историю про голландского мальчика, который

пальцем заткнул дырку в дамбе?

Камау покачал головой и с осуждением сплюнул.

– Я не слушаю европейских сказок.

– Вероятно, ты поступаешь мудро, – признал я. – В любом случае дамба традиций, которую возвел я вокруг Кириньяги, стала протекать. Поначалу утечек было немного, и их было несложно затыкать, но потом общество стало развиваться, разрастаться, их стало больше, еще больше, а у меня перестало хватать пальцев, чтобы заткнуть их все.

Я пожал плечами.

– Я бежал от наводнения.

– А есть ли там *мундумугу*, который тебя заменяет? – спросил он.

– Мне сообщили, что у них теперь есть врач, который лечит их болезни, и христианский проповедник, который поучает их молиться богу европейцев, и компьютер, который говорит им, как поступать в той или иной ситуации, – ответил я. – У них отпала потребность в мундумугу.

– Значит, Нгаи проклял их, – констатировал Камау.

– Нет, – уточнил я. – Это они прокляли Нгаи.

– Извини, мундумугу, – сказал он пристыженно. – Конечно же, тебе лучше знать.

Он снова двинулся вперед, и вскоре мне в ноздри ударил сильный запах – я никогда прежде не сталкивался с таким, но от него всколыхнулись глубины моей души.

– Мы почти пришли, – сказал Камау.

Я услышал низкий рык, не такой, как у хищника, а скорее как у мощного механизма.

– Он очень нервный, – продолжил Камау негромким, монотонным голосом. – Не делай резких движений. Он уже пытался убить двух посетителей сегодня днем.

И тут луна вышла из-за облаков и озарила сиянием своим огромное существо, стоявшее мордой к нам.

– Он великолепен! – прошептал я.

– Идеальная копия, – сказал Камау. – Ростом в плечах десять футов восемь дюймов, вес семь тонн, каждый бивень весит в точности сто сорок восемь фунтов.

Огромный зверь смотрел на меня из-за перегородки мерцающего силового поля и принюхивался к ночному прохладному ветерку, пытаясь определить мой запах.

– Удивительно! – заметил я.

– Тебе знакомы основы процесса клонирования, не так ли? – спросил Камау.

– Я знаю, *что такое* клонирование, – отозвался я. – Я ничего

не знаю о самом процессе.

– В этом случае они взяли немного клеток из бивней, которые уже более двух столетий выставлялись в музее, погрузили их в соответствующую питательную среду, и вот результат: Ахмед Марсабитский, единственный слон, когда-либо охранявшийся президентским декретом, снова жив.

– Я читал, что во всех перемещениях по горе Марсабит его сопровождали два охранника, – сказал я. – Они что, и эту традицию решили проигнорировать? Я тут никого не вижу, кроме тебя. А где другой?

– Нет тут никаких охранников. Весь комплекс под надзором очень сложной электронной системы.

– Так, значит, ты не сторож ему? – спросил я.

Он попытался не подать виду, как уязвлен, но даже в лунном свете я прочел это по его лицу.

– Я на зарплате.

– Ты спутник слона?

– Спутник Ахмеда.

– О, прости, – сказал я.

– Не все могут быть мундумугу, – отозвался он. – В культуре, почитающей молодость, человеку моего возраста остается принимать то, что ему предлагают.

– Это правда, – сказал я. Оглянулся на слона. – Интересно, сохранил ли он какие-нибудь воспоминания о прежней жизни? О тех днях, когда был он величайшим из всех земных зверей, а гора Марсабит была его царством.

– Он ничего не знает о Марсабите, – ответил Камау. – Но он понимает, что-то с ним не так. Он знает, что родился не для того, чтобы провести всю свою жизнь в тесном дворике, окруженный сверкающим силовым полем. – Он помолчал. – Иногда поздно ночью он поворачивает морду к северу, вытягивает хобот и издает крик, полный боли и печали. Техники считают, что ему просто скучно. Обычно меня просят его покормить, как будто пища может утолить его тоску. Это ведь даже не *настоящая* еда, а какой-то лабораторный субпродукт.

– Его место не здесь, – согласился я.

– Знаю, – сказал Камау. – Но и тебе, мзее, здесь нет места. Тебе следовало бы вернуться на Кириньягу и жить так, как приличествует кикуйю.

Я нахмурился.

– Никто на Кириньяге не живет так, как приличествует кикуйю. – Я глубоко вздохнул. – Думаю, что дни мундумугу миновали.

– Но это же не может быть правдой, – запротестовал он, – ибо

кто еще будет хранить наши обычаи и толковать наши законы?

– Наши традиции так же мертвы, как и его оригинал, – сказал я, ткнув пальцем в Ахмеда. Потом развернулся к Камау: – Позволь задать тебе вопрос?

– Разумеется, мундумугу.

– Я рад, что ты познакомился со мной, разговоры с тобой скрашивают мои дни с момента возвращения в Кению, – сказал я ему. – Но меня вот что озадачивает: раз ты так верен обычаям кикуйю, отчего я не знал о тебе, когда мы старались обрести родину? Почему ты остался здесь, когда мы эмигрировали на Кириньягу?

Я видел, как он борется с нежеланием отвечать. Наконец битва окончилась. Старик словно усох на пару дюймов.

– Я был напуган, – признался он.

– Тебя пугал космический корабль? – спросил я.

– Нет.

– А что же в таком случае?

Еще один мучительный миг внутренней борьбы, и последовал ответ:

– *Ты*, мзее.

– Я? – озадаченно переспросил я.

– Ты всегда был так уверен в себе, – сказал он. – Ты всегда был идеальным кикуйю. Я боялся того, что буду недостаточно хорош.

– Но это же чушь, – искренне ответил я.

– Разве? – возразил он. – Моя жена католичка. Мои сын и дочь носят христианские имена. Я сам вырос в европейской обстановке и европейской одежде. – Он помолчал. – Я боялся, что, последуй я за тобой – а я хотел этого, я всю жизнь с тех пор проклинал себя за трусость, – я вскоре стану ныть об утраченных технологиях и комфорте и ты за это меня изгонишь. – Он не смотрел мне в глаза, а уставился в землю. – Мне не хотелось становиться изгнанником в мире, ставшем последней надеждой моего народа.

«А ты мудрее, чем мне казалось», – подумал я. Но вслух промямлил утешительную ложь:

– Ты бы не стал изгнанником.

– Уверен?

– Уверен, – сказал я, положив руку на его костлявое плечо в утешительном жесте. – Более того, я думаю, что ты бы наверняка поддержал меня под конец.

– А какой был бы прок от поддержки старика?

– Ты *не просто* старик, – ответил я. – Слово потомка Джонстона Камау имело бы большой вес на совете старейшин.

– И это еще одна причина, по которой я не решился, – ответил он, на сей раз с несколько бóльшей легкостью. – Как я мог бы жить с таким именем? Перед всеми, кто знает, как Джонстон Камау стал Джомо Кениатой, великим Горящим Копьем кикуйю. Как мог бы я оказаться ему равным?

– Сравнение было бы для тебя куда выгоднее, чем ты думаешь, – ободряюще сказал я. – Я мог бы использовать твои искренность и веру во благо.

– Конечно же, – сказал он, – ты ведь пользовался поддержкой народа.

Я покачал головой.

– Даже мой ученик, которого я готовил себе на смену, покинул меня; я полагаю, что он сейчас, пока мы тут говорим, учится в университете ниже по дороге. Дело кончилось тем, что люди отреклись от наших обычаев и учения Нгаи, прельстившись чудесами и комфортом европейцев. Ничего удивительного, если подумать, сколько раз подобное происходило здесь, в Африке. – Я задумчиво поглядел на слона. – Я такой же анахронизм, как и Ахмед. Время про нас обоих позабыло.

– Но не Нгаи.

– И Нгаи тоже, друг мой, – сказал я. – Наши дни миновали. Для нас нет места ни в Кении, ни на Кириньяге, вообще нигде.

Наверное, в тоне моего голоса было что-то такое, но Ахмед мистическим образом словно бы понял сказанное. Вне зависимости от причины слон подошел к силовой ограде и уставился прямо на меня.

– Какое счастье, что силовое поле защищает нас, – заметил Камау.

– Он не причинил бы мне вреда, – убежденно сказал я.

– Он причинял вред даже тем, на кого было еще меньше поводов напасть.

– Но не мне, – заявил я. – Опусти поле на высоту пяти футов.

– Но…

– Делай, что я говорю, – скомандовал я.

– Да, мундумугу, – неохотно ответил он, подошел к небольшой коробке управления и набрал на ней код.

Внезапно легкое искажение на уровне глаз исчезло. Я успокаивающим жестом протянул руку, и мгновением позже Ахмед аккуратно провел кончиком хобота по моему лицу и телу, а потом тяжело вздохнул и остался стоять, слегка переминаясь с ноги на ногу.

– Рассказали бы – не поверил! – выдохнул Камау почти благоговейно.

– Разве не все мы создания Нгаи? – произнес я.

– Даже Ахмед? – спросил Камау.

– А *кто*, по-твоему, создал его?

Он снова пожал плечами и не ответил.

Любуясь величественным созданием, я неподвижно стоял еще несколько минут, пока Камау возвращал силовое поле на прежнюю высоту. Ночь сделалась неприятно холодной, как часто бывает на такой высоте, и я развернулся к смотрителю.

– Теперь я должен идти, – сказал я. – Спасибо, что пригласил меня. Я бы сам не поверил, если б собственными глазами не увидел такое чудо.

– Ученые полагают, – сказал он, – что это *их* чудо.

– Нам с тобой лучше знать, – ответил я.

Он нахмурился.

– Но почему Нгаи позволил Ахмеду жить снова, сейчас и в этом месте, как ты полагаешь?

Я долго молчал, пытаясь найти ответ, и обнаружил, что ответа у меня нет.

– Было время, когда я знал с абсолютной уверенностью, почему Нгаи сделал то, что Он сделал, – сказал я наконец. – Сейчас я не настолько уверен.

– Разве такие речи подобают мундумугу? – возмутился Камау.

– Не так давно я просыпался от пения птиц, – сказал я, когда мы покинули клетку Ахмеда и направились обратно к боковым воротам, через которые я вошел. – Я выходил посмотреть на реку, текущую вокруг деревни на Кириньяге, я видел, как зебры и импалы щиплют траву в саванне. Теперь я просыпаюсь от звуков и запахов современного Найроби, а когда смотрю по сторонам, то вижу бесформенную серую стену, отделяющую дом моего сына от дома соседа.

Я помолчал.

– Наверное, такова моя кара за то, что я не сумел донести слово Нгаи до моего народа.

– Мы еще увидимся? – спросил он, подходя к воротам и снова отключая ненадолго небольшой участок поля, чтобы я мог выйти наружу.

– Если это никому не причинит неудобств, – сказал я.

– Великий Кориба думает о неудобствах? – спросил он с улыбкой.

– Мой сын находит меня таковым, – ответил я. – Он выделил мне комнату в своем доме, но предпочел бы, чтоб я жил где-то в другом месте. Его супруга стыдится моих босых ног и моего кикои; она все время покупает мне европейские одежду и обувь, чтобы я их носил.

– А *мой* сын работает в лаборатории, – сказал Камау, не без

гордости указывая на окна кабинета своего сына на четвертом этаже. – У него в подчинении семнадцать человек. Семнадцать!

Я, видимо, не слишком впечатлился, потому что Камау продолжал уже не так восторженно:

– Это он дал мне работу, чтобы *мне* не пришлось жить с ним.

– Работу слоновьего спутника, – сказал я.

Выражение лица Камау стало одновременно радостным и печальным.

– Я люблю своего сына, Кориба, и знаю, что он меня любит, но думаю, что он в то же время и слегка стыдится меня.

– Между стыдом и восхищением тонкая грань, – сказал я. – Моего сына мотает между этими эмоциями, как маятник.

Камау, казалось, с облегчением услышал, что его ситуация не уникальна.

– Если хочешь, мундумугу, приходи жить ко мне, – сказал он, и я понял, что он говорит от всего сердца, а не из вежливости. – Нам нужно было бы поговорить о стольких вещах…

– Это очень благородное предложение, – ответил я. – Но, думаю, мне будет достаточно время от времени посещать тебя, в те дни, когда мне будет так тошно от кенийцев и будет необходимо поговорить с другим кикуйю.

– Приходи в любое время, – сказал он. – *Квахери*, мзее.

– Квахери, – ответил я. – До встречи.

Я встал на тротуар, двигавшийся по шумным, запруженным людьми улицам и бульварам, где некогда простирались кишевшие жизнью равнины Ати, и сошел с него у остановки аэробуса. Аэробус, практически пустой в этот поздний час, пришел через несколько минут. Он взял курс на север, держась примерно в десяти дюймах над землей.

Деревья, обрамлявшие прежде тропы миграции животных, сменил высокий лес зданий из металла, стекла и упрочненных сплавов. Глядя через окно в ночь, я на миг представил себе, что погружаюсь в прошлое. Вот там, где выросло здание суда из титана и стекла, на том самом месте, впервые арестовали Горящее Копье – он имел смелость заявить, что его страна не принадлежит англичанам. А вот там, у нового восьмиэтажного здания почтамта, погиб последний лев. А вот там, у водоочистительной станции, мой народ примерно триста лет назад одержал победу над вакамба в нелегкой, славной и кровопролитной битве.

– Мы прибыли, мзее, – сказал водитель, и аэробус завис в нескольких дюймах над землей, ожидая, пока я подойду к двери. – Вам не холодно в одной этой простыне?

Я не удостоил его ответом, а просто вышел на тротуар,

который в этом пригороде не двигался, в отличие от городских кварталов. Мне это нравилось, ибо человек должен ходить, а не перемещаться без усилий благодаря многомильным лентам.

Я добрался до анклава, где жил мой сын, и поприветствовал узнавших меня охранников, ведь я часто выходил гулять по ночам. Они легко пропустили меня, и по дороге к дому я снова попытался окинуть мысленным оком столетия, увидеть хижины из глины и тростника, *бома* и *шамба* моего народа, но их заслоняли и вытесняли колоссальные здания в тюдоровском, викторианском, неоколониальном и современном стилях, а между ними жилые высотки иглами дотягивались до облаков.

Мне не хотелось разговаривать с Эдвардом или Сьюзен, поскольку те опять принялись бы меня расспрашивать, куда я пропадал. Мой сын снова станет меня предостерегать, как опасно в Найроби после заката, где воры и грабители охотятся на стариков, а моя невестка снова попытается вежливо убедить меня, что в плаще и штанах мне было бы теплее. Поэтому я не стал заходить в дом, а продолжал бесцельно бродить по анклаву, пока все огни не погасли. Убедившись, что все спят, я прошел к задней двери и дождался, пока охранная система идентифицирует меня по сетчатке и костной структуре, как уже не раз бывало по ночам. Потом тихо пробрался к себе в комнату.

Обычно мне снилась Кириньяга, но в эту ночь в моих снах властвовал Ахмед. Ахмед, вечно прикованный к силовому полю; Ахмед, пытающийся представить себе жизнь за пределами тесной клетки; Ахмед, которому суждено жить и умереть, не увидев никого из своего племени.

И понемногу сны мои сместились к образам меня самого: Корибы, прикованного невидимыми цепями к Найроби, которого он уже не может узнать; Корибы, тщетно пытавшегося превратить Кириньягу в то, чем она могла стать; Корибы, который возглавлял гордый исход кикуйю, пока однажды не огляделся по сторонам и не обнаружил, что остался последним из кикуйю.

* * *

Наутро я отправился к своей дочери на Кириньягу – не на терраформированный мир, а на *подлинную* Кириньягу, которую сейчас называют горой Кения. Именно там Нгаи даровал палку-копалку Гикуйю, первому из людей, и наказал ему обрабатывать землю. Именно там девять дочерей Гикуйю стали матерями девяти племен кикуйю, именно там расцвело священное фиговое древо. И как раз там тысячелетиями позже Джомо Кениата,

великое Горящее Копье кикуйю, пробудил силу Нгаи и отправил Мау-Мау изгнать белых назад в Европу.

Теперь на склонах священной горы раскинулся город из металла и стекла с населением в пять миллионов жителей. Перегруженная водоочистная система и канализация Найроби попросту не справлялись с таким населением, поэтому правительство предоставляло огромные налоговые льготы всем, кто перебирался на Кириньягу, в надежде, что люди будут перебираться туда, и так действительно происходило.

Машины загрязняли атмосферу, шум города в рабочие часы оглушал. Я посетил место, где некогда росло фиговое древо; там теперь стоял литейный цех свинцового завода. Склоны, где некогда обитали носороги и антилопы бонго, скрывала жилая застройка. Извилистые горные ручьи были перенаправлены или отведены. От дерева, под которым англичане казнили Дедана Кимати[24], остались одни воспоминания; на его месте возвели ресторан фастфуда. Вершину горы превратили в парк с сувенирными лавками, и туда ездил туристический трамвайчик.

Тут я осознал, почему Кения стала для меня невыносимой. Нгаи больше не правит миром со Своего трона на вершине горы, ибо для Него там больше нет места. Подобно леопарду и златокрылой нектарнице, подобно мне самому много лет назад, Он бежал, спасаясь от нашествия черных европейцев.

Вероятно, это открытие повлияло на меня не лучшим образом, поскольку визит к дочери не закончился ничем приятным. Но так всегда и бывало – слишком уж она напоминала мне жену.

* * *

В тот же день я вошел в кабинет сына.

– Слуга сказал, ты хочешь со мной поговорить, – произнес я.

– Да, это так, – сказал сын, подняв взгляд от компьютера. За его спиной висели портреты двух великих лидеров – Мартина Лютера Кинга и Джулиуса Ньерере. Оба темнокожие, но не кикуйю. – Пожалуйста, сядь.

Я сел.

– Сядь на стул, отец, – устало сказал сын.

– Меня вполне устраивает пол.

Он тяжело вздохнул.

– Я устал с тобой спорить. Мне французского хватает. – Он скорчил гримасу. – Трудный язык.

– Зачем ты учишь французский? – спросил я.

– Как ты уже знаешь, камерунский посол купил дом в нашем анклаве. Я полагаю, будет полезно научиться его родному языку.

– Тогда тебе следовало бы выучить бамилеке или эвондо, а не французский, – заметил я.

– Он не владеет этими языками, – сказал Эдвард. – Его семья из правящего класса. Они говорят только на французском, и он учился в Париже.

– Он же посол в нашей стране, зачем нужно учить *его* язык? – спросил я. – Почему бы ему самому не выучить суахили?

– Суахили – язык улиц, – ответил мой сын. – Английский и французский – языки дипломатии и бизнеса. Он плохо говорит по-английски, так что лучше уж я поговорю с ним по-французски. – Он самодовольно усмехнулся. – *Это* его наверняка впечатлит!

– Ясно, – сказал я.

– Ты чем-то недоволен, – заметил он.

– Я не испытываю стыда за то, что я кикуйю, – сказал я. – А почему ты стыдишься, что ты кениец?

– Я ничего не стыжусь! – огрызнулся он. – Я буду горд поговорить с ним на его родном языке.

– Более горд, чем он, гость Кении, которому полагалось бы общаться с тобой на *твоем* языке, – указал я.

– Ты не понимаешь! – отрезал он.

– Очевидно, – согласился я.

Он молча глядел на меня пару мгновений, потом тяжело вздохнул.

– Ты меня бесишь, – заявил он. – Как вообще начали обсуждать эту тему? Я же тебя не затем позвал. – Он закурил бездымную сигарету, затянулся и швырнул в атомизатор. – Ко мне утром приходил отец Нгома.

– Я его не знаю.

– Но ты знаешь его прихожан, – сказал мой сын. – Многие из них являются к тебе за советом.

– Возможно, – признал я.

– Черт подери! – рявкнул Эдвард. – Мне нужно тут жить, а он – священник местного прихода. Ему не нравится, что ты его паству учишь жить по-своему, в противоречии с католическими догмами.

– Разве я им лгу? – спросил я.

– Разве ты не можешь просто отправлять их к отцу Нгома?

– Я мундумугу, – сказал я. – Мой долг – наставлять тех, кто явился ко мне за советом.

– Ты перестал быть мундумугу в тот самый момент, как тебя выставили с Кириньяги! – зло огрызнулся он.

– Я покинул ее по собственной воле, – спокойно ответил я.

– Мы снова отклоняемся от темы, – сказал Эдвард. – Послушай, если хочешь продолжать оставаться мундумугу, я тебе офис арендую или… – голос его стал презрительным, – или просто куплю тебе клочок грязной земли, чтоб ты там сидел и проповедовал. Но в моем доме не смей.

– Прихожанам отца Нгомы, вероятно, не нравятся его наставления, – заметил я, – в противном случае они бы не искали совета в другом месте.

– Я не хочу, чтобы ты впредь говорил с ними. Понятно?

– Да, – сказал я. – Я понял, что ты не хочешь, чтобы я впредь говорил с ними.

– Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду! – взорвался он. – Никаких больше словесных игр! Они, может, и работали на Кириньяге, но тут не сработают! Я слишком хорошо тебя знаю!

Он снова уткнулся в свой компьютер.

– Вот что самое интересное, – проговорил я.

– Что? – подозрительно зыркнул он на меня.

– Вот ты тут сидишь, окруженный английскими книгами, учишь французский и защищаешь передо мной жреца итальянской религии. Ты не просто перестал быть кикуйю; думаю, ты даже кенийцем больше не можешь считаться.

Он гневно посмотрел на меня через стол.

– Ты меня бесишь, – повторил он.

* * *

Выйдя из кабинета сына, я покинул дом и сел на аэробус до парка в Мутайге, стремясь на много миль отдалиться от моего сына и его соседей, таких же, как и он. Некогда по этим землям бродили львы. Леопарды таились на свисавших ветках, готовясь прыгнуть на добычу. Дикие звери – зебры, газели, антилопы гну – щипали высокую траву и терлись плечами друг о друга. Жирафы обгрызали вершины акаций, бородавочники рыли норы в земле. Носороги поедали колючие кустарники и яростно вскидывались на любой незнакомый звук.

Затем пришли кикуйю, они расчистили землю, привели с собой скот, быков и коз. Они жили в хижинах из глины и тростника, жили той самой жизнью, к которой мы стремились на Кириньяге.

Но все это осталось в прошлом. В парке не водилось никакого зверья, за исключением белок, шнырявших по привезенному луговому мятлику, да пары птиц-носорогов, сидевшей в гнезде на

одном из пересаженных европейских деревьев. Старики кикуйю, одетые в штаны, куртки и ботинки, сидели на скамейках по всему периметру. Один из них бросал крошки особо наглому скворцу, но в большинстве своем они просто сидели и глядели в пространство.

Я отыскал пустую скамью, но не стал на нее садиться. Мне не хотелось походить на этих людей, которые не видели никого, кроме белок и птичек, а мне виделись львы и импалы, кикуйю в боевой раскраске и масаи в красных одеждах, некогда ступавшие по этим землям.

Я продолжал гулять, ощутив неожиданный прилив сил, несмотря на то что день выдался жарким, а мое старое тело ослабело. Я гулял до сумерек. Я решил не приходить на ужин к моему сыну и невестке, чтобы не слушать разговоров об их скучной работе и постоянных завуалированных намеков на то, что неплохо бы мне убраться в дом престарелых, не сталкиваться с их неспособностью понять, ни почему я вообще отправился на Кириньягу, ни почему вернулся оттуда, так что, не возвращаясь домой, я продолжил бесцельно блуждать по городу.

Наконец я поднял глаза к небу.

«Нгаи, сказал я безмолвно, *я все еще не понимаю. Я был хорошим мундумугу. Я исполнял Твой закон. Я чтил Твои ритуалы. Могли настать день, минута, секунда, когда вместе мы бы спасли Кириньягу, если бы только Ты явил Свое присутствие. Почему Ты покинул ее, когда именно Ты был ей так отчаянно необходим?»*

Я взывал к Нгаи минуты, превратившиеся в часы, однако Он не отвечал.

* * *

В десять часов вечера я решил, что пора посетить лабораторный комплекс, поскольку добираться туда было больше часа, а Камау начинал работу в одиннадцать.

Как и прежде, он снял электронную преграду, впустил меня и провел к небольшому участку травы, где содержали Ахмеда.

– Я не ожидал, что ты так скоро вернешься, мзее, – сказал он.

– Мне больше некуда идти, – сказал я, и он кивнул, словно этот ответ был абсолютно уместным.

Ахмед нервничал, пока ветер не принес ему в ноздри мой запах. Потом повернул морду к северу и стал каждые несколько секунд вытягивать хобот.

– Такое впечатление, что он ждет знака с горы Марсабит, – заметил я, поскольку бывший дом огромного существа находился

в сотнях миль к северу от Найроби – одинокая зеленая гора посреди выжженной пустыни.

– Его вряд ли порадовало бы то, что он бы нашел там, – ответил Камау.

– Почему? – спросил я, ибо в нашей истории не было животного, теснее связанного с определенным местом, чем могучий Ахмед – с Марсабитом.

– Ты разве не читаешь газет, не смотришь новости по головизору?

Я помотал головой.

– Дела черных европейцев меня не интересуют.

– Правительство эвакуировало город Марсабит, расположенный рядом с горой. Они загерметизировали Поющие Колодцы[25] и приказали всем покинуть эту местность.

– Покинуть Марсабит? Зачем?

– Много лет под горой хоронили ядерные отходы, – сказал он. – И лишь лет шесть назад, когда один из контейнеров дал течь, об этом стало известно. Правительство скрывало от людей этот факт, а потом не справилось с утечкой.

– Но как это могло произойти? – спросил я, хотя уже знал ответ. В конце концов, как в Кении происходит вообще все?

– Политика. Взятки. Коррупция.

– Треть Кении занята пустыней, – сказал я. – Почему бы не закапывать их там, где никто не живет и даже не думает путешествовать, чтобы в случае катастрофы, а катастрофы происходят всегда, никто не пострадал?

Он пожал плечами.

– Политика. Взятки. Коррупция, – повторил он. – Таков наш образ жизни.

– Ай, меня это уже не интересует, – сказал я. – Меня не интересует то, что творится на горе в пятистах километрах отсюда, во всяком случае, не больше, чем то, что творится на планете, названной в честь другой горы.

– Это интересует *меня*, – сказал Камау. – Невинных людей облучали радиацией.

– Если они живут у Марсабита, значит, это покоты и рендилле, – заметил я. – Какое до них дело кикуйю?

– Это *люди*, – сказал Камау, – и у меня сердце за них болит.

– Ты хороший человек, – проговорил я. – Я понял это с первого взгляда.

Я выудил несколько орехов из кисета, который носил на шее, – в этом самом кисете я прежде хранил талисманы и заговоренные предметы.

– Я Ахмеду сегодня их купил, – сказал я. – Можно?..

– Конечно, – ответил Камау. – У него очень мало радостей. Он будет рад даже орехам. Просто брось их к его ногам.

– Нет, – сказал я, сделав шаг вперед. – Опусти барьер.

Он опускал силовое поле, пока Ахмед не вытянул над ним хобот. Когда я подошел, огромный зверь осторожно взял орехи у меня с ладони.

– Невероятно! – воскликнул Камау, когда я вернулся. – Даже я осторожно подхожу к Ахмеду, а ты кормишь его с руки, как домашнего питомца.

– Мы последние из своих племен и живем заемной жизнью, – сказал я. – Он чувствует во мне родственную душу.

Я постоял так еще несколько мгновений, потом отправился домой и провел там очередную беспокойную ночь. Я чувствовал, что Нгаи пытается мне что-то сказать, передать какое-то послание в моих видениях, но, хотя я долгие годы толковал сны других, теперь я оказался неспособен истолковать собственные.

* * *

Эдвард стоял на краю красиво подстриженной лужайки, глядя на темнеющие угольях моего костра.

– У меня на террасе отличный камин, – сказал он, безуспешно пытаясь сдержать гнев. – Какого черта ты развел огонь посреди лужайки?

– Там и разводят огонь, – ответил я.

– Не в *этом* доме, понятно?!

– Я постараюсь запомнить.

– Ты хоть знаешь, сколько с меня ландшафтный дизайнер сдерет за причиненный тобой ущерб?

На его лице вдруг возникло встревоженное выражение:

– Ты же не приносил в жертву никаких животных?

– Нет.

– Ты уверен, что ни у кого из соседей собака или кошка не пропала? – настаивал он.

– Я знаю законы, – сказал я. И действительно, законы кикуйю диктовали жертвоприношение коз или другого скота, а не собак или кошек. – Я стараюсь их соблюдать.

– Трудно в это поверить.

– А *ты* их не соблюдаешь, Эдвард, – сказал я.

– Ты о чем? – не понял он.

Я посмотрел на Сьюзен, которая глядела на нас из окна второго этажа.

– У тебя две жены, – указал я. – Младшая живет с тобой, но

старшая – за много километров отсюда, она видит тебя только по выходным, когда ты забираешь у нее детей на выходные. Это ненормально: все жены должны жить вместе с мужем и выполнять работу по дому.

– Линда мне больше не жена, – сказал он. – Ты это прекрасно знаешь. Мы развелись много лет назад.

– Ты мог бы себе позволить обеих, – сказал я. – Ты должен был сохранить обеих.

– В этом обществе у мужчины может быть только одна жена, – ответил Эдвард. – Ты вообще это к чему? Ты ведь жил в Англии и Америке. Ты это прекрасно знаешь.

– Это их законы, а не наши, – сказал я. – Здесь Кения.

– Это одно и то же.

– У мусульман может быть больше одной жены, – настаивал я.

– Я не мусульманин, – сказал он.

– Мужчина кикуйю может иметь столько жен, сколько способен прокормить, – заключил я. – Следовательно, ты и не кикуйю.

– Хватит с меня этих твоих надменных заверений в собственном превосходстве! – взорвался он. – Ты мою мать бросил, потому что она не была истинной кикуйю, – добавил он горько. – Ты отвернулся от моей сестры, потому что она не была истинной кикуйю. В детстве каждый раз, когда ты был мной недоволен, то говорил, что я – не настоящий кикуйю. А теперь ты утверждаешь, что никто из тех тысяч, кто последовал за тобой на Кириньягу, – ненастоящие кикуйю.

Он яростно воззрился на меня.

– Твои стандарты выше самой Кириньяги! Да существует ли вообще во Вселенной хоть один настоящий кикуйю?

– Несомненно, – отвечал я.

– И где же можно увидеть этот образец совершенства? – потребовал он.

– Не сходя с места, – постучал я себя по груди. – Ты смотришь прямо на него.

* * *

Дни мои перетекали один в другой, и их тупая скука нарушалась лишь редкими посещениями лабораторного комплекса по ночам. Затем однажды вечером, когда я подошел к воротам, мне стало ясно, что поведение Камау полностью изменилось.

– Что-то не так, – сказал я прямо. – Ты болен?

– Нет, мзее, совсем нет.

– Тогда в чем дело? – требовательно спросил я.

– Это Ахмед. – Камау не мог сдержать слезы, катившиеся по тропинкам его обветренных щек. – Послезавтра его убьют.

– За что? – удивился я. – Он напал на кого-нибудь из смотрителей?

– Нет, – горько отвечал Камау, – эксперимент сочтен удачным. Теперь они знают, что клонирование слона возможно, а раз так, то зачем содержать его дальше, если можно распилить остаток гранта?

– И что же, – возмутился я, – никому нельзя на них пожаловаться?

– Посмотри на меня, – сказал Камау. – Мне восемьдесят шесть лет. Мне эту работу из жалости дали. Кто меня послушает?

– Надо что-то делать, – сказал я.

Он грустно покачал головой.

– Они – *кехи*, – произнес он. – Необрезанные мальчишки. Они даже не знают смысла слова *мундумугу*. Не унижайся перед ними.

– Если я не унизился упрашивать кикуйю на Кириньяге, – ответил я, – то, уж будь уверен, не унижусь и перед кенийцами в Найроби.

Я пытался игнорировать фоновое гудение лабораторных механизмов и просчитывал варианты. Наконец я поднял глаза к ночному небу. Сквозь смог с трудом пробивалось оранжевое сияние луны.

– Мне понадобится твоя помощь, – сказал я.

– Можешь на нее рассчитывать.

– Отлично. Я вернусь завтра ночью.

Я развернулся на пятках и вышел, даже не остановившись у клетки Ахмеда.

Всю ночь я не спал и составлял план. Утром я выждал, пока мой сын с невесткой покинут дом, затем связался по видеофону с Камау, рассказал ему, что намерен делать и как он может мне помочь. Затем я послал по компьютеру запрос в банк и опустошил свой банковский счет, ибо, хотя я презирал шиллинги и отказывался обналичивать правительственные чеки, моему сыну оказалось проще окружить меня деньгами, чем уважением.

Остаток утра я провел, обходя агентства, где сдавались в аренду летательные аппараты, пока не нашел, что искал. Я попросил девушку показать мне, как им управлять, и практиковался до вечера, после чего завис над лабораторией, а увидев Камау, заложил курс к боковому входу.

– *Джамбо*, мундумугу! – прошептал Камау, снимая барьер на

такую высоту, чтобы тщательно осмотреть и аккуратно пропустить внутрь аппарат. Я сдал назад до клетки Ахмеда, потом откинул заднюю часть корпуса и опустил рампу. Слон с осторожным любопытством наблюдал, как Камау отключает десятифутовую секцию силового поля и позволяет мне продвинуть рампу.

– *Нджоо, тембо*, – сказал я. – Иди сюда, слон.

Он неуверенно шагнул ко мне, потом сделал еще шаг и еще. Достигнув края клетки, остановился, ведь до этого каждый раз, как он переходил через него, то получал удар током. Почти двадцать минут потребовалось, чтобы выманить его за барьер орехами, потом слон все же вышел, неуклюже поднялся по рампе, и за ним закрылся люк. Я запер его в парящей над землей машине, и слон тут же панически затрубил.

– Ты его успокой, пока мы отсюда не убрались, – нервно сказал Камау, когда я присоединился к нему за панелью управления, – или он весь город перебудит.

Я приоткрыл панель в перегородке и тихо, успокаивающе заговорил со слоном – и, как ни странно, вскоре рев стих, а слон перестал шарахаться по отсеку. Я продолжал успокаивать перепуганного зверя, а Камау вел машину прочь от лаборатории. Через двадцать минут мы миновали Нгонг-Хиллс, а еще через час обогнули Тику. Когда спустя девяносто минут мы пролетали мимо Кириньяги – подлинной, увенчанной снежными шапками Кириньяги, с которой Нгаи однажды правил миром, – я не удостоил ее взглядом.

Мы, наверное, являли собой странное зрелище для всех, кто нас замечал: два придурковатых старика мчатся в ночи на грузовозе без номерных знаков с шеститонным чудовищем, которое считалось вымершим уже более двух веков.

– Ты не задумывался, как на него может повлиять радиация? – спросил Камау, когда мы миновали Исиоло и продолжили путь на север.

– Я спрашивал об этом у сына, – ответил я. – Он знает об инциденте и говорит, что загрязнение ограничено нижними склонами горы. – Я помолчал. – Еще он говорит, что вскоре там все прочистят, но я не думаю, что ему в этом можно верить.

– Но Ахмед должен будет пройти через загрязненный радиацией участок, прежде чем поднимется на гору, – сказал Камау.

Я пожал плечами.

– Значит, пройдет. Каждый прожитый им здесь день – дополнительный сверх срока, отведенного в Найроби. Он будет пастись на зеленых склонах горы и пить из ее глубоких холодных

источников, и продлится это столько, сколько будет угодно Нгаи.

– Надеюсь, он проживет долго, – сказал Камау. – Если меня посадят в тюрьму за преступление, я по крайней мере хочу знать, что преследовал добрые цели.

– Никто тебя не посадит, – заверил я его. – С тобой ничего не случится, если не считать увольнения с уже несуществующей должности.

– Меня эта работа кормила, – уныло сказал он.

«Нет, Горящему Копью с тебя не было бы никакого толку, – решил я. – *Ты недостоин его имени. Все так, как я всегда и полагал. Я последний истинный кикуйю».*

Я вытащил оставшиеся деньги из кисета и протянул ему.

– Вот, – сказал я.

– А как же ты, мзее? – спросил он, с трудом сдерживаясь, чтобы не выхватить их у меня.

– Возьми, – сказал я. – Мне они не нужны.

– *Асанте сана*, мзее, – проговорил он, взяв у меня деньги и сунув в карман. – Спасибо тебе, мзее.

Мы молча летели, каждый думал о чем-то своем. Найроби отдалялся все дальше, и я сравнивал свои чувства с теми, какие испытывал, покидая Кению ради Кириньяги. Тогда я был преисполнен оптимизма и уверенности в том, что мы воплотим так ярко представлявшуюся мне Утопию.

В то время я не понимал, что общество способно достичь утопии лишь на миг – став идеальным, оно не может меняться и при этом оставаться утопией. В самой природе общества заложено стремление к росту и переменам. Я не знаю, в какой именно момент Кириньяга стала Утопией; этот миг наступил и миновал, а я его не заметил.

Теперь я снова искал Утопию, на сей раз более ограниченной и более реальной: Утопию для одного, для человека, который хозяин своему уму и скорее умрет, чем пойдет на компромисс. В прошлом я немало ошибался и сейчас не испытывал такой радости, как в день отлета на Кириньягу. Став старше и мудрее, я чувствовал спокойствие и уверенность вместо прежних острых эмоций.

Через час после рассвета мы добрались до высокой, окруженной туманом, поросшей зеленой растительностью горы посреди выжженной пустыни. На горизонте маячил одинокий крутящийся пылевой дьявол.

Мы остановились и открыли отсек со слоном. Затем отступили, позволяя Ахмеду осторожно спуститься по рампе, – в каждом его движении сквозила настороженность. Он сделал несколько шагов, словно проверяя, что под ногами снова

неподвижная земля, затем вскинул хобот, изучая запахи нового – и одновременно старого – дома.

Огромный зверь медленно развернулся к Марсабиту, и внезапно поведение его полностью переменилось. Больше он не осторожничал, больше не боялся – почти минуту он стоял, жадно вдыхая принесенные воздушными потоками запахи. Затем, даже не оглянувшись, уверенно устремился вверх по склону и исчез в лесу. Мгновением позже мы услышали его трубный клич – он поднимался на гору, чтобы снова объявить ее своим царством.

Я развернулся к Камау.

– Ты бы лучше отвел машину обратно, пока ее не начали искать.

– А ты не поедешь со мной? – изумился он.

– Нет, – сказал я. – Я, как и Ахмед, проведу остаток своих дней на Марсабите.

– Но это означает, что тебе тоже понадобится пройти через зараженную радиацией зону.

– И что с того? – беззаботно пожал плечами я. – Я стар. Сколько мне осталось – недели? Месяцы? Вряд ли больше года. Наверняка груз лет моих убьет меня куда быстрее радиации.

– Надеюсь, что ты прав, – сказал Камау. – Иначе я возненавижу себя за то, что бросил тебя умирать в агонии.

– Я видел людей, которые живут в агонии, – ответил я. – Старые мзее без всякой цели собираются по утрам в парке и просто ждут, пока смерть явится за очередным из них. Я не разделю их судьбу.

Тревога мелькнула на его лице, словно тень ранним утром, и я прочитал его мысли: он думал о том, что теперь ему придется вернуться в город и принять на себя всю ответственность.

– Я останусь здесь, с тобой, – сказал он вдруг. – Я не могу отвернуться от Эдема во второй раз.

– Да какой это Эдем, – сказал я. – Это всего лишь гора посреди пустыни.

– И тем не менее я остаюсь. Мы построим новую утопию. Кириньягу, только на этот раз – правильную.

«У меня тут работа, – подумал я. – *Важная работа. А ты покинешь меня под конец, как покинули все. Лучше уж тебе уйти прямо сейчас»*.

– Ты не переживай из-за властей, – сказал я тем же успокаивающим тоном, каким говорил со слоном. – Верни машину моему сыну, он обо всем позаботится.

– А с какой стати? – подозрительно спросил Камау.

– Потому что я всегда доставлял ему неприятности, и если станет известно, что это я украл Ахмеда из правительственной

лаборатории, то неприятность обернется унижением. Поверь мне, он не позволит этому выйти наружу.

– Если твой сын спросит про тебя, что мне ему ответить?

– Правду, – сказал я. – Он не явится сюда.

– А что же его остановит?

– Страх, – сказал я, – что он может меня тут найти и будет обязан забрать с собой.

На лице Камау отражалась его внутренняя битва: ужас вернуться одному боролся с боязнью трудностей жизни на горе.

– Да, мой сын наверняка будет за меня переживать, – произнес он нерешительно, словно полагая, что я стану возражать, или даже надеясь на это. – И я никогда больше не увижу внуков.

«А ты последний кикуйю, скорее даже последний человек, которого я вижу в своей жизни, – подумал я. – *Я позволю себе последнюю ложь, замаскированную под вопрос, и если ты не распознаешь ее, значит, уйдешь с чистой совестью, и это будет означать, что я сотворил последний в своей жизни акт милосердия».*

– Возвращайся домой, друг мой, – сказал я. – Что в жизни может быть важнее внуков?

– Кориба, – взмолился он, – вернись со мной. Они не накажут тебя, если ты объяснишь, почему ты похитил слона.

– Я не вернусь, – сказал я прямо. – Ни сейчас, ни когда-либо еще. Ахмед и я – мы оба пережитки прошлого. Нам лучше доживать свой век тут, вдали от мира, который мы перестали узнавать, где нам нет места.

Камау посмотрел на гору.

– Вы срослись с ним душами, – произнес он.

– Наверное, так, – согласился я. Положил руку ему на плечо. – *Квахери, Камау*.

– *Квахери, мзее*, – неохотно ответил он. – Пожалуйста, помолись Нгаи, чтобы простил мне мою слабость.

Казалось, что он целую вечность заводит двигатель и разворачивает машину в сторону Найроби, но в конце концов он пропал из виду. Тогда я развернулся и начал подниматься по склону.

Я потратил впустую много лет, поскольку искал Нгаи не на той горе. Люди более слабой веры, чем я, могли бы решить, что Он умер или утратил интерес к делам мира, но я-то знал, что если Ахмеда смогли возродить спустя много лет после смерти всех из его племени, то Нгаи обязательно где-то близко, надзирает за этим чудом. Я намеревался провести остаток дня, восстанавливая силы, а утром снова начать поиски Его, теперь

уже на Марсабите.

И в этот раз я был уверен – я найду Его.

Килиманджаро
Утопический миф

Как обычно, посвящается Кэрол, а также Дженис Йен, младшей сестре, которой у меня никогда не было, и Лесли Эндж, внучке, которой я никогда не увидел.

Пролог

2234 год

Нет в Африке зрелища величественнее, чем укрытая снегами вершина Килиманджаро, самой высокой горы на континенте. На южных склонах Килиманджаро был убит крупнейший из когда-либо живших слонов; мой народ верил, что на этой же горе живет Энкаи, наш бог. В ясный день Килиманджаро виден более чем за семьдесят миль. Некогда гора служила домом миллионам зверей и людям племени масаи. Там терлись плечами о стволы акаций слоны, носороги и буйволы, а львы и леопарды ждали беспечных антилоп в засадах у водопоев. А на пологих склонах стояли наши *маньяты.*

Эти дни давно миновали. На горе больше нет животных, да и людей немного. Масаи ныне живут на другом Килиманджаро, и именно об этом Килиманджаро меня попросили рассказать. В 2122 году эвтопические миры терраформировали на орбитах вокруг Земли, и Эвтопический Совет позволил семидесяти трем группам, стремившимся создать собственную культурную утопию, создать хартии для одного из семидесяти трех миров. Не у всех основателей дела пошли так, как они планировали. Коммунистическая Утопия обанкротилась; на мусульманской вспыхнула жестокая гражданская война; христиане-фундаменталисты ждали, что их Бог подаст им пропитание с небес, и посчитали ниже своего достоинства возделывать поля и собирать урожаи, и не просили о помощи, пока большинство не умерло голодной смертью. Другие миры сталкивались с другими проблемами. Некоторые их преодолели и процветают; некоторые разорились и были покинуты. Один искусственный мир вызывал у моего народа особый интерес – Кириньяга, единственная эвтопическая планета, где поселились африканцы – представители народа кикуйю. Поскольку масаи много веков делят с ними Кению, то, стремясь извлечь урок из ошибок кикуйю, мы изучили всю доступную информацию об этом мире и его обществе – все их триумфы и провалы. В ранние дни колонии, когда народом кикуйю руководил человек по имени Кориба, неудач было значительно больше. И только когда Кориба вернулся в Кению, Кириньяга начала функционировать сплоченно… а затем в какой-то момент совсем позабыла об истинном назначении эвтопических миров: создании подлинной культурной Утопии. На Кириньяге минуло сто двенадцать лет от момента заселения планеты, и мир этот по-прежнему обитаем. Однако, по правде говоря, Кириньяга – просто продолжение

Кении. Ей не удалось стать независимым миром, исправившим ошибки, допущенные кенийским обществом – или хотя бы обществом кикуйю. Спустя много лет, даже десятилетий, использования административного ресурса мой народ также добился права на собственную эвтопическую планету; это случилось в 2234 году. Кикуйю назвали свой мир в честь горы, где обитал их бог; мы решили поступить так же – ведь никто не посмеет отрицать, что из двух гор Килиманджаро более впечатляющая, подобно тому, как Энкаи превосходит могуществом Нгаи, бога кикуйю. Получив хартию, мы взяли в оборот терраформистов, наметили контуры будущих ландшафтов, выбрали, каких животных и птиц будем клонировать, какой растительностью засадим поверхность. Я уже упомянул, что мы решили отправиться на Килиманджаро только после того, как старательно изучим историю Кириньяги, чтобы избежать всех их ошибок.

Моя работа – указывать на эти ошибки и разбирать их. Я – Дэвид оле Сайтоти, что означает *Дэвид, сын Сайтоти*, историк по профессии. Мне, в числе полудюжины специалистов, доверили всестороннее изучение Кириньяги, и, поскольку из них только я выбрал эмиграцию на Килиманджаро, на меня была также возложена обязанность вести записи об истории Килиманджаро. Даже просто заселить пустой мир – грандиозная задача. А преобразить его в Утопию масаев – еще тяжелее. Вряд ли у меня будет возможность вести дневник ежедневно, но самые важные эпизоды нашей ранней истории я зафиксирую.

Я еще не знаю, какую форму обретет наша Утопия, однако в одном – располагая всеми примерами, а особенно – из истории Кириньяги, – не сомневаюсь. На этот раз у нас все получится.

1. Рассвет на Килиманджаро

2234 год

Кикуйю были рабами своих традиций, и мы твердо вознамерились избежать этой ошибки. Одежда одного и того же размера подходит не всем, с одним образом жизни то же самое. Масаи сохраняли верность обычаям чуть ли не дольше всех народов Земли, и для тех, кто до сих пор предпочитает традиционный пасторальный уклад жизни, мы отвели половину Килиманджаро, превратив ее в бескрайнее пастбище. До прихода европейцев почти все африканские племена использовали скот в качестве денег. Выкуп за невесту исчисляли в головах скота, вождь наказывал нарушителя, штрафуя его на определенное число голов скота, и так далее. Для масаев скот был особенно важен, поскольку большинство из нас, а в особенности *эльмораны*, молодые воины, питаются смесью крови и молока. Когда того требовали наши религиозные церемонии, мы приносили в жертву бычка или корову и ели мясо, однако их основной функцией было служить средствами обращения и поставлять кровь и молоко. Вестернизированные масаи отбросили красные одеяния и стали носить слаксы, рубашки, платья и деловые костюмы. Они перестали красить головы красной охрой; они сменили скот на деньги, а копья – на портфели. Но они тоже масаи, и их интересы следовало учесть. Поэтому для традиционалистов мы построили маньяты, а для остальных – города. Фермы у нас тоже есть: хотя большинство масаев предпочитает диету из молока, крови и мяса, но многие выросли на западной кухне. На нашей планете пять городов. Я прочитал много гипотез по поводу этого числа: например, пишут, что число пять священно для масаев, или утверждают, что мы бы и рады построить больше городов, но нам не хватило средств, а один, с позволения назвать, ученый даже заявлял, что мы не умеем считать дальше, чем до пяти пальцев на руке. (Вероятно, он так и не узнал, что масаи рождаются с двумя руками – а может быть, у него самого только одна рука, и он полагает что так живут и все остальные.)

Как бы то ни было, истина куда проще их гипотез: у масаев пять кланов – *ильмакесен, ильлайсер, ильмолельян, ильтаарросеро* и *ильикумаи*, и мы построили по городу для каждого, хотя, разумеется, никто не прикован к городу своего клана. Мы поощряем иммиграцию, ведь нам нужно заселять этот мир. Каждого потенциального новичка вводят в курс дела, поскольку мы не хотим, чтобы, прибыв к нам, этот человек разочаровался в нашей Утопии. Частью этого обучения выступает голо о всех

существующих и намеченных к воплощению аспектах жизни на Килиманджаро, чтобы не было сюрпризов. Другую часть составляет документальное голо – по сути, постановка, поскольку ничего западного, включая камеры, туда не допускали, – о первых двух десятилетиях истории Кириньяги, где они видят, как благими намерениями мостится дорога в ад, и понимают, что мы устанавливаем и осуществляем определенные правила и законы не в идеалистическом вакууме, а потому, что научились на чужих ошибках. Мы более чем уверены, что Килиманджаро станет первым миром, который добьется цели и построит Утопию, и решили, что нам нужна политика, чтобы определять, кому будет оказываться предпочтение при иммиграции, когда мы заполним пустующие равнины и города. Это решение станет первым, принятым на совете старейшин. Эвтопический Совет, даровавший нам хартию, вежливо намекнул, что им бы хотелось увидеть на Килиманджаро демократическую структуру, и, наверное, однажды она возникнет, но только при условии, что она разовьется по традициям масаи, а в наших традициях – выносить все вопросы на обсуждение совета старейшин. Проблемы локального уровня решаются местными советами, но иммиграция касается всех, так что в этом случае вопрос будет разбирать совет, состоящий из семи старейшин – по одному от каждого из городов и еще двоих от земли маньят. Первый вопрос: кому будет позволено иммигрировать на Килиманджаро, когда мы достигнем пятидесяти процентов от планируемой численности?

Ответ прост: это мир народа масаи, так что только масаи имеют право поселиться там. Следующий вопрос сложнее: кто такие масаи? Те, кто всегда пас скот и жил в маньятах – масаи-традиционалисты, но в наши дни, в XXIII веке по христианскому календарю, они составляют не более двадцати процентов от всего народа. Большинство масаи переехали в большие города – Найроби и Дар-эс-Салам, Найвашу и Додому; они стали полукровками – но правильно ли так говорить? Я полагаю этот термин наиболее корректным, хотя совет, возможно, предпочтет термин «участники межплеменных браков» с кикуйю, луо, нанди, занаки и другими народами. Дискуссия по этому вопросу длилась четыре дня, и в конце концов постановили, что масаи считаются все, в ком есть хотя бы половина масайской крови. Тогда мы начали понимать, что в Утопии *нет* легко решаемых проблем. Джошуа оле Сайбулл, который на Земле был юристом, а его мать была индианкой, высказал мнение, что такой критерий лишит будущие поколения части прав. Когда его попросили пояснить, он ответил:

– Я сам наполовину масаи. Отец моей жены – рендилле, а ее

мать – масаи. Таким образом, мы с супругой оба наполовину масаи и наши дети тоже. Но, – продолжил он, – если в любой момент за прошлую тысячу лет кто-то из моих предков прижил ребенка с женщиной не из народа масаи, и не забывайте, что мы частенько нападали на кикуйю и другие племена, угоняя их женщин, тогда ДНК-тест покажет, что я масаи даже не наполовину – возможно, на сорок девять процентов, возможно, на сорок пять, но точно не наполовину. Я здесь, моя жена здесь, и я полностью уверен, что никто не подвергает сомнению наше право находиться на Килиманджаро. Однако мои дети и внуки по результатам ДНК-теста могут оказаться масаи меньше, чем наполовину, и может настать день, когда на Килиманджаро окажется больше людей, чем планета сможет прокормить. В какой момент вы заставите моих детей улететь?

Совет старейшин заверил, что такого, конечно же, не случится.

– Даже если мои дети – масаи лишь на сорок процентов? – настаивал Джошуа. Даже в таком случае, уверили его. – Вы приняли весьма тактичное решение, – произнес Джошуа, словно выступая перед судом, но ведь в известном смысле так оно и было. – А что, если у потенциального иммигранта сорок восемь процентов масайской крови? Откажете ли вы ему в праве поселиться на планете масаев, в то время как моим детям, у которых такой крови сорок процентов, – позволите остаться?

Совет старейшин еще обсуждал этот аргумент, как им уже привели следующий.

– Меня зовут Келла Джимо, – сказал выступающий. – Прежде чем прибыть на Килиманджаро, я обитал в северном приграничном округе Кении, но затем долгая засуха осушила мои колодцы и погубила мой скот. – Он дождался, пока стихнет шепот и гул. – Да, я – самбуру. И я заявляю, что у меня ровно столько же прав поселиться здесь, сколько у любого из вас, ибо некогда самбуру и масаи были единым племенем. Оба народа говорили на языке маа, почитали Энкаи, и в жилах наших текла одна кровь. Если вы проведете анализ ДНК самбуру и проследите ее во времени, то окажется, что мы – чистые масаи, во всяком случае, более чистокровные, нежели Джошуа оле Сайбулл или любые другие жители городов Кении и Танзании, вступавшие в межплеменные браки. Настоящим я требую, чтобы в соответствии с вашим же собственным решением народу самбуру были предоставлены такие же права на Килиманджаро, что и народу масаи. *Этот* аргумент они обсуждают до сих пор. Впрочем, хотя эти бомбы с часовыми механизмами могут взорваться спустя много десятилетий, сейчас они вреда не причинят. У нас мир,

который нужно заселить, и много насущных проблем. Одна из самых актуальных – проблема экономики. Горожане пользуются деньгами и кредитками, а скотоводы – скотом. Совет старейшин обязан зафиксировать цену одной коровы, чтобы они могли торговать друг с другом. Скотоводы не делают накоплений и инвестиций; горожанам негде держать скот, даже пожелай они этого. Поскольку мы не хотим принуждать обоих принимать чужеродный для них образ жизни, придется изыскать вариант, устраивающий обе стороны. Работа историка – не только делать записи о событиях, но и учиться на них. Я знаю, что, какую бы цену ни устанавливал совет старейшин, горожане объявят ее завышенной, а скотоводы – заниженной. Тем не менее, когда они устанут препираться, совет *установит* цену, и обе стороны согласятся с ней, поскольку апеллировать им больше не к кому, и еще одна потенциальная преграда на пути к Утопии исчезнет. А есть еще и проблема языка. Когда человек из народа самбуру заявил, что они, как и мы, некогда говорили на языке маа, он был прав настолько, насколько это возможно. Однако сейчас более девяноста пяти процентов масаи пользуются суахили, языком межнационального общения всей Восточной Африки, а девяносто процентов владеют английским, который в свое время был официальным языком Кении и по сей день активно используется для нужд бизнеса, торговли или дипломатии. Каким языком должны пользоваться мы? Если мы останемся пуристами и ограничимся маа, нас никто не поймет вне нашего мира. Если заговорим по-английски, это будет означать, что мы перешли на язык бывших врагов. Если выберем суахили, окажется, что мы будем говорить на языке, который нам не родной и при этом не используется ни в Эвтопическом Совете, ни на бóльшей части Земли. Мы не предвидели такой проблемы, но вскоре придется ее решать. На мой взгляд, наилучшее решение проблемы – игнорировать ее. Если говоришь на языке, понятном аудитории, то обеим сторонам неважно, что это за язык, а если слушателям этот язык непонятен, то, согласно здравому смыслу, участники беседы перепробуют другие наречия, пока не остановятся на понятном всем. Восхитительное время! Даже несмотря на эти болезненные процессы взросления. Мне кажется, что у нас они выражены не так резко, как на большинстве других эвтопических миров. В мои обязанности входит не только хранить нашу историю, но и помогать своему народу учиться на ошибках других миров. Например, я узнал, что Кириньяга, как и многие другие миры, учат нас, что опасно полагаться на очевидную мудрость одного человека вроде Корибы. На Килиманджаро такого не произойдет. Каждому есть что предложить, и лидеры

нашего народа выставили бы себя дураками, не прислушавшись. Например, у масаи лучшие в Восточной Африке врачи, и некоторые из них решили переселиться на Килиманджаро, так что в каждом из пяти городов оборудован самый современный госпиталь. От *мундумугу* на Кириньяге ожидали, что он исцелит любую хворь; наши же пациенты располагают доступом к услугам квалифицированных специалистов. Бессчетные века наш народ жил в гармонии с природой. Поэтому мы создали два крупных природных парка и населили их клонами давно вымерших носорогов, бегемотов и равнинных животных, с правильным количеством хищников, чтобы численность травоядных не выходила за пределы, разумные для парков, и не падала настолько, чтобы невозможно было заменить тех, кто станет добычей львов, леопардов и гиен. Наши парки будет окружать силовое поле, чтобы ни травоядные, ни хищники не выбирались за их пределы и не беспокоили скотоводов. Вероятно, самым важным усовершенствованием стало почти полное истребление мух. Хижины скотоводов построены из навоза, да и по всем маньятам его хватает. Навоз привлекает мух, а те часто разносят заразу. Мухи вездесущи и доставляют крайние неудобства, они так и норовят укусить в глаз, и от их укусов в прошлом ослеп не один ребенок масаи. Наши химики взялись за работу – и вот она, планета без единой навозной мухи. Многие уже переселились туда, и через два дня будут завершены последние города, озера, реки, пастбища и маньяты. В землях скотоводов предусмотрели даже небольшую часовню для тех, кто исповедует христианство. Всего через сорок восемь часов наша Утопия будет, говоря словами Техподдержки, открыта для использования. Жду не дождусь этого мига…

2. Утро на Килиманджаро

2235 год

У нас уже столько запросов на гражданство, что я снизил свой прогноз: тестирование потенциальных иммигрантов на «чистоту» их крови начнется не позднее чем через десять лет. Города уже практически наполовину заселены. О маньятах судить сложнее, поскольку скотоводам доступны все пастбища и стада распределены по всей площади. Надеюсь, после прибытия новых граждан не возникнет проблем с дальнейшим распределением пастбищ. Первые восемь месяцев все шло более или менее гладко. Было несколько территориальных споров, но поскольку территорий у нас в избытке, то решение было найдено быстро. Как я и предвидел, жалобы на несправедливый обменный курс головы скота оказались поистине нескончаемыми, но в итоге обе стороны приняли предложенную советом цифру. Одной из непредвиденных проблем оказался курс самого шиллинга. Поскольку шиллинги – валюта Кении и Танзании, то было решено, что их будут использовать и на Килиманджаро. Тут-то и начались сложности. Кенийский шиллинг дороже танзанийского, поэтому, когда стоимость коровы была приравнена к семистам шиллингам, скотоводы отказались принимать танзанийскую валюту и заявили, что согласны рассчитываться только в кенийских шиллингах. Стало ясно, что новому миру нужна своя валюта, и так возник шиллинг Килиманджаро. Мы не обладали должным опытом в подобных делах и создали себе новую проблему. Нельзя просто взять и напечатать шиллинги, иначе цена им будет не выше бумаги, из которой они сделаны. Их необходимо чем-нибудь обеспечивать: золотом, серебром или какой-то другой валютой. Мы решили привязать нашу валюту к кенийскому шиллингу, поскольку именно с ним большинство привыкло иметь дело на Земле. Любой иммигрант получил право обменять свои кенийские шиллинги на шиллинги Килиманджаро по фиксированному курсу. Казалось, что найдено достаточно простое решение. Но тут Кения вошла в рецессию, и кенийский шиллинг, привязанный к британскому фунту, внезапно обесценился примерно вдвое относительно курса на момент привязки нашей валюты. Вскоре после этого некоторые жители Килиманджаро посетили своих родственников в Кении и вернулись с полными карманами девальвированных кенийских шиллингов; так что пришлось в свой черед уронить курс нашей собственной валюты, и у нас началась рецессия еще серьезнее кенийской. В итоге обменный курс скота к шиллингу стал

плавающим. Скотоводы уверились, что таков и был изначальный план их одурачить, а горожане возмущались зависимостью валюты нового мира от состояния финансов страны, которую мы оставили позади. Их удалось примирить, убедив в том, что Килиманджаро попросту не выживет на основе одного только бартера, ведь горожане ничего не могут предложить скотоводам, а у тех есть только скот. Было больно, произошло некоторое количество болезненных изменений, но мы быстро учимся на своих ошибках, и, когда я пишу эти строки, экономика уже понемногу восстанавливается. И славно, потому что иные, более мелкие проблемы не устают проявляться. Некоторые из них предсказуемы, и мы к ним готовились. Другие – совершенно неожиданны, для них требуются инновационные решения. Взять хотя бы проблему «оле».

Как я уже рассказывал в предыдущем разделе, «оле» означает «сын такого-то». Типичные масайские имена составляются так: Дэвид оле Сайтоти (Дэвид сын Сайтоти – это я), Джошуа оле Сайбулл (Джошуа сын Сайбулла, наш ведущий юрисконсульт) и так далеею А вот имена моей сестры, жены Джошуа и жены моего соседа: Эсьянкики, Малайка, Ледама. Чувствуете разницу?

Ледама прочувствовала и высказала старейшинам свое недовольство.

– Пока мы еще жили в Африке, – начала она, – женщин веками воспринимали как существ второго сорта. На нас возлагалась почти вся тяжелая физическая работа, пока мужчины стерегли стада от леопардов и львов, но даже после того, как львы и леопарды исчезли, такое положение дел сохранялось. Лишь когда мы переселились в города вроде Найроби и Момбасы, мы начали бороться за свои права и в конечном счете добились признания нас равными мужчинам.

– И вы по-прежнему считаетесь равными мужчинам, – отозвался Роберт оле Меели, спикер совета. – В чем состоит твоя жалоба?

– Нас по-прежнему *не* считают равными мужчинам, – настаивала Ледама.

– В чем же? – спросил Роберт. – Вы вольны выбирать себе профессию. Любая должность оплачивается независимо от пола сотрудника. Никто не вправе отказать женщине в приеме на работу. Повторяю: в чем состоит твоя жалоба?

– Неравенство осталось в именах, – ответила Ледама.

Роберт непонимающе взглянул на нее:

– В именах?

– Тебя зовут Роберт сын Меели, – пояснила она. – А я – просто Ледама.

– А что, – уточнил он, – ты предпочла бы зваться Ледамой оле Койяти?

Старейшины хихикнули.

– Я же не сын кого-либо, – сказала Ледама. – Почему бы мне не получить право зваться Ледамой дочерью Койяти?

– Это противоречит тысячелетней традиции, – возразил Роберт.

– Ты сам только что признал: даже тысячи лет недостаточно, чтобы вы научились воспринимать нас как равных себе, – сказала Ледама. – Это что же получается, Килиманджаро – Утопия только для мужчин?

Совет удалился на обсуждение, которое продлилось не более получаса и стало одним из самых коротких заседаний в истории. Старейшины вынесли решение, что, начиная со следующего дня, Ледама будет зваться Ледамой дочерью Койяти. Проблема отпала. На двадцать четыре часа. Потому что на следующий день Ашина, дочь Лемасолаи, обратилась в совет с новой жалобой.

– Почему это я должна зваться дочерью Лемасолаи? – возмутилась она.

– А разве он не твой отец? – спросил Роберт оле Меели.

– Мой.

– Значит, проблемы нет, – ответил он.

– Есть, – настаивала она. – Разве вы не подтвердили вчера, что на Килиманджаро действует равенство полов?

– Действует, – согласился Роберт, хмурясь и пытаясь понять, к чему она ведет.

– Мою мать звали Кибиби, – продолжала Ашина. – Почему мой отец важнее моей матери?

– Но мы никогда не утверждали, что он важнее, – ответил Роберт.

– В таком случае я требую, чтобы меня называли Ашиной дочерью Кибиби.

На сей раз заседание совета продолжалось всего десять минут.

– Вопрос закрыт, – возвестил Роберт оле Меели. – И если завтра кто-нибудь появится потребовать, чтобы в его имени упоминались оба родителя, то, клянусь, я лично его…

– Или *ее,* – уточнила Ашина. —

…или ее скормлю львам, – закончил Роберт.

Эти два дня выдались утомительными и даже унизительными для такого человека, как Роберт оле Меели, но под конец второго дня все женщины планеты знали, что на Килиманджаро действительно существует равенство полов. Проблема отпала. До следующей недели, когда Ледама снова появилась в совете

старейшин и потребовала объяснить, почему члены совета – исключительно мужчины. От этой традиции было сложнее избавиться, но все упиралось в тот же самый треклятый аргумент: Килиманджаро – Утопия для всех своих граждан или только для половины?

Наконец совет согласился с тем, что численность его надлежит увеличить с семи членов до тринадцати, а шесть новых представителей должны быть женского пола, по одной от каждого из пяти городов и одна от маньят.

– Равенство почти соблюдено, – указала Ледама, – но мужчин в совете останется больше.

Роберт ответил, что в совете должно заседать *нечетное* число представителей – просто потому, что иначе неизбежны тупиковые голосования.

– В таком случае пускай обеспечат численное превосходство женщинам, – заявила Ледама.

– Это ущемит права мужчин, – был ответ.

– Мужчины ущемляли права женщин веками, – отпарировала Ледама. – Рассматривайте это как репарацию.

– Я не отвечаю за грехи своих прапрапрадедов, – возразил Роберт, – и не согласен выплачивать репарации за их грехи.

Ледама заспорила с ним, но совет остался непреклонен. На следующей неделе в совете заседали уже тринадцать старейшин, семеро мужчин и шесть женщин. На следующий день после этого исторического заседания жена Роберта оле Меели ушла от него к скотоводам.

3. Середина утра на Килиманджаро

2236 год

Я сидел у себя в кабинете и просматривал заметки на компьютере, когда в дверь постучали. У меня нет секретаря или администратора, поэтому я просто отозвался:

– Входите!

Дверь осталась закрыта. Я встал, пересек кабинет, отворил ее и обнаружил себя лицом к лицу с высоким мальчиком лет двенадцати-тринадцати. Явно из скотоводов: традиционное красное одеяние, в руке – копье. Он был бос, волосы старательно уложены в прическу с косичками, а вид имел такой, словно ему не помешает набрать еще фунтов двадцать.

– Привет, – сказал я по-английски, – разве ты не слышал?..

– Вы Дэвид оле Сайтоти? – спросил он на маа, игнорируя мой вопрос.

– Это я, – я перешел на маа. – Ты не войдешь?

Он с подозрением оглядел мой кабинет, словно опасаясь, что там его ждут демоны; надо полагать, по этой причине он и не вошел сам, когда я позвал в первый раз. Не обнаружив чудовищ внутри, подросток наконец склонил голову и вошел, оперся на копье и принял традиционную позу пастухов: одна нога на полу, другая согнута в колене и прижата подошвой к щиколотке.

– Пожалуйста, садись, – сказал я, обогнул стол и опустился в свое кресло. Кресло парило в нескольких дюймах над полом и подстраивалось под форму тела.

– Я не доверяю креслам, которые висят в воздухе, – ответил подросток. – Я сяду только на трехногий стул, как в маньяте моих родителей.

– В таком случае, увы, тебе придется стоять, – сказал я. – Как тебя зовут?

– Мавензи оле Порола, – произнес он. В наши дни у масаев очень редко не будет имени на западный лад, и у меня на лице отразилось удивление. – Мой отец, давший мне это имя, не забыл наши обычаи, – с ноткой гордости пояснил Мавензи. – Надеюсь, что и вы их помните, иначе мое путешествие окажется напрасным. – Он помолчал. – Трудно у вас здесь найти дорогу, среди улиц и зданий города.

– Ради чего ты проделал весь этот путь, чтобы увидеть меня? – спросил я.

– Вы же историк, не так ли?

– Да.

– В таком случае именно с вами я должен увидеться.

– Если у тебя проблемы в школе… – начал я.

– Я не хожу в школу, – высокомерно перебил мальчишка. – Я настоящий масаи.

– Почти все на Килиманджаро – настоящие масаи, – ответил я. – Это не значит, что масаи должны оставаться неграмотными.

– Я пришел к вам не за лекциями, а за ответами.

– Не могу гарантировать, что будет одно и не будет другого. – Я отвернулся к компьютеру. – Возможно, тебе следовало бы поискать ответы в каком-нибудь другом месте.

– *Нет!* – его голос сорвался на крик.

Я взглянул на него, но промолчал.

– Мне нужны *вы*! – настаивал он.

– Не всегда удается получить желаемое, – ответил я, – а что уж говорить о необходимом. Я не стану разговаривать с тобой, если продолжишь в таком тоне.

Он помолчал, явно борясь с собой. Наконец тело его заметно расслабилось.

– Извините за грубость, – произнес он.

– Вот видишь? – улыбнулся я. – Даже масаи могут извиняться, и конец света от этого не настанет.

– Вы очень странный масаи, – ответил Мавензи.

– А ты в явном затруднении, – сказал я. – Не хочешь рассказать мне об этом?

Он кивнул.

– Мой отец – мой *настоящий* отец – умер.

– Соболезную.

– Это давно было, – смущенно продолжил он. – Моя мать снова вышла замуж.

– Хорошо, – сказал я.

– В том-то и трудность, – ответил Мавензи.

– Тебе не нравится твой новый отец?

– Он хороший человек. Он обеспечивает нас, он не бывает с нами груб, он заботится обо мне и двух моих сестрах, словно о родных детях.

– Раз он женился на твоей матери, – заметил я, – то вы и есть теперь *его* дети.

– Он ни разу не ударил нас, – продолжал Мавензи, – мы никогда не голодали, наш скот здоров и приносит приплод. Моего нового отца уважают. – Он помолчал. – Он, без сомнения, хороший человек.

– Надо полагать, это также каким-нибудь образом связано с твоей проблемой? – спросил я.

Мавензи кивнул:

– Да. Хотя он хороший человек, мне придется вас столкнуть,

и вы обязаны выйти победителем.

У меня отвисла челюсть.

– Ты серьезно предлагаешь мне вызвать твоего нового отца на поединок?

– Нет. Он без труда убил бы вас.

– В таком случае, полагаю, тебе лучше будет прямо объяснить суть твоей проблемы и мое предполагаемое в ней участие.

– Мне четырнадцать, – сказал Мавензи. – В следующем месяце меня должны подвергнуть обрезанию на церемонии, после которой мальчик становится мужчиной. Мой отец выбрал жизнь по старым обычаям и пасет скот, но в Кении он посещал школу и читает книги.

– Он против твоего обрезания? – спросил я.

– Он утверждает, что это варварский обычай, и не позволяет мне пройти церемонию.

Внезапно вся самоуверенность оставила подростка, и Мавензи едва сдерживал слезы.

– Если меня не обрежут, как остальных ребят моего возраста, я никогда не смогу взять себе жену или построить собственную маньяту. Я просто прошу, чтобы меня не выделяли из других. Я не хочу переселяться в город и учиться премудростям у ваших компьютеров. Я не желаю летать высоко над землей в ваших самолетах. Я хочу только быть мужчиной, хочу, чтобы со мной обращались как с мужчиной. Разве я о многом прошу?

– Нет, – ответил я.

– Вы историк, – продолжил мальчик. – Вы могли бы поговорить с моим новым отцом, дать ему понять, как важен этот обычай, напомнить, что так было всегда. Его самого мальчиком обрезали, иначе бы он не смог жениться на моей матери, не имел бы права отрезать косички и красить голову красной охрой. Почему же он отказывает мне в том, чем обладает сам?

Я не мог не отметить высокий интеллект Мавензи. Он знал, что ему нужна помощь в том, чтобы убедить отца и тот позволил Мавензи пройти ритуал, но вместе с тем понимал, что никому из старейшин ближайших поселений, которые знают его отца, это сделать не удастся, так что раскинул мозгами и принял решение прибегнуть к помощи единственного человека, обладающего несомненным авторитетом в области обычаев масаев, – историка. Я восторгался интеллектом Мавензи и возмущался его поведением – до этого я был ученым и хроникером событий на Килиманджаро, а теперь он хотел, чтобы я начал активно участвовать в них. Сначала я подумал было ответить, что его приемный отец проткнет меня копьем за попытку вмешаться в дела семьи. Потом подумал о Мавензи, который дорос, чтобы

стать мужчиной, но всегда будет считать себя неполноценным человеком, потому что он не прошел ритуал обрезания. Я еще не решил, как отреагировать, а Мавензи уже прервал молчание.

– Вы долго молчите, – заметил он. – Что-то не так?

– Нет, я размышляю, – ответил я.

– Вы объясните моему отцу, почему меня должны обрезать?

– Ты преодолел долгий путь, чтобы отыскать меня в городе, который, представляется тебе весьма странным и пугающим, – начал я.

– Весьма странным, – согласился мальчишка, – но я масаи. Я не боюсь ничего.

– Отлично, – сказал я. – Ты нашел меня и просишь у меня помощи. Тебе трудно будет поверить моим словам, раньше меня никто о помощи не просил, и я очень тронут. Раз ты не побоялся явиться сюда, то что ж я буду за масаи, если откажу тебе?

Он попытался скрыть облегчение, но не слишком преуспел.

– Сегодня ночью ты будешь спать в моей квартире, – сказал я, – а завтра мы отправимся в вашу маньяту и поговорим с твоим отцом.

Мальчик явно недоедал – как и *все* скотоводы, – поэтому я решил его покормить. Мне и в голову бы не пришло пригласить его в ресторан; я отвел его к себе и приготовил бутерброд с говядиной. Мавензи с подозрением уставился на них – он никогда раньше не видел нарезанного хлеба, – но наконец откусил, потом съел второй кусок и заглотил весь бутерброд так быстро, что я тут же сделал ему еще один, и его он умял с не меньшим аппетитом. Я предложил ему молока в стакане, но мальчишка отказался, поскольку оно было без крови. Тогда я приготовил из молока мороженое. У меня нашлось немного клубничного сиропа, и я полил им мороженое. Сироп был похож на кровь, и мальчишка решился попробовать. По его лицу стало ясно, что о городе, быть может, он скучать и не станет, а вот о мороженом – до конца дней своих. Я отвел его в спальню для гостей и показал на кровать, после чего ушел к себе. Проснувшись наутро, я обнаружил, что мальчик стащил матрас на пол и спал так. На завтрак он получил мороженое. Потом я вывел машину из гаража. Мавензи видел машины почти каждый день, но еще ни разу на них не ездил. Вскоре он принялся глядеть из окна на каждую достопримечательность, высовываясь так далеко, что я боялся, что он вывалится, если я наеду на кочку. Наконец мы прибыли в их маньяту: скученные ряды хижин из ила и навоза, окруженные изгородью, сплетенной из колючих веток акации. Никакой полезной роли изгородь не выполняла; исторически весь скот загоняли внутрь, охраняя его от хищников, вот только хищников

больше не осталось, но семья Мавензи решила следовать традициям, как и большинство скотоводов. Все пять братьев и сестер Мавензи – двое от родного отца Мавензи, а еще трое – от нового – сбежались, раскрыв глаза от удивления, посмотреть на машину. Спустя минуту вышел мужчина в футболке и шортах, и я сообразил, что это, видимо, и есть отчим Мавензи.

– Мавензи во что-нибудь вляпался? – спросил он у меня по-английски.

– Нет, – ответил я.

– Хорошо. Я забеспокоился, увидев вашу машину. Вы ведь из города? Что он там делал?

– Мавензи обратился ко мне за советом, – начал я осторожно и, раз уж мы оба говорили по-английски, протянул руку для пожатия. – Я Дэвид оле Сайтоти.

– Я Сэмюэль, – ответил он.

– Просто Сэмюэль?

– Сэмюэля будет достаточно. Какого именно совета просил у вас Мавензи?

– Он обратился ко мне за советом как к историку, – объяснил я.

Он кивнул:

– Я так и подумал. Ну что ж, давайте пройдемся и побеседуем. Не стоит обсуждать это в присутствии детей.

Он пошел к стаду, и я присоединился.

– Это ведь насчет церемонии обрезания, не так ли? – спросил Сэмюэль.

– Да, – ответил я.

– Он утверждает, что я жестокий бессердечный человек и ненастоящий масаи?

– О нет, Сэмюэль, – ответил я, – напротив, он крайне уважительно отзывается о вас.

– Правда? – удивился он. – Какая неожиданность. Я-то знаю, чего ему это стоило.

– Тогда почему бы не позволить ему обрезаться? – спросил я.

– У меня на то свои причины.

– Вероятно, вам лучше будет поделиться ими со мной, – предложил я.

– Вы историк, – бросил он. – Вы сюда приехали по просьбе Мавензи и как его защитник. Вы будете рассказывать мне, что обрезание – традиционный для масаев обряд перехода во взрослую жизнь, что его практиковали тысячелетиями и что я опозорю мальчишку, если не разрешу ему его пройти.

– Вы о нем заботитесь? – спросил я.

– Я люблю его так, словно он мой родной сын, – сказал

Сэмюэль.

– Тогда почему вы отказываете ему в обряде взросления?

– Это варварский и жестокий обычай! – выплюнул Сэмюэль.

– Тем не менее вы сами обрезаны, – возразил я.

– Да.

– И вам это не причинило вреда.

– Не причинило.

– Тогда почему?..

Он долго размышлял над ответом. Потом остановился и развернулся ко мне.

– Мать Мавензи – не первая моя жена, – начал он. – Моя первая супруга умерла, но прежде, чем это случилось, у нас был сын. Он был очень похож на Мавензи: смелый и умный мальчик. И, как Мавензи, он крайне гордился тем, что он масаи, весьма почитая наши обычаи.

– Включая обрезание? – спросил я.

– Включая обрезание, – ответил Сэмюэль.

– Он, вероятно, сейчас уже молодой человек, – произнес я, раздумывая, куда клонит собеседник. – Он живет на Килиманджаро?

– Он умер, – сказал Сэмюэль, и я увидел боль на его лице. – Он умер от инфекции, которую ему занесли во время церемонии обрезания. В тот день я отказался от всех своих имен, кроме Сэмюэля. Я снял красное одеяние, начал отращивать волосы и поклялся, что никого из детей своих больше никогда не позволю обреза́ть.

– Понимаю, – сказал я.

– Это жестокий обычай, – продолжил он. – У нас есть больницы со стерильными инструментами, одноразовые перчатки для хирургов и медсестер, антисептики для всех предметов в здании. И тем не менее меня обреза́ли, когда я стоял по колено в грязном потоке, ножом, которым перед тем иссекали крайнюю плоть всем моим одногодкам, и на лезвии еще не высохла их кровь. Я знал, что масаи не вправе выказывать боль, и стоял недвижим, как статуя, несмотря на мучения. Я не представлял себе побочных эффектов от церемонии. Я очень гордился собой, как спустя много лет – гордился тем, что теперь настал черед моего сына пройти ритуал. Когда он заболел, я отвел его к *лайбони* и, лишь когда ему не удалось его вылечить, – отвез в городскую больницу, а там сказали, что спасти его невозможно, ибо дело зашло уже слишком далеко. В тот день я выбросил свое красное одеяние, отшвырнул копье и начал снова отращивать волосы. – На лице его была написана яростная решимость. – Я не потеряю второго сына из-за этой идиотской церемонии!

– Понимаю, – повторил я. Лайбони – это наше имя для знахаря.

– Разве это жестоко? – спросил он требовательно.

– Вовсе нет, – ответил я. – Но ваше решение может иметь жестокие последствия. Мавензи не позволят взять себе жену и не разрешат выстроить собственную маньяту.

– Лишь если он останется здесь, – он обвел саванну широким жестом. – В городе ему не станут чинить таких препятствий.

– Но он желает прожить традиционную жизнь скотовода, – заметил я, – и этого он будет лишен.

– Если с ним произойдет то же самое, что с моим первым сыном, – резко ответил Сэмюэль, – он лишится всей жизни.

– Должен найтись компромисс, – сказал я.

– Решение, устраивающее обе стороны, найти не удастся, – возразил Сэмюэль.

– Возможно, – согласился я, – но я пообещал Мавензи попытаться, и я сдержу данное ему слово.

Он ушел ухаживать за скотом, а я остался на месте, размышляя над ситуацией. Действительно, положение выглядело безвыходным; у каждой стороны были серьезные моральные аргументы. Сэмюэль не хотел обрезания Мавензи, это было вполне разумно и отражало его отцовскую любовь и тревогу, а Мавензи требовал полагавшегося ему по рождению перехода во взрослую жизнь, и это было не менее разумно. Я постепенно осознал, что имею дело с этической дилеммой и, следовательно, должен рассуждать как специалист по этике. Но я – не он. Я – историк, и если мне суждено найти приемлемое решение, то лишь опираясь на свои профессиональные знания. Поняв, какой подход требуется в данном случае, я начал осознавать, как именно можно решить проблему. Наконец я направился обратно к хижине Мавензи. Мальчик ожидал меня, стараясь не выказывать беспокойства или чрезмерной надежды. Я попросил его послать кого-нибудь из братьев в поля за Сэмюэлем. Когда тот вернулся, они оба сели на трехногие стулья, а я начал мерить шагами хижину, глядя на них.

– Ты просил меня о помощи, – сказал я Мавензи. – А вы, – обратился я к Сэмюэлю, – не отказали мне в праве ему помочь.

– Это так, – сказал Сэмюэль.

– Я историк, – продолжал я, – и потому обращаюсь к истории. До XVIII века по христианскому календарю (то есть пять веков назад) у масаи почти не было истории, но это не значит, что мир начался тогда. Письменные источники китайцев и египтян уходят в прошлое на тысячи лет, как и у евреев, что в нашем случае важнее. Евреи обрезали своих детей мужского пола за

тысячелетия до того, как *возник* народ масаи.

– И продолжают это делать? – спросил Мавензи.

– Да, – сказал я. – Но не в реках или ручьях и не пользуются нестерильными инструментами. Почти во всех случаях они обращаются в госпиталь, где созданы условия, гарантирующие, что никто не заболеет и не умрет от этой церемонии. Многие христиане тоже обрезаются в госпиталях. Я повернулся к Сэмюэлю. – Если Мавензи обрежут в госпитале, вы не станете возражать?

– Нет, – сказал он.

– Мавензи, – произнес я, – если тебя обрежут в одиночестве и не лайбони, а врач, тебя это устроит?

– А не может доктор приехать к нам и обрезать всех согласно обычаю? – спросил он.

Я покачал головой:

– Ни один доктор не согласится поступить так, поскольку традиционное обрезание может вызвать инфекцию и болезни.

Мавензи на миг растерялся, но затем поднял голову:

– Хорошо, я согласен, но при условии, что в маньятах узнают о моем обрезании.

– Узнают, – пообещал Сэмюэль.

На следующее утро Мавензи стал первым масаи, которого обрезал в стерильных условиях профессиональный врач. И тут началось что-то странное. Внезапно юноши стали забрасывать нас просьбами о том, чтоб их обреза́ли таким же образом, ибо не видели нужды подвергаться боли, если ее можно избежать. Они были гордыми, и никто не вызвался бы первым, но раз Мавензи поступил так, то с охотой последовали за ним. Некоторые девочки тоже попросились обреза́ться в больнице, но доктора категорически отказались: врачи заявили, что процедура женского обрезания не несет никакой медицинской пользы, что это жестокое издевательство над природой. Девочек продолжали обреза́ть по старым обычаям, но некоторые нашли в себе смелость отказаться, и думаю, что на следующий год таких станет больше. Нельзя выиграть все сражения, но при должной настойчивости можно выиграть войну. Это произошло три месяца назад. Пока что не выявлено ни одного случая инфекции после обрезания, а все благодаря юноше, который настоял на соблюдении обычаев вопреки отцовской воле, и историку, который нашел решение в истории народа куда более древнего, чем масаи.

4. Полдень на Килиманджаро

2237 год

Я только что вернулся из поездки в природный парк, которая меня, как обычно, освежила. Масаи веками жили в гармонии с природой, делили свои земли с дикими обитателями африканской природы, а потом, как гром средь ясного неба, обнаружили, что не осталось никого. Большие кошки, толстокожие, травоядные и хищники – все сгинули. Разумеется, тому посодействовали браконьеры, но основной причиной вымирания животных стала потеря естественной среды обитания. Животные способны восстановить численность после браконьерских рейдов, болезней или засухи, но если человек вытесняет с места обитания, то им просто *некуда* возвращаться. Поэтому для меня, как для историка, сведущего в старом образе жизни, особенно приятно сидеть в машине у водопоя и наблюдать за импалами и зебрами, каннами и буйволами, которые спускаются к воде. Вернувшись в офис, я обнаружил, что перед зданием нетерпеливо вышагивает мой друг – юрист Джошуа оле Сайбулл.

– Привет, Дэвид, – произнес он по-английски, завидев меня. – Где тебя носит?

– В природном парке, – ответил я.

– Опять? – удивленно рассмеялся он. – Ты историк или натуралист?

– Обычный человек, который отдыхает, наблюдая за жизнью зверей, – ответил я. – Ты пришел со мной поговорить?

– А зачем бы еще мне являться в эту тесную дыру, битком набитую учеными?

– Ну что ж, пройдем ко мне в кабинет. Посмотрим, чем я могу тебе помочь.

– Лично мне – ничем, – сказал он, пока я шел по коридору, поворачивал к моей двери и открывал кодовый замок. Он последовал за мной и вошел в тесный кабинет. – Но Уильяму Блюмлейну – всем.

– Кто такой Уильям Блюмлейн? – спросил я, пока Джошуа устроился в том же кресле, которое годом раньше отверг Мавензи.

– Ты слишком много занят историей, – заметил Джошуа.

– Это моя работа, – сказал я.

– Это – человек, которого будут изучать и которым будут восхищаться историки следующего века.

– Просвети меня. – Я наконец устроился за столом.

– Уильям Блюмлейн – один из ведущих земных социологов, – сказал Джошуа.

– Уильям Блюмлейн, – произнес я. – Он белый?

– Да, – сказал он.

– Я так и предположил по его имени, – заметил я. – Что же, поведай мне о нем.

– Он хочет поселиться здесь, – сообщил Джошуа. – Он десять лет изучал масаи в Кении и Танзании, а теперь желает иммигрировать на Килиманджаро и провести здесь остаток жизни, исследуя нас.

– Зачем? – спросил я.

– А зачем ты изучаешь историю? – парировал Джошуа. – Он увлечен масаи. Единственная разница между вами в том, что ты занимаешься прошлым, а он – настоящим и будущим. – Он помолчал. – Поверь, Дэвид, этот человек может для нас много сделать.

– Ну ладно, – протянул я, – не сомневаюсь в твоей оценке. И в чем проблемы?

– А ты как думаешь? – огрызнулся он. – Тупоголовые старейшины из совета не хотят пускать его сюда.

– Я полагал, что правило пятидесяти процентов не действует, пока мы еще не полностью заселили планету, – заметил я. – Мы вполне можем себе позволить еще семь-восемь тысяч иммигрантов или даже немного больше.

– Они против, потому что в нем вообще нет крови масаев.

– Чушь, – я покачал головой. – Я точно знаю, что они в прошлом месяце приняли зулусскую семью, у которой ни капли масайской крови. А за месяц до того – двух мтабеле, и…

– Блин, Дэвид! – не выдержал Джошуа. – Глаза разуй!

Не в крови дело, а в *цвете*!

– В нашей хартии не сказано, что гражданами Килиманджаро не могут стать белые, – заметил я.

– А еще в нашей хартии нет ничего о том, что старейшины совета могут повести себя как вменяемые люди и принять его, – сказал Джошуа. – Но если не примут, то это вскоре вызовет обратную реакцию. Дело не только в том, что больше ни один белый не захочет жить здесь. Мы лишимся содействия тех, кто обслуживает компьютерные системы Техподдержки, помогает клонировать животных, экспортирует нам сырье, которое нужно для расширения городов, – все они откажутся от сотрудничества с миром фанатиков. Мы всех белых инвесторов распугаем.

– Вполне возможно, – согласился я.

– Я буду представлять его интересы в совете, – сказал Джошуа. – Ты можешь нам помочь.

– Помогу бесплатно, – сказал я. – Мне наплевать на реакцию белых или будущие инвестиции в экономику. Меня беспокоит лишь моральная сторона дела, и раз мы тут строим Утопию, то отказать человеку в гражданстве на основании одного лишь цвета его кожи, несомненно, аморально.

– Отлично. Я знал, что могу на тебя положиться.

– Ты радуйся, что я – единственный историк Килиманджаро, – проговорил я. – Любой другой мог бы тебе пояснить, что это обычная расплата за старое. Белые угнетали черных много веков, одно время доходило до работорговли.

– Да это много веков назад было, – нетерпеливо ответил он.

– Моя работа как раз и состоит в том, чтобы изучать события многовековой давности, – заметил я.

– Меня больше интересуют события следующей недели, – сказал Джошуа. – Уильям – гениальный человек, он честен. Он желает лишь провести среди нас остаток дней своих, изучать нас и систематизировать свои знания для следующих поколений, в том числе – для будущих масаев. Подумай об этом, Дэвид: бóльшую часть знаний о нашем народе, за исключением двух последних веков, ты черпаешь из европейских и арабских источников. У нас не было ни письменности, ни просто интереса к сохранению своей истории. Теперь у нас не только имеется официальный историк, – он мотнул головой в мою сторону, – но и появляется шанс переманить к себе одного из ведущих социологов Земли. Было бы крайне глупо не разрешить ему жить здесь.

– Ты не меня должен убеждать, – сказал я. – У меня никаких проблем с местными жителями, кроме преступников, конечно. Ты должен будешь переубедить Роберта оле Меели и совет.

– Да знаю я, знаю, – устало отозвался он. – Трудность в том, что нет более высокой инстанции, куда я мог бы апеллировать. А совет наверняка настроен против Блюмлейна.

– А он может приехать по приглашению? – спросил я.

– Приглашению? – нахмурился он.

– Как турист.

– У нас нет туристической отрасли, – возразил Джошуа, – где он сможет остановиться?

– В любом из пяти городов наверняка найдутся пустые дома или апартаменты, – сказал я. – Будь это не так, мы бы уже закрылись для иммиграции. А может, он предпочтет поселиться со скотоводами в маньяте. Несомненно, соорудить для него новое *бома* труда не составит.

– У нас нет никаких законов, регулирующих приезжих, – сказал Джошуа. – Уверен, что, если бы кто-то из масаи изъявил

желание навестить своих родственников здесь, совет без труда одобрил бы его просьбу, и это бы создало прецедент. Но заявление Уильяма Блюмлейна будет рассматриваться через считаные дни, и я просто не успею ничего организовать.

– Я сделаю все, что в моих силах, – ответил я, – но ты юрист. Тебе лучше знать, какие аргументы привести в защиту своего клиента, поскольку все, что я могу сказать, – так это то, что вся наша история подсказывает, что белая раса нагло эксплуатировала черную и мы ничего им не должны.

– Но ты же историк, – сказал он. – Не можешь же ты верить в эти басни.

– Я убежден, что нас эксплуатировали, – ответил я. – Однако я не верю, что ответственность за это лежит на Уильяме Блюмлейне или ком бы то ни было еще из нынешних жителей Земли или эвтопических колоний.

– Надеюсь, ты мне поможешь с аргументами в совете.

– Я не собираюсь выступать перед советом, – заявил я. – *Ты* у нас юрист. А я историк. Говорить будешь ты.

– Ну, спасибо, – саркастически отозвался он.

– Я приложу все усилия, чтобы помочь тебе подготовиться к выступлению, – сказал я. – Ты именно этого и хотел.

– Ты честен, – согласился он. – Блюмлейн прибывает на Килиманджаро завтра. Можно тебя пригласить к нам на ужин?

– Я подумаю, – сказал я.

– О чем тут думать? – спросил Джошуа.

– А если он мне не понравится? – ответил я.

– Ты в любом случае сделаешь все, чтобы помочь мне, не потому, что он тебе понравится или не понравится, а потому, что мы оба знаем – так будет правильно, – убежденно заявил он. – Я жду тебя завтра вечером.

– Хорошо, я приду, – согласился я.

Остаток дня и все следующее утро я провел, изучая исторические документы, причем не Килиманджаро, чья история насчитывала неполных четыре года, а Кириньяги и прочих эвтопических планет. Особое внимание я уделил иммиграционному законодательству, разыскивая исторические, если не юридические, прецеденты. Когда я появился у Джошуа, Уильям Блюмлейн уже был там. Дом моего друга примерно в равном соотношении завален старинными юридическими книгами, которых Джошуа никогда не читал, поскольку их электронные версии проще открыть на компьютере, и замысловатыми гаджетами, которые он импульсивно покупает и, принеся домой, никогда больше не запускает. Блюмлейн оказался седовласым улыбчивым толстячком-коротышкой лет пятидесяти с

густыми усами. Он сразу же расположил меня к себе, и в таком настроении я провел остаток ужина, хотя было ясно, что и умственные способности Блюмлейна поистине выдающиеся. Его занимало все, и казалось, что он хоть немного, но знает обо всем на свете. Он мне понравился. Меня раздражала мысль, что Килиманджаро рискует лишиться столь ценного потенциального гражданина. К сожалению, я понятия не имел, как уломать членов совета изменить свое мнение. Они уже ознакомились с его заслугами и репутацией и тем не менее не хотели пускать Блюмлейна в наш мир. Следующие два дня я занимался тем, что составлял заметки о самых либеральных иммиграционных законодательствах за последние пятьсот лет, а потом вычеркнул все неудавшиеся случаи. Компьютер переслал Джошуа итоговый доклад, а я показывал Блюмлейну город и близлежащие маньяты, пока Джошуа корпел над речью.

– Невероятно! – восклицал Блюмлейн, когда мы ехали в город из последней осмотренной маньяты. – Они живут здесь так, как жили их предки много веков назад, и тем не менее не испытывают необходимости приспосабливаться к очевидным городским удобствам.

– Мы столетиями сражались против вестернизации своей культуры, – напомнил я ему. – Килиманджаро всего три с половиной года.

– О да, но тут же нет европейцев, арабов или индийцев, как в ваших городах на Земле, – чужих народов, которых следует сторониться. Этими преимуществами пользуются только масаи. Я нахожу весьма примечательным, что масаи вообще остаются жить в маньятах без электричества, водопровода и современной медицины, в то время как по соседству в городском комфорте обитают их родичи.

– Не сомневаюсь, что вы найдете этому объяснение, – сказал я, – и будущий представитель моей профессии ознакомит других с вашими выводами.

– Иначе говоря, у вас нет собственного мнения на сей счет, – подмигнул он.

– Мнение есть у любого, – сказал я. – У меня нет фактов.

– Отлично сказано!

При всех своих наградах и ученых степенях я никогда не испытывал такой гордости: вероятно, из-за того, *кто* удостоил меня комплиментом. Я хотел поблагодарить его, но он уже отвлекся, рассуждая об эрзац-термитниках и выходах скальной породы, пытаясь сообразить, как именно инженеры Техподдержки их сконструировали. Мы вернулись в город уже в сумерках, а следующим утром я присоединился к Джошуа и Блюмлейну на

заседании совета. Из рядовых слушателей присутствовала лишь Ледама; она сидела словно статуя, глядя прямо перед собой и едва заметно хмурясь.

– Она как-то в этом участвует? – шепнул я Джошуа, прежде чем тот поднялся выступить с речью.

– Нет, – сказал он. – Она сидит тут каждый день. Если совет выносит решение, которое расходится с ее представлениями о справедливости, а так бывает в большинстве случаев, она поднимает жуткий гам. Не думаю, чтобы она вообще была в курсе повестки дня.

После этого Джошуа начал выступление, но все его аргументы не имели абсолютно никакого успеха. Эта пародия вынудила меня стыдиться своих соплеменников. Перед ними человек, который готов выполнить и платить все то, что нужно для получения гражданства, создатель трудов о Килиманджаро и масаи, которые обречены стать классикой, не требующий к себе никакого особого отношения, а тем не менее Роберт оле Меели и остальные не прониклись ни искренностью его намерений, ни доводами Джошуа оле Сайбулла. Я видел, что нужное решение ускользает, и Джошуа понимал это сам, но был бессилен. Старейшины закоснели в невежестве и предрассудках; было очевидно, что Уильяму Блюмлейну придется остаток жизни приносить известность какой-нибудь другой культуре. Объявили перерыв; мы с Джошуа и Блюмлейном вышли перекусить во дворик.

– Этих придурков не уломать, – посетовал Джошуа. – Они глухи к моим доводам.

– Надежды никакой? – спросил Блюмлейн.

– Боюсь, никакой, – ответил Джошуа. – Ну, прения еще не закончены. Я буду говорить остаток вечера и, вероятно, часть завтрашнего утра. Попрошу Дэвида обосновать исторические причины свободной иммиграции, а еще у меня припасены голозаписи от ваших коллег, где они заверяют, что ваше присутствие сделает честь нашему обществу, но… все это не сработает.

– Черт! – пробормотал Блюмлейн. – И больше ничего нельзя сделать?

– Можно, – с отвращением проговорил Джошуа. – Выйти в поток транспорта и дать машине вас сбить. Если для переливания использовать достаточно масайской крови, никто не посмеет отрицать вашу кровную принадлежность к нашему народу. Иначе…

– Постой-ка, – перебил я. – А ну повтори.

– Что повторить? – не понял Джошуа.

– Если для переливания использовать достаточно…

– Тогда по их же собственным законам он станет масаи, – сказал Джошуа. – Но ты же не всерьез собираешься предложить Уильяму…

– Нет, – сказал я, – но ты натолкнул меня на идею. Сперва позволь задать вопрос. – Я развернулся к Блюмлейну: – Вы женаты?

– Я вдовец, – ответил Блюмлейн.

– Как далеко вы способны пойти в своем стремлении получить гражданство?

– *Очень* далеко, – сказал Блюмлейн.

Джошуа большую часть вечера потратил, переиначивая ранее выдвинутые доводы, а я сидел у дальней стены зала заседаний и крутил в голове пришедшую идею. Наконец прения объявили закрытыми до завтра, залы совета опустели, и Джошуа повел Блюмлейна к своей машине. Я задержался, высматривая Ледаму, и, когда заметил, что она покидает здание, поспешил ей наперерез.

– Добрый вечер, – радушно поздоровался я.

– Ты это серьезно? – рявкнула она. – Эти идиоты собираются отказать в гражданстве человеку, которым бы гордился любой мир!

– Ну, у нас свои обычаи, приходится их соблюдать. В конце концов, он ведь не масаи по крови.

– У нас и другие тут есть, в ком ни капли масайской крови, – сердито ответила она.

– Но зулусы, мтебеле и прочие африканцы прошли ритуал обрезания.

– Ты всерьез полагаешь, что белый человек по фамилии Блюмлейн не проходил церемонию обрезания? – поинтересовалась она.

– Нет, – сказал я. – Но мне жаль, что нет способа сделать его масаи.

– Нельзя *сделать* кого-то масаи, – окрысилась она. – Ты им либо рождаешься, либо нет. И только.

– Ну да, наверное, – протянул я. – В конце концов, его же не угоняли при набеге, не принуждали вступить в брак с масаи.

Она остановилась и посмотрела на меня, и я понял, что донес до нее свою мысль.

– Я просто вслух рассуждаю, – сказал я. – Набеги на другие племена не совершают уже много веков, да и потом, он ведь не женщина, чтоб его воин себе в жены взял.

Ледама снова не ответила, явно задумавшись. Я пошел дальше к машине, где меня ждали Джошуа и Блюмлейн.

– Что все *это* значило? – потребовал ответа Джошуа.

– Я ненадолго заделался фермером, – ответил я.

– О чем ты?

– Я заронил семя в самую плодородную почву на Килиманджаро, – сказал я. – Завтра утром посмотрим, суждено ему ли пустить корни и дать всходы.

– Ладно лайбони, они общаются только с духами, – посетовал Джошуа, – но почему историки и социологи стали говорить загадками?

Блюмлейн искренне расхохотался, вставил уместно юморную реплику, и разговор пошел своим чередом. На следующее утро, когда члены совета расселись по местам, Джошуа собрался было продолжить выступление, но тяжелая рука на плече удержала его. Рука принадлежала Ледаме, которая вышла перед Робертом оле Меели.

– Что на этот раз? – устало проговорил тот – это был очередной раз, и отлично знал, что будет дальше.

– Нам есть что обсудить, – возвестила Ледама.

– Это может подождать, – ответил Роберт. – Мы разбираем дело Уильяма Блюмлейна.

– Эти дела связаны друг с другом, – настаивала Ледама. – Сначала совет должен выслушать меня.

– Но… – начал Роберт.

– Или ты хочешь, чтобы все узнали, что ты запрещаешь женщине обращаться к совету старейшин? – продолжила она.

Роберт испустил тяжкий вздох.

– Говори, Ледама, дочь Нтайи.

– Я полагала, что Килиманджаро задумывали как Утопию, – начала она.

– Мы делаем для этого все, что в наших силах, – ответил Роберт.

– Лишь для половины населения, – ответила она. – Для мужской половины.

– Ну что тебе еще? – мученически закричал Роберт.

– Сколько у тебя жен, Роберт оле Меели? – спросила Ледама.

– Три, – сказал он.

– Почему? – спросила Ледама.

Роберт пришел в неподдельное изумление.

– Почему? – повторил он. – Потому что я так хотел и мог себе позволить дать за них выкуп.

– Потому что ты так хотел, – повторила она.

– Да.

– Сколько мужей может иметь женщина масаи?

– Одного.

– Вот видишь! – торжествующе воскликнула она. – Не может быть никакой Утопии на Килиманджаро, пока женщинам отказывают в том, что доступно мужчинам.

– Мы бреем лица, а вы – нет. Вы рожаете детей, а мы нет. Есть вещи, которые доступны только одному из полов. Вероятно, тебе стоило бы подать жалобу Энкаи, который сотворил нас такими разными.

– Ты говоришь о различиях по рождению, которые нельзя изменить. Я же говорю о *правах*, которые вы, мужчины, себе предоставили, а нам, женщинам, предоставлять отказываетесь.

Джошуа вдруг оживился.

– Ее требование законно, – заявил он, – и я буду защищать ее права.

Он подался вперед и что-то шепнул ей – впоследствии я выяснил, что он пообещал обойтись без гонорара. Ледама выразила свое согласие быстрым кивком. Прения продолжались два дня, но в итоге совет старейшин согласился, что для соответствия критериям Утопии на Килиманджаро следует либо установить для всех моногамию, чего многоженцы – члены совета не могли себе позволить, либо узаконить полиандрию наряду с полигамией. Наутро Ледама, у которой уже был один муж, взяла себе Уильяма Блюмлейна вторым мужем. Они договорились, что Ледама останется горожанкой, а Блюмлейн волен уйти к скотоводам и заняться изучением их общества, однако сам факт брака делал его полноправным масаи, как много веков назад к ним приравнивались захваченные в набеге и уведенные в плен женщины кикуйю и нанди. На следующее утро Роберт оле Меели объявил, что слагает полномочия спикера совета старейшин, в течение недели собрал вещи и вернулся в Кению, в дом своих предков на равнинах Лойта.

5. Послеполуденный час на Килиманджаро

2238 год

Мы должны были это предвидеть. Когда Роберт оле Меели улетел в Кению, в совете старейшин осталось поровну мужчин и женщин – по шестеро. Спустя несколько дней совет должен был собраться и определить его преемника. Но не прошло и нескольких минут после отлета Роберта, как Ледама дочь Нтайи и Ашина дочь Кибиби вывели на улицы настоящую демонстрацию из сотен женщин с требованием избрать новым членом совета женщину. Обычно такие проблемы решались голосованием семь против шести, но теперь Роберт сложил полномочия, в совете заседали шесть мужчин и шесть женщин, и, естественно, голосования ни к чему не приводили. Женщины ежедневно излагали совету свои доводы, а после первого дня мужчины стали следовать их примеру. Ежедневно устраивалось голосование, и результат его оставался неизменным: шесть голосов против шести. Я понимал, что рано или поздно совет пошлет за мной. Для этого старейшинам потребовалось ровно шесть дней.

– Дэвид оле Сайтоти, – обратился ко мне исполняющий обязанности спикера Мартин оле Сиронка, – известно ли тебе, зачем совет старейшин призвал тебя?

– Надо полагать, вам понадобились мои знания профессионального историка, – ответил я, – поскольку я больше ничего не умею.

– Ты прав, – сказал Мартин. – И, несомненно, тебе известно о нашей проблеме.

– Известно.

– Каким образом в прошлом решались аналогичные проблемы? – спросил он.

– Никак, – ответил я.

– То есть? – изумился он. – Несомненно, в долгой истории народа масаи…

– …Они никогда не решались, потому что никогда не возникали, – закончил я. – До нашего прибытия на Килиманджаро ни одна женщина не заседала в совете старейшин.

– Так что же, наша история ничему нас не учит?

– История *масаи* – ничему, – ответил я, – однако не исключаю, что в истории других рас отыщутся подходящие случаи.

– И? – спросил Мартин.

– Совет старейшин правит на Килиманджаро, не так ли? – спросил я.

– Разумеется, – нетерпеливо бросил он.

– Вам надлежит помнить, что не у всех племен и рас есть совет старейшин или его эквивалент, – продолжил я. – В ранние периоды письменной истории человечества большинство народов подчинялись королям или вождям, которые занимали свои посты либо по праву рождения, либо путем демонстрации физической мощи; обычно сопровождавшейся убийством предыдущего правителя.

– Ты же не собираешься предложить соискателям места в совете старейшин устроить публичные поединки? – фыркнул он.

Я покачал головой.

– Нет, Мартин оле Сиронка, этого я не предлагаю. Я лишь рассказываю вам, как определяли общественных лидеров в прошлом.

– Не вижу, какой нам прок от твоих рассказов, – проворчал он.

– Я попытаюсь показать вам, – сказал я.

Мартин окинул меня таким взглядом, словно говоря, чтобы я переходил к делу и перестал тратить его драгоценное рабочее время.

– Одна из трудностей режима единоличного правления состоит в том, что король, вождь или военный диктатор часто не в состоянии принимать решения, располагая всей полнотой информации. В конце концов, никто не может знать обо всем, что происходит в подчиненных ему землях в каждый конкретный момент.

– И тогда учреждаются советы старейшин? – спросил кто-то из совета.

– И тогда учреждаются *правительства,* – сказал я. – Королевства и империи становятся чересчур сложно устроены, чтобы ими мог править один человек, так что ими управляет группа лиц, хотя в большинстве случаев решающим является голос одного человека. Иногда такие коллективы называют советами старейшин, в других случаях – парламентами, конгрессами и так далее.

– Тогда ты не предлагаешь вовсе никакого решения, – хмыкнул Мартин. – Ты лишь демонстрируешь, что такая проблема возникает в любом обществе.

– Я еще не закончил, – ответил я.

– Ты слишком занудствуешь, – посетовал он.

– Это потому, что я много знаю об истории, – ответил я. – Как я уже говорил, в истории любого общества наступает момент, когда его сложность превосходит возможности одного правителя, и тогда учреждается коллективное руководство, будь то совет старейшин или какой-нибудь другой орган. Но, – подчеркнул я, –

не каждый такой орган в полной мере отвечает интересам людей, которыми обязан править. Например, предположим, что новый член совета будет избран из горожан, как до него Роберт оле Меели. Далее предположим, что скотоводы посчитают, что им мало платят за скот, и потребуют у совета повысить цену. И наконец, предположим, что члены совета – люди, которым ничто человеческое не чуждо, а раз так, то они голосуют исходя из своих интересов. В этом случае против скотоводов выступят по крайней мере десять членов совета, не так ли?

– Ну да, – сказал Мартин. – К чему ты клонишь, Дэвид оле Сайтоти?

– А вот к чему: в течение многих веков определения советов, парламентов и других органов управления менялись.

– Каким образом?

– Было наконец достигнуто понимание, что подлинная их цель – не править, но *служить*.

– Пустое! – пренебрежительно фыркнул он. – Мы *тоже* служим народу.

– Но в предложенном мною примере, как ты сам только что согласился, вы бы не послужили интересам скотоводов, которые явились бы к вам за помощью. Вы защитили бы лишь собственные интересы. Зачем тогда скотоводам вообще к вам являться?

– Потому что мы – совет старейшин, – ответил он. – Им больше некуда обращаться.

– Есть, – спокойно произнес я. – История показывает, что каждый раз, когда люди чувствуют притеснения и унижения со стороны правительства, они прибегают к определенному инструменту.

– Что же это за инструмент?

– Революция, – сказал я.

– Я больше не хочу этого слушать! – вскричал Мартин, вскочил со своего места и покинул палату. С ним вышли двое мужчин и женщина, но восемь старейшин совета *не* последовали его примеру.

– Много ли революций было в истории? – спросил Айзек оле Олкеджуадо.

– Да.

– А сейчас?

Я покачал головой.

– Они крайне редки.

– И как же их предотвращают? – спросил он.

– Заставляя правительства отвечать за свои действия, – сказал я.

Он выглядел озадаченным:

– Но как?

– В основном – путем выборов, когда люди сами решают, кто должен ими править, – объяснил я. – Причем на регулярной основе, то есть лидера – людям обычно не нравится слово *правитель*, – утратившего способность прислушиваться к чаяниям народа, которому он обязан служить, обычно удается сместить ненасильственным путем, без революции. Если лидер постоянно преследует свои интересы, то на следующих выборах люди проголосуют против его кандидатуры, а это *не* отвечает его целям. И он всегда будет об этом помнить.

– В Кении были выборы, – возразил Айзек. – Мы никогда ими не интересовались, потому что кикуйю и луо всегда выигрывали. Они игнорировали нас, а мы – их.

– Кикуйю и луо не смогут выиграть выборы на Килиманджаро, – сказал я.

– Мы соберем совет завтра утром в полном составе, и ты изложишь свои соображения, – ответил Айзек, – но не особенно надейся на успех этого выступления, поскольку ты просишь нас отдать свою судьбу в чужие руки.

– Так поступают истцы всякий раз, появляясь перед советом старейшин, – заметил я.

– Прибереги свои доводы до завтра, – сказал он. – Мы их выслушаем.

Как ни странно, они *выслушали*. Задали много вопросов, выдвинули многочисленные возражения, но выслушали. Полагаю, мысль о революции в конце концов и принудила их согласиться на выборы.

– Это было легко, – возвестил я, пока они поздравляли друг друга с принятым решением. – Теперь следует составить конституцию.

– Зачем? – спросил Мартин оле Сиронка, который один из всех членов совета голосовал против всеобщего избирательного права.

– Необходим документ, которым бы определялись обязанности – а особенно границы обязанностей – избранных лиц. В нем следует указать промежуток времени между каждыми выборами, а также процедурный порядок заседаний совета. Помнишь спор насчет иммиграции год назад? Вам придется предусмотреть все проблемы, которые только сможете придумать, и если не получится прописать решения в конституции, то необходимо прописать инструкции по принятию решений.

– Это все? – саркастически уточнил Айзек.

– Вы сами увидите: это только начало, – ответил я.

Так и вышло. Наконец, спустя месяц, совет объявил, что

проект конституции готов и вскоре будет вынесен на обсуждение народа.

– Ты не хочешь ознакомиться с конституцией и указать им на ошибки? – спросил я в тот вечер Джошуа оле Сайбулла за ужином в небольшом кафе.

– А зачем? – удивился он. – Там все законно.

– А что, если в конституцию закрался старый обычай, согласно которому не должно одной женщине приносить на свет две души? В таком случае, если она рождает близнецов, один из них наверняка демон – а раз нет возможности установить, кто именно, семья решала проблему, убивая обоих.

– Остается надеяться, – ответил Джошуа, – что они не такие идиоты.

– А что, если в конституции найдется не менее идиотское утверждение, о котором они сами не знают? – спросил я.

– Дэвид, ты не понимаешь, – сказал Джошуа, наливая себе пива. – Мы говорим не про закон или обычай. Мы говорим про конституцию, документ высшей юридической силы на Килиманджаро. Если в ней будет сказано, что буйволы в природных парках наделяются избирательным правом, а взрослые люди – нет, то так тому и быть, ибо таков закон.

– Но… – начал я.

– Ты же историк, Дэвид, – перебил он. – Только отвечай честно: Адольф Гитлер или члены Третьего рейха нарушили хоть один закон своей Германии?

– Но эти законы были приняты незаконно, – возмутился я.

– Ты не ответил на мой вопрос, – сказал Джошуа.

Я долго молчал.

– Это может обернуться катастрофой, – сказал я наконец.

Он пожал плечами.

– Люди получают то правительство, какого заслуживают.

– Давай вернемся к твоему собственному примеру, – резко ответил я. – Немецкие евреи получили правительство или законы, которых *они* заслуживали?

– Ладно, Дэвид, – сдался он. – Завтра загляну в конституцию.

Он не единственный пожелал в нее заглянуть. Ледама изводила совет придирками, пока старейшины не прописали в конституции прямым текстом, что женщина может занимать любую должность. Ее успех так впечатлил юного Мавензи оле Порола, что он возглавил демонстрацию своих сверстников против ограничения минимального возраста избирателей шестнадцатью годами и заставил старейшин изменить соответствующую статью таким образом, что теперь право голоса предоставлялось каждому взрослому, то есть обрезанному, и

только тем, кто по доброй воле решил воздержаться от обрезания (а таких с каждым годом становилось все больше), пришлось бы дожидаться шестнадцати лет, чтобы проголосовать.

Уильям Блюмлейн проявил себя таким идеальным гражданином – со всеми дружил, помогал деньгами всем пяти госпиталям и так далее, – что иммиграционное законодательство решили смягчить еще сильнее. И, разумеется, в документ была вписана возможность полигамии и полиандрии. Вскорости демонстрации перед палатой совета стали ежедневными; люди протестовали против какой-либо статьи предлагаемой конституции или требовали ее дополнить. Одна группа хотела, чтобы официальным языком Килиманджаро стал маа, другая – требовала расширить города и утверждала, что они не смогут привлечь иномирские инвестиции, пока официальным языком останется английский. Третья поставила целью вернуть обязательное обрезание, четвертая – признать его абсолютно незаконным. Еще одна группа намеревалась избавиться от двух природных парков и таким образом расширить территорию, доступную для выпаса скота; их оппоненты собирались не только сохранить существующие парки, но и расширить их, чтобы клонировать слонов, которые не прокормились бы при текущем размере парков. Когда демонстранты начали чертить на земле слоганы, Айзек оле Олкеджуадо послал за мной.

– Дэвид, они совсем от рук отбились, – пожаловался он.

– Ты о чем? – уточнил я.

– Ты вокруг посмотри! – возмутился он. – Голосуйте за! Голосуйте против! Требуйте этого, протестуйте против того! Везде слоганы. Демонстранты пикетируют совет. Это не Килиманджаро, а Европа какая-то!

– Люди выражают свое мнение, – пояснил я.

– Да не в этом дело, – возразил он. – Это же должна быть масайская Утопия, а не английская, французская или американская!

– Изучая Кириньягу, я сделал для себя два вывода, – сказал я ему. – Первый – эволюцию общества остановить невозможно.

– А второй?

– Не всегда можно предвидеть или направить его эволюцию.

– Ты *этого* хочешь? – настаивал он. – Чтобы мужчины и женщины в западной одежде ходили по тротуарам, спорили о политике, как европейцы, а потом возвращались в дома и квартиры с кондиционерами? Это Утопия масаев?

– А ты бы предпочел, чтоб они жили без гроша за душой в хижинах из навоза, чтоб им досаждали мухи, чтоб они не имели никакого понятия о науке и медицине? – огрызнулся я.

– Нет, конечно! – фыркнул он. – Но должна же существовать золотая середина!

– А кто ее выберет? – спросил я. – Ты?

– А почему бы и нет? – неуверенно ответил он. – Я же член совета старейшин.

– А если бы совет старейшин своевременно отвечал на просьбы народа, которому призван служить, – сказал я, – ты думаешь они бы стали день и ночь устраивать демонстрации протеста перед палатой совета?

– Ну и хрен с ним! – взорвался он. – Это *ты* нас подбил написать конституцию и все на Килиманджаро поменять. Каково *твое* видение Утопии масаев?

– Это мир, в котором масаи достигли согласия по вопросу своего образа жизни.

– Но у нас оно *было*!

– Все меняется, – сказал я. – Миры меняются. Общества меняются.

– Но мы же договорились о таком общественном устройстве, когда прибыли сюда! – посетовал он.

– Разве Ашина соглашалась, чтоб ей отказали от места в совете старейшин? – ответил я. – Разве Сэмюэль, отец Мавензи, соглашался повторить церемонию, от которой погиб его первый сын? Разве Ледама соглашалась именоваться только по одному имени? Посмотри вокруг, Айзек: Килиманджаро *уже* эволюционирует. Я месяца три-четыре не виделся с Уильямом Блюмлейном, последний раз еще до того, как все закрутилось, но думаю, что он тебе скажет то же самое: процесс абсолютно естественный.

– Да что он знает? – окрысился Айзек. – Он не масаи.

– Он женат на масаи, – заметил я. – Как бы *ты* его назвал?

– Белым завоевателем.

Я покачал головой:

– Он масаи. Ваш собственный совет это постановил.

Он вроде бы собрался спорить, но потом развернулся на пятках и ушел. Слухи достигли Блюмлейна, и социолог вернулся из маньяты в город; он, казалось, успевал везде, наблюдая, спрашивая, делая бесконечные заметки на карманном компьютере. Однажды я даже застал его обедающим с Ледамой – надо полагать, в первый раз со дня их свадьбы. Как-то раз я проходил мимо небольшого общественного парка – не природного парка, а просто клочка зелени посреди городского цемента, и увидел Блюмлейна на скамейке. Он был один и ничего не диктовал своей машинке, поэтому я подошел и поздоровался.

– Привет, Дэвид, – сказал он. – Садись. Разве не

восхитительно?

– И вполне прогнозируемо, я думаю, – ответил я, садясь рядом.

– Ну да, рано или поздно должно было случиться – но так *скоро*! Поистине впечатляющий случай. – Он покосился на меня. – Думаю, за это стоит поблагодарить тебя?

– Ты в курсе?

Он покачал головой:

– Нет. Но кто бы еще рассказал совету про выборы и конституции?

– А почему бы не Джошуа? – предположил я.

– Джошуа и другие юристы знают только применение законов. Зачем им предлагать что-то, из-за чего пришлось бы переучиваться? Нет, друг мой, кроме тебя, некому.

– Это был я, – признал я. – Но они меня сами попросили.

– Дэвид, я же тебя не упрекаю, – сказал он. – Все общества движутся в этом направлении, какие-то быстрее, какие-то медленнее, некоторые с большей сложностью, некоторые с меньшей. – Он улыбнулся. – Некоторые – с неописуемой жестокостью, иные же – вообще без насилия.

– *Все* общества? – усомнился я.

Он кивнул.

– Большинство успевает набить кучу шишек, которые сначала не заметят, но всеобщее право голоса и всеобщее равенство по возможности, если не по занимаемой позиции, – потенциальная цель каждого общества.

– И как продвигается дело, по твоим наблюдениям? – спросил я.

Он пожал плечами.

– Еще рано судить. Есть полсотни способов временно нарушить это движение, но ключевое слово здесь – *временно*. Обыкновенно такая высокая скорость изменений сопровождается насилием, поскольку укоренившиеся у власти не готовы смириться с неизбежным. Однако Килиманджаро основана на масайском обществе Земли, где большая часть этих проблем уже была решена, так что надежда у меня есть.

– Тогда и у *меня* тоже есть надежда, – сказал я.

– У тебя? – рассмеялся он. – Ты же историк. Тебе нечему удивляться.

– Я работаю с результатами, но не с процессами, которые их порождают, – сказал я.

– Узнаю старого Дэвида, – заметил он. – Всегда рациональный ответ наготове.

– Спасибо. Я подумаю.

– Да-да, это комплимент, – сказал он. – Своего рода. Скажи, а они уже определились, каким титулом называть правителя?

– Насколько я знаю – просто Лидером, – сказал я.

– Не *лайбоном*? – удивился он. – Вождей масаев всегда называли *лайбонами*.

– Слишком созвучно *лайбони*, – покачал я головой. – Не стоит давать иномирцам повод для кривотолков, что нами якобы правит шаман.

– Лидер – вполне достойное наименование для этой должности, – ответил он. – За теми, кто стремится к пышным титулам, нужен глаз да глаз. – Он помолчал, наблюдая за марширующей мимо демонстрацией скотоводов, несших транспаранты с требованиями искоренить природные парки.

– Кто-нибудь уже выдвинул свою кандидатуру?

– Не слышал, – ответил я. – Но Ашина вроде бы собиралась.

– Я бы спросил, есть ли у нее опыт, – сказал Блюмлейн, – но вопрос прозвучит глупо. Ни у кого нет опыта. Я предложил Джошуа бросить перчатку на ринг.

– И что он ответил? – осведомился я.

Блюмлейн ухмыльнулся.

– Ответил, что, заикнись я об этом еще раз, вышвырнет меня обратно на Землю.

Я фыркнул.

– Надо полагать, юристам платят лучше, чем правителям.

– Это только до тех пор, – уточнил Блюмлейн, – пока в городе не меньше двух юристов.

Мы поболтали еще несколько минут, потом я встал и пошел к себе в офис. Пикеты и политическая активность продолжались еще две недели, в конституцию были внесены некоторые минимальные изменения, и наконец совет решил, что пора голосовать. Конституцию приняли с большим перевесом. Настало время выборов в совет. Большинство старейшин переизбрались без всякого труда, поскольку у них имелся неоспоримый козырь – опыт работы. Однако ясно было, что на сей раз им придется больше отвечать перед своими избирателями или после следующих выборов им придется искать работу. Осталось только выбрать Лидера. Как я и ожидал, первой выдвинула свою кандидатуру Ашина. Когда вести о происходящем достигли Кении, Роберт оле Меели вернулся на Килиманджаро и тоже выставил свою кандидатуру. Айзек оле Олкеджуадо последовал их примеру, и в итоге набралось целых четырнадцать кандидатов. Если Айзек думал, что на улицах раньше, когда люди устраивали пикеты за и против конституции, были толпы и гвалт, то теперь, должно быть, он решительно обезумел от уровня шума и людской

активности. У всех кандидатов имелись группы поддержки, на улицы высыпали не только люди, но и скот, поскольку претенденты-скотоводы, не желая оставлять стада без присмотра, пригнали их в города и таким образом увеличили численность сторонников того или другого кандидата. Блюмлейн ежедневно появлялся на улицах и весь сиял от счастья. Люди перестали удивляться его белому лицу и теперь воспринимали социолога как обычный элемент городского пейзажа.

– Уильям, скажи мне правду, – сказал я однажды днем, наблюдая за очередным стадом, двигающимся по середине одной из центральных магистралей; имя кандидата было начертано на боках животных белой краской. – Ты же не представлял себе все это, когда приехал?

– Нет, – признал он. – Но разве это не чудесно? Масаям больше века не было дела до правителей Кении, им лишь бы стада пасти да маньяты строить. Они интересовались политикой не сильнее, чем катанием на лыжах. Но посмотри на этих пастухов!

– Интересно, они хоть понимают программу? – подумал я вслух.

– Они знают, кто пообещал поднять цены на скот, – ответил Блюмлейн. – Они знают, кто пообещал избавиться от природных парков. Они знают, кто обещал сделать медицинское обслуживание их детей бесплатным. Они не знают ничего об остальных пятидесяти семи пунктах его программы, но им нет до этого дела. Они интересуются только тем, что для них важно.

Он был прав. Все интересовались главным образом тем, что для них важно. Горожане и скотоводы, торговцы и студенты, богачи и бедняки, члены каждого из пяти кланов. И они знали, чья предвыборная программа содержит наиболее важные для них пункты. И это завело нас в тупик. Конечно, на Килиманджаро не было службы соцопросов, но я был уверен, что никому из четырнадцати кандидатов не удастся набрать больше пятнадцати процентов голосов. В конституции такой вариант не предусматривался: там прописали только, что победитель выборов определяется простым числом голосов, а не относительным, поэтому было вполне вероятно, что 85 процентов избирателей выскажутся против Лидера своей планеты. За два дня до выборов каждому кандидату предоставлялась возможность обратиться с речью к одной и той же аудитории, на окраине самого крупного из городов. Каждый кандидат прибыл на место и обратился к толпе с обещаниями, каждый получил яростную поддержку немногочисленной группы своих сторонников и вежливые аплодисменты остальных. Я смотрел на собравшихся

кандидатов. Каждый из них – безусловно, неплох, ни у кого не было возможности оказаться коррупционером, все как один верят в Килиманджаро, иначе бы они здесь не оказались. Но все они словно бы выцветали, становились блеклыми, у них не было харизмы. Нам требовался кто-то похожий на Батиана или Нельона, великих масаи прошлого, в честь которых названы два великих пика на Кириньяге, горе, ныне именуемой Кения. А нам предлагался выбор из четырнадцати добропорядочных людей, не готовых управлять даже этой небольшой планетой. Наконец я решил, что медлить больше нельзя, и поднялся на платформу, с которой выступали кандидаты.

– Ты выдвигаешь свою кандидатуру, Дэвид оле Сайтоти? – поинтересовался Мартин оле Сиронка.

– Нет, – сказал я. – Моей квалификации недостаточно, чтобы стать Лидером Килиманджаро.

– Тогда зачем ты тут стоишь?

– Потому что среди нас есть человек, прекрасно подходящий для роли лидера, – сказал я. – Он – самый образованный человек на Килиманджаро. Он не принадлежит ни к одному из пяти кланов, а значит, не окажет предпочтения никому из них. Он не горожанин, так что не будет склоняться на их сторону в разбирательствах со скотоводами. Он не пастух, поэтому не будет принимать их сторону в спорах с горожанами. Он наблюдал за эволюцией обществ и способен указать нам верный путь. И, наконец, советом старейшин недвусмысленно определено, что он масаи. – Я смотрел на толпу, надеясь, что мой кандидат не сможет тут же взять самоотвод. – Это Уильям Блюмлейн.

Аплодисментов не последовало. Одобрительных выкриков тоже. Но, спускаясь с платформы, я уловил напряженные шепотки. Каждый из четырнадцати кандидатов по очереди поднялся на платформу, осуждая мое предложение и указывая, почему Блюмлейн, в отличие от них, неспособен исполнять предлагаемые ему обязанности. Но каждый раз выступавший кандидат настраивал против себя девять из десяти присутствовавших масаи, сторонников *кого-то другого*. Выборы состоялись два дня спустя, и Блюмлейн, белый масаи, набрал более 70 процентов голосов. Мы зарезали в его честь бычка и устроили торжественный пир, затянувшийся до глубокой ночи. Наконец, убедившись, что никто не подслушивает, Блюмлейн наклонился ко мне и прошептал:

– Сукин ты сын! Я вчера весь день спорил с советом. Конституция не предоставляет кандидату возможности самоотвода, и ты это знал!

– А что, есть кандидаты лучше тебя? – спросил я.

– Это не имеет отношения к делу.

– Да, больше не имеет, – согласился я. – Ты масаи, гражданин Килиманджаро. Только это имеет отношение к делу.

– Придется подыскать тебе должность в правительстве, – зловеще усмехнулся он.

– Все должности уже заняты, – ответил я. – Но я рад буду написать хронику твоего правления.

– Ты искажаешь эволюцию этого социума, – сказал он, посерьезнев. – Ты что, не понял?

– *Ты* – часть этого социума, – ответил я. – Ты что, *не понял*?

– Узнаю старого Дэвида, – обреченно уронил Блюмлейн. – Всегда наготове рациональный ответ.

На следующее утро Блюмлейн принес присягу и произнес зажигательную речь. Я поймал себя на мысли: *Бедняга Дарвин. Он наблюдал лишь последствия эволюции. Мне же посчастливится увидеть ее в действии.*

6. Сумерки на Килиманджаро

2239 год

Я сидел за компьютером и вычитывал статью о самом раннем периоде истории Килиманджаро, когда машина нарушила молчание.

– Дэвид оле Сайтоти, ваше присутствие требуется в местном госпитале.

– Можно поподробнее? – спросил я.

– Вас там ждут, – ответил компьютер. – Кто-то желает с вами встретиться.

Я не знал, насколько это срочно, так что решил отправиться в госпиталь на своей машине, а не общественным транспортом. Спустившись в гараж, я сел в машину и быстро добрался до госпиталя, который располагался примерно в двух милях. Оставив машину на попечение служителя больницы, я поспешил в вестибюль. Меня никто не встречал, и я решил подойти к стойке регистрации.

– Я Дэвид оле Сайтоти, – сказал я. – Я получил сообщение о…

– А, да, – кивнула администратор. – Вас ожидают в палате 208.

– Это Джошуа оле Сайбулл? – уточнил я. – Или, возможно, Лидер Блюмлейн?

– Не знаю, – сказала девушка. – Мне только сообщили, что вас ожидают в палате 208.

Я поднялся на аэролифте на второй уровень здания и прошел по коридору к нужной палате. Открыл дверь и вошел. На койке лежал истощенный старик. Правая рука его была вся в перевязках и бандажах, к телу подсоединены многочисленные катетеры. Ко мне подошел врач.

– Вы Дэвид оле Сайтоти? – спросил он.

– Да, это я.

– Рад, что вы так быстро прибыли.

– Зачем меня вызвали? – спросил я. – Я незнаком с этим пациентом.

– Он попросил вашего присутствия.

– Правда? – удивился я и внимательно оглядел старика. – Я никогда раньше не видел его. Вероятно, тут какая-то путаница.

– Сомневаюсь, – сказал доктор. – Вы же историк?

– Да.

– Он настоял на вызове историка, – улыбнулся врач. – Отыскать такого специалиста оказалось несложно. Насколько мне известно, других историков у нас нет.

Я посмотрел на пациента сверху вниз.

– Что с ним?

– Он пытался покончить жизнь самоубийством, – объяснил доктор, – но не смог. Полагаю, завтра мы его выпишем.

– Но катетеры… – начал я.

– А, да это просто предосторожности ради. Он испытал обезвоживание, да и водно-солевой баланс скверный.

– Почему же он пытался свести счеты с жизнью? – спросил я.

– Понятия не имею, – сказал врач. – Думаю, об этом он и желает с вами пообщаться.

– Как его зовут?

Доктор сверился с наручным компьютером.

– Сокойне оле Парасайип.

– Никогда не слышал о нем.

– Теперь вот услышали. – У него в кармане что-то запищало. – Мне нужно спуститься, – сказал он. – Вернусь через несколько минут.

Он покинул палату, а я обернулся к пациенту. Тот смотрел на меня немигающими глазами.

– Мне казалось, вы спите, – удивленно произнес я.

– Я проснулся, – сказал старик. – Мне просто нечего сказать городскому лайбони.

– Он не знахарь, – уточнил я.

– Конечно же, знахарь. Я практикую древние методы, он – новые. Совершенно ясно, что мы заняты одним и тем же.

– А, так вы *лайбони*?

– Я *лайбони*, – подтвердил Сокойне оле Парасайип. Он продолжал смотреть на меня. – Вы выглядите озадаченным.

– Так и есть, – сказал я ему.

– Почему?

– По двум причинам, – сказал я. – Во-первых, я теряюсь в догадках, отчего бы это *лайбони* пытаться свести счеты с жизнью. Во-вторых, зачем вам понадобился историк? Я слышал, что вы попросили привести не конкретного человека, а представителя определенной профессии.

– Это правда, – ответил Сокойне.

– Ну и? – спросил я.

– Мне неудобно говорить, лежа на этой постели. Вы не могли бы помочь мне подняться?

– Нет, – сказал я. – Но я могу приподнять часть койки под вашей подушкой.

Я потянулся и с помощью регулятора изменял положение койки, пока верхняя ее четверть не поднялась под углом 45 градусов.

– Так лучше? – спросил я.

– Намного, – ответил Сокойне.

Я оглянулся, заметил стул, перетащил к его койке и сел рядом.

– Может, теперь вы расскажете, почему человек, которого я никогда прежде не встречал, пытавшийся покончить жизнь самоубийством, пожелал меня видеть?

– Я хочу узнать то, что может мне поведать только историк, – ответил он.

– О чем?

– Я – *лайбони*, – начал Сокойне.

– Вы уже сообщили мне об этом, – сказал я. – Откуда вы?

– Из маньят между городами *ильтаарросеро* и *ильикумаи*.

– Я знаю этот район, – сказал я.

– Я хороший *лайбони*, – продолжил он. – Никогда еще не случалось мне посрамить свое имя или свое занятие.

– Я понял, – ответил я. – Вы хороший *лайбони*. И в чем трудность?

– Я лечил больных. Я благословлял скот, проводил церемонии обрезания и *эуното*, обряды, где эльмораны становятся младшими старейшинами. Я выполнял все, о чем бы меня ни попросили. Если ко мне с просьбой обращалась бедная семья, то я принимал в уплату одного козла, даже старого бычка не просил. Я хороший *лайбони*.

– Почему же хороший *лайбони* пытался покончить жизнь самоубийством? – спросил я.

– А что делать, если в *лайбони* больше не нуждаются? – грустно отозвался Сокойне. – За последний год ни одна девочка в окру́ге не прошла обрезание. Одиннадцать мальчиков были обрезаны, но сделали они это здесь, в госпитале, а не на традиционной церемонии. Меня больше не просят благословлять скот, поскольку от ильикумаи приходит лайбони зверей – ветеринар – со своими снадобьями. Дети меня игнорируют, молодежь надо мной смеется, старейшины смотрят на меня с тем же сочувствием, с каким смотрят на старую корову, которую вскоре придется зарезать. – Он уставился на меня; его лицо стало растерянным. – Что же делать *лайбони*, в котором больше не нуждаются?

– Я знаю, чего он не должен делать, – ответил я. – Пытаться убить себя.

– Я посещал другие земли в надежде, что мне *там* помогут. Те, у кого лайбони уже есть, прогоняли меня, а там, где его нет, то там он и не нужен. Я говорил с другими лайбони, у них такие же трудности. С незапамятной древности масаи нуждались в

лайбони. К нам относились с уважением и достоинством, наше призвание почиталось превыше всех остальных. А теперь за считаные годы мы превратились в бесполезных стариков, отверженных в собственной земле.

Я не нашел слов, но лишь потянулся к нему и взял за руку.

– Я трус, – продолжил он после недолгой паузы. – Масаи не должны ничего бояться, а я боюсь бессмысленной жизни, поэтому я попытался с нею покончить. Я рассек себе вены на руке вот здесь… – он указал на предплечье, скрытое повязкой, – и приготовился истечь кровью, но два эльморана нашли меня и отвезли в госпиталь. Наверное, надо попытаться еще раз, когда меня выпишут, но я подумал, что надо сначала поговорить с историком.

– Я рад поговорить с вами, – сказал я. – Но что же вы желаете обсудить?

– Существует другой эвтопический мир, колонизированный выходцами из Кении, – начал он.

– Да, – сказал я. – Кириньяга. Ее заселили кикуйю.

– И у кикуйю есть собственные *лайбони*, они их называют *мундумугу*.

– Верно.

– Вы изучали и Кириньягу тоже или только земную историю? – спросил он.

– Я изучал Кириньягу, – ответил я печально, поскольку предугадывал его следующий вопрос.

– Расскажите мне, как дела у *мундумугу* на Кириньяге, как им удалось сохранить уважение своего народа, и, может быть, я попытаюсь совершить то же самое здесь, на Килиманджаро.

– Кириньяга – другой мир, – сказал я.

– Им пришлось *так* скверно? – спросил он.

– Там был только один *мундумугу*, – ответил я. – По имени Кориба. Насколько я могу судить, человек этот был достоин уважения и, вероятно, весьма умен, поскольку он получил степени доктора наук в университетах Англии и Америки.

– Но? – произнес Сокойне.

– Но он был фанатиком, – сказал я. – Он пришел к убеждению, что кикуйю могут достичь Утопии только отринув все европейское и зажив так, как они жили до прихода белых людей в Кению.

– Возможно, он был прав, – заметил Сокойне.

– Он ошибался, – сказал я. – Я изучал историю Кириньяги. Она включает в себя множество грубых просчетов, предпринятых с самими лучшими намерениями, и в итоге даже до Корибы дошло, что он вредит своему миру, потому что в конце концов он

вернулся в Кению.

– И он был единственным их мундумугу?

– Да.

– Неужели неизбежно, что каждый мир отвергает своего духовного наставника, или это только у африканцев так? – задумчиво произнес он. – А как дела в христианских или мусульманских эвтопиях?

– Они не столько отвергают духовных наставников, сколько становятся более склонны к восприятию новых идей, чем их духовные наставники.

– А что же нового в ремесле врачей? – раздраженно настаивал Сокойне. – Они веками трудятся рядом с нами.

– Но масаи, пасшие скот в саваннах, веками не имели к ним доступа, – заметил я. – Только масаи, решившие переселиться в города, уже веками располагают доступом к медицине.

Сокойне долго молчал. Я уже решил, что он снова забылся сном, но наконец старик заговорил.

– Я знаю, почему Кориба покинул Кириньягу, – произнес он.

– Почему?

– По тем же причинам, по каким и я должен покинуть Килиманджаро, – ответил Сокойне. – Он не желал смотреть, как его бог терпит поражение от западного.

– Это один и тот же бог, – сказал я. – Мы просто даем Ему разные имена.

Он покачал головой:

– Энкаи медленно выдавливают из Африки. Я надеялся, что уж в этом мире Он наконец восторжествует, но нет. Бог белых снова одолел Его.

Он издал обреченный вздох.

– Я должен отыскать мир, куда удалился Энкаи.

– Он там, где и был всегда, – ответил я. – Разве не Он привел к вам двух эльморанов, когда вы истекали кровью?

– Чтобы они доставили меня в это… это *место*? – с презрением произнес он. – Нет, милосердный бог так поступить не может. Энкаи на Килиманджаро больше нет, историк.

Я уставился на сломленного горем старика. Я историк; в мои обязанности не входит возвращать людям смысл жизни. Но этот человек обратился ко мне за помощью, и я чувствовал потребность оказать ее.

– Вы решили, что ваш долг – отыскать Энкаи? – спросил я, пытаясь собраться с мыслями.

– Да, – ответил он. – Все масаи либо в Африке, либо на Килиманджаро, значит, Он очень одинок в Своем новом мире, ведь там некому Его почитать и возносить Ему молитвы.

– Вы слишком далеко заглядываете, – сказал я.

– Что ты имеешь в виду?

– Энкаи желает, чтобы вы нашли Его и поклонялись Ему, так?

– Так.

– Вы не сможете Его найти, если умрете, – сказал я, но, увидев, что он не понимает хода моих рассуждений, пояснил: – Если Он желает, чтобы вы почитали Его, значит, вы нужны Ему живым… и, следовательно, это Энкаи направил двух эльморанов, чтобы те нашли вас и доставили сюда. А если Он так поступил, значит, Он еще присутствует на Килиманджаро.

Он долго смотрел на меня недовольным взглядом и хмурился.

– В ваших рассуждениях должна быть ошибка, но я не вижу ее.

– Значит, вам лучше остаться на Килиманджаро, пока не найдете, где ошибка, – предложил я. – Ведь пока вы не уверитесь, что Энкаи здесь нет, нет смысла искать Его в других местах.

– Я подумаю, – сказал он.

– Хорошо, – ответил я. – Я так понимаю, из госпиталя вас могут выписать уже завтра. Вам есть где остановиться?

– Я странствую от маньяты к маньяте. Никто не откажет *лайбони* в ночлеге. Хотя, – на его изборожденном морщинами лице появилось беспокойство, – так было прежде. Завтра может оказаться так, что *лайбони* им больше не нужен.

– Пожалуйста, остановитесь у меня, пока не восстановите силы, – пригласил я.

– Разделить хижину с компьютером? – неодобрительно отозвался он.

– Это не хижина, – сказал я. – Да и почем знать? Возможно, мой компьютер научит вас паре вещей, которые убедят масаев, что их лайбони не так бесполезен, как, допустим, старый пустой бурдюк.

Он уставился на меня немигающими глазами.

– Зачем ты так поступаешь? – спросил он наконец. – Ясно же, что тебе нет пользы от лайбони. Ты не веришь в мою магию. Ты горожанин, ты не носишь красное одеяние и не ходишь с копьем. Зачем такому человеку мне помогать?

Я около минуты размышлял над ответом, потом сказал:

– Потому что я историк, а такие, как вы, – часть нашей истории.

– Но не вашего будущего, – ответил он горько.

– Не знаю, – сказал я. – Пока не наступит завтра, сегодняшний день еще не история. Завтра спросите.

– Интересное дело, – слабым голосом отозвался он. Казалось,

ему хочется прибавить еще что-то, но вдруг глаза его закрылись, и он замер. На миг я заподозрил, что он умер, но все аппараты продолжали тихо пикать, и я догадался, что он просто спит. Сокойне продержали в больнице еще три дня, пока не удовлетворились его состоянием и не выпустили под мое попечение. Я отвез его к себе, подождал, пока сканер не считает мою сетчатку и костную структуру, прошел вместе со стариком через открывшийся в стене проход, и за нами сомкнулась дверь.

– Вы лишь второй мой гость за все время, – заметил я, пока старик озирался. – Первый тоже был жителем маньят. – Я вспомнил о ночи, проведенной здесь мальчиком Мавензи. – Он считал компьютер магией.

– Для масаев эта вещь чужда, – согласился Сокойне, – но не волшебна. Он ведь видел компьютеры на корабле, доставившем нас сюда.

– Он был совсем маленьким, – пояснил я. – Он, вероятно, даже не запомнил их или не обратил на них внимания. В конце концов, его доставили на звездолет прямо из африканской саванны. Наверняка переживания оказались ошеломляющими.

– Сейчас он, должно быть, уже носит костюм с галстуком и презирает маньяты.

– Он все еще пасет скот и взял себе жену, – сказал я. – Я иногда с ним пересекаюсь.

– Он видел город, посетил его и все же предпочитает жизнь пастуха? – спросил Сокойне. – Быть может, крохи надежды еще остались…

Я решил не посещать в его обществе ресторан, где я обычно ужинал, поскольку старик в одежде лайбони привлек бы слишком много внимания, поэтому мы поели у меня на кухне. Он спрашивал о кухонной плите, посуде, морозилке и других предметах. Ясно было, что ужин ему не слишком по вкусу, но старик ел без жалоб. Он вообще не сказал ни слова о еде. После ужина он сел в центре гостиной и молча уставился в пространство. Я немного почитал, поработал за компьютером и ушел спать. Когда поутру я проснулся, он продолжал неподвижно сидеть на том же месте.

– С вами все в порядке? – спросил я, приблизившись.

Он не сразу осознал мое появление.

– Да, – наконец отреагировал старик. – *Теперь-то* со мной все в порядке – благодаря твоим словам.

– А что я такого сказал? – удивился я.

– Что сегодняшний день станет историей завтра. Ты прав, Дэвид оле Сайтоти. Все меняется, и то, что сегодня кажется новым, завтра станет историей. Мой долг – исцелять людей моего

народа, отгонять демонов и обеспечивать спокойствие.

Он вдруг усмехнулся.

– Но это уже история. О нет, я говорю не о потребности исцелять людей, успокаивать их и защищать от демонов. Это – вечно. Однако *способы,* какими я исполнял свои обязанности, несомненно, стали достоянием истории. Их заменили новые способы – врачи, госпитали и сложные машины. Завтра историей станут уже *они,* а потребности людей моего народа останутся.

– Безусловно, вы правы, – сказал я. – Но я все еще не понимаю, к чему вы клоните.

– Средства всегда меняются, – отвечал он, – а цель вечна. И раз уж я сегодня здесь, то я обязан служить целям, поставленным передо мною Энкаи, современными средствами. – Он помолчал. – Пожалуйста, отвези меня в госпиталь, но уже не как пациента, а как ученика. *Лайбони* – это всего лишь слово. Важно то, что *лайбони* делает.

– Я знаю пару людей, которые смогут вам помочь, – сказал я. Я не стал упоминать, что один из них – Лидер всего планетоида. – Но я обязан предостеречь вас, что, если ваша просьба будет удовлетворена, вы начнете обучение с санитара. Его обязанности могут показаться вам утомительными и даже унизительными по сравнению с ремеслом лайбони.

Он пожал плечами.

– Нужно же с чего-то начинать. Помогать тем, кто нуждается в помощи, ничуть не унизительно. Унизительно лишь не пытаться.

Он был лет на тридцать старше меня, но пока я вез его в госпиталь, то гордился им, точно отец сыном. Я по такому случаю даже снова поверил в Энкаи. Ну, почти поверил.

7. Ночь на Килиманджаро

2240 год

Меня разбудили посреди ночи. Видеофон с каждым разом все громче повторял мое имя, пока я не опустил ноги на пол. Сев, я потянулся к ночнику и включил свет.

– Да? – пробормотал я. – Кто это?

– Дэвид, это Джошуа.

Я всмотрелся в голоэкран.

– Вижу. Который час?

– Три тридцать утра.

– Чего бы тебе от меня ни было нужно, – проворчал я, намереваясь отбить вызов и снова завалиться спать, – оно подождет.

– *Дэвид, черт бы тебя побрал!* – завопил он. Я аж подскочил от испуга. – Просыпайся!

Я протер глаза тыльными сторонами запястий.

– Ну ладно, встаю. А за каким хреном, дружище, ты мне звонишь в три тридцать утра?

– Нам нужны твои знания, – сказал Джошуа.

– Я историк, а не охотник на вампиров, вашу мать, – пробормотал я. – Это что, шутка какая-то?

– Это не шутка. Это жизненно важная проблема, и нам нужен твой опыт историка. Я достаточно ясно выразился?

– Кто такие *мы*? – Я все еще пытался сфокусировать взгляд.

– Я и полиция.

– Ну ладно, – повторил я. – Я сейчас одеваюсь и выхожу… – Я растерянно запнулся. – А куда мне ехать – в полицию или к тебе в офис?

– Туда, где у тебя все условия для работы, – сказал он.

– У меня в кабинете, – ответил я. – До него три квартала ехать.

– Ты не можешь подключиться к тамошней системе из дома?

– Я даже не знаю, по какому запросу искать, – посетовал я.

– Значит, так. Приди в себя, держи голову прямо, бери халат, а когда я уверюсь, что ты больше не собираешься засыпать и способен мыслить четко, то объясню тебе, в чем дело.

Не сказав больше ни слова, я поднялся и прошел на кухню. Заказал своему «рабу на галерах» (которым обзавелся несколько месяцев назад, когда мне наконец надоело готовить) чашечку кофе. Несколько секунд машина задумчиво гудела, затем забрал чашку горячего дымящегося кофе.

Я уселся за кухонный стол, активировал расширение

видеофона и дождался, пока передо мной появится голограмма Джошуа.

– Я встал, проснулся и накачиваюсь кофеином, – сообщил я ему. – Ну и что у вас там, блин, такого важного не могло до утра подождать?

– У нас тут труп, – сказал Джошуа. – Ну, не в прямом смысле слова *тут.* Я перешлю голоснимки тебе на домашний компьютер.

– Я не собираюсь в четвертом часу утра наслаждаться голоснимками трупа! – возопил я.

– Еще только три тридцать пять, – уточнил он. – И это тебе не обычный труп. Его изуродовали.

– А, ну тогда все понятно, – сказал я. – Это же какой-то жутко смешной розыгрыш, ну правда?

– Нет, Дэвид, это не розыгрыш. Они арестовали моего кузена, и я собираюсь защищать его.

– Твоего кузена Мозеса? Вечного пьяницу?

– Именно. Кто-то видел его поблизости от места преступления тем вечером, но, когда его забрали и допросили, Мозес ни хрена не смог припомнить.

– Желаю тебе удачи, – сказал я.

– Мне нужна не просто удача, – ответил Джошуа. – Я нуждаюсь в твоей консультации.

– Я историк, мать твою! – заорал я. – Что я знаю про изуродованные трупы?

– Не уверен, – признался он. – Надеюсь, хоть что-то.

– Ну ладно, – сказал я. – Это мужчина или женщина?

– Ни тот ни другая.

– А?

– Правильно спрашивать самец или самка. Это была самка.

– Не понял.

– Примерно три часа назад кто-то проник в природный парк – я еще не разобрался, как ему удалось нейтрализовать силовое поле… короче, там убили и изуродовали носорога.

– Носорога, – очумело повторил я.

Он энергично закивал.

– Убили самку носорога отравленным дротиком, а после смерти отрезали ей рог.

– Джошуа, друг мой, – сказал я, – тебе не историк, а психиатр нужен.

– Возможно, – согласился он. – Но сначала я хотел бы поговорить с тобой. Это не убийство из самозащиты, Дэвид. Оно было спланировано.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что никто не идет гулять ночью или в любое другое

время с отравленными дротиками. К тому же убийца задержался рядом с трупом на достаточно продолжительное время, чтобы отрезать рог, и сделал это весьма аккуратно. Ясно, что он не хотел его повредить. Я еще могу себе представить человека, который, придя в ярость после атаки носорога, каким-то образом убивает зверя… но он не стал бы с подобной старательностью отсекать рог. Значит, все было спланировано.

– Ты называешь это убийством, подразумевая предварительную подготовку и всякое такое, – сказал я. – А на самом деле всего лишь уничтожили общественную собственность.

– Дэвид, причина должна быть. Не станешь же просто так рисковать жизнью, пытаясь убить носорога. – Он помолчал. – Я знаю, что когда-то носорогов было очень много, а потом их практически истребили, в основном – из-за их рогов. Но мне нужно знать больше. Наделялся ли рог носорога каким-нибудь религиозным смыслом? Не было ли это частью обряда взросления вроде того, когда наш эльморан должен был убить льва копьем? Может, убийца просто псих, но будет легче раскрыть преступление, если для его действий имелась какая-то причина. Всем известно, что мы сделали с носорогами; но я хочу знать *зачем.* Что было такого особенного в их рогах, что люди едва не извели весь вид и рисковали свободой ради них?

– Посмотрим, что я смогу отыскать, – ответил я. – Ты *уверен* в невиновности своего клиента?

– Полностью, – сказал он. – Блин, даже полиция знает, что это не он. Им просто нужно было *кого-то* арестовать.

– У меня остался еще один вопрос.

– Какой?

– У Мозеса оле Каэло много лет и пары шиллингов не наберется в кармане. Какого гонорара ты от него ждешь?

– Ты мне расскажи про убийц носорогов, а я тебе – про работу адвоката без гонорара, – ответил он и отключился.

Я подумал, не пойти ли обратно спать, но рассудил, что заснуть уже не получится не столько из-за кофе, сколько после замечания Джошуа, который сказал, что у человека действительно может быть *причина* убить носорога и отпилить ему рог.

Я сел за компьютер и попытался собраться с мыслями. Поняв, что я в плохой форме, решил воспользоваться голосовым интерфейсом вместо привычной клавиатуры.

– Компьютер, включись, – приказал я.

– Готов к работе, – ответила машина.

– Подключись ко всем файлам моего офисного компьютера, которые не заблокированы и не защищены паролем.

– Идет обработка… Готово.

– Когда умер последний носорог?

– Идет анализ… Последний черный африканский носорог умер в 2067 году. Последний белый африканский носорог умер в 2061 году. Последний индийский носорог умер в 2055 году. Последний суматранский…

– Хватит, – перебил я. – Теперь проанализируй все записи об африканских судебных процессах и поищи, нет ли там случаев ареста за убийство носорогов.

– Идет анализ… За убийство носорогов был арестован 13 671 человек. Число носорогов, погибших от рук браконьеров в XX веке, колеблется между 861 000 и 864 000, а позже – еще 1342 носорога.

– Чем вызвано расхождение в данных за XX век? – уточнил я.

– Тем, что до 3000 носорогов погибли не от рук браконьеров, а уже после их смерти мужчины и женщины, которые обнаруживали тела, отделяли рога.

– А среди арестованных браконьеров кто-либо отпиливал рога у носорогов?

– Из тех, кто привлекался к ответственности за убийство носорогов, 13 494 человека обвинялись и в отпиливании рогов.

– Компьютер, зачем были убиты столько носорогов?

– Чтобы получить их рога.

Ничего удивительного.

– А с какой целью пытались добыть рога носорогов?

– С целью получения дохода.

– И кто же платил за рога носорогов?

– В Китае толченый рог носорога считался мощным афродизиаком. В североафриканских странах рога носорогов употребляли для рукоятей холодного оружия.

– Какова цена рога носорога в кенийских шиллингах?

– Данных недостаточно. Стоимость рога носорога и курс кенийского шиллинга изменялись. Укажите временной интервал.

– Ну ладно. Сколько стоил рог носорога в 1980 году?

– От 22 000 до 30 000 кенийских шиллингов, в зависимости от размера и качества рога.

– А сколько тогда стоил шиллинг?

– В 1980 году обменный курс кенийского шиллинга к британскому фунту составлял 4,23 к 1.

– Каков был среднегодовой доход на душу населения Кении, независимо от племени, в 1980 году?

– В среднем 2491,28 шиллинга.

Я проделал простой расчет в уме и на мгновение лишился дара речи. Ничего странного, что они истребили почти миллион

носорогов! За мертвого носорога можно было получить более чем десятикратную годовую зарплату среднего кенийца!

– Компьютер, – произнес я наконец, – существует ли в наши дни рынок носорожьих рогов?

– Рынок чрезвычайно узок, поскольку рога эти практически невозможно достать, но именно из-за такой их редкости представляется вероятным, что цены на рога носорогов значительно выросли по сравнению с концом XX и началом XXI века. С учетом инфляции минимальная цена составит около 625 000 шиллингов за рог, а возможно, и сильно больше, если заинтересованные покупатели начнут перебивать предложения друг друга.

Я вызвал Джошуа по видеофону и сообщил о своих находках. Он не слишком удивился.

– Я большую часть этого знал, а об остальном догадывался, – произнес он. – Печальные новости, Дэвид, очень печальные.

– Не понимаю, – сказал я.

– Никто больше не изготавливает церемониальных кинжалов, – проговорил он. – Что до свойств измельченного носорожьего рога в виде добавки к еде или питью в качестве афродизиака, то мой компьютер уже провел соответствующие анализы. Эффект ровно такой же, как от добавки собственных измельченных *ногтевых обрезков,* – ровным счетом никакого. – Он поморщился. – И следовательно, ценность рог носорога представляет исключительно для коллекционеров, собирающих части тел клонированных животных; а значит, все животные в нашем парке под угрозой. Блин, да львы, леопарды и импалы вымерли в то же время, что и носороги. Коллекционер, который ищет рог носорога из-за его редкости, с равным успехом заинтересуется зубом гиппопотама, львиной гривой или рогом куду, и таких коллекционеров должно быть много. Если не положить этому конец прямо сейчас, браконьер убьет снова. Ведь это легкие деньги – и *огромные.* А когда во внешнем мире узнают – как случается всегда, – браконьеров станет еще больше.

– А Мозес *мог* такое совершить?

– Ни в коем случае, – ответил Джошуа. – Они обнаружили его по эту сторону силовой ограды. Блин, Мозес редко бывает трезв и даже в этих случаях едва ли преодолел бы ограду живым. Вчера вечером он точно не смог бы. А что касается меткости в стрельбе отравленными дротиками в темноте…

– Ну ладно, – сказал я. – Значит, у тебя не возникнет проблем с доказательством его невиновности.

– Да хрен бы с ним! – почти вопил он. – Меня беспокоит браконьер; надо приложить все усилия, чтобы его удалось

изловить прежде, чем наши природные парки начнут ими кишеть!

Он прервал вызов.

Я поразмыслил, не пойти ли спать, но сон с меня уже слетел, а ему на смену явилась тревога; я рассудил, что работа моя еще не закончена. Я знал теперь, как носорогов едва не истребили под конец XX века, но им тем не менее удалось продержаться еще пятьдесят лет. Как же?

– Компьютер? – позвал я.

– Готов к работе.

– Какова была численность носорогов Кении в 1950 году?

– 103 625 черных и 17 белых.

– В 1970-м?

– 72 133 черных и 9 белых.

– В 1990-м?

– 428 черных и ни одного белого.

Ну что ж, вот тогда-то браконьерство и цвело буйным цветом.

– В 2010-м?

– 1238 черных и 28 белых.

Итак, черный носорог, которому в 1990 году вроде бы угрожало неминуемое вымирание, утроил свою популяцию за следующие двадцать лет. Я попросил компьютер объяснить этот факт. Машина не смогла. Я оделся, пошел к себе в офис, активировал более мощный компьютер и запросил файлы с Земли, недоступные на домашнем устройстве. Ответ меня поначалу удивил, но, поразмыслив, я нашел его самоочевидным. Несколько частных заказников и ферм – ранчо Солио, Лева-Даунс и некоторые другие – решили, что в национальных парках носорогов все равно сохранить не удастся, и стали разводить их у себя. Но почему же браконьеры не проникали туда?

В этом и состояла странность. Фермеры наняли лучшую охрану, какую только можно было купить за деньги, в том числе и бывших браконьеров. Им выдали оружие, униформу, обеспечили жильем и хорошей зарплатой, посулили уважение общества. Именно исправившиеся браконьеры еще полвека охраняли последних носорогов Кении, пока фермы не были наконец проданы под застройку, и тогда последний клочок экосистемы носорогов исчез. Решение проблемы, которая на Килиманджаро была еще в зачаточном состоянии, требовало инновационных подходов. У нас пока имелся только один браконьер, и как только его идентифицируем, то арестуем его, а не наймем для охраны диких зверей от других браконьеров. Но это не означало невозможности сформировать антибраконьерскую команду. На территории скотоводов есть много молодежи. Среди юношей найдутся те, кому наскучила их жизнь. Другим, вероятно, тяжело

скопить достаточную сумму для свадьбы с приглянувшейся девушкой. А некоторые ищут если не развлечений, то, по крайней мере, перемен в жизни, но таких, чтобы им не пришлось переселяться в города.

Я попросил о встрече с Уильямом Блюмлейном на следующий день, и незадолго до ланча он меня принял.

– Доброе утро, Уильям, – сказал я, торопливо входя в его кабинет.

Он сидел за столом с весьма довольным видом в рубашке с короткими рукавами и легких бежевых брюках.

– Привет, Дэвид, – он привстал и потряс мою руку. – Чем сегодня может помочь тебе твое любимое правительство?

– У нас проблема, – сказал я.

Блюмлейн сардонически поднял бровь.

– В Утопии? Гм, думаю, мне следовало бы подать в отставку…

– Уильям, я серьезно.

– Ладно, рассказывай. Надеюсь, ты не против, если мы запишем встречу на голограф. Я все встречи записываю. Это экономит кучу времени: не приходится по сто раз повторять одно и то же.

Я познакомил его со сложившейся ситуацией. Не успел я предложить решение, как он перебил меня.

– Нам нужно защитить парки, – произнес он. – Да, я знаю, у нас там силовые поля, но, по всей вероятности, кто-то отыскал способ их преодолеть, и, если его не поймают в самое ближайшее время, способ этот станет известен и другим потенциальным преступникам. Это значит, что нам понадобятся рейнджеры или смотрители, как их не называй.

– Полностью с вами согласен, сэр, – ответствовал я.

– В идеале, как подсказывает проведенное тобой исследование, стоило бы пошарить в кутузках, найти браконьеров и предложить им досрочное освобождение взамен на сотрудничество. Но у нас в тюрьмах *нет* браконьеров. Итак, – закончил он, – что ты предлагаешь?

– Нужно нанять юношей из маньят, – посоветовал я. – Горожан нанимать не стоит.

Он покачал головой:

– Это не сработает, Дэвид. Они в жизни не видели дикого зверя. Они понятия не имеют об охоте на носорога, а значит, не поймут, как остановить браконьера. К тому же им придется платить скотом за работу, а я не готов пойти на это.

– В таком случае, – не выдержал я, – просто остается дождаться, когда он снова нанесет удар, и надеяться, что нам повезет? – Я даже рассердился, что он так легко нашел дырку в

моем предложении.

– Дэвид, ты же сам меня выдвинул на этот пост. Тебе бы стоило мне чуть больше доверять.

– Ну хорошо, – смирился я. – Что ты намерен делать?

– Я не могу нанять бывших браконьеров, потому что у нас в наличии только один, и мы его еще не арестовали, – ответил Блюмлейн. – И поскольку я не могу нанять никого, кто знает, как охотиться на носорогов, придется нанимать людей, умеющих пробивать силовые поля.

Я нахмурился.

– О чем ты говоришь?

– Заключенных, – произнес он. – Я помилую любого узника любой из наших тюрем, если он докажет, что способен проникнуть через силовую ограду.

– Ты спятил? – вскричал я. – Ты же сам поощряешь их стать браконьерами! А они уже и так преступники!

– Не все так просто, Дэвид, – спокойно ответил он. – Любой узник, принявший мое предложение, обязан будет согласиться на имплантацию следящего чипа, так что мы всегда сможем определить, где он. Думаю, в конечном счете придется вживить такие же чипы всем крупным зверям в природных парках, но сперва нужно разобраться с антибраконьерской командой. Мы не можем получить экспертов, как тогда на ранчо в Кении, но можно нанять тех, кто знает, как браконьеры проникают через силовые ограды. Они будут вооружены, и их перемещения легко будет отследить в любое время дня и ночи. Для начала хватит.

– Надеюсь, – сказал я с сомнением.

– И вот еще что, – продолжил Блюмлейн. – Мы поймаем браконьера, и поймаем очень скоро. Учитывая, сколько стоит такой рог… только у одного человека на Килиманджаро внезапно появится куча денег. Если он положит их на депозит здесь, мы тотчас узнаем. Если он предпочтет разместить их на Земле, я попрошу банки известить меня об этом. Необязательно даже кенийские банки; он не сможет открыть депозит ни в одном банке Земли, не показав им паспорта Килиманджаро.

– Об этом я не подумал, – сказал я.

– А тебе и не было повода об этом думать, – отозвался он. – Ты не полицейский и не политик.

– Нужно его тут же арестовать и заключить под стражу.

– Ты недостаточно внимательно следишь за собственными аргументами, – рассмеялся Блюмлейн. – Кто бы это ни был, мы обязаны договориться с ним о сотрудничестве, ведь благодаря своим навыкам он – естественная кандидатура на должность старшего рейнджера. Пускай мы и схватим *его,* коллекционеры не

перестанут предлагать крупные суммы за трофеи, и такие заказчики быстро находят исполнителей.

И действительно, не прошло и трех суток, как мы схватили браконьера, когда тот пытался поместить деньги в сейф под бдительным оком голокамеры банковской системы безопасности. Из любопытства я решил навестить его в камере. Это был молодой скотовод Като оле Порола, лет шестнадцати-семнадцати. У меня ожили какие-то смутные ассоциации, и наконец…

– Ты же брат Мавензи оле Поролы! – воскликнул я.

Он потупился.

– Есть девушка, ее зовут Каэло. Я ее всю жизнь люблю и вскоре скопил бы достаточно, чтобы посвататься к ней. Но на прошлой неделе умерла младшая жена старого Саймона оле Киполи, и он предложил выкуп за Каэло прямо сейчас. Она сказала отцу, что не выйдет за Саймона оле Киполи, что ее сердце отдано мне. Отец рассердился и пригрозил, что вышлет ее к своему брату на Землю за непослушание. Мы с Каэло решили, что сбежим в город ильмакесенов, людей моего клана, ведь горожанки могут сами выбирать себе мужей. Но у меня нет денег, а нужно было достать их, прежде чем отец отправит ее на Землю.

– Как ты додумался убить носорога? – спросил я.

– Мой отец говорил о коллекционерах с презрением. Я поговорил с Гербертом оле Басиноле, семья которого переехала в город в прошлом году, и он нашел на Земле коллекционера. Он сделал это как друг для друга, не взял с меня денег или скота. Он лишь хотел помочь нам с Каэло, прежде чем отец вышлет ее.

Он помолчал, пытаясь сдержать слезы.

– Я опозорил свою семью. Я навеки потерял Каэло.

– Может, и нет, – проговорил я.

Он вопросительно воззрился на меня.

– Скоро к тебе придут, чтобы поговорить о твоем будущем. Если мне не изменяют предчувствия, тебе дадут шанс искупить свой проступок. На твоем месте я бы согласился.

Лицо его просияло.

На следующий день Блюмлейн лично устроил Герберту оле Басиноле экскурсию по тюрьме и суровый выговор. Герберт поклялся, что никогда больше не будет посредничать.

Две недели спустя Като оле Парола, которому вживили чип, выдали униформу, а также предоставили официальную должность и зарплату, стал первым рейнджером антибраконьерского патруля Килиманджаро. Вскоре после этого молодые сочетались браком. Блюмлейн приказал обойтись без выкупа за невесту, однако Като настоял на своем и потребовал, чтобы из его зарплаты еженедельно вычитали пять шиллингов и

посылали отцу Каэло.

Молодой Като оказался хорошим рейнджером. Даже *слишком* хорошим. Трудно представить, что ответственное отношение молодого сотрудника к своей работе способно настолько изменить ход истории – но именно так и случилось.

8. Новый рассвет на Килиманджаро

2241–2243 годы

Год прошел без новых случаев браконьерства. Я счел это успехом, и в каком-то смысле так оно и было. Но успех повлек за собой непредвиденную проблему.

Однажды, вернувшись в офис после неспешной поездки по ближайшему из двух природных парков, я обнаружил, что меня ожидает сообщение. Я включил компьютер: возникла голограмма Уильяма Блюмлейна.

– Привет, Дэвид, – сказал он. – У нас тут наметилась проблема, и я был бы тебе очень признателен за помощь. Я и Джошуа приглашу. Он заедет за тобой в офис после ланча.

Я прождал двадцать минут, гадая, что у них за проблема. Потом появился Джошуа и отвез меня к зданию совета. Служитель – я не стал бы называть его охранником, хотя он и был при лазерном пистолете, – встретил нас и проводил в кабинет Блюмлейна.

– Рад, что вы оба здесь, – сказал Блюмлейн. – У нас политическая проблема, которую я бы хотел обсудить с вами обоими.

– Разве ее не следует обсудить на совете старейшин? – спросил я.

– В конечном счете придется, – согласился он. – Но поскольку вы оба причастны к ее зарождению, я бы хотел выслушать ваши мнения. – Он подождал, пока мы сядем, и продолжил: – Уверен, вы в курсе, что антибраконьерские патрули Като оле Паролы справляются со своими обязанностями на отлично.

– Знаю, – нахмурился я. – Но разве это проблема? Альтернативой было бы сидеть сложа руки, а всех наших животных истребили бы браконьеры.

– Согласен, – сказал Джошуа.

– Я так и думал, что все с этим согласны, – заметил Блюмлейн. – И знаете, что тут самое интересное? Мы все ошибались.

– Не понимаю, – сказал Джошуа.

– Позвольте, я вам объясню. Теперь бессовестные коллекционеры знают, что здесь есть животные, и парки приходится патрулировать круглосуточно. А это три смены в сутки на каждый парк. Кроме того, кто-то должен мониторить силовое поле или прочесывать сами парки на случай, если кто-то проберется за периметр, и нам требуется не менее семи, а лучше – восьми людей в каждой смене. Каждому нужно выдать оружие и

сканеры силового поля.

Он помолчал, глядя на нас.

– Господа, это сорок человек со зарплатами и расходы, которые мы в прошлом году не несли. И поскольку парки бесплатны для населения, то все это – чистые убытки, до последнего шиллинга. Заметное число горожан – впрочем, их пока еще меньшинство – полагают, что от парков надо избавиться, передав их территорию скотоводам, которые в любом случае постоянно требуют расширения своей территории, а средствам, уходящим на отряд Като, найти применение получше.

– Я не думал о расходах, – признал я.

– *Я* думал, – сказал Джошуа, – но и я не представлял, что они окажутся так высоки. – Он нахмурился. – Масаи всегда существовали в гармонии с природой. Таково наше наследие, и было бы преступлением против всех наших традиций избавляться от парков.

– Но сейчас вы *не* живете в гармонии с природой, – заметил Блюмлейн. – Вы отгородили ее силовым полем.

– Уильям, ты *хочешь* от них избавиться? – спросил Джошуа.

– Нет, – ответил Блюмлейн, – я всего лишь привел некоторые доводы, с которыми мы столкнемся, если решим сохранить их. – Он развернулся ко мне: – Что скажешь, историк?

Я пожал плечами.

– Мы живем в капиталистическом обществе. Остальные экономические системы показали себя в прошлом не лучшим образом.

– Продолжай, – сказал Блюмлейн, и я догадался, что он понял, к чему я веду. И одобряет.

– Мы живем на искусственной, терраформированной планете, – продолжал я. – У нас нет золота, алмазов или радиоактивных руд. Любые активы Килиманджаро мы обязаны создать сами, а это значит, что для поддержания заповедников необходимо вывести их на самоокупаемость. Нужно, чтобы заповедникам удавалось отбивать стоимость содержания патруля Като, а когда это начнет получаться, то попробуем пойти дальше и добиться окупаемости силового поля. Если же мы не сумеем этого достичь, то с парками придется распрощаться.

– Я полностью согласен, – сказал Блюмлейн. – Теперь следующий вопрос: как именно мы выведем парки на самоокупаемость?

– Ты знаешь как, – сказал я.

– Да, но я предпочел бы сперва услышать ответ от тебя, – проговорил он с едва заметной признательной усмешкой. – Мне так легче, чтобы не казалось, будто я один тут всем рулю и за

всех отвечаю.

– Ты уже знал ответ, когда пригласил нас сюда, – раздраженно буркнул Джошуа.

– Если мы собираемся сохранить заповедники от нападок оппозиции, придется сделать так, чтобы парки сами себя обеспечивали.

– И это значит? – проговорил Блюмлейн.

– И это значит открыть Килиманджаро для туристов с Земли, – произнес я.

– Думаю, ты прав, Дэвид, – сказал он.

– Ты *знаешь,* что я прав, – ответил я. – Ты просто хочешь, чтобы я озвучил это предложение совету и вызвал огонь на себя.

Блюмлейн улыбнулся.

– Разве политикам не свойственно прикрывать свои задницы при решении проблем?

– Я только одного политика знаю, – заметил Джошуа, – и он меня временами порядком бесит.

– Ну что ж, – сказал Блюмлейн, – значит, придется тебя еще сильнее взбесить.

– Что еще? – потребовал Джошуа.

– Хочу, чтобы ты раскинул мозгами.

– О чем? – не понял Джошуа.

Блюмлейн посмотрел на меня и понял, что я уловил его замысел.

– Дэвид, – попросил он, – объясни ему.

– Это как с домино, – обратился я к Джошуа. – Упала одна костяшка, за ней еще и еще. Если открыть природные парки для туристов, придется построить домики отдыха. Проложить к ним дороги от посадочной площадки. Нам понадобятся *настоящие* смотрители, потому что, если привлечь достаточно туристов, чтобы парки стали самоокупаемыми, гости неизбежно начнут вредить экологии. Нельзя, чтобы туристы бродили по паркам пешком, ведь у нас тут хищники, а раз так, придется импортировать специальные транспортные средства, а значит, для них надо будет проложить дороги или, по крайней мере, тропы, к тому же надо будет научить наших водить эти машины и обслуживать их.

– И это лишь надводная часть айсберга, – подхватил Блюмлейн, – хотя на Килиманджаро нет айсбергов. У нас тут посадочная площадка, которую мы называем Космопорт. В данный момент вокруг нее пусто. Но если начнем развивать туристическую отрасль, туристы не согласятся стоять посреди пустоши с багажом и ожидать прибытия корабля. Нам понадобится небольшой полноценный космодром, не столько для

кораблей – ну, во всяком случае, поначалу, – сколько для туристов. Им нужно будет где-то оставить багаж, укрыться от непогоды и выхлопов ретроракет, перекусить в ожидании своего рейса. Все это исходя из предположения, что у нас будет один корабль, вроде того, каким доставили сюда колонистов масаи. Но если мужчина или женщина в состоянии найти время и деньги, чтобы приехать сюда посмотреть на животных, то у таких туристов, скорее всего, будет собственный звездолет, а раз так, нам понадобятся ангар, заправочная станция и обученные механики.

– Тогда, пожалуй, лучше уничтожить природные парки, – произнес Джошуа.

– Почему? – спросил Блюмлейн.

– Ты описываешь не Утопию масаев, – ответил Джошуа. – Это ближе к масайскому понятию об аде.

Блюмлейн обернулся ко мне:

– Так ли это, Дэвид?

– Смотря каких масаев спросить, – отвечал я. – Не забывай, что восемьдесят процентов масаев еще на Земле покинули саванны ради городов; ясно, что *они* интересовались способами заработка. И даже скотоводы никогда не отказывались от доходов от туризма. Еще в конце XX века мы строили специальные деревни, куда туристы могли приезжать, бродить среди наших хижин, снимать фото и видео, задавать вопросы, так что наш эльморан проводил больше времени с туристами, удовлетворяя их любознательность, нежели со своим скотом. К началу XXI века мы создали много рабочих мест в туристической отрасли. Знаешь ли ты, что в одном только 2020 году было продано семь тысяч аутентичных масайских копий? И меньше тысячи из них нашли своих покупателей в Африке, а все остальное продали через дилеров или через интернет.

– Значит, это и вправду был ад? – спросил Блюмлейн.

– А иначе зачем было эмигрировать на Килиманджаро? – ответил вопросом Джошуа.

– Вы прибыли сюда построить Утопию.

– С той же целью кикуйю прилетели на Кириньягу, – сказал Джошуа.

– Это правда, Дэвид? – обратился ко мне Блюмлейн.

– Нет, – ответил я. – Они прибыли туда *возродить* Утопию, которая, по их мнению, существовала до прихода европейцев. Мы же явились создать свою с чистого листа.

– Мы знаем, чего мы *не* должны создать, – настаивал Джошуа.

– Разве? – отозвался Блюмлейн. – Покажи-ка мне масаи, который будет возражать против богатства, от своего скота *и*

шиллингов, и тогда, возможно, я соглашусь.

– Значит, нужно отобрать деньги у госпиталей или фермеров и отдать твоей туристической отрасли?

– Богатство не всегда имеет предел, Джошуа, – возразил Блюмлейн. – Ты и сам можешь это наблюдать на примере стада скотины. С каждым родившимся теленком стадо растет в цене – и никакое другое стадо от этого не теряет ценности. Таким образом *растет* богатство. Мы уже исследуем некоторые возможности, пытаясь создать самоокупаемую систему природных парков. Она принесет нам деньги туристов, деньги, которых не существовало на Килиманджаро, пока туристы не приехали их тратить. Она создаст рабочие места смотрителей, автомехаников, обслуживающего персонала домиков отдыха – рабочие места, которых здесь не существовало, пока туристам не понадобится сервис. Деньги, которые заплатят туристы, не отнимутся у кого-то на Килиманджаро. Эти деньги *увеличат* наше благосостояние, а не просто *перераспределят его*.

– Перестань мне лекцию читать, будто я маленький! – гневно перебил его Джошуа.

– Тогда перестань возражать, как ребенок, – отпарировал Блюмлейн. – Если бы люди хотели жить так же, как жили в Кении или Танзании, они бы не прилетели на Килиманджаро. Как и всякая потенциальная Утопия, эта носит экспериментальный характер. Я сохраню парки, пока смогу, и разберусь с последствиями их существования, как смогу. Но если не смогу их сохранить, если не получу большинство среди старейшин совета, то я не сдамся и не вернусь на Землю, поджав хвост. Я выдвину новый проект для новой Утопии. Чего я *не стану* делать, так это в чистом виде воссоздавать земное общество. Если оно было Утопией, то масаи ни за что не покинули бы Землю.

– Оно было ближе к Утопии, чем предлагаемое тобой, – не сдавался Джошуа.

– Прости, если я с тобой не соглашусь, – ответил Блюмлейн.

– Ты можешь выразить несогласие перед советом, – сказал Джошуа, – потому что именно там я собираюсь привести свои аргументы.

– Это лучшее место для подобных дискуссий, – согласился Блюмлейн. – Увидимся там.

Джошуа направился было к двери, потом обернулся ко мне.

– Ты со мной, Дэвид? – Он все еще был возбужден.

– Мне надо еще кое о чем поговорить с Дэвидом, – сказал Блюмлейн. – Я велю отвезти его, когда закончим.

Джошуа ушел, не сказав больше ни слова. Блюмлейн подождал некоторое время, чтобы увериться, что Джошуа не

вернется, и обернулся ко мне.

– Спасибо, что не озвучил при нем, Дэвид, – произнес он.

– Странно, что он сам не подумал, – ответил я. – Это же очевидно.

– Только для историка, – заметил Блюмлейн. – Вспомни, в Африке крупных млекопитающих уже пару веков как нет, а еще полвека до того прилагались все усилия для сбережения их популяций. Что может он знать об охотничьих лицензиях?

– И тем не менее, – сказал я, – он наверняка прикинет в уме, что рог одного носорога, *не* добытого браконьерами, а *принесенного в жертву*, обеспечит содержание двух заповедников в течение двадцати лет. Этого времени более чем достаточно, чтобы вырастить еще нескольких и выбрать следующую жертву.

– Я не спорю с твоими выкладками, – отозвался Блюмлейн.

– Как ты поступишь, если он выдвинет это соображение перед советом? – спросил я.

– Расчеты неоспоримы, но с моральной стороной дела можно поспорить. В заповедниках выдавали лицензии, когда не хватало ресурсов, чтобы прокормить наличных зверей. Быстрая смерть против медленного угасания от голода. К тому же звери обитали там до нас, им пришлось потесниться, чтобы впустить к себе человека. Здесь картина абсолютно иная. Это искусственный мир, лишенный собственных форм жизни. У нас тут есть носороги и другие звери, но мы их сами хотели, мы их клонировали и вырастили, так что было бы аморально убивать их даже ради экономической целесообразности.

– Я был прав, – проговорил я.

– В чем?

– Насчет этой должности, – сказал я. – Ты занимаешь ее по праву.

– У меня едва было время научиться кое-чему, – ответил Блюмлейн. – Самое интересное еще впереди.

После этого он вплотную занялся самым интересным. Он выступил на совете старейшин и привел веские доводы. В первый раз за свою карьеру Джошуа оле Сайбулл проиграл дело единогласным решением судей. Спустя месяц мы приступили к сооружению двух роскошных домов отдыха, по одному в каждом природном парке, а управляли ими масаи в новеньких зеленых форменных одеждах. С Земли пригласили биологов прочесть новому персоналу лекции об экосистемах парков и тех тонкостях, что могут возникнуть. Инженеры обучили наших новоявленных механиков, как обслуживать системы домиков. Мы выписали консультантов нашим новым шеф-поварам, горничным и консьержам. Рядом с парками возвели по новенькой маньяте.

Хорошо образованные юноши и девушки каждое утро снимали рубашки и шорты, облачались в красные одеяния, водили туристов в экскурсии по маньятам и с равным энтузиазмом смешивали факты, предания и вымыслы. За год мы выстроили полноценный космопорт, предусмотрев его дальнейшее расширение. Некоторых мужчин и женщин отправили на Землю выучить основные туристические языки, других – ознакомиться с устройством и повседневным рабочим процессом более крупных космических гаваней, ибо наша с каждым днем становилась оживленнее и сложнее. В космопорте сначала разместили простой обменник, затем расширили до полноценного банка. Банковские отделения стали появляться и в саваннах: скотоводам теперь не было нужды везти полученные от туристов деньги в города.

Ассортимент предлагаемых увеселений расширялся. Брачные церемонии стали доступны (платежеспособной) публике. И ритуалы эуното – тоже. Традиционные танцы масаев, когда эльморан при этом монотонно прыгает вверх-вниз, не пользовались у туристов особой популярностью, так что пришлось нанять хореографов из народов шона и коса, чтобы разнообразить их.

Один весьма бледнокожий турист заработал серьезный солнечный ожог, и кто, как не бывший лайбони, а ныне медбрат Сокойне оле Парасайип, поспешил ему на помощь. Когда турист выяснил, что за ним ухаживает настоящий масайский колдун, то упросил разрешить ему забрать с собой на Землю приготовленную Сокойне мазь от ожогов. Это не укрылось от Сокойне и его начальства, и уже через месяц «Аутентичный Лайбонийский Лосьон от Ожогов» начали фасовать и экспортировать не только на Землю, но и в другие эвтопические колонии.

Это было восхитительное время на Килиманджаро – видеть, сколько перемен происходит в нашем обществе. Что ни день, то новая инновация. Неудавшиеся сменялись заработавшими.

Прошло почти два года с того дня, когда Джошуа в гневе покинул офис. Мы с Уильямом сидели в тенистом дворике нового дома Блюмлейна и потягивали напитки.

– Тебе бы стоило собой гордиться, – сказал я ему. – У тебя природный дар. Все, к чему ты прикасаешься, работает как часы.

– Да ну, Дэвид, – протянул он. – Ты же историк. Тебе лучше знать.

Я вопросительно уставился на него.

– У нас уже отмечено первое в истории существенное загрязнение атмосферы, – сказал Блюмлейн. – Рано или поздно в парки проникнет какой-нибудь новый вирус, и если он поразит

хищников, то придется забивать некоторых крупных травоядных, иначе они не прокормятся в парках, а если жертвой его падут травоядные, придется уничтожать лишних хищников, которые иначе бы умерли голодной смертью. В саваннах крутится столько денег, что скотоводам нет смысла и дальше использовать скот в качестве денег. Сейчас инфляция составляет девять процентов, и даже если мы с этим справимся, экономика не может бесконечно обходиться без рецессии. Другие эвтопические миры просекли, что мы тут делаем, и несколько из них уже следуют нашему примеру; в конце концов мы вступим с ними в жаркую конкуренцию за шиллинги туристов.

– Ты не думаешь, что это продлится долго?

– Ничто не вечно, Дэвид, – ответил он без колебаний. – Единственный вопрос, который меня интересует, – переживет ли эта Утопия нас.

– Ты так говоришь, словно готов признать, что Утопия провалилась.

Он пригубил свой напиток.

– Ты все неправильно понимаешь. За два последних года нам удалось вовлечь всех, люди заняты планированием и работой. Это ключ к успеху. Это же и причина неудачи Кириньяги.

Я нахмурился.

– Не уверен, что понимаю…

– Люди всегда стремятся к испытаниям, – едва заметно усмехнулся он. – Дэвид, тебе никогда не приходило в голову, что Утопия, может быть, не конечный результат, а всего лишь процесс его достижения? Не приходило.

Но я с тех пор много размышлял над его словами и пришел к выводу, что Блюмлейн мог быть прав.

По крайней мере, я больше не тревожусь о будущем.

notes

Примечания

1

Масаи, вакамба и кикуйю – группы народов в Кении. – *Прим. ред.*

2

Бома – круговое поселение в Восточной Африке, когда все дома выстраиваются в круг, а в центре устраивается загон для скота. – *Прим. ред*.

3

Туркана, рендилле и самбуру – группы народов в Кении. – Прим. ред.

4

Эвтопия («настоящая» утопия) – реальность, существенно превосходящая объективную действительность. – *Прим. ред.*

5

Импала, или чернопятая антилопа, – африканская антилопа средней величины. – *Прим. ред.*

6

Джомо Кениата – кенийский общественный и государственный деятель, первый премьер-министр и первый президент Кении. – *Прим. ред.*

7

В данном случае – независимость (суахили). – *Прим. пер.*

8

Имеются в виду ритуалы кенийской секты мунгики, тесно переплетенной с организованной преступностью и резко отвергающей как политику модернизации кенийского общества, так и любые компромиссы с оставшимися в Кении белыми. Ввиду исключительной секретности общества и пожизненного характера клятвы верности ему о секте известно крайне мало, однако численность ее активистов оценивается не менее чем в полмиллиона человек. Сектанты добывают средства рэкетом, сутенерством, торговлей оружием и наркотиками. – *Прим. пер*.

9

Кристофер Марлоу, «Страстный пастух – своей возлюбленной» (классическая пасторальная любовная элегия, опубликована в 1599 г.), сокращенный перевод И. Жданова. – *Прим. пер*.

Небольшие хищные птицы. – *Прим. ред*.

11

Типпу Тиб (1837–1905) – известный занзибарский работорговец, владелец плантаций и губернатор. – *Прим. ред*.

12

Иди Амин (1923–2003) – президент Уганды в 1971–1979 гг., создатель одного из самых жестоких тоталитарных режимов в Африке. – *Прим. ред.*

13

Видимо, аллюзия на автобиографический роман темнокожей американской писательницы и активистки борьбы за гражданские права афроамериканцев Майи Энджелоу (1928–2014) «Я знаю, отчего птица поет в клетке» (I Know Why the Caged Bird Sings, 1969), описывающий ее детские годы. – *Прим. пер*.

14

Куду – африканский вид антилоп из подсемейства быков. – *Прим. ред.*

15

Отдельные деревни в сельской местности в Кении. – *Прим. ред.*

16

Описано устройство, аналогичное свистку Гальтона, который обычно применяется для тренировки собак и кошек. – *Прим. пер*.

17

Здесь автор имеет в виду известного физиолога Ивана Павлова. – *Прим. ред.*

18

Согласно обычаям некоторых африканских племен, когда мужчина берет себе вторую жену, его новая свекровь принимает первую жену в свою семью. – *Прим. пер*.

19

Геренук, или жирафовая газель, – африканская антилопа из семейства настоящих антилоп. – *Прим. ред*.

20

Наркосодержащее растение, его латинское название – Celastrus edulis, растет в Кении и Эфиопии. – *Прим. ред*.

21

Восстание Мау-Мау – затяжной конфликт, происходивший в колониальной Кении в 1952–1960 гг. – *Прим. ред.*

22

Исход 20:2.

23

Имеется в виду Восточно-Африканский рифт. – *Прим. ред.*

24

Один из руководителей вооруженного восстания Мау-Мау в Кении в 1952–1956 гг. – *Прим. ред*.

25

Водопои в заповеднике Самбуру, где воины Самбуру поют традиционные песни, когда носят воду для своего скота. – *Прим. ред.*